И. Е. РЕПИН

ПИСЬМА

ПИСЬМА
И. Е. РЕПИНА

1950

Государственное Издательство
·ИСКУССТВО·
Москва·Ленинград

И. Е. РЕПИН
и
В. В. СТАСОВ

ПЕРЕПИСКА

III

1895-1906

*Письма подготовлены к печати
и
примечания к ним составлены*

*А. К. ЛЕБЕДЕВЫМ
и
Г. К. БУРОВОЙ*

под редакцией

А. К. ЛЕБЕДЕВА

1950

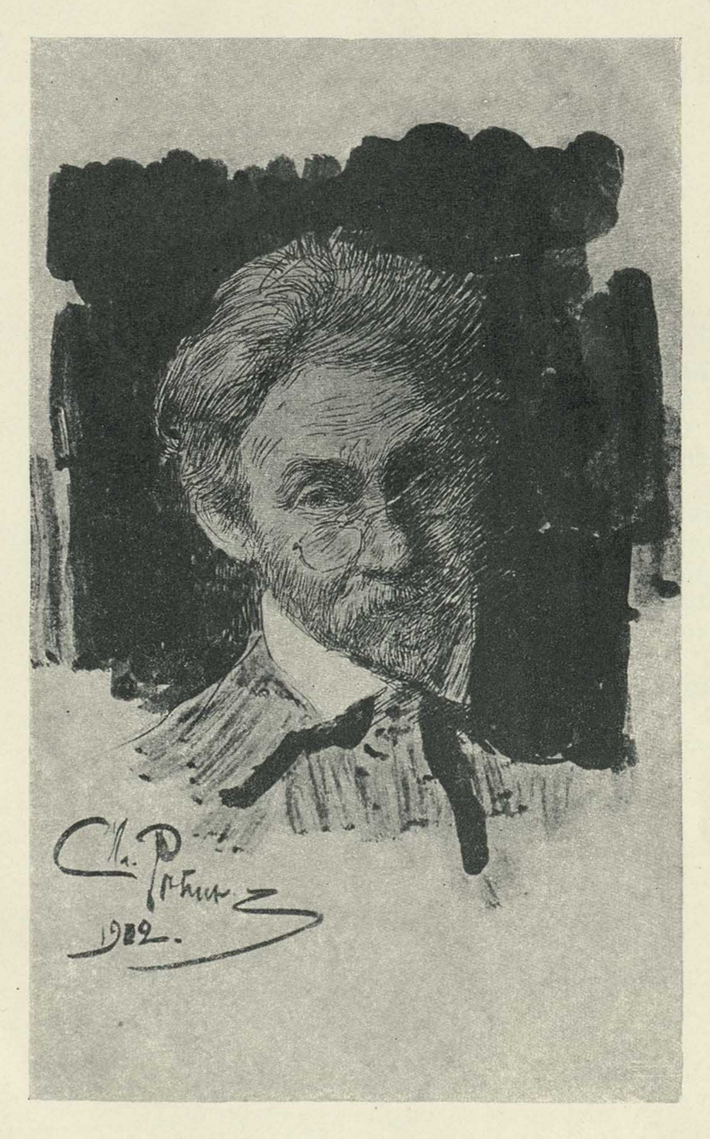
Государственное Издательство

·ИСКУССТВО·

Москва·Ленинград

Редактор
А. И. Леонов

Оформление художника И. Ф. Рерберга

И. Е. Репин. Автопортрет
1902

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том переписки И. Е. Репина и В. В. Стасова охватывает период 1895—1906 гг. К 1895—1898 гг., то-есть ко времени разрыва дружеских отношений между критиком и художником, относятся только два лаконичных письма Репина. В эти не освещенные перепиской годы происходили большие изменения в художественной жизни страны (завершалась реформа Академии художеств, происходили изменения в Товариществе передвижных выставок, появились декадентские, упадочные течения). Репин и Стасов принимали близкое участие в напряженной борьбе, протекавшей в связи с этими событиями в изобразительном искусстве. Поэтому в третьем томе представилось целесообразным предпослать письмам сведения о взаимоотношениях авторов переписки в период «разрыва» их дружбы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том переписки И. Е. Репина и В. В. Стасова охватывает период 1895—1906 гг. К 1895—1898 гг., то-есть ко времени разрыва дружеских отношений между критиком и художником, относятся только два незначительных письма Репина. В эти же, освещенные перепиской годы происходили большие изменения в художественной жизни страны (завершилась реформа Академии художеств, происходили изменения в Товариществе передвижных выставок, появились декадентские, упадочные течения). Репин и Стасов принимали близкое участие в напряженной борьбе, развернувшейся в связи с этими событиями в изобразительном искусстве. Поэтому в третьем томе представилось целесообразным предпослать письмам сведения о взаимоотношениях авторов переписки в период «разрыва» их дружбы.

После прекращения переписки и встреч со Стасовым Репин продолжал выступать в печати с изложением своих взглядов на искусство. Вслед за статьями «Письма об искусстве» и «Заметки художника», явившимися одной из причин «разрыва», он опубликовал очерк «Николай Николаевич Ге и наши претензии к искусству» («Нива», ежемесячные литературные приложения, 1894, № 11, ноябрь, стр. 517—550). В этом очерке Репин повторил многие свои ошибочные высказывания об искусстве.

Статья Репина о Н. Н. Ге, явившаяся новым свидетельством отхода художника от идей передвижничества, глубоко возмутила В. В. Стасова.

В письме к Л. Н. Толстому 9 декабря 1894 г. он горько сетует на перемену в Репине и осуждает новое выступление его в печати: «У Репина все переменилось за эти последние годы: что он любил и обожал, теперь он презирает или отталкивает с ненавистью, чего прежде не выносил, то теперь ему дорого!! Ужасное русское превращение. Серов, Перов, Балакирев, сам Гоголь и множество других — что это со всеми ими делается? Вы верно видели: Репин нынче сделался проповедником «искусства для искусства», необходимости искусству быть без содержания и мысли и только состоять из одной виртуозности и техники. Ах, какой ужас, какое отвращение! Но хуже всего этого то, что, подобно скопцам, которые не только сами себя скопят, но и всю жизнь посвящают тому, чтобы скопить других, так и Репин и Куинджи, ставшие вдруг полными и решительными ренегатами, только о том и думают (о том), чтоб оскопить цельных, здоровых художников и перетащить их в свой толк, в свою паршивую, гнилую Академию!! «Товарищество передвижников», то-есть товарищество свободных (как литераторы) художников, существовавшее вольно и свободно целых 20 лет, растоптано и уничтожено Репиным и Куинджи — скопцами-совратителями, при помощи надлежащего, как следует, услужливого высшего начальства. И вот, такие-то люди пишут и

путают вздор и небылицы про Ге. Чего от таких жалких ренегатов ожидать? Стоит быть талантом, умом, выходящим из ряду вон человеком, чтоб кончить вот чем! Ужасно, ужасно» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906 [Л.], 1929, стр. 153—154).

Стасов и Репин тяжело и болезненно переживали разрыв своей дружбы, но, несмотря на всю резкость взаимных осуждений и остроту новых обид, в их высказываниях друг о друге давалась объективная оценка заслуг и значения каждого в истории русского искусства.

В начале «разрыва» Стасова с Репиным М. М. Антокольский опубликовал в январской книжке «Недели» за 1895 г. статью «О В. В. Стасове», написанную в связи с выходом (в 1894 г.) трех томов собрания сочинений В. В. Стасова. В этой статье Антокольский описывал неустанную борьбу В. В. Стасова за русское реалистическое искусство, защищал критика от нападок врагов и подтверждал справедливость его опасений за судьбы русского искусства. Говоря о спаде искусства в России за последние годы, Антокольский призывал художников приложить все силы, чтобы преодолеть падение искусства. Касаясь обиды Стасова на Репина, Антокольский писал: «А все-таки пусть кто попробует обидеть его бывших любимцев! Он забудет свою обиду и грудью станет перед ними за них, не щадя себя, попрежнему. Еще недавно он писал мне: «Не удивляйтесь, что я вновь выступаю за X., несмотря на наши ссоры и вражду (!). Я заступаюсь не за настоящего, а за прежнего X!.. («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 960—969).

Об этой статье Репин 13 января 1895 г. написал М. М. Антокольскому:

«...Твоей статьею, которую прочел вчера в «Неделе», о В. В. Стасове, я совершенно восхищен и готов расцеловать тебя. Как прекрасно и глубоко ты выразил то чувство, которое мы давно и неизменно питаем к этому могучему, благородному старику. Ты, пожалуйста, не думай, что его перемена ко мне хоть на одну иоту поколебала мое беспредельное уважение к нему. Что бы он там ни писал обо мне, как бы ни передергивал мои слова шут-Бурешка *, по отношению к Владимиру Васильевичу я, пока жив, всегда с чувством глубокого уважения думаю о нем и всегда искренно, от души отзовусь о его несокрушимых никакими фиглярами колоссальных достоинствах. Этот человек гениален по своему складу, по глубине идей, по своей оригинальности и чутью лучшего, нового, его

* Реакционный критик «Нового времени» В. П. Буренин. — *Ред.*

слава впереди. Но через много лет, когда все больше и выше будут всплывать оригинальные создания Даргомыжского, Мусоргского и других, которые все еще забрасываются навозом рутины, к Стасову обратятся и будут удивляться его прозорливости и верным положениям о несомненных достоинствах созданий искусства» (Каренин Влад., Владимир Стасов. Л., 1927, стр. 564).

Стасов получил копию письма Репина к Антокольскому и переслал ее в письме от 18 января 1895 г. брату, Д. В. Стасову. Он писал: «...посылаю тебе копию с письма Репина к Антокольскому, написанного на днях, и именно по поводу статьи Мордуха, на днях появившейся в «Неделе». Кажется, ты ее перед отъездом еще не видел. Так вот, по поводу этой-то статьи Репин и вздумал написать письмо Антоколии. Что сим он желает выразить — никак понять не могу! Многому ли в письме можно верить — тоже не уразумеваю. Если все мысли и понимания у меня такие прекрасные, как в письме говорится, то отчего же мы разошлись?! Ведь не хочет же сказать Репин, что его собственные мысли и понимания никуда не годятся! Значит, если и ОН превосходно мыслит и понимает, да и Я тоже — так что же такое на свете есть, что нас разделяет? Вот вопрос-то. Сверх того, в письме говорится, что я переменился к нему, значит опять-таки выходит, что я годен, да не совсем-то! Вообще говоря, это письмо гораздо более удивляет меня, чем радует, и я ни на единую ногу более прежнего не предвижу возможности нам сойтись когда-нибудь снова, попрежнему. Нет, это дело совершенно несбыточное и совершенно pendant к моим расхождениям с Серовым, с Верещагиным, с Балакиревым и разными другими. У меня, мне кажется, какой-то анафемский нюх есть, за 20 верст — как у ворона на падаль — на порчу человека, прежде мне сколько-нибудь близкого и дорогого. Я эту порчу никогда не пропускал носом, вечно чувствовал ее из очень далека, когда начиналось едва-едва первое пятнышко гнилости, и потом, через несколько времени, мои мрачные понюхиванья оказывались правдой, и человек оказывался подгнивающим и разлагающимся. Возврата никогда не бывало! Его, конечно, не будет и на нынешний раз...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Во время «разрыва» Стасов в своих выступлениях в печати неоднократно писал о Репине и его работах, а также обращался к теме вхождения Репина и ряда других художников-передвижников в Академию художеств и их «измены» принципам Товарищества передвижных выставок. Своими статьями Стасов стремился не только предотвратить распад Товари-

щества, выход из него новых членов, но и воздействовать на тех его бывших и настоящих участников, которые изменили принципам и традициям Товарищества. Одобряя или критикуя отдельные произведения Репина, Стасов с замечательной последовательностью борется за искусство больших общественных идей. Попрежнему статьи Стасова зовут Репина к большому, идейному, реалистическому искусству, искусству, выносящему приговор мрачным явлениям окружающей действительности. Своими похвалами Репину он не ищет дороги к беспринципному с ним примирению, а своей критикой недостатков этого художника он не сводит счетов. Нет сомнения в том, что эти полные гнева, убедительные и страстные статьи Стасова имели огромное воспитательное значение для художников-реалистов и впоследствии помогли Репину преодолеть во многом ошибочные идеалистические взгляды на искусство.

В статье «Заметки о 24-й выставке передвижников» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1896, 1 марта, № 60; см. также Стасов В. В., Избр. соч., М.—Л., 1937, т. I, стр. 493—503) Стасов сравнивает передвижников, вошедших в Академию, с канарейкой, добровольно расставшейся со свободой и влетевшей в казенную клетку. Указывая на то, что обучение — дело сложное и трудное и что обучать способны далеко не все художники, критик объясняет массовое вхождение передвижников в Академию проявлением честолюбия и жаждой материальных благ. Стасов подчеркивает далее, что, входя в состав чиновников императорской академии, передвижники потеряли свободу и независимость своей критики общественных явлений — этой важнейшей задачи искусства. Вместе с тем он подчеркивает новые большие успехи Товарищества и тех его членов, которые остались верными своему объединению и не пошли в Академию.

В том же году Стасов пишет статью «Юбиляры» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1896, 12 ноября, № 313) о двадцатипятилетнем юбилее со дня окончания Академии художеств И. Е. Репиным и И. П. Ропетом (Петровым).

О Репине в этой статье Стасов говорит, что ему удавались русские сюжеты (два «Крестных хода», «Не ждали», «Арест», «Исповедь») и не удавались сюжеты исторические, религиозные, фантастические.

В начале 1897 г. была попытка сближения между Репиным и Стасовым. Об этом Стасов рассказывает в письме к М. М. Антокольскому от 19 марта 1897 г.: «Теперь два слова об одном деле, нечаянно поразившем и удивившем меня. В субботу я был в Беляевском обычном концерте, в зале Дворянского собрания. И вижу невдалеке от себя — Репина.

Вы помните, еще при Вас, с месяц тому назад, он перед началом концерта в память Бородина, 15 февраля, сам подошел ко мне в зале Двор[янского] собр[ания] и благодарил меня горячо за три вещи: 1) за то, что я заставил его написать портрет Бородина, во весь рост, скоро после его смерти, для концерта в память; 2) за то, что я попросил у него нынче этот самый портрет для нынешнего концерта, что он считает и для него и для себя великой честью; 3) за то, что я так парадно, блестяще и красиво выставил этот портрет теперь, на концерте. Ну прекрасно, мы поговорили, потом мирно разошлись. Но на днях, я услыхал от Елены Павловны *, что Репин на меня остался тогда в сильнейшей претензии и жалуется на меня за то и направо, и налево, кому попало. Вот в антракте настоящего концерта я приблизился к нему и сказал: «И[лья] Е[фимович], я слышу, Вы на меня с 15 февраля в великой претензии за то, что я, прощаясь, будто бы подал Вам не всю руку, а только 3 пальца. Это совершенно неверно, этого никогда не бывало, по крайней мере такого факта не помню, никогда не имел намерения совершать его Вам в обиду; во-вторых, Вы меня обвинили в том, что вечером того же 15 февраля, во время антрактов концерта, я ходил по зале, но Вас избегал, умышленно не видел и не подходил. Это тоже совершенно неверно: я ничего подобного и не думал и не делал, а Вас просто не видал в зале и потому не мог ни подходить, ни говорить...» Он тотчас спросил: «Кто это Вам рассказал?» Я отвечал: «На что имена? Это все равно. Вы рассказывали многим. Но это совершенно неверно — этого никогда не бывало у меня в голове...» Его лицо изменилось вдруг, сделалось сухое и злое, и он отвечал: «Нет, это верно, это правда, это именно так было». Я опять сказал: «Как же это Вы говорите? Я Вам положительно объясняю и подтверждаю, что этого всего никогда не было и Вам только показалось! Если бы это была правда, то зачем же я теперь к Вам подошел и заявляю? Ведь меня никто не принуждал, ничто меня не заставляло. Значит, зачем же я стану делать одно, а говорить другое?.. Мне никакой надобности не было, нет и не будет... Нечто подобное не в моей натуре... Всякий знает это, да, кажется, и Вы сами...» Тут его лицо сделалось еще хуже, суше и злее, и он сказал глухим голосом: «Вы ссылаетесь на Вашу натуру, будто бы совершенно другую, — но она, напротив, именно такая! Это все от Ваших генеральских привычек»...

Одно мгновение, какую-нибудь 1/1000 секунды, мне захо-

---

* Е. П. Антокольской, племянницы скульптора М. М. Антокольского. — *Ред.*

телось бы тоже ответить грубостью или дерзостью, но это мгновенно же как прилетело, так и улетело. Я только сказал: «Мне нечего больше прибавлять. Я все сказал, и сказал, как что было. А Вы — как хотите...», и с этими словами я отошел прочь. Но был сильно взволнован и поражен, всего более огорчен и опечален. Что с ним делается? Отчего это? Такое падение, такое озлобление, такая подозрительность (гадкая), такая расстроенность нервов!!! Видеть везде обиды, мерзкие намерения!! Вот отчего и живопись более не идет. А была прежде такая большая, такая выходящая из ряду вон натура!! Жаль, больно, печально! Кончает точно Серов» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

В это же время Стасов опубликовал статью «Выставки» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 18 марта, № 76; 23 марта, № 81 и 4 апреля, № 93; см. также Стасов В. В. Избр. соч., М.—Л., 1937, т. I, стр. 504—534). Говоря об академической выставке в залах Академии художеств, Стасов доказывает, что приход передвижников в Академию не дал ожидаемых результатов, так как не всякий хороший художник является хорошим педагогом. Стасов утверждает, что разница между учениками «профессоров-руководителей» (главным образом передвижников) и прочих преподавателей незаметна и что выставка вышла жалкой.

Выставку же передвижников, совпавшую с двадцатипятилетием Товарищества, Стасов считает самой лучшей из открытых выставок. Однако он находит и ее сравнительно слабой, отмеченной печатью раскола, измен, перерождения многих передвижников. Перерождение, по мнению Стасова, заметно и в творчестве Репина, также обратившегося к религиозным, типично академическим сюжетам. Его портреты на выставке далеко не те, что он писал раньше. Но Стасов говорит, что не хочет думать, будто от Репина уже нечего ожидать, и гонит прочь эту мысль. Причину серьезного ослабления и перерождения творчества многих бывших и настоящих передвижников, в том числе Репина, Стасов видит в том, что они изменили принципам Товарищества, почили на лаврах, утратили искреннее чувство.

Вслед за этой статьей Стасов пишет 23 апреля 1897 г. письмо Антокольскому о положении в области изобразительного искусства и просит его выступить против тезиса «Искусство для искусства». «Что у нас совершается по части художества, просто изумительно, — говорит Стасов в своем письме, — больно, досадно! Учащаяся академическая молодежь толпами бежит за границу, кто в Мюнхен, кто в Париж: говорят, что в новой Академии не у кого и нечему учиться

(какова репутация новейших профессоров-руководителей, перебежавших из передвижников!!! Стоило перебегать!!). Репина уважают, как слышно, как художника, но очень мало уважают, как профессора... Каковы времена? Но в добавок ко всему многие из новейшей художественной молодежи (как я слышу) объявляют себя «импрессионистами», что для них только важны и интересны краски и письмо, прочее все вздор и нелепость, и ни о каком сюжете и содержании нечего и думать! Все это старинные басни и предрассудки, литература!! Что писано против этих нелепостей и глупостей — они еще никогда, конечно, не читали, да и не желают знать, им до того никакого дела нет! При первом случае буду опять писать об этом и был бы очень восхищен, если б и Вы тоже написали нечто на эту тему: «Искусство для искусства! Долой сюжеты и содержание!» Мне кажется, все благомыслящие люди должны бы вооружиться против такой «чумы»! (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

М. М. Антокольский ответил письмом из Парижа (полученным Стасовым 7 мая 1897 г.), в котором он пишет: «Я очень рад, что вы затронули такой печальный вопрос, как бегство молодых художников за границу. Посылаю вам об этом мою заметку в форме письма, адресованного к вам. Если найдете его удовлетворительным, то прошу исправить мои грамматические ошибки и послать в «Новости». Я нарочно ничего не говорю о причинах этих горьких явлений; по-моему, они имеют более глубокий, горький корень, чем это принято думать, но пусть другие укажут, пусть заговорят о них, и тогда, может быть, скажу и свое, пока же я только говорю о явлениях» («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи», СПБ и М., 1905, стр. 824; заметка — стр. 970—973).

Стасов опубликовал письмо-заметку Антокольского в газете «Новости и биржевая газета» (1-е издание, 1897, 13 мая, № 130). В этом письме Антокольский утверждал, что результаты «бегства» некоторых молодых русских художников за границу были не отрадны, что они теряли связи с родиной, теряли под ногами почву, становились чужими людьми.

Выступления Стасова в печати волновали Репина. Обращаясь к Е. П. Антокольской, Репин писал 22 мая 1897 г. по поводу опубликованного Стасовым письма Антокольского: «Письмо М[арка] М[атвеевича], напечат[анное] в «Новостях»,— такое общее место; что называется «отсебятина»; ни знания того, о чем писано, ни глубокой мысли вообще. Так и видно, что отвечено ради только потехи старика, кот[орый] и печатал это письмо вовсе не потому, что сознавал его важ-

ность, а просто «в пику» кому-то. Ох, эти пики его! В «Неделе», по поводу Ге, он также навострил свою пику и все на того же «художника-писателя»... Ну, что за беда, что молодые наши художники стремятся за границу?! И слава богу. Что это опять за китайщина? Оградить стенами? Он не понимает движения современного искусства на Западе... Живопись в гармонии, в тональности, в виртуозности ушла там далеко. Ясно, что каждому хочется взглянуть ее в оригинале. И что ж за беда, что страдают от бедности, лишений! Разве дома-то у нас в России этим уж никто не страдает?!. Но ясно же, что это героизм молодежи — без языка, без средств они идут храбро к свету. Слабые гибнут, как и дома, и плакаться об этом и философствовать на эту тему скучно и старо.

И несмотря на неустанные нападки устрашающего китайского Аники на нашу Академию, справедливость требует сказать, что Академия наша обставлена теперь так, как ни одна Академия в мире. И я даже глубоко верую в плоды нашей работы, это время еще даст свои результаты в будущем. Дайте время — нас не будет в живых, но нам воздадут должную хвалу; а все эти тенденциозные нападки типичных газетных крикунов забываются сейчас же: у них нет почвы, нет правды» (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 35—36).

Это письмо Репина свидетельствовало о непонимании им в то время глубокого кризиса, совершавшегося в искусстве. Здесь Репин, в сущности, выступал с защитой и оправданием тех молодых художников, которые под влиянием декадентских взглядов порывали с национальными традициями, уезжали за границу, чтобы учиться у модных представителей новейшего формалистического искусства, и отрывались от родины.

В статье «Русские художники в Венеции» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 24 мая, № 44) Стасов сообщает о появившейся в венецианской газете «Corriere della Sera» («Вечерний вестник») статье Энрико Товец под заглавием: «Всемирное искусство в Венеции. Репин и русские». Стасов соглашается с отзывом о картине Репина «Дуэль» Э. Товец, считавшего, что это самая сильная по впечатлению картина выставки. Однако Стасов полемизирует с итальянским критиком, называющим Репина самой «великолепной натурой художника, какой обладает наше отечество», и подчеркивает, что Россия имеет не одну, а несколько «превосходных» художественных натур.

В следующей своей статье «Еще два слова о картине Репина в Венеции» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 19 июня, № 166) Стасов сообщает о появлении других

отзывов печати про выставку в Венеции и приводит выдержки из статьи немецкого критика Георга Фосс (в журнале «Kunst für Alle»), который говорит: «Без сомнения, драгоценную жемчужину заключает в себе зал русских передвижников. Там висит одна из самых главных картин всей выставки «Примирение после дуэли» Репина. Это создание заслуживает самого прилежного внимания». Стасов возражает Фоссу, считающему, что в «Дуэли» воспроизведена сцена из военной жизни и что в ней чуть ли не впервые в искусстве правдиво показана солдатская жизнь. Но главное возражение Стасова направлено против самой темы, против идеи произведения, изображающего человеческий предрассудок. Здесь вновь Стасов выступает выразителем просветительской эстетики с ее требованием больших и общественно-значительных тем для искусства.

Считая восторги немецкого критика в общем преувеличенными, Стасов отмечает, однако, что Фосс не оценил в «Дуэли» самого главного — лица умирающего, в которое вложено выражение беспредельного страдания.

Стасов соглашается с неодобрительной оценкой Фоссом картины Репина «Дон-Жуан и Донна-Анна».

В связи со статьей Стасова «Русские художники в Венеции» Репин пишет Е. П. Антокольской 2 июня 1897 г.: «Благодарю Вас за вырезку из «Новостей». Вы очень добры ко мне; но неужели же Вы не видите, как В[ладимир] В[асильевич] относится ко мне? Я не считал никогда свою «Дуэль» картиной — это эскиз, и итальянец совершенно прав в оценке ее технических качеств; и он также прав, говоря о ее достоинствах — впечатлении. Это есть, и иначе этот эскиз не был бы так замечен. Но посмотрите, что делает Ваш друг: он старается перековеркать и уничтожить все главное. По своей умышленной слепоте он не замечает сути картинки, которая так ясна всем. «Психология лиц и поз так пронзительна и так объективна, без чего бы то ни было на показ, действие так сильно и верно в своей современной точности и передано с такой непосредственной ясностью, что очень легко забываешь спешную технику», — пишет неведомый мне Энрико Товец. Зато бывший друг спешит ее забросать грязью (как это тактично при этом случае — картинку в России мало кто и видел). «Почти все действующие лица глядят врозь: кто туда, кто сюда, кто направо, кто налево, кто на зрителя (никто не гляд[ит] на зрителя) и никто на самого умирающего (умышленная ложь — двое глядят на умирающего)». Следует длинное назидание, что должно быть в композиции по указу нашего генерала, и его глумление, вроде: «Нет, куда! и доктор з

очках глядит в сторону, на нас, зрителей (а он на мгновение взглянул на противника; он вовсе не ощупывает пульс и поддерживает раненого для перевязки)». Далее: «Но того общего движения, того общего устремления» и т. д. все повторение слов — «тут и нег» («главного-то картина и не приметила; главное-то она и пропустила»), «а это непростительно! Вдобавок ко всему, позы действующих лиц либо рутинны, либо незначительны». Неужели эта ст[атья] для Вас «истинное торжество» — как Вы пишете: «Сколько души и с какой любовью Владимир Вас[ильевич] разбирает Вашу дивную «Дуэль». Я совершенно согласен с Вами: «Предоставить каждому свободу суждений и убеждений». Но нельзя же смешивать сочувственные отзывы с недоброжелательными, правдивые, хотя бы и резкие, — с лживыми, умышленными перековеркиваниями. Вам, вероятно, некогда было прочитать этой ст[атьи] или Вы меня поддразниваете? Я очень хорошо знаю, как Вы добры и милы, на Вас я сердиться не могу. Да и старика мне жаль...» (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л. — М., 1937, стр. 37—38.)

Затем, после некоторого перерыва, в том же 1897 г. в октябрьской книжке «Недели» появилась статья Репина «В защиту новой Академии художеств». Цитируя в начале статьи опубликованные в упомянутом уже письме Антокольского к В. В. Стасову слова Стасова о том, что молодые художники толпой бегут за границу, Репин нападает на Стасова за его отрицание новой Академии, за его проповедь самобытного национального художества. Репин отождествляет Стасова с Дьяковым, Бурениным и другими критиками реакционной печати, также нападавшими на Академию. В своей статье Репин приводит ряд примеров и рассуждений о полезности и необходимости новой Академии (см. «Воспоминания, статьи и письма из-за границы И. Е. Репина». Под редакцией Н. Б. Северовой. СПБ, 1901, стр. 211—246).

Вскоре после появления этой статьи Стасов делится своим впечатлением от нее с Л. Н. Толстым. 29 октября 1897 г. он пишет Льву Николаевичу: «Недавно я был до глубины души поражен новой статьей Репина («В защиту Академии художеств»), напечатанной в октябрьской книжке «Недели». Уже довольно было ужасно то, что он писал в 1893 г. из-за границы в «Театральной газете», а в 1894 г. в «Ниве» по поводу Н. Н. Ге, но то, что он теперь пишет, превосходит всякое понятие, всякое терпение и всякий смысл художественный и человеческий! Он проповедует «искусство для искусства», ненужность содержания, надобность одной только виртуоз-

ности; наконец, великость и значительность «декадентства», «символизма» и прочих современных безобразий. Что нынче с Репиным делается, этим когда-то столько светлым, умным и мыслящим художником, просто уму непостижимо! Потеря этой крупной силы всего чувствительнее для меня, который так высоко его ценил и любил. Конечно, я и не думаю жаловаться на его личное отношение ко мне: чтò мне за дело до самого меня? Сегодня я есть, а завтра, может быть, меня уже и не будет, значит слишком тужить о том, что Репин или кто бы то ни было другой будет указывать во мне плохого и негодного — не очень-то беспокоит меня, только бы я в самом деле делал кое-что порядочное и нужное. Но нынешняя проповедь Репина — истинное падение и, как кажется, невозвратное и ничем не поправимое!! И вот в этом-то величайшее, несравненное для меня горе. Может быть, я буду ему возражать — чтò делать, когда никто не хочет (или не может) и все молчат упорно, точно тетерева на деревьях, поглядывающие вокруг и не понимающие, что чьи-то мерзкие пули или дробинки валят с этих самых деревьев их товарищей, и те летят опрометью вниз. Да, русское наше молчание и безответность превыше всякого понятия. Итак, может быть, буду отвечать, но какой это боли мне будет стоить!!! Будь это не Репин, еще так недавно мой приятель, товарищ, дорогой для меня по всему человек, по таланту, и по уму, и по взглядам, и по всей натуре, напиши все то, что теперь у него написано, не он сам, а кто-то другой, ах, как бы давно я уже выступил бы против него и постарался бы публично показать, чтó тут у него в писании смесь легкомыслия и недомыслия, поверхностности, непонимания и неразумения, но ведь тут налицо мой бывший дорогой и милый, с кем мы так долго и рядом шли в одну ногу и в одну ноту, к одному и тому же впереди протягивали глаза и руки. Оттого-то в нынешние наступившие минуты у меня просто рука не поднимается против него. Прежний дорогой и милый образ все у меня попрежнему стоит перед глазами. И я день за днем тяну и откладываю и тяну! А надо! Как надо! Нéчего делать: встану и пойду косить, во весь мах, во всю косу» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906 [Л], 1929, стр. 207—208).

Вслед за этим письмом Стасов выступил в печати с двумя статьями против Репина. В первой из них — «Просветитель по части художества» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 7 ноября, № 307; см. также Стасов В. В., Избр. соч., М.—Л., 1937, т. I, стр. 543—556) — Стасов цитирует прежние высказывания Репина о необходимости ломки старой академической рутины, о заветах Крамского и говорит о «пере-

вороте», совершившемся с Репиным в начале девяностых годов. Репин, по мнению Стасова, повернул кругом и пошел в своих взглядах на искусство назад. Все, что Репин «до тех пор любил и уважал, все, что ему было до тех пор дорого, вдруг потускнело и лишилось притягательной силы. Напротив, явились предметы ревностного обожания, прежде мало или вовсе не занимавшие его воображения».

Стасов разбивает приведенные в статьях Репина («Письма об искусстве», «Николай Николаевич Ге и наши претензии к искусству» и «В защиту новой Академии художеств») ошибочные суждения. Возражая Репину, начавшему утверждать, что содержание, идея произведения не имеют значения для подлинного искусства, Стасов резко называет эти взгляды «ужасными» и «гнилыми». Наоборот, во всех великих произведениях мирового искусства Стасов видит огромное содержание, большие идеи, мысли, чувства.

«Есть всегда на свете немало петрушек, — говорит далее Стасов, — которые читают лишь «для процесса чтения», смотрят на картины «для процесса смотрения»; ну и пускай упиваются и наслаждаются своей наивной забавой... А искусство, художество — все равно, что речь человеческая. Оно существует для того, чтобы что-то выражать, что-то высказывать, что-то проявлять... Искусство, как речь, есть только одно из интеллектуальных, творческих средств человеческого духа! Оно существует только для его потребностей. Всех превратить в петрушек по части искусства — дело немножко трудноватое». В ответ на попытки Репина оправдать подражательность и декадентство в искусстве Стасов говорит, что «подражание» — «недостаток, порок, а не цель, к которой надо стремиться».

Во второй статье — «Просветитель по части искусства» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 21 ноября, № 321 и 25 ноября, № 325) — Стасов возражает против приписываемого ему Репиным утверждения, будто он «в принципе отрицает Академию художеств, а у нас он считает ее главным вредом для русского искусства». Стасов говорит, что он всегда считал и считает нужной высшую художественную школу, а тем более он сочувствует обновленному Высшему художественному училищу, построенному на принципе обучения учеников в мастерских у отдельных художников. Он приветствует и Академию, занимающуюся «высшими интересами художества». Но он против той императорской Академии, которая превратилась в бюрократическое административное учреждение, наполненное одной «идеей приказа и распоряжения», он против слияния высшей школы с этим самодержавно-бюрократическим институтом, который, в сущности, только тормо-

зит развитие искусства. Смысл статьи Стасова состоял в протесте против превращения художника в царского чиновника, слепо действующего по прямым приказам и распоряжениям самодержавной власти.

«И. Е. Репин, — говорит Стасов, — давно знал и слышал все это, давно это и сам читал, бесконечное число раз о том беседовал со мною и с другими, знал и слышал все мотивы, резоны и с ними соглашался, и вдруг нынче объявляет, что я враг и преследователь Академии художеств!

Да, я враг, непризнаватель и преследователь Академии художеств. Но которой? Ведь только той, которая понапрасну хочет вмешиваться всюду и везде, которая желает все направлять, постановлять, обо всем решать, всюду накладывать свою руку, всюду распространять свой вкус и дух. На Академию, как высшее училище, я никогда не нападал с тех пор, как она стала приближаться к давним заветным мечтаниям лучших и интеллигентнейших русских художников...

Я нападал не на то, что многие передвижники ушли в Академию «учить», а за то, что они, поддавшись разным уговариваниям, обещаниям и приманкам, «ушли» из своего Общества и даже знать не хотели, что наносят вред общему делу. А дело-то это общее было *какое* крупное и значительное, *какое* важное и истинно историческое».

Далее Стасов обвиняет Репина в измене принципам национальности и реализма. Теперь и национальность и «реализм для него уже стали нипочем. Он прямо объявляет: «Ни «национальность, ни реализм *необязательны* для русского художества»... Посмотрите, как за *свой язык* постоянно подымались со своих мест на разных концах Европы, от семьи и покоя, к тревогам борьбы и битвы, и славяне, и итальянцы, и немцы... А разве искусство не тот же язык, не то же средство выражения?..»

«Правда жизни, реализм всегда лежали в основе искусства каждого народа сквозь всю цепь веков. Считать их «необязательными» или ненужными, презирать их — то же самое, что презирать самую жизнь и считать ее... чем-то нестоющим, чем-то негодным, чем-то второстепенным, а на ее место ставить фантастическую куклу, без костей, тела и крови, а только из тряпок и ваты...»

Стасов говорил про ошибочность недооценки Репиным нового русского реалистического искусства; он утверждал, что Репин, оставшись сам с собой, без контроля Крамского, бросился теперь на Запад и рекомендует нравящееся ему новое «декадентское» искусство. Говоря о декадентах, Стасов восклицает: «У этих печальных сектантов воскресают в живописи

все те нелепости и глупости, все те аллегории, мифологии, символы, иносказания, мистики, которые так давно одурачивают европейскую... скульптуру...»

«И такие-то высокие образцы таких-то несравненных художников И. Е. Репин хотел бы поставить на место презираемого, преследуемого им нового русского искусства! «Скучно!» «Надоело» — вот все его доводы, вот все его доказательства».

«Всего обиднее, всего оскорбительнее, всего больнее — это вдруг читать в печати, что И. Е. Репин, когда-то так хлопотавший о самообразовании... объясняет репортеру, что художнику, начинающему учиться своему делу, ничего больше не надо, кроме таланта!!

Какая симпатия невежеству... Какая мыслебоязнь! Какое мыслененавидение! Если в искусстве все должно сводиться на сибаритство краски, освещения, приятных форм, аппетитного смакования, то, спрашивается, какая разница будет между картиной и наслаждением скачками, сигарами, соловьиными язычками, будуарными духами, вообще всякой утехой и наркотикой для ушей, глаз, носа, нёба?

...И. Е. Репин пошел в западники, но в западники с малым разбором. Авось еще он воротится. Дай бог!»

В дальнейшем Стасов вновь выступил в печати по адресу И. Е. Репина.

В своей «Заметке на статью г. Оболенского» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1897, 11 декабря, № 341) Стасов полемизирует с автором по поводу статьи («В чем недоразумение И. Е. Репина»), защищающей декадентские веяния во взглядах художника. Стасов утверждает, что Репина справедливо упрекали и упрекают «за то, что был сначала один, а потом стал другой... сначала глубоко уважал и любил русское искусство, а потом стал... от него отворачиваться; прежде понимал, что такое значит «содержание» в искусстве, а теперь перестал понимать и проповедует безмысленное и бессмысленное «искусство для искусства»; признает одну технику и способы выполнения, а прочего не хочет знать, и учит тому же и других; наконец, уверовал в декадентство и провозглашает, что ему принадлежит будущность».

Статья Стасова «Просветитель по части художества» вызвала одобрение его друзей. М. М. Антокольский писал скульптору И. Я. Гинцбургу из Парижа в декабре 1897 г.: «Я все собираюсь писать В[ладимиру] В[асильевичу]... Его статья мне чрезвычайно нравится по своей спокойной логике, убедительности и справедливости. Во всем том, что касается лично до него, В[ладимир] В[асильевич] был сто

раз прав; он притом поражает своим спокойствием. Что же касается искусства, то-есть перехода Репина, то это такая печальная, безотрадная история, что я остаюсь при своем мнении. Тут приходится его скорее сожалеть. Повторяю, В[ладимир] В[асильевич] прав, сто раз прав. Но ведь это фатальная и, прибавлю, повальная болезнь у нас, что все выдающиеся художники не выдерживают дольше полжизни, а потом они изменяют себе: кто спивается, кто умирает от чахотки, а кто от пули. Об этом я уже говорил печатно в статье по поводу Ге. После этого нечего удивляться, что и Репин стал таким; жизнь, проклятая жизнь художников среди дикости — вот что крутит людей» («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 833).

Сообщая в письме 5 января 1898 г. брату Д. В. Стасову о своем посещении 2 января 1898 г. Л. Н. Толстого в Москве, В. В. Стасов пишет: «... услыхал от него (уже, конечно, без всякого моего спроса и допроса), что он читал все 3 статьи мои про Репина и остался ими ужасно доволен, но все-таки надеется при первом же случае и оказии «помирить нас», причем я сказал в ответ, что хлопотать ему не стоит: что, пожалуй, хоть сию секунду я протяну Репину руку, буду разговаривать и что угодно, но это ничего не переменит, между нами непроходимая стена, и ей никогда не может быть конца, разве Репин от макушки до пяток весь снова переменится...»

В письме Дмитрию Васильевичу от 17 января 1898 г. В. В. Стасов продолжает:

«После моего отъезда из Москвы тотчас туда приехал Репин, был 2 дня у Толстого (Льва) и воротился в Петерб[ург] в великом восхищении от него и от всех их разговоров. Еще 2 января, раньше чтения Ал[ександра] Верещагина, Лев, говоря со мной про Репина, горько сожалел о его падении и несколько раз повторял мне: «А впрочем, его речам и писаньям нельзя придавать особенного значения...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Е. П. Антокольская считала правым В. В. Стасова и в письмах к Репину высказывала это. В ответ И. Е. Репин писал ей 20 июня 1897 г. из Здравнёва:

«Насчет образа действия В[ладимира] В[асильевича] я с Вами никогда не соглашусь, ибо уже давно и последовательно целый ряд его выходок против меня не может быть перетолкован иначе. Его нападки на меня до грубости бесцеремонны. Вспомните только фразу: «Уж эти мне каляканья». Так он обзывал мои беседы с учениками» (Репин И. Е., Письма

к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л. — М., 1937, стр. 39).

6 июля 1897 г. Репин опять пишет Е. П. Антокольской из Здравнёва:

«А я тут, на свободе, даже за перо взялся. И сколько извел бумаги!.. Буду держать ответ по совести В[ладимиру] Васильевичу и Марку М[атвеевичу] за его письмо в «Новостях» (там же, стр. 39).

В 1898 г. Стасов продолжает следить за творчеством Репина и резко отрицательно оценивает его новые работы. Он делится своими мыслями с Антокольским. В письме от 30 июня 1898 г., говоря о «никуда не годной» картине Репина «Дьявол искушает Христа» *, Стасов восклицает: «на какого чорта ему понадобились эти глупости: и евангельское, и евангельский Христос, и евангельские символики и аллегории!!! Какие все это глупости, недостойные здравого человека и здравого художника нынешнего времени!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Стасов стал воздерживаться даже от деловых обращений к И. Е. Репину. Имея необходимость получить от него некоторые сведения для своих работ, В. В. Стасов обращается за этим 6 октября 1898 г. к В. М. Васнецову и сокрушенно пишет:

«...Самого Репина спросить не могу, ибо с 1894 года мы разошлись из-за разницы мнений об искусстве. Что делать! Скверно, гадко это, а между тем оно так есть, и этого уже не переменишь» (Архив Третьяковской галлереи).

В связи с наметившимся временным тяготением И. Е. Репина к «декадентам» Стасов пишет Антокольскому 3 ноября 1898 г.:

«Говорят, что какой-то рисунок Репина будет помещен в № 1 декадентского журнала, и, мне кажется, на Репина нельзя быть за это в претензии: он так связан с Мамонтовым (Саввой), а еще более с княгиней Тенишевой, в школе у которой он нечто вроде директора, да и сын его там воспитывается!..

Что худо — это что он давно ничего не кончает и не показывает своего, а, во-вторых, что его «класс» в Академии идет (говорят) очень плохо, и оттуда не выходит никого и ничего хоть сколько-нибудь замечательного!! Неужели из него и у него никогда ничего более не выйдет значительного, как бывало прежде? Это было бы ужасно! Но, говорят, он все более и более теряет всякий характер, всякую инициативу, и шатается

---

* Речь идет о подготовительных работах для картины И. Е. Репина «Иди за мной, сатано» (1901—1903), находящейся в Харьковском музее украинского искусства. — *Ред.*

из стороны в сторону в такой нерешительности и малодушии, как никогда прежде!! В совете Академии — бесконечные раздоры и ссоры. Передвижники — все равно, что не существуют более. Что покажут «декаденты» — эта несчастная наша накожная болезнь, прилипчивая, заразительная и истощающая, — увидим скоро по их выставкам, журналу и прочим деяниям. Вероятно, нам всем придется еще немало с ними сражаться и, если возможно, спасать от заразы хоть сколько-нибудь из числа даровитых юношей» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

В годы «разрыва» со Стасовым Репин сближается с меценаткой декадентского направления княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой. В период 1896—1898 гг. он написал с нее 7 портретов. В эти же годы Репин руководил Тенишевской художественной школой в Петербурге и принимал участие в жизни художественной ремесленной школы Тенишевой в селе Талашкине Смоленской губернии.

Осенью 1898 г. по инициативе С. П. Дягилева на средства княгини Тенишевой и С. И. Мамонтова стал издаваться воинствующий «декадентский» журнал «Мир искусства», посвященный новым западническим течениям в искусстве. Репин вошел на некоторое время даже в состав сотрудников журнала и участвовал на выставках, устраивавшихся Дягилевым и группой деятелей «Мира искусства».

О художественно-эстетической ориентации Репина в это время дает представление его письмо к А. А. Куренному (сентябрь 1898 г.): «... Сегодня я жду Дягилева потолковать о его журнальных делах. Конечно, этому журналу я сочувст[вую] всей душой. Все же Дягилев человек со вкусом и с широкой инициативой — не чета бездарному Собке... Какую он, Дягилев, опять выставку делает интернациональную здесь в Петерб[урге] — это будет очень интересно. Да, он шевелит, он на высоте потребностей времени — право молодец...»

В противовес журналу «Мир искусства» и проводимой им программе Обществом поощрения художеств в 1898 г. был организован журнал «Искусство и художественная промышленность», редактором которого стал друг Стасова Н. П. Собко и в котором Стасов принимал деятельное участие. Он пишет для журнала монографическую статью «Виктор Михайлович Васнецов», статью «Правда и неправда о русской выставке в Мюнхене» и другие статьи.

Таким образом, в конце 1898 г. Стасов и Репин стали участниками двух взаимно антагонистических художественных журналов.

Стасов неустанно продолжал свою защиту реалистических принципов искусства. В начале 1899 г. он пишет две статьи: «Нищие духом» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1899, 5 января, № 5), в которой выступает против организованного Дягилевым журнала «Мир искусства» и возглавляемого им течения в искусстве, и «Подворье прокаженных» (там же, 8 февраля, № 39), где резко критикует организованную Дягилевым «Первую международную выставку» картин с участием иностранных и русских художников, представителей новых декадентских течений.

Отрицательно оценив работы большинства участников выставки, Стасов говорит: «Есть, правда, на выставке по какой-то странности несколько произведений русских художников не декадентов и потому их надо выделить в особую группу. Это Репин, Серов и Левитан. Но на этот раз картины этих замечательных русских художников — одни недостаточны, другие неудовлетворительны, и потому я считаю за лучшее о них промолчать» (Стасов В. В., Избр. соч., М.—Л., 1937, т. I, стр. 594).

В это время уже стали появляться признаки наступавшего расхождения Репина с Дягилевым и группой «Мир искусства».

Письмо Репина Куренному от 8 января 1899 г. свидетельствует о знаменательном повороте во взглядах художника:

«...Здесь теперь две интересные выставки: французская и дягилевская; последняя особенно занятна: есть вещи, интересные своей художественностью, а есть — своей наглостью! Удивительно! И ведь имена все. Ох, это господство дилетантизма, кот[орое] царит теперь по всей Европе, наплодит такого искусства и одурит столько голов, что после будут руками разводить перед всем этим хламом бездарностей, ловких пройдох, умевших так ловко дурачить меценатов своего времени. Какие тут Аманжан, Костантен!! и наш гений Сомов!!! Да еще Кондер!» (Письма Репина к Куренному хранятся в Архиве Третьяковской галлереи.)

В письме к брату Д. В. Стасову от 18 января 1899 г. В. В. Стасов говорил: «Репин недавно написал письмо Дягилеву такого содержания, что отступается от декадентского общества, журнала и компании и что слишком оскорблен нападками их на его товарищей и друзей: Влад. Маковского и В. В. Верещагина. Все это меня радовало и утешало глубоко...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

10 апреля 1899 г. в журнале «Нива» (№ 15) было напечатано письмо И. Е. Репина под заглавием: «По адресу «Мира искусства». Этим письмом Репин заявлял о своем оконча-

тельном разрыве с журналом и устранялся от всякого в нем участия.

Разрыв Репина с «Миром искусства» назревал постепенно. По мере того как журнал все с большей и большей откровенностью отрицал реалистическое и академическое искусство, высмеивал русскую реалистическую школу живописи, пресмыкался перед дилетантством декадентства и западными модернистами, Репин яснее осознавал отрицательное для настоящего искусства влияние этого журнала и его линии.

Статьи Стасова, его непримиримая, твердая позиция резко отрицательного отношения к декадентству несомненно помогли Репину разорвать с модернистами и декадентами.

«Чашу терпения» Репина переполнили «Письма из Мюнхена» И. Э. Грабаря, опубликованные в № 7—8 «Мира искусства», где, в частности, давался резко отрицательный отзыв о польском художнике Матейко. Письмо Репина в редакцию журнала «Нива» заключает прямое и резкое осуждение «Мира искусства» и разоблачает гнилость декадентства. Письмо вместе с тем защищает от оскорбительных нападок «Мира искусства» русскую живопись академической и реалистической школ, творчество таких выдающихся реалистов, как Матейко. Это письмо Репина во многом напоминает его лучшие литературные работы семидесятых — восьмидесятых годов, снова сближает его со Стасовым и дышит непримиримой ненавистью к попыткам унизить и высмеять русское искусство, навязать публике растленные художественные взгляды и вкусы декадентства.

Репин пишет:

«Хотя редакция «М и р а и с к у с с т в а» после выходок против В. Верещагина, В. Маковского и др. и напечатала по моему настоянию заметку, что сотрудники журнала («Мир искусства») «отнюдь не считаются принадлежащими к составу редакции, а потому ответственность за ведение как литературной, так и художественной части на них лежать не может», однако после новых назойливых выходок ее в том же роде я решил вторично и бесповоротно устраниться от всякого участия в журнале «М и р и с к у с с т в а», о чем и заявляю.

Никогда я не соглашусь с мнением редакции, что находящиеся в музее Александра III картины: «В с е м и р н ы й п о т о п» Айвазовского, «И о а н н н а П а т м о с е» Моллера, «М у ч е н и к и в К о л и з е е» Флавицкого, «И о а н н Г р о з н ы й н а д п о ж а р о м М о с к в ы» Плешанова, «Г р и г о р и й В е л и к и й» В. П. Верещагина, «В а с и л и с а М е л е н т ь е в а» Седова, «К о л я д к и» Трутовского, «Ж и д ы-к о н т р а б а н д и с т ы» Рицциони и др. перечисленные редакцией

картины, следует считать «вещами постыдными, компрометирующими национальное творчество». И что «подобные произведения, лишенные даже исторического значения (?), из нашего национального музея должны быть немедленно (!!!) убраны...»

Особенно неприятно поразил меня отзыв журнала о знаменитом историческом художнике польском Матейке: на стр. 77, 8-го № Игорь Грабарь, сообщая о больших полотнах Матейко на венской выставке, называет их «безжизненными, сухими громадами, без признака художественного темперамента (!), без искры какого бы то ни было увлечения, кроме патриотического...» «все это когда-то считалось искусством», — изумляется Грабарь. Очевидно, он слеп, чтобы видеть весь потрясающий трагизм этих исторических картин и незабываемую пластику фигур и лиц, первостепенных по своей характерности и форме, которыми полны все картины Матейка.

Все, кому близки интересы искусства, удивлены претензией на ту роль, которую желает играть этот художественный журнал.

К Академии художеств он относится свысока, вышучивая ее деятельность. Музею Александра III он предписывает, как подчиненному, убрать из зал то, что редакции не нравится. Вкусы русской публики он берет под свою опеку...

Устраивая интернациональные выставки, он приглашает художников по своему выбору и у этих избранников выбирает произведения, только отвечающие направлению и вкусам журнала.

Это направление — декадентство, в буквальном значении. Его идеал — атавизм в искусстве. Дилетантизм ставится в принцип школы... Их гений — финн Галлен *. Это образчик одичалости художника. Его идеи — бред сумасшедшего, его искусство близко к каракулям дикаря...

...развязные дилетанты почувствовали почву для анархии в искусстве и делают себе карьеру. Все молодые финляндцы, а наши Алекс[андр] Бенуа, К. Сомов **... и другие недоучки с благоговением изучают манеру этих бойцов за невежество в искусстве и надеются на славу в потомстве. Их враги — ака-

---

* Галлен-Каллела Аксель (1865—1931) — финский живописец модернистического направления, создавший также ряд реалистических картин. — *Ред.*

** Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — художник-декадент, участник группы «Мир искусства». Эмигрант. — *Ред.*

демии. Традиции, знания, логические наблюдения законов форм и колорита природы клеймятся ими, как самый большой порок в искусстве. Они признают за собою право начать искусство снова и заполнить им весь мир, уничтожив все «академическое». Им необходимо прежде всего свергнуть авторитет академического образования в искусстве и поставить на его место дилетантизм.

Биржевая цена — вот чем теперь определяются достоинства художественного произведения. Картинные торговцы должны заменить профессоров: им известны потребности и вкусы покупателей. Они создают славу художникам.

Они теперь всемогущие творцы славы художников, от них всецело зависит в Европе имя и благосостояние живописцев. Пресса, великая сила, тоже в их руках. Интерес к художественному произведению зависит от биржевой игры на него. Возбудить ажиотаж к картинке и нажить состояние — вот тайна совершенного успеха художественного произведения...

Сбить с толку любителей, отуманить покупателей, внушить им неведомые тайны разной наглой мазни и возбудить биржевой ажиотаж на незначительные картинки своего избранника — вот интрига ловкого лавочника...

И всему этому верят идеально и свято. Наши меценаты, дилетанты и просветители вкусов — благородные люди. Они так обожают Париж, так стараются быть в курсе его художественных вопросов и не отстать от его вкусов... Святая простота!

Молодые художники с упованием мечтают о будущей славе мага-волшебника Дюран-Рюэля...

Необходимо очищать музеи от старого хлама. Место дилетантскому декадентству! Поклонение перед авторитетом картинной лавки!

Падать ниц перед вкусами ловкой рекламы и свято исполнять ее предписания!

Эх, господа, господа!.. Где же ваша индивидуальность! — Ни крошки патриотизма. Быть рабами ловкого ажиотажа! Вам льстят пройдохи, надувалы, они гипнотизируют ваши благородные лучшие чувства в пользу своего кармана. Вы принимаете за чистую монету их шаблонные комплименты и стараетесь быть достойными их предначертаний в достижении интриги, которой вы не подозреваете...

Поскорей, поскорей забросать грязью все свое, все уничтожить, оставить только рабское подражание последней моде, установленной в Rue le Peletier *.

---

* На улице Ле Пелетье находилась картинная галлерея фирмы Дюран-Рюэль, торговцев картинами. — *Ред.*

Г. Грабарь кичится тем, что уразумел сумеречный тон Уистлера * — все долой, что не в сумеречном тоне! Молодой человек с образованием, с энергией, много видавший, и такая узкость, такая ограниченность! Посягать на Матейко!

...нетрудно предсказать, что не пройдет и 10 лет, как ваша хваленая декадентщина и ваш невежественный дилетантизм, развившись — очень естественно, как все плевелы и сорные травы, до самопожирающих размеров — так опошлится, так опротивеет, что все любители, сдвинув плечами и покачав головой, скажут: «и это называлось еще так недавно искусством!»

А Матейко все будет стоять колоссом, и его национальная стоимость даже никогда не соприкоснется с оценкой картинной лавки. А ваши плевки пигмеев не достигнут даже подножия его пьедестала...

В ваших мудрствованиях об искусстве вы игнорируете русское, вы не признаете существования русской школы. Вы не знаете ее, как чужаки России. То ли дело болтать за европейцами... вечно пережевываете вы европейскую жвачку, достаточно устаревшую там и мало кому интересную у нас. А сказать правду, выставки ваши поддерживаются, все же, такими художниками, как Серов, Рябушкин **, Эдельфельд ***, Головин ****, Давыдов *****, Поленов и др., вовсе не имеющими острого характера упадка вроде бедного калеки-уродца К. Сомова, которого вы ставите во главе движения вашей школы...

Можно подумать, не делаюсь ли я врагом нового направления в искусстве вообще? — Никогда... Я восхищаюсь безмерно всяким своеобразным талантом... Но я ненавижу эти кичливые притязания посредственностей, их шарлатанский

---

* Уистлер Джемс (1834—1903) — американский живописец и график; импрессионист и символист. Творчество Уистлера было воспринято декадентами как высшее проявление художественного гения. — *Ред.*

** Рябушкин Андрей Петрович (1861—1904) — известный исторический живописец-реалист. Автор картин из истории русского средневековья, в которых изображались сцены народной жизни.— *Ред.*

*** Эдельфельд Альберт (1854—1905) — финский художник-реалист, член Академии художеств. — *Ред.*

**** Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — живописец, портретист и декоратор; народный артист РСФСР. — *Ред.*

***** Повидимому, имеется в виду не Давыдов, а Давыдова Наталья Яковлевна (1873—1926) — художница. Училась в Училище живописи, ваяния и зодчества. Участница Мамонтовского кружка. Работала над развитием кустарного и декоративного искусства. Участница выставок «Мир искусства». — *Ред.*

апломб кагала и фанатическую нетерпимость к тому, что не в приходе их секты...»

Статья Репина, хотя и содержащая высокую оценку некоторых академических картин русской школы, была восторженно принята Стасовым и помогла дальнейшему восстановлению близких отношений между друзьями.

Возобновление дружбы произошло, таким образом, в результате преодоления Репиным своих идеалистических шатаний, в результате его отказа от пагубных декадентских увлечений. Правда, и позднее не раз у Репина будут встречаться ошибочные, идеалистические суждения об искусстве. Однако в общем, в основе, он их преодолевает уже на рубеже XX века.

Первая встреча В. В. Стасова с И. Е. Репиным после разрыва произошла 10 апреля 1899 г., в день выхода журнала «Нива» со статьей художника «По адресу «Мира искусств». В. В. Стасов в тот же день писал Л. И. Шестаковой: «Был сегодня у меня... по одному особому делу Репин» («Русская музыкальная газета», 1916, 9 октября, № 41, стб. 730).

О своем примирении с Репиным Стасов писал Л. Н. Толстому 14 июня 1899 г.:

«Но кстати о декадентах: вы, может быть, знаете уже, что с Репиным тоже случилось «Воскресение», светлое и неожиданное. Когда Репин напечатал свое изумительное отречение, я, несмотря на то, что лежал больной и насилу поворачивал голову, я тотчас нацарапал ему несколько слов карандашом, и он прилетел ко мне спустя всего лишь несколько часов, как мы обнялись, после 6 лет разлуки и вражды! Я как ни слаб был, а всего-всего наговорил ему. У нас такой был разговор, что в конце, на расставанье (не смейтесь, ради всех святых и самого создателя), [на] расставанье мы схватили друг другу руки и поцеловали[сь], чуть не со слезами и рыданием.

Я долго потом не мог очнуться и притти в себя. Все волны расплескались, и их не остановишь, особливо, когда сам весь больной и насилу язык ворочаешь. Но, что я вам скажу Невзирая на все то, что тут было, я глубоко потом почувствовал, оставшись один: «А все-таки, разбитую посуду больше не склеишь попрежнему, и шов, хоть с паутинку, а остается». Жалко, больно, но это так. Шесть лет быть врозь — это значит походить по многим разным и другим дорогам, против тех, что прежде были под ногами, — ну, и как там ни вертись, как ни хлопочи, а каких-то прежних струн нет и не будет» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.] 1929, стр. 227—228).

Однако холодность отношения Стасова к Репину, сохранявшаяся еще в 1899—1904 гг., полностью рассеивается в 1905—1906 гг.

В эти последние годы жизни старые друзья попрежнему близки и единодушны в своих взглядах. Такое сближение было обусловлено не в малой степени событиями революции 1905 г., которую и В. В. Стасов и И. Е. Репин, одинаково ненавидевшие самодержавие, встретили восторженно. После смерти В. В. Стасова Репин, забывая былые расхождения, всегда говорил о В. В. Стасове, как своем учителе, лучшем друге и наставнике, и сохранил о нем светлую память.

ПИСЬМА

И. Е. Репин. Портрет В. В. Стасова
1900

1895

296. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Пятница [1 декабря 1895] [1]

Владимир Васильевич,

Для обработки того эскиза, о кот[ором] Вы пишете, понадобилось бы по крайней мере т р и м е с я ц а. Я теперь занят другими вещами. От портретного рода устал до невозможности приняться теперь за эту группу портретов. Уверен, что и без этой маленькой иллюстрации торжество в память великой женщины произведет свое впечатление [2].

От всего, что будет там читано и сказано, настроение будет та̀к высоко поднято, что быв поставлен картончик в такой зале казался бы мизерным и произвел бы жалкое впечатление.

И. Репин.

1897

297. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Вторник [11 февраля 1897] [1]

Владимир Васильевич,

Портретом Бородина можете располагать. Во всякое время его могут взять у меня, когда понадобится [2].

И. Репин.

1899

298. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

19 апр[еля 18]99 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Вы меня очень обрадовали Вашим письмом [2] — уже чернилами — значит, Вам лучше. Я боюсь к Вам ехать, чтобы не вредить Вашему выздоровлению. Все-таки будете говорить, беспокоиться...

Но Вы меня даже рассмешили Вашим письмом [3]. Вы похожи на Драгомирова, кот[орый] двинул к Киевскому университету грозное войско в боевом порядке, расставил артиллерию и послал кавалерию рекогносцировать и ждал неприятеля...

И, право, не стоит Вам стрелять [4] по этим воробьям из Ваших грозных мортир.

Нельзя ли мне знать часы, когда Вы более расположены, без помехи выздоровлению, принимать знакомых? Очень бы хотелось с Вами «отвести душу».

И. Репин.

Кажется, вечерами Вам легче? Завтра, часов с 8-ми, я попробую проехать к Вам.

Если н е л ь з я, Вы черкнете, молчание — разрешение.

Конечно, Дягилев [5] на университет не похож, он похож на педеля [6]...

299. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Суббота, [5 июня 1899] [1]

Спасибо Вам, Владимир Васильевич, за книги. Теперь я читаю «Надежду Васильевну» [2]. Какая превосходная книга! Сколько мыслей, сколько фактов! История сама... А Вы забы-

ли написать, переехали ли на дачу? Следовательно, отложим до будущего воскресенья. А погода прелесть.

И. Репин.

300. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

С.-П[етер]б[ург], 27 июля [18]99

Ваше письмо, Владимир Васильевич, дошло благополучно. Это вовсе не имеет значения, что вместо Здравнёва Вы написали Здраево. У нас в витебском почт[амте] заведен ящик (№ 30), куда складывают все, что адресуют на нашу семью; мы посылаем за почтой в город, и это, к сожалению, не регулярно делается. Так и последний раз — рабочая пора, и письмо Ваше я получил уже третьего дня, возвращаясь сюда [1] из Витебска... Однако эти подробности Вам нисколько не интересны, об них и писать не стоит.

А вот что я Вам напишу. Я с большой радостью гляжу на Вас с тех пор, как Вы поздоровели. Вы все тот же. Та же кипучая натура, та же жажда новизны, деятельности, тот же упругий змей прогресса жалит Вас в самое сердце, и так же часто. Прекрасно, дай бог еще на многие годы!

Должен Вам сказать и о себе то же самое: я все тот же, как помню себя. И, несмотря на то, что меня многие, с Вашей легкой руки, то хоронили, то воскрешали, то упрекали в разных эволюциях, то в отступничествах, то в покаяниях, я ничего не понимаю в этих внимательных исследованиях моей личности. Я все так же, как с самой ранней юности, люблю свет, люблю истину, люблю добро и красоту как самые лучшие дары нашей жизни. И особенно искусство! И искусство я люблю больше добродетели, больше, чем людей, чем близких, чем друзей, больше, чем всякое счастье и радости жизни нашей. Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, неизлечимо... Где бы я ни был, чем бы ни развлекался, кем бы я ни восхищался, чем бы ни наслаждался... Оно, всегда и везде, в моей голове, в моем сердце, в моих желаниях лучших, сокровеннейших. Часы утра, кот[орые] я посвящаю ему, — лучшие часы моей жизни. И радости, и горести, радости до счастья, горести до смерти все в этих часах, кот[орые] лучами освещают или омрачают все эпизоды моей жизни. Вот почему: Париж или Парголово, Мадрид или Москва — все второстепенно по важности в моей жизни — важно утро от 9 до 12 перед картиной...

И я готов за Некрасовым повторить: «Что̀ друзья»... и т. д., «Что̀ враги? пусть клевещут язвительно» и т. д...[2].

Мои казни там же, в тех же часах утра или других моментах дня, когда я отдаюсь работе своей.

И нет в мире человека, города, обстоятельства, кот[орое] помогло бы мне, если постигают неудачи там. А это частенько [3], и я более всего повторяю слова Поприщина: «...Н и ч е г о, н и ч е г о! М о л ч а н и е!»[4]

Ваш *И. Репин.*

301. И. Е. РЕПИН — В. В СТАСОВУ

8 ноябр[я], понедельник [18]99 [1]

На днях непременно заеду к Вам, Владимир Васильевич, — очень обеспокоен приключением [2] с Вами. Да, чорт, мерзавец! А я сегодня обещал быть в литературном обществе [3]: там читает Боборыкин.

Очень досадую, что так совпало, я раньше не знал.

Ваш *И. Репин.*

302. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

17 ноября [18]99 [1]

Владимир Васильевич,

Может быть, Вы завалены благодарностями и словесными, и особенно письменными, а я не могу воздержаться и готов громче всех кричать: Благодарю! благодарю! Спасибо! Спасибо Вам! Дай бог Вам здоровья на многие лета!!!..

Такая свежесть, такая жизненность, такая молодость и красота в Вашем «С ч а с т л и в о м о т к р ы т и и»!!!.. [2]

Малявину [3] сыгран туш маститым виртуозом-солистом; ему спета ария могучим голосом опытного артиста! Какой еще ему награды!

С Вашим чутким нутром, при Вашем универсальном понимании дела, Вы произнесли сразу блестящее определение новой вещи молодого художника. Сравнили его картину с созданиями Шекспира. Чудесно, бесподобно! [4]

Как отрадно встретить натуру, наполненную внутреннего света: она разгорается и блестит вдесятеро при встрече другого светила; их встречные лучи производят кругом благотворную теплоту. Это не чета тем унылым, темным пустырям, через которые самые яркие лучи проходят бесследно, освещая только никому не интересный, ничтожный хлам.

Да, Ваше открытие счастливое. А что же это Вы ни слова не сказали про его портреты[?]. В этих простых мужиках, запечатленных кистью Малявина, столько истинного благородства человеческой души, которая уцелела еще в отдаленных от центра местностях. Эти простые люди глядят на Вас с полным самоуважением. Они не испорчены ни карьеризмом, ни рабством, ни развратом, чем так переполнены города, где: «Самый жизненный ужас, порой, прикрывается...» и т. д.

Надеюсь в воскресенье подробнее поговорить обо всем [5].

И. Репин.

1900

303. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Воскрес[енье], 30 янв[аря] 1900 [1]

Илья Ефимович!

Почему-то воображал (да и говорили мне), что Вы будете сегодня у нас, особенно хотелось Вам показать III часть «Воскресения» [2], лондонское издание. Это такой chef d'oeuvre, с которым нельзя ничего сравнить!

Но так как Вы не приехали, к моему сожалению (а у меня инфлуэнца), то посылаю Вам:

2 письма Чертковой [3],

1 [письмо] Черткова.

Там немало про Вас говорится. Но что это за люди!!! Настоящие ребята!! Компрометируют нас с Вами на почте [4]. Разве можно?

В. Стасов.

304. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

1 февр[аля 1]900 [1]

Очень досадую, что не попал к Вам в воскресенье, Владимир Васильевич. Спасибо за письмо. Ч. ч. [2] — правда, пренаивные люди... А я бы очень желал получить «Воскресение» без пропусков [3].

Если удосужусь, зайду к Вам как-нибудь вечером послезавтра.

Ваш *И. Репин.*

305. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Понед[ельник], 6 марта 1900 [1]

Илья Ефимович, Вас есть с чем и поздравить: Вы ведь вышли целы из огня и сухи из воды! [2] Но я к Вам не мог по-

пасть, да, впрочем, вероятно, и не пустили бы меня, грешного, к Вам в рай конногвардейцы [3] с мечами столь же пламенными, как у Штука [4] в его «Изгнании Адама и Евы». Только на одно надеюсь: что никакие конногвардейцы Вас самого не изгонят из рая, хотя бы они были не только Александр Бенуа̀ [5] и весь синедрион декадентских педерастов от А до Z!

Но вот, видите ли, кажется, сама природа становится на мою сторону против Вас и препятствует писанию еще нового моего портрета. Ведь мастерская Ваша нарушена, хромает с пожара и не позволит середы трех часов? Оно же и законнее и правильнее так: на что мой еще новый портрет, когда Вы написали уже столько других и отличных?! Вы изображали меня в весеннем и летнем виде, когда я и сам был весна и лето (1873, 1883, 1886) [6], на что̀ еще изображать в зимнем, в звериных шкурах, вместо красной рубашки, когда я и сам тоже стал зима как есть, и пора и надобно отогреваться в каких-нибудь теплых шкурах.

К чему? К чему? Итак, до свиданья позже среды?

Ваш *В. С*[*тасов*].

306. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[8 марта 1900] [1]

Из Вашего же письма, Владимир Васильевич, ясно, что портрет Ваш в шубе необходим.

Да, это Ваша зимняя пора [2], и Вы, кстати, собираетесь ударить морозом [3] в дягилевскую К°.

Отложимте же на неделю — до той среды. Теперь мастерская починяется, и, авось, она будет готова через нед[елю].

Ваш *И. Репин*.

307. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Вторник 14 марта [1900] [1]

Владимир Васильевич,

Мастерская моя все еще не готова. Сеанс наш приходится отложить [2]. Опять на среду (22 марта), в 3 часа дня буду ждать Вас.

Надеюсь до тех пор повидаться с Вами.

Ваш *И. Репин*.

А портрет Ваш в шапке и шубе мне очень хочется писать.

2 марта 1900.

Ну какого-же [illegible], Владимир Васильевич, ясно, что портрет Ваш [illegible] необходим. Да это Ваша знамени[illegible] и Вы, [illegible], собираетесь [illegible] в [illegible] 1-го.

Отношение немедленно — до 20й среды. Теперь [illegible], она будет готова через нед.

Ваш И. Репин

[illegible]

Письмо И. Е. Репина к В. В. Стасову

308. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

26 апр[еля] 1900 [1]

Простите, Владимир Васильевич, я всегда напутаю. В пятницу я несвободен. Придется отложить на понедельник, 1 мая. Не прислать ли мне за Вашей шубой? Если будет тепло, то Вам неудобно ездить и ходить в ней.

Ваш *И. Репин.*

В пятницу вечером [2] я буду счастлив слушать Вас [3].

309. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

29 апр[еля 1900] [1]

Владимир Васильевич!

Какая обида! От самого себя?!! Забыл вчера, совсем забыл, что Вы читаете [2] в О-ве любит[елей] др[евней] слов[есности] [3]. Только сейчас попало мне приглашение, и я вспомнил... Вот память!..

В понедельник жду Вас к часу дн[я] [4]

Ваш *И. Репин.*

А ведь как я мечтал и ждал пятницы!.. [5]

310. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[12/]25 июня [1]900 [Париж] [1]
Hôt[el] du Panthéon [2]

Дорогой Владимир Васильевич,

Касаткина [3] здесь нет, а картина его имеет успех у художников здесь. Сегодня слыхал, что Елиас получил 1-ю медаль [4]. Очень радуюсь! Поздравьте его.

А правда Ваша, хорошо бы нам до Вашего отъезда [5] в Лондон пообедать где-нибудь простенько, вроде Пале-Рояля [6]. Не будет ли и Наталья Федоровна [7]? Я ее недавно встретил на улице в обществе знакомой ей Нат[альи] Бор[исовны] Нордман [8], кот[орая] также выразила желание повидаться с ней; а познакомиться с Вами давно уже мечтает.

Черкните, когда Вам удобно, когда у Вас будет свободный вечерок?

Ваш *И. Р*[*епин*].

Только не завтра: наши иностранные члены jury[9] дают обед французам.

311. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Писано на выставке[1]
Вторник, 13/26 июня 1900

Дорогой Илья Ефимович, спасибо Вам большое за известие о золотой медали Гинцбургу! Я тотчас потом полетел на выставку, встретил Элиаса и поздравляю его от Вашего имени, а тут же стоит рядом гр. Ив. Ив. Толстой, который тоже поздравляет Элиаса, и я только что перервал его речь и поздравление. Итак, вот что: позвольте нам собраться всем вместе, завтра, среда, у Маргери[2] в 7 часов вечера поздравить Элиаса, и пусть этот обед будет от меня. Я так рад за бедного этого чудесного человека, которому счастье так мало всегда везет. Позвольте попросить Вас привезти также и m-me Нордман, если она согласится принять мою просьбу. Она тут со мной познакомится, а также повидается с Наташей, я же с восхищением встречусь с Вами у Маргери[3], где, бывало, проводил столько хороших и важных дней и часов.

Ваш всегда

В. Стасов.

312. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Четверг [19 октября 1900][1]

Дорогой Владимир Васильевич,

И. С. Остроухов[2] просит меня, письмом, когда может он видеть Вас? Он намерен здесь быть в субботу и воскресенье (21 и 22 окт[ября]). Чтобы дела не затянуть, я пишу ему сейчас, что в воскресенье он может видеть Вас у Вас на дому в 8 час[ов] вечера. Я думаю, что Вы примете его и Вас это не обеспокоит, хотя он «по делу». Надеюсь, он долго не задержит вас. До свиданья.

Ваш *И. Репин.*

313. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

12 дек[абря] 1900 [1]

Совершенно согласен [2] с Вами, Владимир Васильевич, во взгляде на Сашку Бенуа.

Чем дальше читаю я его историю [3], тем более убеждаюсь, что это г...к! Даже любимцев своих Венецианова [4], Щедрина [5] он совсем з.......л [....]. Вот верная примета: может ли человек похвалить? Я думал, что он, паршивец, только в живописи дилетантишко безграмотный а он и в литературе такая же обезьяна с [.....] поносом. Что за слог?! Какие предложения! — какой-то мусор прилагательных инородческого жаргона, связанных, как выметенная труха, оборванной веревочкой.. Мочи нет читать эту [......].

Ведь обезьяна эта попала на хорошую указку — Мутера [6] и силилась надеть себе очки этого талантливого писателя, и что же — нанизывает их себе на хвост, лижет их, а смотреть не умеет.

Ну, довольно, не сто́ит он и ругани.

Мне также прислало «Знание» — экз[емпляр] на хорошей бумаге этой паршивой брехни собачонки.

Ах, да, да, — о Брюллове-то и мне понравилось; я, читая те строки, вспомнил сейчас же про Вас и подумал, что Вы это одобрите [7]. А это целиком?! А из Мутера он сколько берет идей, аналогий, взглядов! И не умеет ничего с ним[и] сделать. Словом, слабо...

Но я уверен, что с этой историей он провалится окончательно. Вы напрасно боитесь за молодежь — его скоро раскусят. Да ведь будут, вероятно, его разбирать люди знающие?!

Ваш *И. Репин.*

314. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

30 дек[абря 1]900 [1]

Очень жалею, Владимир Васильевич, что не держал с Вами пари вчера. В моей статейке [2] нет ни одного слова про Бенуа; говорится только о кн. Волконском, Дягилеве и Грабаре [3], что они уже указывают на самостоятельное значение пластики, ее освобождение от влияний литературы. И без всяких нахваливаний. Какое же отношение имеет это к поганенькой «истории живописи» Алекс[андра] Бенуа? Он тогда и на сцену еще не выступал, и «Мира искусства» [4] тогда еще не было.

Да-с. Проиграли бы Вы, проиграли.

А для него самое большое наказание было бы полное молчание. Эта паршивая книжонка разослана всем. Даже Фофанов в Гатчине получил и многие другие, кот[орые] никакого интереса к истории нашего иск[усства] живописи не имеют. А в «Мире иск[усства]», посл[едней] кн[ижке], уже (сам автор, конечно) напечатали, что этот «интересный труд», вероятно, возбудит целую бурю возражений, негодований за свои новые взгляды на наше искусство[5].

Однако до сих пор нигде об нем не обмолвились.

Ваш *И. Репин.*

1901

315. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С-П[етер]б[ург]
Имп[ераторская] публ[ичная] б[иблиоте]ка,
Вторн[ик], 30 янв[аря] 1901

Многоуважаемая Наталья Борисовна,

Либо Вы меня забыли, либо (если даже вспоминаете) Вы должны думать: «Вот негодяй-то! Ему делаешь любезность, учтивость, а он ни слова не отвечает про посланную ему книгу [1], молчит да и только! Как это нехорошо, просто даже гадко!» Но я возражу Вам, что я в самом деле виноват, да не совсем. Я Вам не писал так долго не потому, что не хотел или забывал, а потому, что два раза терял Ваш адрес, полученный от Ильи Ефимовича Репина. Это, конечно, очень худо, но что делать, когда адресов у меня (равно как и писем) просто миллион, и немудрено, если иной раз куда-нибудь и засунешь невзначай. Но теперь, скажу Вам, эта опасность для меня прошла: Ваш адрес [2] внесен у меня в адресную мою (вновь воздвигнутую книгу) и уже не исчезнет, хотя бы красный «Весь Петербург» [3] продолжал бы хоть еще 10 лет Вас игнорировать и не вносить на свои бесконечные страницы. Итак, наконец могу поблагодарить Вас за «Эту», и при этом скажу Вам, что я еще не читал книгу Вашу, — что хотите, а мне решительно некогда читать теперь покуда, что бы то ни было — ужас как занят спешными писаньями и на службе и дома, но все-таки прочитал немножко, в открывшемся случайно месте книги, и именно про то, как Вы просите у которого-то градоначальника себе пашпорта, и эти немногие (2—3) странички понравились мне: они показались мне и правдивы, и живы, а это всегда, всегда для меня самое главное!

До следующего раза. Ваш

В. Стасов.

316. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Воскрес[енье], 18 февр[аля] 1901 г

Дорогой Илья, помните, несколько лет тому назад была одна передвижная выставка, после которой я Вам тотчас послал письмо? Нынче вот повторяется то же самое: опять Ваш chef d'oeuvre (мой портрет) [2], и я Вам скажу опять два-три слова, чтоб Вы знали мою радость и мое восхищение. Я Вам еще в прошлом апреле говорил, каким мне кажется этот портрет, а вот теперь мое тогдашнее пророчество сбылось, и кто ни приходил вчера на выставку, все повально в восторге. Вот видите, я был прав. Значит, надо бы от Вас поскорее вытребовать опять что-нибудь подобное. И я верую, и исповедую, что так и будет, но что антракт будет нынче короче, чем между «Дуэлью» [3] и моим портретом. Но я еще раз повторяю Вам нечто из апрельских прошлогодних моих речей. Для меня этот портрет как будто что-то такое из галлереи портретов Тинторетто: поза, сила, характеристика, но в то же время что-то Веласкецовское — краска, воздух, жизнь. И что же? Несмотря на все это, я все-таки крепко держусь за Ваш же портрет 1873 г.: там письмо далеко не достигает нынешней Вашей силы и мастерства, Вашего солнца и скульптуры, но там есть нечто еще и такое, которого нынче и не сказалось: это мой внутренний облик, воодушевление и некоторая как будто сила. В том портрете это было, нынче я на портрете словно поприуныл, обмеланхолился и сдал. А впрочем, кто знает, может быть, Ваши кисти были и правы, и верно, тысячу раз верно воспроизводили именно то, что есть налицо: может быть, и я взаправду столько-то сдал и на столько-то спустил флаг?! Вот-то беда моя, если это в самом деле так!! Что ж, если оно так, то делу нетрудно помочь: стоит только отдать в Музей Александра III (куда Вы меня нынче торжественно вводите и навеки) [4], отдать туда мой тогдашний портрет. И пусть наши наследники смотрят и говорят: «Вот этот человек 1/4 века прежде был — такой, а 1/4 века позже стал — такой. Нет прежнего задора и увлечения, нет того, немножко азартного маленького буйства и какого-то непокорства, которым дышит тот портрет — прежний. Нынешний как будто собирается что-то уступить, с кем-то и с чем-то согласиться! А все-таки новый позднейший портрет — истинный chef d'oeuvre!!!

Не говорил ли всего этого приблизительно еще и в апреле? Как жаль черного, мрачного фона в портрете 1873 г. Одни наши знакомые, Костылевы [5] (народ богатый), задались мыслью: непременно добыть что-нибудь хорошее

репинское и принялись было покупать портрет Вашей дочери[6], их пленивший, да на их беду кто-то взял да у них из-под носу и вытащил, купил этот портрет. Вот они и просили: не позволите ли им приехать к Вам в мастерскую, посмотреть и выбрать, что Вы дадите, что Вы позволите.

Обо многом другом — в другой раз.

Ваш *В. С*[*тасов*].

Новая карикатура Щербова[7] — не удалась. По мысли-то отлично, а на исполнении он провалился. Ни Вы, ни Малявин — ни малейшего сходства. Никто ничего не поймет.

317. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

31 марта 1901[1]

Вспоминаю, как здесь некогда[2], мы похаживали, речи бесконечные говаривали.

Передайте всем Вашим мой праздничный привет.

Ваш *Илья*.

318. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Воскрес[енье], 8 апреля 1901[1]

Вот уж ни за что на свете я не угадал бы вперед, дорогой Илья, что не попаду к Вам на первую свадьбу в Вашем дому?[2] Как мне было бы там не быть, когда я был с Вами, у Вас, на первых крестинах[3] Ваших! Ну и вот, вышло, однако, что не буду, потому что не могу!!! Две недели я уже не выхожу со двора. Павлов[4] объявил, что у меня «вода» в коленке и «под коленкой». Все следствия того старинного ушиба, в честь Шопена!!! И, однакож, я и по сей час, 5 часов дня, все надеялся, что буду-буду-буду у Вас ужо в церкви, поздравлю и Вас, и Веру Алексеевну, и всю молодую компанию с великим праздником и торжеством. И вот — нет, нельзя, страшно боюсь разбередить (особливо на Неве, на морозе и льде) поправившуюся капельку ногу. Все равно, увидимся как-нибудь на днях.

Но завтра, я решил, я во что бы то ни стало выеду из дому, пойду со двора, в б[иблиоте]ку. Служба, служба, служба!!

Хоть 1 час или 2, а все побываю в б[иблиоте]ке. А покуда все наши поздравляют Вас и все Ваше семейство. Я же в 100 раз еще больше. До свиданья.

В. С[тасов].

Вообразите, чем меня лечат: скульптурной глиной на ногу!! Все-таки и тут художество помогает.

319. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Импер[аторская] Акад[емия] художеств [1],
среда, 23 мая 1901, 5½ ч. дня

Я сию секунду прочитал еще одну статью Александра Бенуа о русском искусстве [2] — и просто в ярости и бешенстве!! Как!! Она напечатана уже несколько месяцев тому назад — и никто у нас ни слова про нее?!!

Что это за земля! Что за люди!! Ну, вот, через немного, может, времени меня не будет. Тогда-то как будет? Тогда не будет, пожалуй, даже и столько, сколько *Я* давал своим бедным, слабым, бледным пером?! Что за земля, что за люди?! Ничем не растолкуешь, ничем не разбудишь.

Напечатана эта гадость и мерзость в книге: «Россия в конце XIX века», издание Министерства финансов, сборник статей о всякой всячине, торговой, промышленной, заводской, горной, лавошнической и иной. Среди всего этого и статья Александра Бенуа «Искусство». Знаете ли что? Нельзя ли Вам сделать залихватский скачок завтра, четверг? У меня завтра, в Парголове, обедает вся наша музыкальная компания: Римск[ий]-Корс[аков], Глазунов, Лядов, Блуменфельды (оба брата) [3], Кюи и т. д. Все это в честь школы [4] (с которою я не успел чокнуться 2 января — был у Льва Толстого, в Москве), а теперь хочу ее всю представить англичанке Newmarch [5], с которою Вы у нас обедали 11 мая и которая распространяет нашу музыку в Лондоне.

Приезжайте, приезжайте, и вот зачем:

1) Всех нас вместе увидите.

2) Вечером услышите много чудной музыки.

3) Поговорим о Бенуа и о том, как он Вас ставит вместе с Крамским.

4) Выпьем за Ваше и всех их здоровье.

А главное, мне уже (вероятно) не много раз остается видеть у себя всю нашу прежнюю компанию.

Поезда в Парголово (деревня Старожиловка) есть в 4 и в $4^1/_2$ кажется. Если приедете на них, то будете как раз к обеду.

Приезжайте, ах, приезжайте!!!!

Ваш *В. Стасов.*

320. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Парголово, 7 авг[уста] 1901

Дорогой Илья, такая досада, я до вчера не знал хорошенько Вашего адреса в Витебске и потому не мог написать Вам. Только вчера вечером услыхал его от Наташи[1], когда она воротилась от В. В. Матэ в Териоках! Итак, лучше поздно, чем никогда, и я посылаю Вам (запоздалое) поздравление мое с 20 июлем[2] и благодарность за телеграмму 15-го, с моими именинами. Оба дня прошли у нас чудно, и сама погода помогала. 15-го собралась целая большая компания, «музыкальная»: Глазун, оба Блуменфельда, Арцыбушев[3] и др. — много пели и играли, было великолепно, во-вторых, тут собралось у нас и много других, всего 36 человек, пили за обедом также и Ваше здоровье — криков и аплодирований было достаточно! Но под конец обеда, еще раньше шампанского, приехал, совершенно неожиданно, фотограф Булла[4] с большим аппаратом и снял нас всех 4 раза, один раз с одного конца длинного стола, по диагонали, другой раз с другого, потом группами, и вышли многие очень хорошо! Такая досада, Вас тут не было с нами — а компания фотографическая такая ладная была!! Антоколия тоже прислал мне большие и хорошие слова — тоже вроде Вас. Ведь Вы *пара* совсем особенная, хотя и расходитесь иной раз к сожалению. Но вот что дурно, и жалко, и досадно!! Беляев мне пишет из Шлюссельбургского своего имения (недавно воротился из Неаполя и Германии — лечился), итак, Беляев пишет мне, что недавно получил от

Анток[ольского] свой мраморный бюст [5], и он вышел так дурно, так непохож, что все родные и знакомые в досаде, и Беляев хочет просить, чтоб Антоколия сделал другой. А Анток[ольский] отложил свой приезд в Россию, потому что еще не назначен новый виленский генер[ал]-губернатор, и ему некому сдавать свой монумент [6] Екатерины II. Вообще он бедствует (деньгами) и жалуется! [7] Думаю на будущей или предбудущей неделе ехать в Ясную Поляну. Толстой меня зовет: 1 сентября он уезжает в Крым на всю зиму, и я просился к нему приехать. Только графиня пишет мне, что Лев навряд ли мог бы Вам позировать для портрета — навряд ли согласится [8]. А ка̀к великолепен стал Шаляпин [9] — все в гору и гору идет по выражению, по трагичности глубокой и по комизму. Третьего дня он был у нас здесь, с Глазуном, до 2 ч. ночи, какое пение было!! Настоящий, изумительный концерт! Скоро будет его бенефис в «Аркадии», дает чудные вещи.

Ваш *В. Стасов.*

321. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Парголово, среда, 8 авг[уста] 1901

Дорогой Илья, я наконец узнал Ваш витебский адрес от Матэ: «Здравнёво», и послал Вам туда письмо [1].

Но после того я услыхал от попки (-Собки), который столько времени глупо провозился со справкой о Вас, что Вы в Петербурге! Вот я поскорее и пишу Вам. Может быть, то письмо и не дойдет до Вас, так вот я и поблагодарю Вас, снова [2], за телеграмму к 15-му (такую красивую!) и скажу Вам, что я уезжаю к Л. Толстому, вероятно, в конце будущей недели, этак 18 или 19 авг[уста] — Лев меня зовет — и пробуду в «Ясной Поляне» дня 3—4; 26-го числа (Натальин день) я должен уже быть дома, а тем паче 30-го (Александров день) [3]. А не поедете ли Вы тоже? Только предваряю Вас, что Толстой не может и не согласен писать свой портрет: так мне говорит Софья Андреевна.

А они уезжают все в Крым 1 сентября на всю зиму, оттого я и тороплюсь! А у нас тут 2 раза летом был Шаляпин и вся музыкальная компания. Он оба раза пел, оставался часов до 2 ночи. Какой талантище!!! Неужели Вы его никогда не напишете?

Ваш *В. Стасов.*

322. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Пески, 7-я ул., № 11, понедельник, 27 авг[уста] 1901

Дорогой Илья Ефимович, наши съезжают с дачи 1 сентября. Что делать с портретом[1] Шаляпина? Не заедете ли Вы фиксировать его в четверт, 30 авг[уста], Александров день?

Ваш *В. Стасов.*

А я ведь прихворнул было на прошлой неделе — перепугал наших. Думали было не брюшной ли тиф начинается?

Теперь я в городе, все не кончил еще свою большую статью[2]. Застрял на кончике «музыки». Все прочее набрано Ко ЛЬВУ не еду.

1903

323. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, суббота, 7 июня 1903

Дорогой Илья, сто лет Вас не вижу и не слышу[1]. А как хотелось бы! Случайно услыхал я, что Вы на даче у знакомых, в Квакале[2] (хотя, наверное, не «квакаете» там, а что-нибудь хорошее стряпаете и затеваете). Нельзя ли к нам хоть 15 июля? Вон московский иезуит (т. е. Михайло Боткин) намеднись сказал мне на вокзале, что видел Ваш «Государств[енный] совет»[3] и считает, что это будет лучшее Ваше произведение, я вроде того же думаю (и довольно давно уже: помните, когда я был у Вас в Госуд[арственном] совете, — я тоже находил!), только мне жаль было бы, если б Ваше нынешнее совершенство письма и скульптирование проявилось на коллекции каких-то завзятых негодяев, подлецов, насильников и злодеев или же идиотов послушных и дураков покорных, а не на создании каком-либо великом по содержанию. Ну, да пускай будет как будет[4], и что будет, только бы дитя не плакало (а это дитя — *Я*).

Итак, нельзя ли: до свиданья.

Ваш *В. С[тасов]*.

Да скажите, ради всех святых, где живут, тут где-то около нас, в деревне, Ваши две дочери: Вера и Татьяна. Не худо бы мне их повидать и навестить!

324. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Имп[ераторская] публ[ичная] б[иблиоте]ка, 12 июня 1903

Дорогой Илья Ефимович

Собственник известного Вам американского иллюстрированного журнала «Scribner's Magazine» пишет мне,

что у них издается перевод (на английский язык) полного собрания сочинений Тургенева; они прилагают несколько таблиц с рисунками: его портретом, домом в Новоспасском[1], кабинета и т. д. Но переводчица их (Изабелла Гапгуд)[2] сказала им, что у Вас и у меня есть под руками еще несколько других очень хороших рисунков, касающихся Тургенева, его жизни и обстановки. Они и просят Вас и меня прислать им подобные материалы в оригиналах или копиях на короткое время.

У меня ровно ничего нет, и я не знаю ровно ничего в этом роде; потому я и пишу поскорее к Вам: нет ли у Вас или не укажете ли Вы мне и им что-нибудь подходящее для их издания?

Если вздумаете что-нибудь, пожалуйста, черкните. Но я сильно сомневаюсь, чтобы Вы нашли или указали что-нибудь для них.

Ваш всегда

В. Стасов.

325. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

16 июня 1903[1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Письмо Ваше пролежало в городе три дня — я не всякий день езжу туда.

К сочин[ениям] Тургенева есть очень недурные иллюстрации Клав[дия] Лебедева (очень «изящное» издание[2] — лет 15 назад я видел у Менделеева[3]). Потом кое-что сделал весьма удачно Дмитриев-Оренбургский. Самого Тургенева на охоте, к «Свиданью», к «Накануне». В свое время эти вещи имели большой успех (дело было еще в «Артели»).

У меня же лично ничего нет, кроме портрета[4] в Румянцевском музее, Вы знаете.

Портрет[5] раб[оты] Харламова висит в Музее Алекс[андра] III.

Всегда Ваш

И. Репин.

326. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

7 июля 1903 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Как я разодолжен Вашим портретом! [2] Передайте Перельману [3] мое сердечное спасибо.

Конечно, 15-го увидимся. Я с наслаждением расцелую Вас еще за Вашу титаническую идею! [4]

Раздумывая после, я имею и возражения — есть незыблемые заборы, через которые Ваша гениальная мысль будет переваливать не без колоссального труда. Но меня восхищает эта дерзость молодой непримиримой головы в 79 лет, браво!

Ваш *Илья.*

327. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[30 июля 1903] [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Благодарю Вас и Перельмана за воспроизведение «венка» [2]. Надежде Петровне [3] целую ее прекраснейшие руки.

Наталье Борисовне я передал Ваше желание, и она обещала исполнить его, насколько ей удастся воспроизведение с карандаша [4].

Ваш *Илья.*

328. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

16 окт[ября] 1903 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Большое Вам спасибо за привезенный поклон от Л. ВЕЛИКОГО. Как трогательно, что он работает и за 1000 чел[овек]!!!.. [2].

Дай ему бог еще много лет нас радовать и журить не мешает — забываемся...

Я все еще живу у моря [3]; только иногда приезжаю в Питер.

В Госуд[арственном] совете я сказал швейцару, если Вы пожалуете, чтобы Вас подобающе приняли. Самое лучшее, если Вы вытребуете генерала Шевелева [4], кот[орый], тогда

еще [5], будучи полковником, угощал Вас кофеем. Он счастлив будет погарцовать перед Вами с красотою и ловкостью военного человека.

Очень радуюсь взглянуть на фотогр[афию] с Вашего портрета — это когда буду у Вас.

Ваш *Илья.*

329. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Имп[ераторская] публ[ичная] б[иблиоте]ка,
суббота, 25 окт[ября] 1903

Дорогой Илья, не казните меня, не снимайте с меня головы и вообще ничего, хотя я и совершил какое преступление против Вас!

Вчера (пятница) я был в Государ[ственном] совете и видел уже в полном окончании Вашу «Картинную галлерею» под названием «Заседание Госуд[арственного] совета» и так восхитился, что сегодня потащил туда же Дмитрия и Варю [1].

Для этого мне и пришлось совершить такое предприятие: т. е. объявить швейцарам и служителям, что от Вас уже получено Ваше разрешение!

Это, конечно, ложь, значит, преступление, но мне служит отчасти оправданием то, что для меня Ваше разрешение уже существует, а для Дмитрия — почти существует, так как он писал уже Вам недавно, просил позволить ему, и он (и я) не сомневаемся в Вашем позволении, да только оно не пришло еще!

Итак, простите, пожалуйста! Но всячески картина Ваша чудная, необыкновенная и стоит выше всяких похвал. Не понимаю только, как Вы могли взять за нее так мало, так мало: надо бы, по крайней мере, 50 000. Но что я еще спрошу: имею ли я (или кто бы то ни было) писать публично про эту вашу вещь?

Смерть хочется, смерть руки чешутся!

В. С[тасов].

330. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[27 октября 1903] [1]

Дорогой Владимир Васильевич!

Вы меня очень обрадовали, что побывали не только один, но еще и с Дмитрием Васильевичем и Варварой Дмитриевной.

И что это Вы, с какими нежными извинениями! Какому же автору нелестно, если его труд возбуждает охоту узнать его! Кто против, чтобы о нем писали? Помилуйте, люди нынче готовы итти на всякие сделки даже с совестью, чтобы только о них писали. Я благодарю бога, что мне так счастливится в этом и дается легче, чем другим.

И вперед, прошу Вас, кто очень пожелает видеть картину, посылайте. Я уже сказал швейцарам, чтобы пускали моих знакомых. Да ведь они водят массу своих; все чиновники, служащие в Госуд[арственной] канцелярии, приводят своих знакомых.

Благодарю, благодарю Вас за добрые слова — очень обрадовали

Вашего *Илью*.

331. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

11 дек[абря] 1903 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Большое счастье было мне вчера прочитать Ваши громкие строки [2] в «Новостях» по поводу моей карт[ины] «Госуд[арственный] совет». Чем-то былым, освежающим, резвым, весенним воздухом обвеяло меня; какие-то мощные объятия старого друга бережно приподняли меня над бренной землей и встряхнули на здоровье...

Спасибо, спасибо Вам; крепко целую Вас.

Всегда, при всех случаях, горячо любящий Вас.

Ваш *Илья*.

1904

332. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], пятница, 20 февр[аля] 1904

Илья Ефимович, мне хочется написать Вам несколько строк про вчерашний вечер. Ведь вчера был день 1-го Беляевского концерта [1], первого после смерти Беляева. Мне было очень досадно, но вместе и очень удивительно, что Вас тут не было с нами. Мне кажется, во все почти 20 лет этих концертов Вы всегда бывали с нами! Притом же, если б Вы были вчера в зале Дворянского собрания, то многое изменилось бы. Так, напр[имер], портрет Беляевский (прекрасный в копии [2] Кудрявцева [3]) был бы поставлен, во-первых, не на левой стороне эстрады, а на правой, и притом совсем не так далеко от зрителя, как его установил Кудрявцев, — явно еще малоопытный и малопривычный рассуждать, и оттого портрет много выиграл бы.

Во-первых, портрет казался бы большего размера, чем вчера выходило; во-вторых, не было бы той несообразности, что портрет смотрит в сторону от оркестра и повернулся к нему спиной (!), а, напротив, Беляев смотрел бы справа налево именно по направлению к оркестру, как будто слушая его. Напрасно я напоминал нашим господам музыкантам, что когда Вы сами лично устанавливали портреты, то Листа, то Бородина, на этой же самой эстраде Дворянского собрания, то ставили эти портреты направо, а не налево на эстраде, и на самом переднем плане эстрады. Но, конечно, все скорее послушались Кудрявцева, как художника, и притом — автора копии! Значит, очень жаль, что Вас не было тут налицо! Впрочем, портрет все-таки был великолепен и чудесно эффектен на фоне своей густой, высокой и широкой зелени. Теперь расскажу Вам, что было дальше, на ужине у Глазуновых, куда нас всех, бывшую компанию Беляева, позвали после концерта. Сам хозяин, Ал[ександр] Конст[антинович] Глазунов, сказал после жаркого, но без шампанского, приблизительно следующее: «Господа, мы трое

(Римский-Корсаков, Лядов и я) назначены исполнителями воли и намерений М. П. Беляева. Его желание, чтобы его концерты продолжались и после него, исполнено нами точно, верно и с успехом. Мы дали сегодня концерт, как желал и делал всегда сам М. П. Но мы продолжаем сегодня, теперь и те собрания и беседы, которые всегда бывали у М. П. Б[еляева] после его концертов, у него на ужине, и которые нам всегда бывали так приятны и драгоценны. И вот мы собрались здесь попрежнему, по-всегдашнему и беседуем о музыке и о М[итрофане] П[етровиче]. Но я предлагаю повторить и те тосты: за процветание нашего дела и нашего дорогого искусства и за здоровье и благоденствие дорогих нам людей, какие всегда у него бывали в концертные дни, на ужине. И потому начнемте, господа, с первого всегдашнего его тоста — за здоровье Н. А. Римского-Корсакова!»

Но когда кончился шум, гром, хождение к чествуемому, поздравления, Н. А. Римский-Корсаков начал с благодарности за самого себя, а потом продолжил всегдашний 2-й Беляевский тост — «за Вл[адимира] Вас[ильевича] Стасова». Я сначала думал было ничего не отвечать на этот тост, слишком хорошо сознавал свою великую неспособность и неуменье говорить перед многими людьми (особливо почти все талантами, как тут), но потом, пропустив целых два других тоста, собрался с мыслями и некоторою храбростью и сказал (приблизительно) вот что: «Господа, вы мне новый раз оказали честь, которую я, конечно, слишком мало заслуживаю. Вы нашли нужду и охоту пить за мое здоровье, и я Вам новый раз глубоко благодарен. Всю главную половину моей жизни мне привелось провести среди лучших и значительнейших художников нашей родины, среди их бесед и общения и среди наслаждения великими их произведениями. Конечно, подобная жизнь могла только значительно возвысить меня — не художника, не творца, не создателя благородных, высоких произведений. Но я всегда глубоко чувствовал великую благодарность моей судьбе за возможность такой исключительно счастливой жизни. Нынче, под конец моей жизни, вы даете мне новый раз возможность испытать это, связав мою личность с воспоминаниями об одном из самых дорогих и важных для меня людей моего прошлого — с воспоминаниями о чествуемом нынче нами незабвенном М. П. Беляеве. Но позвольте мне, господа, предложить в настоящую минуту тост за здоровье и процветание человека, которого сегодня, к сожалению, с нами нет, но который, конечно, несравненно более меня принадлежит к сегодняшнему нашему сердечному и душевному празднованию. Я предлагаю тост за И. Е. Репина, во-первых,

потому, что этим мы продолжим и возобновим то, что прежде тоже всегда бывало у самого М. П. Беляева, на подобных наших собраниях и ужинах, бывало, мы всегда предлагаем тост за И. Е. Репина, а во-вторых, мы все бесконечною благодарностью обязаны Репину за то, что он своею высокоталантливою кистью начертил и сохранил для всех будущих наших поколений черты и облики как М. П. Беляева, так и трех величайших музыкальных художников его времени (Р[имского]-Корс[акова], Лядова и Глазунова), которые, вместе с М. П. Беляевым, навеки будут сиять среди изображений величайших русских художников в нашем национальном музее, Музее Александра III[4]. И я могу только с особенною торжествующею гордостью припоминать, что лучший из этих четырех портретов, портрет самого М. П. Беляева, быть может, высший и совершеннейший из портретов Репина, явился на свет отчасти при моем косвенном, внешнем участии... Вы все, господа, не знаете, как произошел этот портрет — так я Вам расскажу. Мы в 80-х годах часто стаивали вместе во время хороших, нам приятных концертов, на площадке между двух колонн, наверху у входа в залу. Раз Репин мне говорит: «Как мне бы хотелось написать этюд с этого красавца-мужчины, могучего и мужественного, полного какой-то особенной силы, который с вами тут стоит и говорит» (он тогда еще не был с Беляевым знаком). Я тотчас сказал это Митрофану Петровичу, познакомил их, и тут же они порешили — портрет писать. Но почти в первый же день М. П. Беляев объявил, что и Репин и его портрет так ему приятны, и нравятся, что он желал бы этой вещи быть не этюдом для Репина, а портретом для него, Беляева. Так оно и устроилось. И, что составляет предмет немаловажной для меня гордости, это то, что мне удалось, по нечаянности, сделать одно маленькое указание Репину, которое как будто прибавило еще одну каплю к красоте и силе портрета. Вначале была изображена на холсте у Репина всего одна рука Беляева — левая, засунутая в карман. Правой не было на картине, а это было жалко, и притом перед грудью было незанятое пустое пространство. Я спросил Репина, не захочет ли он пристроить на этом месте и правую руку? Репину эта идея понравилась, и он написал чудную правую руку, красивую, белую и могучую, поднимающуюся, как была часто привычка у М. П. Беляева, к подбородку и бороде. Как это было изящно, верно и красиво...!!» После этой моей речи небольшой все повскакали с мест, пришли ко мне с рюмками, чокались и поздравляли громко, и шумно, весело. О чем и имею честь доложить Вам.

Вы, конечно, знаете, что умер недавно адвокат Герард [5], он оставил семейство без ничего, оттого, что сильно играл на бирже и почти все свое хорошее имение спустил. Теперь семейство желает продать чудный, чудный, чудный Ваш портрет Герарда в Музей Александра III за 5 000. Мой брат Дмитрий уже говорил об этом графу Дм. Ив. Толстому [6]. Что будет — неизвестно.

Я еще не видал Ваших «этюдов» [7] к картине «Государств[енный] совет». Говорят — чудеса!

Ваш *В. С[тасов]*.

333. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

22 февр[аля] 1904 [1]

Вот досада! Я просто прозевал концерт М. П. Беляева!.. Я хотел непременно быть на нем, как и на прочих русских концертах непременно намерен бывать. Величайшее Вам спасибо, дорогой Владимир Васильевич. Вот и в 80 лет Вы все такой же бодрый, молодой и ничего не пропускаете, а я зевал... Ах, как мне стыдно!

Вы совершенно правы по поводу выставки портрета в зале: разумеется, его надо было поместить справа на самой раме эстрады, если помещать. Но, я думаю, едва ли там послушали Кудрявцева; полагаю, что это только на него свалили. И какой чудак Кудрявцев; еще накануне я был у него, и он мне ни слова не сказал о том, что копия готовится к концерту. Такая обида. Однако думаю беспристрастно, что Вы уж очень много чести мне оказали; я даже сконфужен — не стою, право. Смущенный, покрасневший от стыда, я низко кланяюсь и благодарю, благодарю!..

Как жаль семью В. Н. Герарда! Вот ведь умный, тактичный человек был... И охота же ему была рисковать! Я не знаю, располагает ли Музей Алекс[андра] III такими средствами, чтобы платить большие суммы за портреты. Моих, т. е. моей работы, портретов в музее уже достаточное количество. А главное, вел[икий] кн[язь] [2] постоянно жалуется, что денег у них нет. И не на что покупать выдающихся вещей современных художников. Это, вероятно, пойдет на утверждение Академии.

Слава Вам, неутомимому урагану, шевелящему и бодрящему нас.

Ваш *И. Репин*.

334. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

6 апр[еля] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Прилагаю Вам письмо профессора неаполитанской Академии худож[еств] — Миолы *. Этот талантливый художник был другом нашего Вячеслава Шварца и в истории итальянской живописи играет такую же роль, какую у нас — Шварц. Его картины: в музее «Capo di Monto» «Смерть Виргинии», «Досуги Горация и жрицы Пифии» и мн[огие] другие носят совершенно реальный характер, ничего общего с классическим бутафорством.

Письмо его, как Вы увидите, очень симпатично, и цель письма, надеюсь, будет очень близка Вашему сердцу. Я прошу Вас, если только Вам возможно, исполните за меня его просьбу. Вы это только и можете сделать хорошо; а я пишу Миоле, что передал Вам его письмо, на кот[орое] он получит непосредственно от Вас желаемые сведения об Антокольском [2].

[*И. Репин*].

335. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

9 апр[еля] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Относительно середы 14 апр[еля] это я говорил, что я раньше этого дня не могу. А позже — сколько угодно и когда угодно. Известите только меня, когда Вы решите устроить, за два дня вперед: когда, где и в какие часы состоится чтение [2] о Верещагине.

Ваш *И. Репин*.

336. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург],
Импер[аторская] публ[ичная] библиотека,
воскрес[енье], 11 апреля 1904

Дорогой Илья,

I. По Вашему делу:

Я написал письмо к профессору Миола в Неаполь и указал ему, где он может найти сведения об Антокольском

* Это человек очень образованный, кроме преподавания живописи, он читает там историю искусства и очень, очень хороший человек.

по-французски (по-итальянски я таких не знаю); если же у них в Неаполе этих книг нет, то я прошу его поскорее написать мне, и тогда я ему пошлю, частью копии с печатного, а частью сам напишу ему по-французски, вновь.

II. По нашему делу (общему):

1) Собрание в честь и память Верещагина назначено во вторник, 20 апреля, в 8 часов вечера, в конференц-зале Академии художеств. Билеты и программы уже печатают, а на днях появится и объявление в тексте газет.

Будут читать или говорить: граф Ив. Ив. Толстой; потом — Вы; потом — Элиас; потом Вл. Ив. Ковалевский [1]; наконец — тоже и я.

Только бы со мною не случилось опять какой-нибудь каверзы, вроде как в прошлый четверг! [2] Будет также 50 изображений волшебного фонаря (портреты, мастерские — парижская и московская, потом разные картины Верещагина).

Только бы удалось все!

Конечно, героем вечера будете Вы.

Так и следует по всем правам.

До свиданья.

Ваш *В. С*[*тасов*].

Вчера и третьего дня мне пришлось перебирать Ваши письма ко мне 70-х и 80-х годов. Какие там изумительные чудеса есть! Какая жизнь, энергия, стремительность, сила, живость, красивость и колоритность! Что ожидает чтецов будущих поколений!

[ИЗ] ПИСЬМ[А] И. Е. РЕПИНА к В. В. СТАСОВУ

Из Москвы, 9 июня 1877

«...Теперь только, увидев самые картины Верещагина, я понял и оценил всю свежесть взгляда Верещагина, эту оригинальную натуральность представления! Какие есть у него чудеса колорита, и живописи, и жизни в красках! Необыкновенно! Простота, смелость, самостоятельность...» *

(Конечно, немало подобного есть и в других Ваших письмах, да только вот беда — мне теперь некогда решительно рыться и искать.)

---

* Стасов цитирует письмо к нему Репина из Москвы от 9 июня 1877 г. — *Ред.*

337. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Среда, 21 апреля 1904 [1]

Дорогой Илья, пожалуйста, где-нибудь напечатайте вчерашнюю Вашу лекцию о Верещагине! Она такая важная, такая значительная — мне так она понравилась и такой произвела на меня эффект, — напомнила мне Вашу статью о Крамском и частью о Ге. Такие вещи не должны пропадать, залеживаться в пыли. Однажды они должны быть переведены на иностранные языки и везде известны как важные художественные документы [2].

Непременно, непременно напечатайте, да еще поскорее!

В. С[тасов].

338. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

22 апр[еля] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

У меня нет ничего писанного о Верещагине — я говорил экспромтом. Писать и не могу, и рука отказывается от литературы [2].

Я в полнейшем восторге от Вашего «Шейлока»! Эта ст[атья] [3] должна занять очень серьезное место в литературе о Шекспире. В этой необъятной литературе, мне кажется, не найдется ничего равносильного этой статье Вашей. Вы еще никогда не являлись таким беспристрастным философом и таким глубоким человеком — исполать Вам! Меня возмущает тупость, трусость и подлость Венгерова [4] [....]. Например, сколько раз Елиас печатал куда храбрее за евреев; и ведь ничего, даже и нападок не терпел. Что же здесь нетерпимого?!!..

И Вы здесь так умеренны, без всякого юдофильства, говорите такую человеческую правду, как сам Шекспир. Как можно было не напечатать такого дивного chef d'oeuvre'a! Во всей критической литературе о Шекспире это образцовое создание. И как кратко, веско, содержательно... Слава, слава Вам, маститому рыцарю за права человека; особенно права забитого, искалеченного, испошленного племени!.. Ох, некогда...

Будьте здоровы.

Ваш *Илья.*

339. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Пятница, 23 апр[еля]1904 [1]

Дорогой, по-всегдашнему несравненный Илья, как Вы меня удивили вчера письмом о «Шейлоке»! Вот-то уже никак не ожидал столько! Конечно, если б не веровал, что скажу что-то новое, то пера бы не поднимал со своего лоточка. Но такого эффекта на Вас и еще на кое-кого из настоящих никак не ожидал. Но что меня изумляет до корней волос — это как Лев ВЕЛИКИЙ может итти (и именно в последнее время) против Шекспира. Ведь просто ненавидит и повально не признает ни единой строки у него [2]. Отчего это и как произошло — кто же это отгадает. Но увидевши и услышавши, я уже вовсе и переставал пробовать говорить с ним о Шекспире: Вы знаете, какой он раздражительный, упорный и непреклонный. Дотронься только до враждебной ему мысли или чувства, он, словно паук (видали Вы?), тронет лапкой этой паутинку и бросится по ней стремглав на жертву — тут и пой вечную память дружеским, мирным сношениям! Я видал, слыхал и чувствовал на собственной шкуре подобные примеры. Однажды я было попробовал доказать ему, насколько он неправ, приписав вдруг Шекспиру роялистские чувства и настроения, всегда, везде и во всем я говорил: «Будьте осторожны, не шлепайте этого так прямо, Вам вдруг тотчас 100 человек докажут на 100 примерах из оригинала, что Шекспир никогда не был роялистом, а яркий демократ», но он не хочет ничего слушать да еще как сердится! — никто не смей ему противоречить, а кому охота с ним ссориться, ну, и подожмешь свой хвост и рот. А как хотелось бы вместо того потолковать с ним именно о Шекспире!! С кем еще?! Вот у него из мортир и бомбических его пушек какие снаряды летят нынче во все, во все, до чего все другие и дотронуться мыслью и не смеют, посмотрите только: античная (превозносимая уже лет 500, 800) трагедия Софоклов и других нестерпимых кривляк и уродов (хотя и талантливых уродов); рифмы в стихах — безобразный и глупейший, в большинстве случаев, каприз стихотворцев; строфы поэмы (непременно 8 или 14 или там сколько),— какое насилие и безобразие!! Кто еще, кроме Льва нашего, смеет такие «священные» и «божественные» вещи трогать и опрокидывать? [3] Ах, как подумаю, как мне хочется повидать [4] хоть еще один раз этого несравненного чудака и смельчака! Ах, как иной раз снова загорается моя старинная идея написать мой «РАЗГРОМ», который я внутри себя ношу и лелею, может быть, 30—35 лет, да еще он же меня побуждает и наводит,

напоминает мне — ах, если б не издохнуть раньше, чем это, наконец, напишешь. Нынче только об этом и думаю. Ах, если б летом удалось сделать. Вот-то счастье.

А кончаю эти строки все тем же: как Вы удивили, поразили меня своими словами о моем «Ш е й л о к е». Куда благодарить!! Вовсе уже и нейдет.

В. С[*тасов*].

340. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Понедельник, 19 июля [1904][1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Очень радуюсь, что в субботу[2] собираетесь ко мне со всей милой компанией — Вашей семьей! Марию Николаевну[3], Наталью Федоровну[4], Эрнестину Ивановну[5], Софью Васильевну[6], Софью Константиновну Каверину[7], Андрея Дмитриевича Стасова[8] с супругой[9] — буду очень счастлив видеть всех здесь.

Теперь п о с е к р е т у Вам на ушко: больше никого не приглашайте, так как посуда, и помещение, и освещение, и прислуга — все это у меня здесь в очень ограниченном составе.

Целую Вас и жду.

Ваш *Илья*.

Шляпу Ропету я отошлю, немедленно, очень рад, что знаю чья[10].

341. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, 25 июля 1904

Дорогой Илья, воротясь вчера из Куоккала домой, я нашел тут письмо от Ропета, который пишет мне, что получил от Вас не с в о ю шляпу, а чью-то чужую.

Вот уж именно можно сказать теперь, что у нас «дело в шляпе».

Ничего не остается мне другого подумать, кроме разве того, что, может быть, это шляпа Б е р е н ш т а м м а[1]. И потому сделайте одолжение: отправьте находящуюся у Вас неизвестную шляпу к Беренштамму, живущему во флигеле Академии художеств, по 4-й линии. Об этом я сообщаю сегодня же Ропету.

Теперь другое: скажите, пожалуйста, Наталье Борисовне, что она произвела вчера самое п р е в о с х о д н о е и сим-

патичное впечатление повально на всю компанию, бывшую вчера у Вас в гостях[2] и пившую за здоровье и успехи 60-летнего новорожденного. Много было об этом разговоров. Здесь ли, в Старожиловке, или (если это невозможно!) на петербургских Песках осенью ждем Вас обоих. Но предварю только, что всю будущую неделю я в Старожиловке, а с 1 августа буду уже приезжать сюда лишь раз или два в неделю — мои каникулы кончились.

Такая досада: сегодня начались наши отъезды: утром в 8 часов уехала Соня Медведева к матери в Ялту; в 4 часа дня — Соня Каверина в Вильно, к товаркам; в среду уезжает Наташа в Полтаву, в свое маленькое поместье. Какое приготовляется нам одиночество!!

Еще вчера же вечером я прочитал берлинско-венскую статью про Вас в газете «Nation»[3]. Я нахожу, что это едва ли не лучшая из всех статей, написанных до сих пор про Вас. Отлично, отлично, и я сильно радуюсь. Но как меня порадовала и восхитила Нат[алья] Бор[исовна] своим «Сборником» статей[4] про Вас и рисунков с Вас. Вот-то чудесное предприятие!! На свою долю надеюсь прибавить ей много нового материала. Ведь у ней могут собраться только журнальные и газетные статьи и, конечно, далеко не все: нет, кажется, вовсе итальянских, американских и разных других. Да, вероятно, и те еще *не все*. А книги? Я знаю и видел такие на разных языках, где речь идет про Вас. И вот тут-то я на что-нибудь пригожусь Нат[алье] Борисовне. Но я надеюсь, что осенью она даст мне просмотреть и прочитать многое у себя в огромной ее книге. Осенью я собираюсь давать разные отпоры декадентам и другим дуракам и болванам по разным предметам, в том числе и насчет Вас. Значит, надо иметь побольше материала в руках.

В. С[тасов].

342. И. Е. РЕПИН и Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

[17 августа 1904][1]

Дорогой Владимир Васильевич

Как видите, Горький[2] Вам кланяется, и я присовокупляю свой поклон и жду в среду[3].

Ваш *Илья*.

И я — ждем Вас со всем обществом.

Н. Нордман.

343. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С-П[етер]б[ург], 1 окт[ября] 1904

Дорогой Илья,

В издании писем [1] Антокольского я сегодня приостановился на 1896 году и решил наперед спросить Вас.

Тут был небольшой разлад [2] между мною и Вами, Антоколия тоже принимает участие в этом, и встречается в его письмах несколько порицательных выражений о Вас (впрочем, ничего особенного, довольно мягко, и постоянное желание, чтоб между нами поскорее состоялся полный лад, — вообще высшее доброжелательство к обеим сторонам) [3]. Я было вычеркнул здесь везде Вашу фамилию и поставил NN. Но теперь думаю, что это нехорошо и лучше никого и ничего не прятать. Думаю, и Вы тоже не из робких и не из трусливых. Правда? И не захотите прятаться за ширмой. Что было, то было. От маленьких частных соринок Ваше величье и значение никогда не уменьшатся.

Если Вы согласны будете со мною, я в общем предисловии издания прямо так и напечатаю, что все немного шершавые места печатаются с Вашего разрешения.

Про себя же точно так же везде и всегда печатаю все самое шершавое. Одобряете?

Ваш *В. С[тасов]*.

Пожалуйста, ответьте поскорей.

Завтра я пишу письмо любезной Наталье Борисовне по некоторым нашим с нею делам.

344. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

2 октябр[я] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Разумеется, я никакие шероховатости прятать не согласен, особенно такие, на какие я и права не имею.

Ведь это же все равно будет известно; да и что там может быть страшного?! Во всяком случае, я позволил себе самому так безрассудно и неумеренно пользоваться критикой моих друзей [2], что должен молчать и принимать смиренно все их порицание себя.

Пожалуйста, без всяких пряток.

Ваш *Илья*.

345. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], понед[ельник], 4 окт[ября] 1904

Очень, — и много, — и истинно — уважаемая Наталья Борисовна, позвольте просить Вас, по Вашему летнему еще обещанию, некоторые оттиски Ваших столько интересных и столько для нас важных Ваших фотографических снимков с нашей компании.

А именно:

1) Та группа, где в числе других сидите Вы и стоит моя внучка Соня Медведева,

2) Та группа, где находится также та самая Соня Медведева, но также сидит И. Е. Репин.

Я отправил эти 2 Ваши снимка, вместе с разными другими работы фотографа Булла, в Ялту, к моей дочери Софье Владимировне Фортунато, и, значит, лишен их!

Авось у Вас найдутся оттиски посильнее отпечатанные, а то прежние были прекрасны как картинки, но слабы как фотографические оттиски. Можно? Буду Вам чрезвычайно обязан.

Кроме того, позвольте спросить: есть ли уже у Вас, в Вашей прекрасной «Репинской коллекции», немецкая статья немецкого писателя

Hugo Gans [1]

под заглавием: «Ilja Repin»? [2]

Мне ее на днях прислали из Германии.

Радуюсь и восхищаюсь великодушным позволением И. Е. Репина печатать сплошь все написанное про него в письмах Антокольского. — С приветом и симпатией Ваш всегда

В. Стасов.

346. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

6 окт[ября] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Большое спасибо Вам за ст[атью] [2] в «Новостях», читал с восхищением. Особенную радость чувствовал в Ваших веских строках о М. Горьком. Ваш отзыв об этом глубоком таланте и об его саморазвитии будет иметь решающее значение в определении его значения в нашей литературе. До сих пор

о нем было много нелепых несправедливостей — трусливых нападок и наглых буренинских (рядских) ругательств. Отлично Вы смазали этого нововременского цепного барбоса, теряющего свои зубы. Ах, какая гнусность «Новое время» вообще! В какой идиотизм впадает уже Суворин! А, вот о чем я желал бы знать Ваше мнение: о вольной подписке на народное образование. Что Вы скажете? Я в восторге!!! И вообще — ушам и глазам не верю, не во сне ли я — так повеяло отовсюду живым, свежим воздухом!

Что это за прелестный человек этот Святополк-Мирский!!! [3] Откуда он?! И надолго ли? Кто его откопал?!! Чудеса! После этого ограниченного детины, темной личности — бездарности Плеве [4] и вдруг такой свет, луч солнца, тепло... Просто не верится, что это долговечно у нас, где так сжились с ледяными кандалами и холопским молчанием. Можно только кричать ура со знаменем: «На бой, на бой за честь России!» Честь понимается только в виде грабежа и разбоя слабого соседа, захвата имущества больного и т. д. доблести, кот[орые] одни только и признаются достойными награды...

А Вам спасибо!! Спасибо!!

Ваш *Илья.*

347. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, «Пенаты», 10 октября [1904]

Глубокоуважаемый
Владимир Васильевич,

Прежде всего отвечаю на вопросы:

1) Фотографические снимки [1], которые Вы желаете, на днях вышлю. Напечатаны они будут сильнее, но будут немногим лучше, так как съемка сделана в 6 час. вечера и негативы получились слабые.

2) Благодарю Вас очень за указание о вышедшей в свет статье Hugo Gans'a «Ilja Repin». Уже написала, чтобы мне выслали ее из Берлина. Мне только нужны хотя бы самые туманные указания. Разыскивать, выписывать, волноваться, разузнавать становится мне приятно, так как я чувствую, во мне начинает развиваться страсть истинного коллекционера. Ваша похвала, «Anerkennung» [2] моей коллекции также очень ободрила меня. Сперва с помощницей, а затем и сама привела в порядок материалы и теперь в темные осенние дни часами наклеиваю их. Как только альбомы будут готовы, я пришлю их Вам на время. Мне будет приятно, если Вы перелистаете их и, может быть, найдете что-либо для себя.

Вашей горячей статьей * мы восторгались с И[льей] Е[фимовичем].

В России [....] находят особое удовольствие унизить, оскорбить, опозорить своих же выдающихся людей. Довести их до уныния, до утраты веры в самих себя.

Статья Ваша должна быть живой водою для Горького, которого так много и грубо гнали за его талант.

Кто знает, кто знает — может быть, когда-нибудь в ясный зимний день у крылечка нашего заскрыпят полозья, и на пороге, окруженный милым обществом, покажется столь чудно изображенная Репиным знаменитая фигура в шубе и шапке.

Прошу вас, многоуважаемый Владимир Васильевич, передать мой привет Наталии Федоровне, Марии Николаевне и Эрнестине Ивановне.

С глубоким уважением к Вам *Н. Нордман.*

Привет от Ильи Ефимовича.

348. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[27 октября 1904] [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Письмо запорожцев султану [2] было помещено Костомаровым [3] в своей ст[атье] в «Вестнике Европы», если не ошибаюсь, в 1878 или [18]79 г. в начале лета. Мне тогда указал на это письмо Мстислав Прахов. Хотя оно с детства было знакомо мне. В Малороссии у каждого пономаря есть список этого апокрифа. И когда соберутся гости у «батюшки», письмо часто читается вслух подгулявшей компании.

В книге Эварницкого [4] «Интересная страница из жизни запорожских козаков» очень интересно и увлекательно изложена жизнь Запорожья этого времени и письмо довольно обстоятельно критикуется как апокриф — прилагается даже, документально, действительно посланное тогда письмо. Оно, напротив, очень корректно. Лыцари даже стыдят султана за его не «деликатное» отношение к Сечи.

Любезнейшая Наталья Борисовна нисколько не забыла Вас и, своевременно очень обстоятельно, отвечала Вам на Ваше любезное письмо и теперь шлет Вам свой дружеский привет.

Прошу от нас кланяться всей Вашей милой семье и Лидии Николаевне [5], с моим желанием быть полезной ей в ее неутомимой просветительной деятельности.

Ваш *Илья.*

---

* О Горьком.

349. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], суббота, 30 окт[ября] 1904

Дорогой Илья, как я Вам благодарен за письмо Ваше насчет «Запорожцев»! Но оно не пошло мне впрок!

Вообразите: я пересмотрел, лист за листом, страницу за страницей, статьи Костомарова 1878 и 1879 гг. в «Вестнике Европы» под заглавием «Руины», но ничего не нашел о письме к султану. Потом мы (с библиотекарем Русского отделения) искали по другим документам, но тоже ничего не нашли.

Сочинения Эварницкого «Любопытная страница из истории Малороссии (или казачества)» у нас в библиотеке нет, и оно нигде не упомянуто в списках сочинений Эварницкого.

После того я поехал к Дан[иилу] Лук[ичу] Мордовцеву[1], коренному малороссу и малорос[ийскому] писателю, но он полуслеп, очень опустился, уверял, что все знает, читал и сам имеет по части «Казацкого письма к султану», — стал искать, ходил, рылся, полз на коленях у низенького шкапчика — и все-таки ничего не нашел. Говорит: при переезде на новую квартиру куда-то засунули.

Теперь меня посылают еще к одному малороссу, нотариусу Катериничу[2]: на беду он еще в деревне, но скоро воротится в Петербург!

Вот, в такой беде, обращаюсь снова к Вам, дорогой Илья, нет ли у Вас какой-нибудь копии? Мне так хотелось бы исполнить желание нашей любезной Лиды, особливо когда она старается о таком хорошем и славном деле, как Ваши «Запорожцы».

Теперь обращаюсь к наилюбезнейшей Наталье Борисовне. Сударыня милая и милостивая, у нас происходит некая конфузия: я давно получил Ваше прекраснейшее и столь дорогое для меня письмо Ваше — про меня же. И 100 000 раз благодарю за него. Но моя претензия, что Вы меня забываете, не до этого касалась, а совсем до другого!!

А именно, она касалась Ваших фотографий, 24 июля, с нами со всеми на сцене. Вы написали мне: «скоро их вышлю Вам, на днях», — к несчастью, это все еще не осуществилось. Вот где моя претензия, беда, требование; напоминание, просьба, ожидание, нетерпение, выговор (!!!) и даже казнь Вам!!

Вот мы какие! Знай наших!! Значит, будьте милостивы и вспоминайте нас, грешных!

В. Стасов.

350. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

3 ноября 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Как досадно!..

Простите, понять не могу: мне так ясно представляются те книги, в кот[орых] я читал это письмо, да, кроме того, во всех газетах во время выставки картины письмо запорожцев во многих печатали с разными вариациями.

Хотел было сейчас писать Эварницкому, да не знаю куда. Он все был в Екатеринославе, а теперь не знаю где, может быть, в Москве, в университете.

Надо, чтобы он свою книгу прислал Вам, в библиотеку. А та «интересная страница» была издана особой небольшой книжечкой (кажется, издание Л. Ф. Пантелеева) [2].

Да самое лучшее спросить у самого Эварницкого — уж он-то знает все эти письма и все анекдоты о Запорожье: целую книгу напечатал.

Катеринич, нотариус, он сейчас против библиотеки живет; не знаю, насколько он заинтересован, чтобы знать.

В пятницу я буду в Петербурге (присяжным заседателем в окружн[ом] суде); если только у меня будет свободн[ая] минута, я постараюсь отыскать книжку и отправить ее Вам.

Простите ради бога, что вышло так: я думал, что у Вас в библиотеке мигом все отыщут, — уж такое заведение!.. Предлагал Наталии Борисовне написать Вам на этом же письме, но она напишет особо.

Ваш *Илья*.

351. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

7 ноября 1904, Пенаты

Многоуважаемый
Владимир Васильевич,

Карточки готовы. Они находятся в фотографии г-жи Семененко, Невский, 76, против Палкина [1], рядом с «Гурме» [2].

Чтобы не затягивать дела, думаю, было бы лучше всего, если бы кто-нибудь из Ваших был бы так любезен зайти туда и из заказанных мною выбрать те, которые Вы желаете.

Прилагаю свою карточку. Фотография открыта от 10 до 6 ежедневно. Платить ни в каком случае не следует. Это мой постоянный фотограф-исполнитель. Также предупреждаю, что самим Вам туда нельзя. Высоко, и лестница нетерпимо утомительна.

Ваши письма удивительны, — я никогда не видела, чтобы бумага могла так сильно передавать самого пишущего. Читаешь их, и кажется, будто Ваш живой, энергичный и веселый голос раздается по всему дому.

До свидания, многоуважаемый и дорогой Владимир Васильевич.

Преданная Вам

Н. Нордман.

352. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], вторн[ик], 23 ноября 1904

Дорогая (и даже очень, очень дорогая) Наталья Борисовна,

Вчера принесся к нам в Петербург Илья, как метеор какой-нибудь, сверкнул, блеснул — и улетел в своей обширной ватной шинели, пространной, как Черное море. Но пока он еще тут у нас блистал, я десять раз подходил к нему поближе и все пояснял да пояснял, что вот мы как раз толковали перед ним и о нем и о Вас, и так вот хорошо вышло, как раз он и прилетел; на радостях же о его прибытии и только что полученных Ваших превосходных оттисках я, на радостях, тотчас же, сейчас же, вчера же вечером пишу к Вам. Да, вот все это я воображал и намеревался, и ничего-то из всего этого не вышло. Никакого письма я Вам не написал, как ни желалось это мне, ничего, ничего. Ну ради всех святых, как финляндских и чухонских, так и русских с наших Песков и Садовых, не подумайте, что я неблагодарный скот, безобразный какой-то и что я забываю, бесследно, великие и хорошие Ваши дела. Никогда! Никогда! Ничего никогда не забываю из сделанного мне добра. А Вы мне по фотографической части, да и по многим другим наделали добра очень много. Правда, не совсем-то удались первые Ваши, куоккальские оттиски, — нужды нет, теперь заменены превосходными (на которые сильно радовался вчера и Илья Ефимович), и я вполне счастлив и доволен. — Счастлив! Это не пустое слово и не преувеличение. Те два дня, что я был у Вас на даче с нашими дамами, 24 июля и 18 августа, истинно для меня незабвенны — и навсегда. Как я рад, что оба они отпечатаны рукою самой природы — тою, которая называется фотографией! Навряд ли что-нибудь когда повторится еще раз! А впрочем, кто знает: может быть, и в самом деле придет такой день, когда 2—3 наших тележки вдруг остановятся у ваших художественных финских ворот, входим туда — мы, мы, целая толпа ваших приверженцев и почитателей, и опять проживем

самою славною, самою чудною жизнью несколько часов вместе. Вот благодаря И[лье] Е[фимовичу] и Вам я вот теперь 3-й месяц плаваю в восторге — от Горького! Что за чудная натура! Что за чудная голова! Что за поэзия! Что за сила духа и художества! Что за простота и правдивость формы!!! Конечно, я не зилот[1], и не фанатик, и не слепой энтузиаст. Знаю и чувствую все его недочеты и недостатки — их-таки есть, пожалуй, достаточно, но я становлю перед своими глазами свою растопыренную пятерню и гляжу на все у него худое, чуждое, его недостойное сквозь пальцы, любовным, всепрощающим и вместе восхищенным глазом, и великое тут для меня благо совершается. Вот где счастье, вот где радость! И тут сколько я Вам обязан! В одном только Вы кругом виноваты: как-то Вы расположены что-то порядочное во мне встретить. Напрасно! Это не так! Что и было, выдохлось и ослабело. С ужасом гляжу вперед, на будущий конец. Както дожить до тех пор хоть на что-нибудь еще похожим. И всетаки, как там хотите, а продолжайте, пожалуйста, быть для меня милым бальзамом, ласкающими нос духами, успокаивающей ванной. От чего успокаиваться, — о, сколько добра такого рода есть около меня, и в мои 80 лет продолжаются те злобствующие атаки, которые, как гвозди, вонзались мне в тело в продолжение всей жизни. Успокаиваться иной раз на чьем-то сочувствии, отдыхать в чьей-то душистой и теплой ванне куда хорошо и освежительно.

Немножко малодушно, а хорошо!

Ваш *В. С[тасов]*.

353. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

21 дек[абря] 1904 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Вы нас очень обрадовали Вашим обещанием приехать со всей милой Вашей компанией.

Самый лучший час из Питера — 10 ч[асов] 40 минут утра, отсюда — 5 [часов] 18 [минут] вечера.

Для нас было бы лучше: вторник 28 дек[абря].

Ждем непременно — Вас, Марию Николаевну, Наталию Федоровну, Эрнестину Ивановну, Андрея Дмитриевича, Зельму Никитишну[2], Лидию Николаевну и Илью Яковлевича[3], — я очень кланяюсь и прошу не отменить.

Ваш *Илья*.

354. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Суббота, 25 дек[абря] 1904[1]

Дорогой Илья,

К великому моему горю, наша экспедиция к Вам во вторник не состоится!!!

Меня опять одолело кровотечение сегодня ночью, а докторами, в один голос, велено, что когда оно случается, дня 3—4 не выходить. Какая беда, какая досада! А делать нечего!

Мы хотели было, Элиас и я, ехать на мое 2 января (когда мне стукнет 81 год) — ехать ко ЛЬВУ ВЕЛИКОМУ, но, видно, и это не удастся. Приходится смиряться, и, как телята, когда их везут на бойню, остается только лежать на телеге, свесивши голову и высунувши язык из глупого и ни на что уже не годного рта. Однакоже кислиться все-таки не следует, и я смиренно прошу Вас и Наталью Борисовну милостиво отложить наше свидание на несколько времени — авось не надолго!

Но это время утешаюсь, что, сидя дома, почитываю корректуру писем и статей Антоколии, то (в 100-й раз) «Воскресение» ЛЬВА нашего. Про последнего я уже и не говорю — про этот вечный источник правды, света и воодушевления, но каков, каков и Антокольский! Я не дальше, как сегодня утром, читал снова его статью[2] о всемирной выставке 1900 года в Париже. Что за чудная вещь! Я думаю, что нет во всей европейской литературе обозрения искусства XIX века, написанного с такой глубиной, жаром, светлостью мысли и таким художественным языком!

Вообще я думаю, что по критике русские стоят выше всех других в Европе. Западные даже самые высокие и светлые умы обыкновенно понимают только часть: либо свое, либо чужое, а нас и не знают и не подозревают, и это одно уже показывает некоторую их ограниченность и тупость. А русская критика (и художественная и литературная, а часто даже историческая) и всех иностранцев понимает, да своих также.

Например, возьмите хотя бы Наполеона: да кто же во всей Европе не считает его достойным поклонения?! У нас уже давно иначе. И точно то же самое в тысяче других предметов. *Не смеют* свое собственное суждение иметь!

В. С[*тасов*].

355. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

27 дек[абря] 1904 [1]

Как обидно! Дорогой Владимир Васильевич, как досадно!

Ну авось еще на праздниках Ваша экспедиция в Куоккала состоится.

2 генваря я буду в Петерб[урге] и заеду на минуту к Вам. Если застану, то лично узнаю, когда предполагается поездка к нам. А если Вы уже будете в Ясной, то я буду радоваться за Вас: значит, и здоровье хорошо и Вы в обществе того, которого едва ли еще кто так ценит и уважает не на одних только добрых словах, а на деле.

Всей душой желаю скорейшего восстановления Вашей здоровой могучести.

Ваш *Илья*.

С Новым годом!

P. S. Да, и мне казалось, что поэтические думы Антокольского по поводу Парижск[ой] всемирной выставки 1900 г. самое талантливое из всех его писаний пером. И вообще — один из литературных chefs d'oeuvre'ов.

Какая странность — о Наполеоне вспомнили Вы. Да, наша литература как должно переоценила его, зато у правительства он идеал. Они все так же вожделеют покорить мир. Только Наполеон своих родственников ставил королями в покоренных странах — сыто кормиться, а наши держиморды имеют намерение весь мир обратить в арестантов, чтобы кормить их на счет правительства.

[Приписка Н. Б. Нордман:]

Многоуважаемый Владимир Васильевич. Очень бы хотелось мне знать, послали ли Вы Вашу карточку в Красный Крест для напечатания в открытых письмах? Если нет — не поручите ли мне? Я пошлю в первые руки. Как Вы счастливы, что увидите Льва Николаевича. Я всю жажду жизнь этого. Какое варварство ни разу не видеть великого современника. Мне кажется, я упала бы в обморок при виде его. Ce qui est remis, n'est pas perdu [2].

Ждем Вас и все ваше милое общество. При желании Вам здоровья и всего наилучшего.

Н. Нордман.

1905

356. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

2 янв[аря] 1905 [1]

Поздравляю Вас, дорогой великан, с Новым годом, в новый день Вашего рождения!

Сейчас я был в Таврическом дворце. Там готовится громаднейшая выставка портретов [2]. Разрешите поставить туда Ваш и Надежды Васильевны портреты?

Ваш *Илья.*

357. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], 5 января 1905

Дорогой Илья, вот какая обида и досада, не пришлось мне начать мой 81-й год с Вами! Как досадно и как обидно! Но ведь я тоже не поехал к ЛЬВУ ВЕЛИКОМУ, а это какое тоже великое лишение! Что же делать? Отложим нашу поездку до другого раза, когда и мое здоровье будет п о т в е р ж е и погода п о м я г ч е.

Вы говорили про 2 Ваших портрета, Надин и мой, которые Вы желали бы выставить [1] на большой выставке в Таврическом дворце. Конечно, это дело хорошее и вполне справедливое: на выставке самое место для таких chefs d'oeuvre'ов, как эти два. Но, признаюсь, у меня мороз подирает по коже при мысли о том, что̀ может случиться с этими удивительными вещами. Не прорвал ли однажды основательный гвоздь Вашу картину «Николай св.» на Парижской выставке? А французы во сколько аккуратнее... Боюсь страшно и не знаю, на что решиться. Боюсь... боюсь. Чем поправишь, если бы беда вдруг стряслась? Но мне кажется, нехудо было бы и другой мой портрет попробовать выставить — Вашей же руки: это д р е з д е н с к и й, тот, что у Дмитрия. Дмитрия теперь здесь покуда нет. Он в Ялте у опасно болеющего сына Сергея [2] — на днях же будет назад. Что-то он скажет? Согла-

сится ли дать портрет на выставку? Но если это случится, мне очень хотелось бы рассказать в печати (в каталоге или в критической моей будущей статье), как написан этот портрет — всего в два сеанса, в запертом № гостиницы, первый сеанс — от 9 ч[асов] утра до 6 часов вечера, второй сеанс — от 9 ч[асов] утра до 3 часов дня: итого — 15 часов!! Это такой курьез, который надо сохранить в истории русской живописи. Но сверх того, мне кажется, хорошо бы Вам выставить мой портрет маленький, в красной рубашке [3], — ведь он превосходный. А что, для шутки нельзя ли было бы выставить и рисунок безумного буйвола Перельмана, который нарисовал, как Вы в Парголове пишете этот мой портрет в красной рубахе, в Парголове, в саду, а Над[ежда] Петр[овна], по моему секретному наущению, на ушко, надевает Вам венок из цветов — сверх шляпы. Право, стоило бы!

Ваш всегда

В. Стасов.

358. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

5 января 1905 [1]

Вот мы к Вам и не доехали нынче, любезнейшая наша Наталья Борисовна! Предосадно. Но, по французской пословице, ce qui est remis, n'est pas perdu! [2] В другой какой-нибудь раз будем опять сидеть в той комнате, где Ваш прекрасный портрет [3] и где спинка кресла так написана, что хочется пощупать и погладить дерево, а также и в попугайской клетке [4], где столько было пето чудной музыки Мусоргского устами m-me Федоровой [5], и даже очень сносно («Детская»), и где так много было читано чудной поэмы «Человек» устами самого Горького, так проклинаемого и ненавидимого всеми ретроградами у нас. Ах, попугайская клетка, попугайская клетка! Никогда, кажется, ее не забуду, да и тогдашний изумительный день! Какие неизгладимые рельсы он нарезал у меня на сердце и на памяти!

Ваш *В. С[тасов]*.

Вы говорите: мой портрет на открытках Красного Креста? Но я ненавижу, чтоб рисунки и портреты были на открытках, — это профанация живописи, искусства и природы лапами и штемпелями почты и почтальонов, — во-вторых, кому нужны мои такие портреты? [6]

359. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], 21 янв[аря] 1905

Наталья Борисовна любезная, жалко, бог знает, как жалко повещать это, а делать нечего, надо: мы теперь не попадем к Вам ни 2 февраля, ни, кажется, ни которого другого. Наша компания совсем расклеилась. И не то, чтобы я один. Нет, кажись — все. Начнем издалека. Андрей с Зельмой говорят, что как ни хочется, а не могут и думать. И в самом деле, Полина[1] — в Ялте, где в злой чахотке сидит и лежит старший сын Сергей, — говорят, «спасенья нет»; но сколько времени он еще может протянуть, никто не может сказать. Вот Полина и водворилась около него, от него ни на шаг, а Дмитрий[2] тоже был там с нею, но уехал в Новгород, на свое земское собрание, где он, кажется, изрядно большое действующее лицо, но только дело его там кончится, он опять летит в Ялту. Значит, мы все здешние в каком положении и страхе. Никуда, ни шагу, нигде не бываем, никого почти не видаем, — вот это все раз. Потом наша Маша поминутно то тем, то сим прихварывает и сидит дома. А я, а я! Вот-то очень хорош, все вожусь со своей болезнью и медициной. Конечно, нельзя сказать, что я, как мертвое бревно, лежал в кровати и не двигался. Этого нет, я двигаюсь, хожу, езжу, говорю, слушаю, но всего более прислушаюсь к своей медицине — сто раз в день! Не кровь ли опять? Или пронесло на сегодня? — Вот я и лечусь, и поправляюсь, и опять спотыкаюсь, и опять попадаю в ту же противную лужу. Знаете, моя болезнь — словно какая-то поганая паршивая собака, которую выгонят палкой в одну дверь, а она, немного подождавши, влезет назад — через другую. И сколько ни выгоняй, она знай свое творит, что ей надо и что ей аппетитно: и воет, и кусает, и грызет! Так вот со всем этим на горбу у тебя не очень-то разъездишься, — даже туда, где хорошо и где хорошие люди, поневоле закусишь немножко губы и не очень-то развязно начнешь становить одну ногу перед другой, не очень-то расшагаешься. А хотел бы я знать, как-то у Вас течет время? Так ли, как у меня, например, или иначе как-нибудь? У меня, скажу Вам, время течет медленно и туго, сползает вниз словно какое-то густое касторовое масло, которого не скоро добьешься, чтоб слезло вон с ложки, — тянется, тянется, и конца тому нет! Ничего не делаю, ничего не пишу и даже не читаю — ничего, ничего, кроме газет не знаю и не вижу (кроме, конечно, службы — уже от этой не уйдешь, да и слава богу, по крайней мере та кое что-то обязательное, от которого уже не отвертишься и непременно справишь и исполнишь.) Одно только я делаю

твердо, упорно и упрямо: читаю газеты русские и иностранные. Вот это, вот это теперь — единственное, настоящее мое дело, но такое, где я весь и куда я прильнул каждым мускулом и нервом. Русские — это те, которые и Вы, наверное, читаете. Не знаю только, утонули ли Вы в них, как я[3]. Главная для меня — та, где я открыл, в длинном списке программы, по самой середине, почти в самом центре, фамилию одного человека, мне дорогого, который мало того, что и живописец, и скульптор, и архитектор, но еще и настоящий человек своего времени и своей земли[4]. И я радовался, разобрав имя и фамилию, невзирая на то, каким крохотным шрифтом. Ах, какие чудные вещи я встречаю в этих листках всякий день, всякий день! Не знаю, право, откуда в те листья столько громадно талантливых людей отыскали и притянули. Приносят газету, и весь радуешься, вперед зная, сколько правды, ума, чувства, трагедии и потрясательности сейчас увидишь и прочтешь. Просто изумительно! Я скажу Вам, что в числе этих людей-писателей, имена которых я не знаю даже, я иной раз встречаю пишущих с такою силою правды, с такою художественностью и простотой, какой я не встречал со времен Герцена ни у кого из наших. Я не говорю, чтобы это были новые Герцены. Нет, этого нет, да, пожалуй, и быть не может, такой громадный факт не скоро в другой раз повторится, но я думаю, иные из этих издалека к нему приближаются. Ведь наш ЛЕВ ВЕЛИКИЙ только живую речь человеческую, своих действующих лиц и свою собственную изумительно пишет и вылепливает, все остальное у него писано то грубо, то неуклюже. Описание природы, сцен, действий и событий тоже у него великие chefs d'oeuvre'ы, но только он принимается излагать мысли и соображения — у него уже нет более, в складе и форме речи, ни изящества, ни художественности. Эти же новые у нас (не знаю кто) пишут так чудно, почти постоянно, что поднимают все сердце и душу. И вот в постоянной, безысходной беседе с ними проходит у меня теперь все время. Так ли оно и у Вас или у Вас иначе? — Говорят обыкновенно: великие войны родят великих полководцев [....] Но я думаю, что великие, необычайные события жизненные родят великих писателей. Ах, если бы они всегда рождали тоже и великих художников! Что, если бы Репин нашел бы у себя, где-то в углу, те кисти, которые написали «Исповедь», «Не ждали», «Арест», — вот было бы торжество и историческая страница. Конечно, я собственными глазами ничего не видел[5], ничего не почувствовал, но рассказы, рассказы — ими полна теперь вся Россия. Наш Элиасик написал

(и чудно написал!) несколько картинок [6] из того, что он видел на Вашем Острову, у Невы. Поразительно, потрясательно то, что было. Вот где должно вступить в настоящие права и обязанности свои искусство.

Покуда я Вас не увижу еще, Наталья Борисовна, у меня к Вам есть просьба: нельзя ли Вам снять фотографией маленькие образчики архитектуры Репина: «Ворота» Ваши с орнаментами (с улицы), необыкновенное «окно» на фасаде, которое мне так нравится, и что Вы еще найдете сами [7].

В. С[тасов].

360. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

[22 января 1905] [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Меня теперь всего больше восхищает книга [2] Гуго Ганца. Благодаря знанию шести языков Наталии Борисовны я сижу да слушаю, как мне переводят с листа, и со шведского, и с немецкого, и с итальянского, и с французского, и с английского языков. — Да, время интересное!

Какой умница Гуго Ганц. Вот культурный человек, с симпатичными и вполне правильными воззрениями на жизнь! Навел он усовершенствованный западный прожектор на наше темное монгольское (все еще) иго и осветил его как на ладони, со всеми его выдающимися сторонами и деятелями. Как верно, талантливо очерчены все с натуры, все документально! Начиная с самого [3] — бесподобно!

Как я благодарен Вакселю [4], что он указал мне на эту книгу. И как я чту наш просвещенный уголок финского холодного берега, где все из Европы можно достать [5]. Дай бог сказать это в добрый час, пока не прихлопнул их тупая скотина наша, скиф-варвар держиморда! [6]

Как хорошо, что при своей гнусной, жадной, грабительской, разбойничьей натуре он все-таки настолько глуп, что авось скоро попадется в капкан, к общей радости всех просвещенных людей!.. Ах, как надоело!.. Как невыносимо жить в этой преступной, бесправной, угнетающей стране! Скоро ли рухнет эта вопиющая мерзость власти невежества?

Я иногда думаю, что хуже всего загнанному зайцу, которого держат в лапах альгвазилы [7], затуркали его совсем... А он их так боится, что только на них и надеется.

А за что это Максим Горький арестован?[8] Вот человек, рожденный для самой горячей славы! Только бы он был здоров; а слава его гремит всему миру!

Ваш *Илья.*

361. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

22 января/3 февраля 1905
Занесенные снегом «Пенаты»

Многоуважаемый и дорогой Владимир Васильевич. Очень, очень Вас благодарю за интересное письмо. Но дело в том, что я неисправимая оптимистка и, прочитав его, нисколько не потеряла надежду видеть Вас в милом обществе в Куоккала. Главное — есть желание, а болезни так же скоро проходят, как они и пришли. И Вы очень плохо делаете, что думаете о болезни. Их этим не следует удостаивать. Их следует забывать, пренебрегать ими, и тогда они очень быстро удаляются! Итак, я продолжаю верить и надеяться.

Журналов и газет мы получаем очень много. До Нового года получали 1) Новое время, 2) Новый путь, 3) Фотографические известия, 4) Спутник здоровья, 5) Журнал для всех, 6) Россия в картинках, 7) Studio[1], 8) Летопись войны, 9) Zukunft[2], 10) Беседа, 11) Wolny Smery[3], 12) Мир искусства, 13) Lieber Augustin[4], 14) Русская школа живописи[5], 15) Живописное обозрение, 16) Наша жизнь. Теперь прибавилось 17) Home[6], 18) Вестник садоводства, 19) La Semaine Médicale[7], 20) Lördagen[8] (шведская), 21) Hufvustadsbladet[9] (шведская), 22) Открытое письмо. Затем при всякой возможности отдельные № современных газет — «Русь», «Слово», «Право» и тому подобн[ое]. Такое количество печатной бумаги просто пугает — делается душно и хочется лягаться. А между тем— Вы совершенно правы — никогда еще газеты не были так интересны. Такое время настало, что просмотреть газету невозможно, ее приходится читать, да при этом еще волноваться, горячиться, унывать, радоваться, смеяться и плакать иногда до полного истомления духа. А тут вечером еще Hugo Gans[10], который так нов, так интересен. Время у нас идет быстро. Не успеешь опомниться — и вечер. «Лук звенит, стрела трепещет». Быстро, быстро бегут дни... Утром около 9 пьем чай. Затем И[лья] Е[фимович] на работу, я на хозяйство. В 11½ звонок — почта! Набрасываемся. (Как весело, когда между газетами увидишь знакомый почерк.) Читаю громко. В 12½ завтрак (читаем). После завтрака отдых (читаем), идем на лыжах (говорим), пьем чай

(читаем). От 5 до 7 «умственные занятия» (именно в этот час и пишу Вам). Затем 10 минут гимнастика, обед и опять чтение. В прежние времена постоянно читали классиков. Теперь об этом и речи нет. «Новое время» — отвратительно по своему направлению [11], — но оно приходит во-время и в нем есть как бы общий обзор всего. На днях была у нас кузина Соловьева, которая ездила за умирающим братом на войну. Это было в прошлом мае. Что она рассказывала, что рассказывала! Непременно Вам перескажем, если позволите побывать у Вас не в воскресенье. Удобнее, и поговорить лучше. Во всяком случае, известим когда Искренно преданная Вам

Н. Нордман.

Ворота занесены. Перед окном гора снега. Но кое-что другое непременно сниму и пришлю.

362. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

[23—26 января 1905] [1]

Нам пишут из столицы:

В Петербурге циркулируют слухи, будто в Сретение, 2 февраля, наш знаменитый и дорогой Владимир Васильевич Стасов собирается в милом обществе совершить зимнюю экспедицию в Куоккала на дачу «Пенаты», жители которых радостно взволновались при этом известии. Они, говорят, очень надеются, что слух этот подтвердится, и думают обратиться в П[етер]бург за разъяснением.

[*Н. Нордман*].

363. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург],
понед[ельник], вечер, 24 января 1905

Дорогой Илья, как и нам всем, особенно мне, хочется поскорее свидеться с Вами двумя. Вот-то будет праздник! И мы предлагаем Вам будущий в т о р н и к, 1 февраля [1]. Что, можно? Удобно Вам?

Конечно, оно немножко нескладно выходит: назначено было 2 февраля нам быть в Куоккале, но это расстроилось; и что же, вдруг вместо того Вы приедете 1 февраля!!! Разве так хорошо?

Я скажу: *хорошо!*

Что делать? 81-й год да болезнь какая-то дурацкая за спиной — это не свой брат. Как я в прошлом листке писал, я ни за один день не смею отвечать! Устроено то-то или то-то, ждешь, что прекрасно все пойдет и пройдет: ан нет, вдруг кровь, которой никогда не ждал в тот день, воображал, что она за горами, за долами, — ан вот тут она, напротив, тут как тут, прелестная гостья. Вот я и не смею пускаться в дальние края! Подождать надо. Лучше будет.

Итак, если можно, приезжайте, в этот день или в другой, когда назначите. Праздник нам великий сделаете. Только черкните, в каком часу будете и до какого можете остаться с нами — чем дольше, тем лучше! А обедать будем, в каком часу велите: хоть в 3, хоть в 4, хоть в 5, хоть в 6. Нам все будет удобно и приятно. Уж как приятно, и сказать нельзя! А мы позовем Дмитрия, который только что приехал из Ялты (от болеющего, и крепко, Сергея) и из Новгорода, с земского их тамошнего собрания. Поговорим — и много; почитаем — и тоже много. Особливо хороши будут вещи Элиаса Гинцбурга (наприм[ер], про 9 января, где он видел собственными глазами страшные сцены)! А еще: сцены его путешествия во время последнего лета, свидания с разными людьми в Париже, Лондоне и Ясной Поляне. Превосходно, превосходно!! Благодарить много-премного Наталью Борисовну за ее письма (истинный елей благодатный на разные мои раны) надеюсь лично.

Ваш *В. Стасов*.

Ждем письма или телеграммы.

364. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

27 янв[аря] 1905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Будем у Вас во вторник 1 февраля — как пишете. В половине 6-го приедем, а в половине девятого уедем. (Так поезда.)

Всегда Ваш *Илья*.

365. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

«Пенаты», 5 февраля 1905

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич

Посылаю Вам желанные письма [1]: Поленова и Серова. При случае попрошу возвратить автографы.

На праздниках, когда мы поджидали Вас, я приготовила всем поздравления с Новым годом. Также и Софье В[асильевне] Медведевой, от кот[орой] получила милое поздравление и кот[орой] хотелось ответить коллективно, в знак того, что помним ее и сожалеем о ее отсутствии. Письмо это мне возвращено.

Нельзя ли, распечатав его, переправить его при случае по назначению? Была бы очень благодарна Вам.

У Вас было очень уютно и весело. Благодарю Вас и всех Ваших за хорошие часы. Портрет [2] Надежды Васильевны меня поразил. В Женском обществе [3] я так много слышала об этой чудной душе и у Вас, мне казалось, я увидела и познакомилась с нею воочию. Когда читал И. Гинзбург, Над[ежда] Васильевна глядела на нас — и казалось, сейчас выйдет из рамки.

Надеюсь, до скорого свидания.

С глубоким уважением к Вам

Н. Нордман.

Читаем «Красный смех» [4]. На «Наши дни» подписались. Согласие на писание портрета Андреева [5] получено. Послушание, как видите, полное.

И[лья] Е[фимович] вчера [6] был на собрании учеников в Академии художеств. Очень интересно. При свидании расскажет [7].

366. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

12 март[а] 1905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

К сожалению, не складывается быть у Вас завтра (в воскресенье). Мечтаем попасть к Вам 3 апреля, к обеду. Выставка портретов в Таврическом д[ворце] превосходно устроена! Очень стоит побывать; там Серов меня огорчил своими последними портретами (Вы знаете, как я его люблю?) вел. кн. Михаил [2], Витте [3], г-жа Варгунина [4]!!!.. Очень бы интересно было услышать о них Ваше мнение.

Ваш *Илья.*

Наталья Борисовна шлет сердечный привет всему Вашему милому дому.

367. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

26 марта 1905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Очень жалею, что мы не можем быть в Петерб[урге] (у нас собрание «Общество друзей русского языка» в Куоккала — Нат[алья] Борис[овна] казначей, и заседание завтра у нас в доме).

Римскому-Корсакову я пошлю телеграмму.

Какой он герой! [2] Я восхищаюсь; и Глазунов и Лядов благороднейшие умы и сердца! А Зилоти! [3] — я в восторге. Браво! Браво! Заявление от русских художников уже неделю назад я нарочито ездил подписывать; только его отложили за переменой редакции текста. Я сказал и Брюллову и Маковскому, что я обеими руками и хоть 100 раз готов подписывать подобные заявления теперь; и под всякой редакцией подпишусь. До редакции ли нам!!!

Неужели же они не поместили моей подписи?.. Это необходимо исправить; если они упустили мою подпись, я добавлю. Как это сделать? Где?

О выходе [4] Серова я узнал только из газет — я не был в собрании 21 марта.

Очень интересуюсь!.. [5]

Ваша ст[атья] [6] под бандеролью до меня еще не дошла — завтра получу, надеюсь, и радуюсь ее читать.

Ваш *Илья.*

368. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

20 июня 1905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Читали ли Вы в VI кн[иге] сборника «Знания» «Поединок» Куприна? [2] — Замечательное произведение! Я уж давно ничего с таким интересом не читал. С громадным талантом, смыслом и знанием среды — кровью сердца — писана вещь...

Интересно, что Вы скажете о ней.

Ваш *Илья.*

369. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, понед[ельник], 26 июня 1905

Дорогой Илья,

Вы, конечно, уже слышали про новое наше несчастье и беду: пришла телеграмма из Закаспийского края (форт Перовский), что внук Дмитрия, Митя Комаров[1], 23 лет, $1^1/_2$ недели тому назад застрелился.

Каков наш ужас!! А всего более, нашей бедной Вари, которая в июне этом проклятом потеряла разом обоих[2] своих детей! Других у ней не было, нет и не будет. Это каково! Что у ней внутри там происходит — и подумать страшно! Но она вдруг превратилась в каменный столб, ничего про свою беду не говорит, ни слова, ни единого слова, как будто ничего не бывало и ровно ничего у ней не случилось, и даже не выронила до сих пор ни единой слезинки. Только лицо у ней стало вдруг какое-то страшное, изможденное и бледное, глаза оловянные, а на щеках ямы. Отчего это несчастье случилось, что там за причина ни была — ничего не знаем покуда; все ждем писем или телеграммы, но ничего не получаем! Однакоже Варя, еще в первый день, даже в первый час, отправила телеграмму к товарищу Мити: «Чего бы ни стоило, но прошу Вас немедленно отправить тело в Петербург». И вот ждем, ждем, ждем. Что, каковы дела у нас? Хорошо, сладко? Ведь мы словно на железной решетке жаримся! Можно ли что-нибудь делать, чем-нибудь заниматься? Ведь кому уже $81^1/_2$ года, еще вдесятеро более и чаще других должен думать: «А моя очередь разве далека? Еще немножко, и сам туда же попадешь!!» Нет, это ужасно, ужасно, ужасно!!! Ничего не хочется, ничего не ждешь, кроме самого мерзкого и ужасного. Как тут что-нибудь делать, что-нибудь писать?! Вот я и не пишу и не делаю ничего. На что? Кому надо? К чорту все! Ждать нечего. Все противно, отвратительно, нелепо и глупо, бесцельно и ненужно кажется. Да, наверное, таково и есть. Оттого-то я даже и Вам, которому я так много обязан с давних лет, да и теперь тоже, ничего, ничего не писал до сих пор по тому делу, которое Вы теперь вздумали стряпать для меня, которое всегда было мне так дорого и о котором я уже давно и мечтать-то перестал — продолжение изданий моих писаний[3], — как давно я об этом думал и мечтал, и порешил, что этого на моем веку и быть-то никогда не может — и не будет. И вдруг неожиданно, как снег на голову, осуществление мечты!!! И кто это делает? Несколько лучших, симпатизирующих мне (уже и не знаю за что?) людей. Какова бы должна быть моя благодарность? Но у меня ее

точно будто совсем нет, и я молчу, ничего не говорю — я тоже сделался какой-то каменный. Но как это скверно! И как я себя ругаю, чуть не целый день. Разве на что-нибудь похоже так встречать известие и дело, которое прежде всегда мне так было бесконечно дорого и мило? Но теперь что? Совсем другое думаешь: «Скоро и тебя самого, брат, не будет. То на какого дьявола такие хорошие затеи, такие, дорогие о тебе заботы — твои, брат, дни сосчитаны, и ты пропадешь и сам, как этот бедняга 23-летний!»

Вот я Вам, Илья, и не писал, и это просто отвратительно и непозволительно. Что делать? Каюсь Вам как на духу и отдаю себя связанным по рукам и по ногам. А мне ужасно скверно!!!

Однако это довольно скверно тоже, даже сквернее всего другого, столько времени толковать о своих бедах, страхах и ужасах. Лучше попробую ответить поскорее на вопрос, который Вы мне в последнем письме предлагали, на который я был готов отвечать еще раньше нашей новой беды и который меня, тоже как и Вас, интересует в самой высшей степени, но только я потерял в последние дни слишком много куража, и храбрости, и охоты. Дай попробую. Сегодня я читал Куприна «Поединок» и нашел эту вещь очень замечательною, выходящею из ряда вон; многим был даже почти что восхищен, но тоже многим и недоволен. И именно самым главным — это явным желанием научить и поправить. Это уже цель добрая и прекрасная, но не художественная, а только моральная и рассудочная. Офицерство у нас — это дело гадкое, противное, иногда (и часто) невыносимое, но обличение его — дело, не вполне художественно выполненное автором, далеко не вполне. Мне кажется, у Куприна добрых намерений много, но таланта недостаточно. Он все хочет доказывать, поучать, а это мне враждебно! Лишь изредка, и мало, он достигает чего-то художественного. Впрочем, очень может быть, что ошибаюсь и недостаточно верно оценяю дарование автора. Может быть, может быть. Я готов покаяться. Но все-таки мне кажется, писание Куприна принадлежит к рассудочному и показному складу Салтыкова-Щедрина, чем к настоящим художественным, непоучающим созданиям, таким, как «Горе от ума», «Война и мир» и другие, мне беспредельно дорогие и нужные.

Ваш *В. С*[*тасов*]

Мой большой поклон Наталье Борисовне. Собираюсь к Вам. Говорят, у Вас вышел чудный портрет еврейки Цецилии [4].

370. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 4 июля 1905

Дорогой Владимир Васильевич,

Сегодня мне еще более досадно, чем вчера, что мы не попали к Вам в Старожиловку, как собирались. Всему причина — нездоровье Наталии Борисовны.

Мне так хотелось поговорить с Вами о многом.

Очень уж много удручающей меланхолии в Вашем последнем письме; но надеюсь, что это уже заплескивается свежими волнами жизни. У Вас натура гигантская, все перемелет. Да, жаль, жаль Варвару Дмитриевну; действительно, она очень изменилась...

А я очень, очень радуюсь, что пошло в ход издание Ваших последних трудов. Это все дело Лидии Николаевны [1]. Она вдруг проявила столько энергии, что невозможно было и предположить.

Эту огромную дозу огня она, подобно Прометею, похитила от Вас, как тот от Зевса [2] с неба. Нельзя было не узнать этого огня, как он заиграл жизнию; еще бы, этот огонь поджигал наши равнодушные натуры почти полвека. Знаком, знаком мне этот яркий светоч, он никогда не погаснет на русской земле и будет гореть чем дальше, тем ярче.

Ваш *Илья.*

Пожалуйста, не конфузьте меня титулами на конверте. И я дерзаю не титуловать и Вас. Помните, как Вы адресовали прежде. Пора — теперь особенно — отбросить этот лишний, бюрократический навоз [3].

371. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, среда, 6 июля 1905

Дорогой Илья,

Вчера на финл[яндской] станции [1] Вы видели, как я восхищался д в у м я русскими дамами, одной — девицей, другой — замужней, и их красотой, а еще более — и Вы, конечно, этого не видали и не чувствовали — Вами, так как Вы — и не дама и не девица, а по красоте даже без прежнего ореола из волос, а просто внутренним Вашим пригожеством. Но все это было ничто в сравнении с тем, что я испытал, когда доехал до своей Старожиловки и нашел там Ваше письмо [2].

Им Вы меня обожгли.

Просто обожгли, как будто я попал под самовар и отвернулся в мою сторону кран с кипятком. Таких писем я почти что даже и от Вас не получал. У кого есть такой кипяток, тот-то и есть настоящий художник.

В. С[тасов].

Мой большой искренний поклон Наталье Борисовне за карточку с портретом Белинского. Ведь и этот — из моих богов.

372. Н. В. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

18 июля [1905] [1]

Многоуважаемый и дорогой Владимир Васильевич. Вы обещали в прошлый раз [2] приехать к нам 24-го в воскресенье. Будьте столь любезны ответить тотчас, можно ли надеяться видеть Вас. Мне это необходимо знать, чтобы иметь время устроить интересную музыку (дуэт из Рэдклифа) [3]. Прилагаю для скорости карточку. На ней черкните 2 слова. Илья Еф[имович] и я шлем привет.

Н. Нордман.

373. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

18 июля [1]905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Прекрасно! Ждем Вас с г. Асафьевым [2] в воскресенье, к 3 часам. Я даже буду сидеть с холстом, и если в ожидании съезда Вы будете расположены смирно сидеть, а г. Асафьев — играть, то я сделал бы с Вас эскиз.

Ваш *Илья.*

Нат[алья] Бор[исовна] послала Вам письмо — похоже, будто она прочла Ваше сегодняшнее.

Вчера был здесь в театре полный триумф [3] Горького. Театр чуть-чуть удержался, чтобы не разорваться по швам, — наперло публики! Из Петерб[урга] наехало студентов! Стояли во всех щелях и так аплодировали, что даже в море вода отлила и деревянная крыша театра едва не слетела!.. Мария Фед[оровна] [4] тоже имела успех.

374. М. Н. СТАСОВА, Э. И. КИЛЬ и В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, 19 июля 1905, утро

I. Поздравляю Вас с именинами, желаю Вам написать нынче еще другой «Арест».

Мария Стасова.

II. Поздравляю Вас с днем Вашего тезоименитства. Желаю Вам в нынешнем году поскорее написать еще другую «Исповедь».

Эрнестина Киль.

III. (Наташина подпись — впереди. Она сама — в городе.)

IV. Поздравляю Вас с днем Вашего ангела и, если ему свободно и приятно, желаю Вам, чтоб он Вас научил в нынешнем году написать новую «Дуэль».

Мы затеяли эту рацею [1] с самого утра, так как, говорят, по почтамтскому глубокомыслию здешние письма идут вперед в Петербург, для с к о р о с т и!!!

Но на придачу к тем т р е м моим любимцам [2] надеюсь в воскресенье увидать у Вас еще будущего ч е т в е р т о г о — портрет смуглой библейской еврейки [3]. Я нынче пишу ей даже в письмах своих: «M-lle Библия».

Ваш *В. С[тасов].*

375. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

Старожиловка, 19 июля 1905, днем [1]

Наталья Борисовна, спешу Вам сообщить, что в воскресенье 24 июля, в 3 часа дня, я буду в Куоккала, с аккомпанементом [2], и надеюсь увидать:

1) клетку попугая [3],
2) адмиральские знамена [4],
3) прекрасный дамский бюст [5],
4) ее оригинал,
5) ее стул со столбиками,
6) мост, пруд и коллекцию собак.

Я.

376. И. Е. РЕПИН — М. Н. СТАСОВОЙ

[27 июля 1905][1]

Глубоко тронут, многоуважаемая Мария Николаевна, Вашим любезным поздравлением[2] и выражением Вашей амнистии к моему «Аресту». Буду счастлив, если удастся подобное.

С искренним уважением к Вам

И. Репин.

377. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, воскрес[енье], 31 июля 1905, вечер

Дорогой Илья,

Пришло письмо от Перельмана, который пишет, что хорошо и очень удачно пристроился в Москве и сделан заведующим художественным отделом в новом иллюстрированном журнале под названием «Голос жизни», а так как намерен напечатать там постепенно разные свои картины, портреты, композиции и наброски, то и просит Вашего позволения: напечатать (еще в нынешнем году) и те наброски или рисунки свои, где Вы изображены пишущим мой портрет в саду, здесь на даче, на аллее, а Надежда Петровна — тут же (этот набросок являлся уже раз, как фототипия с рисунка[1], в «Петербургской жизни» при «Новостях»).

Такого же позволения Вашего он просит для того наброска, где он нарисовал троих зараз: Антокольского, лепящего мой бюст, Вас, пишущего «Бурлаков», и меня, позирующего для бюста.

С другой стороны, барон Давид Гинцбург[2] (проведший у нас сегодня весь день) тоже просит у Вас одного позволения: а именно, при одном из томов моих «Сочинений», печатаемых теперь, поместить мой портрет, в красках, с оригинала, нарисованного Вами здесь на даче, в красках: тут я представлен у Вас во весь рост, в красной рубахе и черных бархатных панталонах, и поднимающимся на лестнице вверх. Этот портрет (изданный в Лейпциге, у Зеемана) очень нравится барону, и потому он очень желал бы именно его приложить к этому изданию[3].

Такая досада: с завтрашнего дня (1 августа) кончаются мои каникулы, и я только иной раз буду на даче. А я так люблю там быть, тем более, что неизвестно, придется ли мне еще провести какое-нибудь лето на даче.

Но надобно же что-нибудь делать и в Петербурге. Не годится даром получать жалованье от государства!

Конечно, я все время работал тоже и здесь, но это было свое!

Такая тоже досада: пожалуй, долго не придется быть вместе с Горьким. Вот он теперь едет в Москву, а потом в Ялту. Кто знает, скоро ли он попадет снова к нам в Петербург [4].

В. С[тасов].

Глазунов был очень обрадован Вашей телеграммой в день своего рождения, 29 июля. Говорит, что ему гораздо лучше и что, кажется, барабанная перепонка заворачивает у него и зарастает у него. Дай бог!!

Я слышал сегодня, что Горький неважно читал вчера в Териоках: и слабо и невнятно! Он, кажется, вообще мало способен к публичному чтению [5].

378. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

3 августа [19]05 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

В половине августа мы, кажется, поедем за границу. Мне бы очень хотелось еще раз пописать с Вас в палевой рубашке. Не можете ли Вы приехать к нам в будущую среду (10 августа)? Также к 3 часам. Может быть, опять с милым музыкантом Асафьевым? Очень обрадовали бы. Этюд палевый все хвалят, но так он ни то ни се; непременно его надо еще раз потрогать [2].

И еще к Вам просьба: не знаете ли адрес Цецилии Павловны Анток[ольской] — парголовский? Раньше пятницы ее видеть в Петерб[урге] нельзя и написать невозможно без адреса, — она не подумала, в ответе на мой вопрос, написать свой адрес — как все русские добрые обыватели этими пустяками (адресами) не занимаются.

Наталья Борисовна шлет Вам дружеский привет и напоминает, что мед и владимировская лента [3] Вас ждут.

До свидания.

Ваш *Илья*.

379. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, 4 авг[уста] 1905, вечер

Дорогой Илья,

Я сегодня только к обеду воротился из города — там был с понедельника[1], служба началась, каникулы кончились. Здесь я нашел Ваше письмо еще от 3-го числа и спешу отвечать Вам:

1) Приеду к Вам в Куоккала, как Вы назначаете, в среду, к 3 часам, и привезу Бор[иса] Вл[адимировича] Асафьева.

2) А что Вы скажете, если со мною приедет также Элиас? Он вчера приехал из-за границы; сегодня у нас здесь; завтра едет в Выборг, к графу И. И. Толстому. А из Мюнхена привез Вам письмо от Мар[ии] Влад[имировны] Веревкиной и имеет надобность передать Вам лично многие известия от ней.

3) Я тоже намерен поговорить с Вами о том и сем.

4) Где Горький? Как я был бы рад увидеть его до отъезда в Крым. Но, кажется, он уже уехал.

5) За мед и Владимировскую ленту великие поклоны Наталье Борисовне.

6) Вас все искал здесь Сергеенко:[3] у него до Вас были разные дела. Завтра уезжает он в Москву.

Ваш *В. С*[*тасов*].

380. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

4 авг[уста 19]05[1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Вчера только отправил Вам письмо, получил Ваше. Разумеется, и Перельману и Д. Г. Гинцбургу я с удовольствием разрешаю поместить те вещи, кот[орые] они желают поместить в своих изданиях. Может быть, надо форменное разрешение?

Итак, Вы уже переехали в Петерб[ург].

Черкните словцо, приедете ли к нам в среду 10-го, к 3 часам, на сеанс в желтой рубашке?[2] Если Вы будете в городском костюме, то эти легкие шелка можно с собой взять в пакетике.

Наталья Борисовна настолько торопится уехать за границу, что просит не откладывать нашего сеанса.

Ваш *Илья*.

381. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

6 авг[уста 190]5[1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Пожалуйста, привозите и Елиаса, очень рад буду видеть его и порасспросить. Да еще интереснее письмо[2], точно от императора к президенту — из рук в руки.

Горькие, кажется, сегодня уезжают — уже наверно, т[ак] к[ак] нам сказала вчера Мария Федоровна.

Сергеенке я вчера завез ответ, его не застал.

До среды, жму крепко Вашу милую, красивую мягкую руку.

Ваш *Илья.*

382. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

15 авг[уста] 1905[1]

Надеюсь, дорогой Владимир Васильевич, Вы не забыли о сеансе[2] в Куоккале, в среду 17 ав[густа]? Жду Вас очень.

Не согласится ли Эрнестина Ивановна сопутствовать Вам? Мы были бы очень рады ей. Вам одному, с этими беспардонными чухнами, ездить немножко боязно[3].

Ваш *Илья.*

383. И. Е. РЕПИН, Н. Б. НОРДМАН и Е. ТАРХАНОВА-АНТОКОЛЬСКАЯ — М. Н. СТАСОВОЙ

[Конец августа 1905][1]

Милой Марии Николаевне шлем привет из прелестного Антоколя[2].

Н. Нордман, И. Репин, Е. Тарханова.

384. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], вторн[ик], 6 сент[ября] 1905

КАВАЛЕРУ

Не сердитесь, милый кавалер Илья, что мало пишу, невзирая на чудесное Ваше письмо ко мне из Антоколя[1], давно-

давно уже полученное. Но долго не отвечал, потому что начинаю как-то все понемножку недомогать или глядеть на утечку, а сегодня специально потому, что уже более 12 часов ночи, и тут много не напишешь, да тоже в голове немножко какой-то словно д ы м — непорядки от кишок (что ли!) и от каких-то конфузий в голове. Что такое — не знаю, я, кажется, так и погибну своими «нижними этажами» (кишки и всякая другая всячина). Тороплюсь поскорее делать, что еще можно, да зараз и насладиться поскорее, чем только можно. А много ли удастся еще наслаждаться? Просто мало. Я так избалован русским искусством и русскими художниками. Знаете, я смею признаться только на ушко, и то в один только какой-нибудь особенно праздничный день, — русские мне всех ближе, мне всех дороже. «Какой вздор, — закричите Вы мне гневно да вместе с Вами и множество других людей. — Как так, лучше и дороже всех людей? Да разве ты, дурак этакий, спятил совсем и больше не знаешь, что такое Гейне и Шекспир, Бетховен и Гомер [2], Шуман [3], Лист и Шопен, Фр. Шуберт [4], Менцель [5], Курбе, Рашель [6], Дон-Кихот?» [7]... — Нет, нет, отвечу я, никого из настоящих *моих* я не разлюбил и не понизил у себя в мозгу, но, как там ни есть, а все-таки русское искусство... русское искусство... п е р в о е и д а л ь ш е всех идет, и по нем я все более безумствовал, безумствую и буду безумствовать. *Наши люди* всех т е х увидали, уразумели, поняли, схватили и глотают и питаются ими, а *те люди* и не знали, и не знают, и не будут долгие столетия знать наших людей, и бог знает, поймут ли их когда-нибудь на свете? Значит, кто же выше, кто же богаче, в чью сторону весы мира перевесят, в чью сторону, как не в ту, где на вершине стоят ЛЕВ ВЕЛИКИЙ и ГЕРЦЕН ЧУДНЫЙ?!

Да, русский человек — самый, по-моему, удивительный, самый что ни есть б о г а ч е й, самый роскошно одаренный, даром что по настоящую даже минуту он уподобляется прекрасному, чудно сложенному и вылепленному красавцу, но только с трудом вылезающему из ила и болота и со всех сторон оклеенному тиной, крапивой, илом и грязными ракушками. Один Шаляпин чего стоит! Какие чудные, несравненные вещи западного творчества он исполняет со всею громадною своею гениальностью, но тут же рядом что̀ он выносит на свет из нашего собственного творческого арсенала! Какой же иностранец, самый гениальный, способен это понять и сделать? Вот я и торжествую и праздную за нашу землю и за наших людей! Но, что придет однажды и на нашу улицу праздник, руками и ногами Запада, в том не могу сомневаться: вспомните только, как вдруг с неба свалился великий итальянский

трагик Цаккони[8], и так исполнял Никиту во «Власти тьмы», как будто он родился русским мужиком, где-то в Туле, Калуге и Орле, и будто бы он сродни самому Льву Великому, по стране и по таланту. Ах, в какие времена я жил и живу, среди и подле каких людей я жил и живу! Вот-то благополучие неизреченное и несравненное. — Некогда больше на сегодня. Прощайте покуда.

В. С[тасов].

А дела немножко все-таки у меня делаются: том Антоколия вышел в свет[9], и Ваш экземпляр Вас ждет, не хочу посылать Вам его в Италию — до него ли Вам теперь там; но тоже я кончил корректуру и I своего тома[10], и там, в огромной статье «Обзор искусства Европы в XIX веке», я в одном месте попробовал стать грудью и стеной за «Какой простор», где мне столькое так нравится!![11] Пишите.

385. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], вторник, 6 сент[ября] 1905

ДАМЕ[1]

Как недавно мы с Вами расстались, наилюбезнейшая шведская адмиральша[2] Наталья Борисовна, и сколько новых событий, сколько новых событий у нас тут, — конечно, я только про «красочные» и «нотные» говорю! Тут и Шаляпин у нас был на даче и создал новый золотой вечер, какие только с ним бывают, — про него тотчас расскажу, — и множество новой дорогой музыки народилось вдруг на свет, и красочный портрет нашего несравненного Ильи (я в красной рубашке) воспроизводится у Вильборга[3] как раз именно без красок (что делать, у меня «вырвали» согласие на то, чего я никак не хотел, но что авось все-таки выйдет знатно и распречудесно), и книга Антокольского вышла в свет толщиною с мою ладонь, и мой 1 том уже почти совсем отпечатан и в конце сентября или в начале октября выйдет в свет, — и много нового я тоже работаю тут же зараз — вон сколько всего, всего новенького, новейшего, а Вас с нами нет, и Вы всего этого не видите и не слышите собственными глазами и собственными ушами, и, пожалуй, Вы еще долгое время будете от нас все скрываться на озерах![4] Как нехорошо, как зловредно! а

все-таки ничего не поделаешь! Как же не долго? Я твердо помнил, что речь идет о 1 декабря, как дне Вашего возвращения, и, правда, князь Иван[5] пробует уверить нас, что совсем не 1 декабря это будет, а гораздо раньше, всего 6 недель, но как-то плохо верится, и все веришь, скорее, тому долгому сроку! Что же тут хорошего? Ни чорту свеча, ни богу кочерга! (так, кажется, пословица добрых христиан гласит?). А что мы тут всего более поделываем? Герцена почитываем с азартом и свирепостью[6]. Ах, что за человек, что за человек! Ведь сколько, сколько вещей у него устарело, и что бы Вы думали — ничего, никакой беды от того нет! Что значит эта сила мысли, эта красота духа, эта сила правды и убеждения, этот могучий жест «вперед»!! Я им объедаюсь, напиваюсь просто как есть, до пьянства, точно 50 лет назад. Ну, где еще такого сыскать нынче?! (Конечно, я и не думаю и не помышляю о бесценном ЛЬВЕ ВЕЛИКОМ, то уже совсем другой еще зверь мастодонтовых пластов — где тоже и этакого еще сыскать! Еще труднее, еще невозможнее.) Как подумаешь, что мы скоты такие, право ничего ровно не ценим, ничего не понимаем, ничего не видим и не слышим. Разве кто среди нас всех, вот уже более $1/2$ столетия, оценяет и разумеет, среди каких людей колоссальных мы жили и живем? Судьба нам дала счастье быть на свете, жить и дышать в одни дни и в одно время вместе вон с какими людьми, а мы все еще весь день по сторонам зеваем и ищем кого-то и чего-то! Да разве уж так невозможно перестать быть слепым и глухим идиотом?! — Ну, да это мы тут так, а что-то Вы как там у себя, на голубых озерах? Восхищаетесь, с ума сходите? Вот я так не умею. «Девушку-Чернавушку»[7] больше люблю, не аристократку, и не богачиху, и не роскошничающую, а в простом шитом красными нитками и широкими узорами подоле и с бисерными начельниками и висюльниками на лбу. Но какое тоже счастье! Я было немножко усомнился было в Шаляпине, думал: ахти, какая беда! Сдал, сдал, сдавать начал, итальянится, портиться начинает. Ин вот неправда вышла, на том нашем вечере, 28 авг[уста], где Вас с нами не было, но куда я пробовал позвать Вас письмом, если Вы еще не уехали. Нет, вышло совсем другое: и Вы-то уже уехали (почему мое письмо до Вас и не дошло), да и он-то вышел чудо чудом. Никак еще выше прежнего! Был он как-то особенно оживлен, и мощен, и поразителен. Спел все, что только я люблю самого высокого у Мусоргского и Даргомыжского. А что еще выше есть?

В. С[тасов].

386. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Lago di Garda, Fasano, Gardone Riviera [1]
12 сент[ября] 1905, на солнце 33° R

Дорогой Владимир Васильевич,

Получили Ваше милое письмо, и я, уже в 1000-й раз, благодарю судьбу, что мне посчастливилось узнать Вас. Я не встречал человека, который с такою сердечностью любил бы в жизни самое важное, самое лучшее, самое стоящее; который знал бы так хорошо цену ее высшим проявлениям и уважал бы так горячо, до самозабвения, лучшее украшение этой жизни — лучших людей!..

Картина

Во тьме и кислятине нашей грабительской отчизны Вы стоите на высокой башне с колоссальным прожектором и в исполинский рупор возвещаете Ваши святые чувства к предметам первой важности.

Немногие оглянулись — поражены и аплодируют указанному Вами. Темный грязный муравейник с безумной торопливостью, беспрестанно спотыкаясь, движется на грабеж. Уничтожает, как саранча, на своем загрязненном пути все, что встречается лучшего; все обливает кровью зазевавшихся и нелепо давит уже своих отставших, ослабевших... Без смысла, без всякой страсти к заграбленному, как совершенно ненужному, эта дикая эпидемия, даже не оглянувшись, спешит дальше, как скот без пастуха попирает свой корм, не думая об общем голоде впереди. И стоит в развале мерзости и запустения страна, где обитают эти бессмысленные циклопы, вонючие скифы, наполняющие вонью и вшами непроходимые дороги на десятки тысяч верст своих омерзительных движений, в пользу мрака, убийств, голода и разврата. Можно ли спрашивать этих сумасшедших людей, для кого и для чего это делают они? Дети дьявола — для собственного позора, уродства, увечья и смерти служат эти пресмыкающиеся гады [2].

Как я радуюсь и восхищаюсь Шаляпиным! Это истинный гений. Иначе и быть не могло. Обнимаю Вас.

Вы ничего не пишете про Андреева, вероятно, он не был у Вас; он начал писать — след[овательн]о, он прервал с миром, даже с таким симпатичным и светлым, ка[к] Ваш.

Не напишете ли мне про Академию чего? Как там идут дела художества и ученические?

Ваш *Илья*.

387. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], среда, 21 сент[ября] 1905

Дорогой Илья, мне привелось эти дни все читать Ваши писанья. Все новые, самые новые![1] И я не знаю, которым отдать предпочтение и на которых более радоваться. Но ведь не правда ли «своя рубашка к телу ближе», значит я и начну со своей рубашки, а не с чужой, как бы эта последняя ни была тоже красива снаружи и как бы ни грела внутри. Вы написали мне со своих благодатных голубых озер письмо, какие, наверное, редко кто еще получал. Это в самом деле «картина», хотя бы там вовсе и не написали такой надписи. Один человек стоит на высокой башне, у него «прожектор» великого света в одной руке, у него «рупор» великого звука и голоса в другой, и он, словно преданный и глубоко проникнутый своим делом муэдзин, светит и провозглашает. А перед ним толпа, из которой одни и вовсе ничего не видят и не слышат, другие едва кое-как голову поворачивают, третьи немножко даже аплодируют, — но в общем вся толпа все-таки идет и бредет по прежнему пути и топчет все лучшие дары природы, пажити, поля и всходы, даже свой собственный и драгоценнейший корм, топчет, давит и уничтожает, и никто и ничто не в состоянии остановить диких одноліцых циклопов, обезумевших, рассвирепевших разрушителей скифов, вонючих и вшивых! Какая картина! Какие сцены, какие сцены! Словно из «Каменного века»[2] Васнецова, только все там кротки и мирны, тихи и наивны, даже там, где они лезут дикой ватагой друг на друга или на попавшего в яму мамонта, — а здесь они свирепы и ослеплены безумством невежества, фанатизма и ненависти. Какие картины, какая чудная драгоценная задача! Но я бы боялся, что если бы кто вздумал исполнять такую задачу в искусстве, никогда рисунки, фигуры и группы карандаша или кисти не догнали бы по силе и выражению слов речей и мысли и остались бы только в преддверии, в сенях аллегории и недостижимых намерений. По крайней мере, мне так кажется, я так боюсь! Аллегории еще никогда не давали никому добрых результатов. Они иногда выводили на свет много таланта, красоты и краски, но оставляли всегда душу холодною, нетронутою в ее глубинах, и она замерзала там словно картофель зимою в подвале[3]. Но что мне, в конце концов, показалось истинно поразительным и потрясательным — это вопрос измученного, полураздавленного автора: «Зачем они это делают? На что? Ради чего они творят эти свои безумства, свои свирепые дикости и варварства?..» Эта мысль зрителя-автора, словно громадная какая-то стрела, пронизывала

меня насквозь, с такой силой и мукой, словно чудные страницы в «Красном смехе» Андреева в V и VI главах (Поле сражения). Мне кажется, такое же впечатление производило и на других слушателей, из настоящих интеллигентных людей, кому мне эти дни случалось читать Ваше письмо. Но совсем другое впечатление производило на меня эти последние дни другое Ваше писание: рассказ Ваш о молодых годах нашего бедного Антоколия и Ваших [4], когда Вы юношами вместе росли и поспевали на солнце — поднимались и расцветали. То была грозная, мрачная, неумолимая, неизменяемая трагедия, это милая, яркая, светлая, улыбающаяся идиллия. Как она была мила, грациозна и завлекательна, эта идиллия! Как я восхищался, как я смаковал, словно маленькими глотками пил холодное, золотое, кипящее в рюмке и прыгающее шампанское! Одного только я боялся: что Вы так и забросите этот лист, не кончите его, не поведете дальше. Нет, нет, пишите, кончайте, ведите до самого конца — это так хорошо, так прелестно! Но ведь у меня теперь такое время стоит, такая благодать привалила! Мне днем и вечером некогда. Вот я, проснувшись рано, начинаю читать в постели часов с семи, и читаю, читаю, читаю долго, пока уже только крайность заставит решиться сбросить мужественно с ног связанное мне Людмилой Ивановной огромное и толстое одеяло, все из оригинальнейших ахал-текинских узоров, наскоро одеваться и лететь в колясочке на службу свою в библиотеку. А что я читаю все это время? Конечно, никого, как только моего бесценного и несравненного Герцена, наконец, снова просиявшего ярким солнцем над Россией. Ах, как я его люблю, как я его ни с кем сравнить не могу (кроме одного ЛЬВА ВЕЛИКОГО, который еще выше!). Как я нынче им только и дышу, только им и живу. Ах, как я его люблю, что он для меня составляет! И среди таких-то Елисейских нынешних моих полей [5] вдруг еще и Ваши этакие писанья: «Картина мира» и «Воспоминания об Антокольском»!! Признаюсь Вам, Вы были недавно причиной великого моего огорчения. Мне показалось, что сочинения Герцена Вам мало понравились, мало на Вас подействовали. Как мне это было больно, как досадно! Неужели это в самом деле правда? Нет, нет, не может быть. Верно, Вы еще очень мало успели потрогать страниц. А я-то, я-то!! Мне хочется указать маленькие кусочки (словно драгоценные мозаики) из того «Посвящения моему сыну» (к книге «С того берега»), которое я не перестаю 100 раз читать и себе и другим. Он говорит тут: «Мы не строим, мы ломаем, мы не возвещаем нового откровения, а устраняем старую ложь. Современный человек, печальный

Pontifex Maximus[6], ставит только мост — иной, неизвестный, будущий пройдет по нем. Ты, может, увидишь его. Не останься на старом берегу. Лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции. Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждения, кроме собственного сознания, кроме совести. Иди в свое время проповедовать ее к нам, домой; там любили когда-то мой язык и, может, вспомнят меня. Благословляю тебя на этот путь во имя человеческого разума, личной свободы и братской любви». Ах, как это чудесно! Мне хочется некоторые начальные строки поставить эпиграфом перед моим «Разгромом», если он когда-нибудь выйдет на свет.

В. С[*тасов*].

388. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Импер[аторская] публ[ичная] б[иблиоте]ка,
субб[ота], 3 дек[абря] 1905

Дорогой Илья, не знаю, думаете ли Вы, помните ли Вы еще то, что мы с Вами говорили о громадной композиции: «Освобождающаяся Русь»[1], но я все-таки продолжаю думать о ней и прошу позволения немножко потешить самого себя и рассказать Вам некоторые мои дальнейшие мечтания по тому же делу.

Вы тогда спросили: но где? И на каком месте? Как и что?

Я бы ответил:

У Рафаэля, в «Афинской школе»[2] — местность выдуманная, фантастическая, небывалая, классическая.

У Каульбаха[3] в его «Реформации» — то же.

У Делароша, в его «Гемицикле» — то же.

У голландцев, в их «праздниках», «сходках», «заседаниях», — то же.

У множества других живописцев — то же самое.

Настоящее, реальное помещение я знаю у очень немногих.

Всего более у Вас. А именно у «Бурлаков», у «Русских и слав[янских] музыкантов», в «Крестных ходах», в «Запорожцах», в «Приеме старшин», наконец в «Госуд[арственном] совете».

Я бы думал, что для «Освобождающейся Руси» можно было бы также сделать *фон, архитектуру* — очень реальные, верные и оригинальные, новые. А именно: представить всю компанию среди новой, небывалой никогда прежде архитектуры XIX века:

Архитектуры из стекла и железа

В каком-то дворце «Cristal Palace» [4] кругом, со стеклянным куполом и освещением (блестящим) сверху. Я себе представляю такую залу, какая была в 1900 году в Париже, на Всемирной выставке, на 30 000 человек. У меня есть рисунки (перспективные, чудесные).

В такой-то великолепной зале XIX столетия должны были бы, по моей мечте, явиться русские великие деятели и освободители, начиная с Радищева [5], Новикова [6] (XVIII век) и продолжая всеми декабристами (XIX веком), Грибоедовым, Герценом, Львом Великим и всеми остальными деятелями [7], прошедшими перед нашими глазами.

Мне представляется, что в центре всей картины должен стоять наш ЛЕВ (как у Рафаэля — Платон [8] и Сократ [9], как у Каульбаха — Лютер). ЛЕВ говорит, ГЕРЦЕН, рядом с ним, тоже говорит; кругом, близко и далеко, множество групп старого и нового времени, при этом, конечно, Радищев и Новиков. Декабристы стоят отдельно и беседуют отдельно (они были ранее ЛЬВА). Льва же Великого, мне кажется, как хорошо было бы представить в том костюме, в котором я его часто видел, начиная с 1900 года, и который (ему я пророчествовал), быть может, будет ему однажды придан на будущем его монументе. Это именно: высокие сапоги (выше колена), а на теле шерстяная вязаная куртка или кафтанчик, вплотную на теле, которая для меня всегда представлялась кольчугой. И это ему шло как нельзя лучше: ведь он *воин*, всегда был, есть и будет!! На голове широкополая высокая шляпа, идущая вверх уже. Что Вы скажете на все это? [10] Покуда прощайте.

Прилагаю том [11] Антокольского.

В. С[тасов].

389. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

7 дек[абря] 1905 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Прошлый раз, после важного сообщения, сделанного мне так таинственно об теме для картины [2], я с высоты цехового

профессорства своей специальности, улыбаясь грустно в душе, думал про себя всю долгую дорогу в Куоккала: «Ведь вот — большой ум, светлая голова, огромное образование, свежесть взгляда на вещи; почтеннейший, убеленный сединами и опытом 80-летней интеллектуальной деятельности писатель, работавший больше в сфере искусства, которое он несомненно любит более всего, кажется, на свете. А ведь вот, при практически живом вопросе дела — какая наивность!.. Ну, разве это тема для картины?!. Это годится только для литературного трактата: что-нибудь вроде «взгляда и нечто», обзор событий некоторого рода, за некоторое время... Для живописи, для картины тут могли бы быть только эпизоды-иллюстрации? А я последнее время особенно не переношу иллюстрационных тем...

«Афинская школа», «Реформация»!.. Да ведь нынешняя эст[етическая] критика (со)считает эти картины рассудочными упражнениями эклектиков на заданные темы — учеными трактатами, пришитыми к искусству белыми нитками, совершенно лишенными истинной художественности... Разумеется, я никогда не возьмусь за эту тему; да я, кстати, уж давно занят другою [3], и к чему же мне лезть не в свои сани?!.

Так я рассуждал, как человек, хорошо знакомый со своим делом и своими силами, и успокаивался при мысли, если при встрече с Вами придется деликатно замалчивать Вашу тему и сводить разговор на что-нибудь...

Но рядом с этими умными рассуждениями в мозгу начала летать какая-то золотая пчелка с красными крылышками и стала покусывать то в том, то в другом полушарии. Взовьется, пропадет и опять вдруг, с размаху заденет крылышком и шепчет: а не попробовать ли?.. Вот вздор, не стоит и карандаша и бумагу пачкать — ничего не выйдет. Знаю. «Но отчего бы не попробовать, — шепчет неотвязная пчелка, — на самой маленькой бумажке?!» — Ну, не карандашом, а вот этим пером, которое в руке, и просто чернилами?! — «Да много ли тут пойдет времени, — жужжит она. — Все равно до чаю ты ничего уже не успеешь сделать полезного».

Делать нечего, беру лист и . . . . И в четверть часа я уже был так увлечен этой темой!!!!.. Она вдруг развернулась в такую картину!!.. Нет, не шесть, как советовали Вы, а в 12 аршин надо было заготовить холст...

На другой же день было приступлено к холсту, но, конечно, еще только для эскиза — всего в 20 $\times$ 30 вершк[ов]. И теперь уже вторая неделя работа идет.

К Вам просьба: при досуге не сделаете ли Вы мне конспекта имен? Круг первый: начиная с Екатерининских времен, наших русских писателей-гуманистов в хронологическом порядке до Алекс[андра] I. Далее декабристы и деятели по освобождению крестьян до Александра II и потом до наших времен самых выдающихся ратоборцев за свободу духа.

Второй круг: 2-я половина XIX века — самых выдающихся лиц, выступавших на борьбу за свободу лично и большею частью заплативших жизнью за смелые подвиги или сосланных на каторгу на должайшие сроки. Здесь неисчислимое количество жертв, но надо выбирать, на протяжении лет 80-ти самых выдающихся в разных характерах деятельности (портреты их уже потом добудем).

Круг третий: писателей и юристов последнего времени, работавших без страха и упрека, — рыцарей свободы слова. А также причастных к администрации, имевших возможность помогать движению вперед, идее свободы, разума и облегчать участь погибавших бойцов-героев за освобождение человека от невежественного правительства и варварского «самодержавия».

Очень было бы желательно список лиц [4] распределить по группам современников, по возможности в хронологическом порядке. Большинство портретов я найду в издании [5] Дм[итрия] Алекс[андровича] Ровинского — оно у меня есть. (Вечная память и горячая благодарность этому достойному гражданину и добрейшему сердцу!)

Вот как мудрая специальность бывает глупа, а отзывчивое, благородное сердце как часто носит в себе глубокие идеи разума и, посадив их на подходящую почву, становится причиной возникновения чего-то нового.

Простите, что заканчиваю письмо скучнейшим, прописным афоризмом. Затея моя гораздо занятней... Воображаю, как она рисуется в Вашем воображении!..

Ваш *Илья.*

Читали Вы, какую дрянь печатают по поводу моего выхода из Академии? Будто бы из-за Булатова [6]? Будто я его прочил в преподаватели!!. — «Как Вы думаете, Архип Иванович, — говорит И. И. Толстой, — если мы не утвердим Булатова, Репин выйдет в отставку?» — «Непременно выйдет», — отв[ечал] Куинджи. А вопрос о Булатове решался уже после моего выхода [7]. Ар[хип] Ив[анович] хлопочет попрежнему.

390. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ.

С.-П[етер]б[ург], пятн[ица], 9 декабря 1905

Дорогой Илья, только сегодня получил я Ваше письмо — мудреного в том, конечно, ничего нет. Но я было испытал при этом нечто вроде того, что со мною было ровно 50 лет тому назад. У меня была страшная ревматическая болезнь в ноге тогда, я не мог ходить, ни даже стоять, — ужасно мучился. Ее я получил в Неаполе. В горах, в каком-то монастыре, в в июле, в самый зной, я, усталый, посидел на гранитных камнях монастырской ограды (откуда был чудный вид на далекие дали). Далями-то я насладился, но при этом приобрел такой ревматизм, от которого долго-долго не мог избавиться. Чем-то меня ни лечили по возвращении в Россию. И электричеством, и магнетизмом, и мало ли чем?! Ничто не помогло, и я неописуемо страдал и мучился. Спас меня только Пирогов, наш знаменитый, который что мне приказал? Утром, часов в 7—8, ко мне входил человек и накладывал на меня несколько шерстяных одеял, сверху шубу мою, очень тяжелую и толстую. Под этим всем я лежал часа 2 или 3 и потел, как какой-нибудь несчастный в шахте под землей. И тогда, весь покрытый и пронизанный громадным каким-то пòтом, я должен был встать, сделать несколько шагов до кухни и там опуститься в ждавшую меня ванну с ледяной водой (начали с 29 градусов тепла, а потом довели и до 8 всего градусов — клали в ванну куски льда). И вот от этого потрясения, мгновенного и длившегося всего несколько секунд, я скоро и выздоровел и сделался опять человеком, как все, да еще вдобавок каким-то закаленным, словно кусок стали, на всю жизнь. Вот это нынче, через 50 лет, повторилось со мной новый раз. Только дело произошло обратно, сначала лед, а потом жара нестерпимая — и в результате: здоровье, сила, наслаждение, — потому что, надо Вам сказать, в 1855 году, лежа под шубами и одеялами, я всякий день ждал своей минуты потрясения — со счастьем и нетерпением жадным, с блаженством. Дождаться, дождаться не мог от ожидающего меня восхищения. Нынче ожидание и восхищение чего-то будущего, вот сейчас, вот сию минуту, нынче не было у меня, но результат блаженства и радости (только не физической, а повыше) был тот же. И Вы были Пироговым моим. Начинаю читать — меня обдало льдом отказа, сопротивления, отчуждения Вашего, самого полного и глубокого от меня, и потом вдруг — изумительная весна, и солнце, и «поля Елисейские»!! Как я был поражен этим превращением, словно в IV акте[1] «Руслана» от золотой па-

лочки Финна; прошло уже несколько часов, а я все продолжаю быть все под влиянием золотой волшебной палочки.

Итак, чудеса совершаются и Вы сели на великого боевого коня своего и едете на победы. Ах, дожить бы мне только до конца Вашей художественной будущей победы, в которую мне привелось первому, раньше всех, уверовать.

Меня приводят в великое восхищение все Ваши предположения о будущей Вашей «*Освобождающейся Руси*». Портретов у нас есть пропасть, в том числе и помимо чудесных книг моего бывшего друга и товарища — Ровинского. Большие списки пришлю Вам, с разными указаниями и подробностями (в том числе с биографиями, сценами, рассказами, воспоминаниями).

Но мне хочется напомнить Вам мысли нашего великого Александра Иванова. Вы авось помните, что после его смерти его брат Сергей[2] (архитектор) на мои расспросы рассказал мне (а я напечатал в книге его «биографии» и «писем»), что Александр Иванов одно время имел намерения написать целый ряд картин из жизни Христа (огромных размеров), и по бокам, вверху и внизу он намерен был поместить на той же стене несколько малых картин, объясняющих и пополняющих те большие, главные. Мне кажется, было бы чудесно Вам сделать именно нечто подобное, т[о]-е[сть] в кругах ли, в четвероугольниках ли или как Вам угодно, но вокруг главной Вашей картины поместить четыре-пять маленьких. Там — фигуры в рост, все группы, все личности, одной связ[анной] массой, толпой. А на малых картинах — где сцену каторги, где сцену Сибири и тундры, где сцену тюрьмы и крепости (Шлиссельб[ургской], Петропавл[овской]), где сцену пропаганды, то среди интеллигентного общества, то среди рабочих, то среди народа, то среди полиции и палачей, то среди блестящего аристократства. Всего 5—6 картин, может быть! Что скажете? А я думаю, Иванов был прав по задуманью, только и время, и люди, и сцены, и задачи, и интересы — все другое нынче!! Повыше, поглубже, пошире. Но все подобное возможно для того, кто автор «Ареста», «Исповеди», «Не ждали», «Дуэли» и «Бурлаков».

Еще я думаю: а что, если бы представить главную картину, главную сцену — их только среди новой нынешней архитектуры, созданной XIX веком, — то-есть не только среди какой-то великолепной и величественной палаты из железа и стекла, а прямо среди дебаркадера железной дороги, и тут, у ее дверей, уже стоит и дымится паровоз и поезд, куда все сядут и поедут в новый мир, в новую

жизнь, в новые сцены, предприятия и деятельности. Об этом всем им провозглашает и учит ЛЕВ ВЕЛИКИЙ, и все с жадностью его слушают и готовы ступить в чудный поезд, и ГЕРЦЕН учит, зовет и указывает, не он ли начертал свое гениальное «С того берега»?!.. ЛЕВ наш дорогой в своей шерстяной кольчуге-фуфайке, словно Ермак[3], Колумб, воин-артиллерист, разбивающий все черное, старое и злое своими калеными ядрами[4], Герцен — указывающий путь гениальным перстом.

Скоро еще напишу.

В. С[*тасов*].

Получили ли Вы книгу Антоколия, через Элиаса, и мое письмо внутри? Я ничего не знаю о том. Пожалуйста, черкните, что это письмо мое дошло.

391. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 11 дек[абря] 1905

Дорогой Владимир Васильевич,

Ваше письмо в книге Антокольского я прочитал только вчера, т[ак] к[ак] тогда в Петербург поездку отложил. Большое, большое спасибо за все советы и соображения по поводу *нашей* картины. Название «Освобождающаяся Русь» мне не нравится — придумывайте другое; а это как-то длинно и совсем не в Вашем вкусе, точно не Вы это предлагаете.

А знаете ли? — У меня совсем, совсем другая композиция... И я думаю, что Вы совсем будете огорчены — не узнаете Вашей идеи. Но я своей очень доволен. Постановка вышла живая, неожиданная и, насколько возможно, реальная[1]. Так думаю я; а когда автор увлечен идеей, он находится в невменяемости состояния. Скажите влюбленному, что его предмет дура необразованная, — ведь как обидится, хотя бы вы были правы, как ангел.

Какой оригинальный и красивый костюм[2] Вы одели ЛЬВУ?.. Неужели Вы когда-нибудь видели его в таком?! Я, к моему огорчению, видел его всегда только в самом ничтожном, скверном и совсем некрасивом — каких-то «охлоботинах»[3] (Ваше прекрасное слово). Но вот в чем Вы правы: в самой рвани и мещанских опорках он всегда мне казался военным, со всеми приемами личности большого значения в этой сфере.

Надеюсь, Вы получили мое письмо, в котором я прошу Вас изготовить мне список личностей по группам, в хронологическом порядке, с датами.

Ваш *Илья*.

Пожалуйста, делитесь со мною всякими мыслями, какие придут Вам в голову, по поводу нашей идеи и не обижайтесь, если не все они будут приняты.

392. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

14 дек[абря] 1905 [1]

Ах, как я рад, Владимир Васильевич, что не послал Вам написанного мною вчера длинного письма, — мы поссорились бы уже на весь остаток нашей жизни.

Начну сначала. Стал я зачитываться письмами Антокольского. Талант, блеск, сердечность, остроумие и ум, ум огромный. Особенно к Савве [2] чудные письма! А к Вам! Сколько огня!

Потом вспоминаю: есть ведь не читанное мною письмо ко мне? Как же. Елиас как приехал с похорон: «К вам письмо есть — разве вам не передали?»

— Нет, — отвечаю.

Гена Юлиановна: первое слово: «Ах, к вам он писал... «как он вас любил» (слезы). Письмо Вам передаст В[ладимир] Васильевич».

При свидании с Вами я к Вам: «У Вас письмо Антокольского ко мне? Дайте его, я так заинтересован. — Ах, да, хорошо, хорошо, оно будет Вам передано, сейчас, сейчас; ах, какая досада, я забыл его в библиотеке...»

И вот оно, наконец уже напечатанное... Какая гадость!.. Какая ложь!..

Конечно, он не посмел бы при жизни послать мне эту выдумку в глаза, эту ложь!..

Ну, кто же этому поверит, что я за портрет с него «в малом виде» вымогал с него большой бронзовый бюст Ив[ана] Грозного или Мефистофеля, т[ак] к[ак] маленького Ив[ана] Грозного... и т. д.

Все это он написал [3], чтобы потомство наказало меня, как скареда-вымогателя с него, кротко пишущего: «Ты можешь сейчас получить».

На самом деле было так: когда я в Париже писал с него этюд [4], во время его работы над «Нестором», появилась од-

нажды Гена Юл[иановна]. Рассыпалась в похвалах моему этюду и в заключение сказала: «Этюд этот — мой, и я за него вас очень благодарю». Я любезно расшаркался и ни о какой награде не мечтал даже.

Но после этого сам Мордух несколько раз подымал разговор:

— Как же это, Илья, у тебя нет моей работы?

— Да, — отвечал я, — я бы не отказался, конечно, иметь что-нибудь твое.

— Знаешь, Илья, я подарю тебе маленького «Ив[ана] Грозного» из серебра. Хочешь?

— Что ты, — отвечаю я, — ведь это же большая ценность. А впрочем, если ты уж так добр, то позволь мне уплатить за серебро и отливку ту цену, кот[орую] она тебе самому стоит. Тогда это меня так восхищает, что я хоть сейчас же оставлю тебе и деньги.

— Нет, погоди, голубчик, в свое время я тебя уведомлю.

— Хорошо, но не забудь, — подтверждаю я.

Прошел год, два, пять лет прошло; я пробовал писать, напоминал ему, ответа не было... И я уже стал забывать его обещание.

В один из своих приездов сюда он заболел в Hôtel de France [5]; по инициативе Елены Павловны [6] — набросать с него углем — я с удовольствием уцепился за эту мысль, имея в виду провести несколько вечеров с старым товарищем (да ведь с каким!).

Однажды, кажется даже в присутствии молодого медика, своего племянника, он подводит меня к статуэтке из бронзы — Е р м а к у (нашему восхищению) — и говорит:

— Илья, нравится тебе этот «Ермак»?

— Еще бы! Послушал бы ты, как мы с В[ладимиром] В[асильевичем] восхищаемся им!..

— Хочешь, я подарю тебе его? Ведь я все еще твой должник.

— Ну, можно ли так шутить, — говорю: — это у н и к а. Если бы ты заказал с него отливок?.. то, пожалуй, я даже заплатил бы за отливку...

— Ну, вот еще: ах, Илья, я дарю тебе эту вещь.

— Я, право, не знаю как и благодарить тебя...

— Илья, ты будешь благодарить меня, когда получишь это.

Через неделю после его отъезда я приезжаю к Вам. Вы в восхищении подводите меня к этому самому Е р м а к у и говорите: «Посмотрите, что мне нынче преподнес Антоколия!! Понимается, я его отдам [7] в Музей А[лександра] III!!...»

Мне Антокольский ни одного слова не писал больше — он просто пошутил со мной; но я обиделся за такую странную шутку и уже больше не желал иметь никакой его работы, и даже кое-кому жаловался на его шутку. А когда Вы предлагали мне много спустя на вечере, в память его, что-либо читать, у меня духу нехватило. Я отказался, Вы обиделись, помните?..

К чему было печатать эту гадость?! Все, кто хоть немного знает меня, не поверит, чтобы я вымогал с кого-нибудь что-нибудь. Да и Вы меня с этой стороны хорошо знаете.

Писем его много хороших; зачем же печатать это!.. Не давши мне даже прочитать и не спросив моего разрешения?!!.

Так могут поступать только друзья...[8]

И. Репин.

1906

393. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 29 янв[аря] 1906 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Теперь мне придется несколько раз быть в Петербурге. Вы обещали мне передать некоторые материалы [2]. Для этого я мог бы заехать к Вам в буд[ущую] пятницу, 3 февраля. Черкните, если удосужитесь, где лучше видеть Вас? От 5 до 7 час[ов] я буду свободен и заеду к Вам на Пески, если не воспоследует какой отмены от Вас.

Ваш *Илья.*

394. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Вторн[ик], 31 янв[аря] 1906 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Простите, я совсем забыл о глинкинских торжествах [2]. Да ведь мне это (наше) не так уж спешно... [3] Я переложу поездку к Вам на 7 февр[аля], вторник, если Вам удобно. На самом торжестве открытия мне нельзя быть, но в оперу непременно буду. Надеюсь там увидеть Вас и спросить обо всем, т[о]-е[сть] о вторнике. Очень, очень благодарю Вас за хлопоты по моему адресу: я получил и то и другое! [4]

Как грустно, что Людмила Ивановна не дождалась!.. [5]

Всегда Ваш *Илья.*

395. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

8 марта 1906 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

К моей большой досаде, не мог быть у Вас вчера. Простите за эту неаккуратность — никак не поспел.

Сегодня вечером я буду в Шлиссельбургском ком[итете] [2] (у Сем[евского]) [3], но будет невозможно видеться с Вами — поздно кончится. Конечно, еще время терпит. В будущий понедельник я заеду к Вам на Пески в 6-м часу на всякий случай — может быть, и застану Вас. Что касается тех материалов, то еще времени до потребления их очень много [4].

Я теперь занят надстройкой себе мастерской, а то зимой здесь мне тесновато с холстами.

Ваш *Илья*.

396. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 28 марта 1906 [1]

Еще третьего дня, сейчас по получении Вашей ст[атьи] в «Стране» «Наши нынешние декаденты» [2], читал с удовольствием! Прочел с восхищением! И веселился, вспоминая про «Пастуха», — как метко сказано!.. Исполать Вам, могучий богатырь. Это не чета илиасовой полемике. Нет, он к полемике не имеет ни острых зубов, ни хлесткого бича, а без этих инструментов скучно и не внушительно...

Спасибо, спасибо Вам! Ваш бич еще щеголяет своей упругостью и оглушительными веселыми щелканьями!.. Стадо декадентов, по своим избитым задворкам, улепетывает, оставляя со страху неопрятный след... Пастух в отчаянье. Он только что внушил им, своим баранам и телятам, что всех их скоро возьмут во храм, где причислят к символическим божествам Египта и будут служить панихиды заживо. И теперь уже на них весь живущий мир взирает с благоговением. И вдруг такой скандал!

Простите за болтовню. А я каждый день, прочитывая понемногу историю России — Ваши книжечки [3], восхищаюсь и наслаждаюсь. Чудо! Прелесть! Как освещено! Вот это правда! Вот это основы, от чего пойдет или, вернее, к чему придет «русская жизнь».

Ваш *Илья*.

397. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], среда, 29 марта 1906

Нет, кроме Вас двух, Антоколии и Вас, уже никакой другой художник не писал уже так, и не умел, и не способен был ни русский, ни какой другой европейский, француз, немец, итальянец, англичанин. Ведь я их давно, давно-давно,

много лет разглядываю и разбираю, как жадный шпион и экзаминатор. Ни один, ни в одну эпоху, с тех пор как письма пишутся и перья есть на свете [1].

Но подумайте только, какое счастье выпало для одного постороннего человека — меня, что я попал на лучшие годы целой жизни среди двух таких людей. Ведь я тут вышел, словно маленькая букашечка, или листочек, или цветок, или веточка, которая по нечаянности очутилась однажды среди горячего еще, светлого и прозрачного янтаря, когда он еще жил, кипел и складывался, а потом осталась навеки среди прозрачного хрусталя.

Эти немногие Ваши слова и строки нынче — сколько в них и мысли, и силы, и картинности, и мастерства слова! Скорее, скорее эти маленькие бумажки — в библиотеку, в храмину рукописей, пусть там стоят, словно какие-то 100-пушечные корабли в несокрушимой гавани навеки, и для радости и наслаждения многих, многих! [2]

В. С[тасов].

Нет такого дня нынче, когда бы я не подумал, с улыбкой и радостью на губах, о 19-аршинной мастерской — строящейся — и о 12-аршинной картине — тоже будущей, где, может быть, скоро народятся и вырастут лучшие славы, люди мысли и дела России.

В. С.

398. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

[1/14 апреля 1906] [1]

Как я счастлива, дорогой и многоуважаемый Владимир Васильевич, что могу поздравить Вас и всех милых домочадцев ваших; на такой интересной и красивой карточке от души желаю хороших светлых праздников.

Н. Нордман.

И я — Ваш *Илья.*

399. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], пятница, 7 апреля 1906

Наилюбезнейшая Наталья Борисовна, премного благодарен Вам за все хорошие известия, выпущенные в последние

дни из Вашего гнездышка ко мне сюда, словно разношерстные, разноперые и цветные голубицы, выпущенные из Ноева Ковчега на древнееврейские равнины и пустыри. Первое, что «мастерская» будет еще громаднее, чем предполагалось, — вместо 6—8 аршин в 24 или вроде того! Когда затевается такая громадная кухня и материала туда свезено такая масса (и всяких осетров, и стерлядей, и быков, и оленей, и фазанов, и лебедей, и всяких ананасов, и фиников, и райских птиц, и сахара-рафинада, и спаржи, и артишок, и бог знает чего-чего только тут нет), и повар знаменитый стоит уже у раскаленной плиты в фартуке и колпаке с уполовником, ситечком, горчицей и перцем в руках, — то чего, чего только нельзя еще ожидать к нам сюда из Вашего Куоккала?!

Радуюсь, радуюсь и радуюсь.

Потом прислали Вы сюда мне печатную бумажку Вашу про прачек бедных[1]. Вот видите, как Вы там не спите у себя на берегу песков, снега и моря. Вы чужими бедами занимаетесь и болеете, Вы наполнены жалостью и состраданием, и оказывается, что Вы как раз в цель попадаете; ведь на днях только это тут в газетах было напечатано про то, что образовался Союз прачек: им, значит, тоже тесно, узко, скверно и темно в их углах, и они тоже ищут, как бы дверь сыскать и настежь растворить. Как Вас-то не хвалить тут?

Но вот что я ко всему этому прибавлю: наш дорогой Илья прислал мне сказать, через недавнюю Вашу гостью Лидию[2], что в понедельник, 10-го, он будет в городе. Вот я и обрадовался, ведь мне его надо, ведь мне очень хотелось бы потолковать с ним про некоторые дела и подробности будущей картины. Так вот: не заедет ли он в этот самый понедельник к нам в город вместе с Вами, и не отобедаете ли *Вы оба* в тот день с нами, и не останетесь ли с нами, например, хоть до 10-го, а если никак нельзя, то хоть 9-го часа вечера?

Вот бы чудесно! Если можно, черкните.

Ваш *В. С*[*тасов*].

400. И. Е. РЕПИН — СТАСОВУ

Куоккала, 12 апр[еля] 1906

Дорогой Владимир Васильевич,

Опомниться, отделаться еще не успел: Вы меня по губам помазали газетой — думаю, что-то там? Верно, «Строка» со

статьей, от которой затрещат все темные переулки! Развертываю — «Наша жизнь», с идиотским лепетом скучнейшей посредственности, этого литературного б..... — сошки на гнилой ножке.. Да ведь еще прибавьте — вчера уже я просмотрел эту дребедень («Жизнь» мы получаем) — не стоило...

А вот мне Вам хотелось бы рассказать: в понедельник на Общем собр[ании] Академ[ии] я чуть не пустил чернильницей в мерзкого интригана Куинджи!.. До какой наглости доходит этот подлец!.. Я громко кричал ему: «Вы лжец! Клеветник! Я говорю вам это при всем обществе...»[4] Этому пройдохе, с жилкой сыщика, хочется быть ректором. Для этого он топчет в грязь всех. И хлопочет, только имея в виду должность за собою, получить право входить во все мастерские и ездить с докладами лично к «его высочеству». Конечно, для сообщения всех кляуз и для возвеличения своего татарского самодержавия, чтобы давить всех своим турецким невежеством. Хорошо будет искусству. Я уже решил более не переступать порог этого болота... Без Толстого Ив. Ив. это просто яма, клоповник[2]. Разумеется, будут сильные натуры — превозмогут все, а посредственности? — Все равно, кажется: время теперь острое, богдыханству конец! Везде оно должно вымирать.

Мы очень простужены, весь дом, под стуки топоров и молотов, кряхтит и даже стонет. У меня бронхит. Будьте здоровы.

Ваш *Илья.*

401. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], пятница, 14 апреля 1906

Дорогой Илья, как Вы опять порадовали и восхитили меня! Какое могучее и широкое перо! [1] Но, еще более, как я порадовался, что Вы окончательно бросили здание на Неве! [2] Давно, давно, давно пора! Нынешние тамошние людишки, мелкие, глупые дуралеи, бесцветные болваны и слепцы, недостойны такого товарища. Им нечего делать с Вами, а Вам — еще меньше с ними. Что говорил наш великий, несравненный Иванов? «Русский художник должен быть свободен». А что говорил царь Давид (музыкант, значит тоже художник, — а он был художник великий): «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и не седè на седалище грешных...!» А уж какие они там все грешники и какие у них поганые там седалища! Достойные только задов московского иезуита Михаила[3], греко-татарского Архипа[4] и всей прочей паршивой антихудожественной компании! А Вы, Вы немножко порадуйтесь за меня.

Что со мной случилось в воскресенье, 9 апреля. Лежу это я у себя ранешенько утром в постели, проснулся и не могу уснуть от досады и злости — все самого себя ругательски ругаю и верчусь с боку на бок, а отчего? Оттого, что меня за живое забирает и до мозга костей гложет сознание, что я вон как давно ничего порядочного не делаю, что должен был бы, а всего более за то, что не пишу своего «Разгрома», а все только разглагольствую самому себе и убаюкиваю себя дружескими отсрочками, пустейшими надеждами на какие-то другие дни впоследствии, позже, только бы не нынешние, не теперь, не сейчас, не сегодня. «О, я проклятая ничтожная тварь, — повторяю я сам себе, — а, что?! Трусить?.. Бегать от своей задачи, от своей работы, поджавши хвост?! Да ты, брат, видно тот же Ге, который ничего не смел, ничего не умел и только всего пробовал, всего понемножку лизал, и только все рассказывал про себя и свои великие предприятия и затеи? [5] А видно, тот же ты Ге?! Экая мерзкая натура и участь...» И моей беде не было конца, потому что некому и нечего было сказать, а сам я себя истыкал всеми саблями и проколол всеми штыками. Мне так было хорошо, словно кровь лила из меня потоками. Но что бы Вы думали? Ведь мое самогрызение пошло впрок! А отчего? Оттого, что было искренно до мозга костей, искренно и правдиво, неутешно и беспощадно. Каким-то чудом весь мой внутренний горизонт прочистился, и у меня возник в голове план, стройный и простой, и вороха кирпичей, может быть сами по себе и недурных, и прочных, и хороших, но не переварившихся еще прежде, лежавших в амбаре бесцельными, осветились каким-то светом, пошли и улеглись добрыми, полезными и много значащими массами. И я повеселел, успокоился и утешился после своих внутренних бурь, недоверий и отчаяний и считаю, что наступил склад и порядок, и как будто что-то дельное, нужное, для многих (в том числе и для меня самого) родилось и водворилось. Мне кажется, есть с чем мне самого себя поздравить. Вот я Вам и пишу про свой праздник. Авось это все не даром пройдет.

В. С[тасов].

P. S. А моя коллекция портретов для будущей Вашей картины все увеличивается. Как увидимся, я Вам покажу и расскажу. Но мне ужасно хочется напомнить и дополнить Вам то, что я Вам выкладывал еще в самый наш первый разговор, в один понедельник [6], после обеда, и в минуты перед отъездом Вашим на машину, на разговор Ваш интимный и чудный, с золотой пчелкой, у которой золотое брюшко под крылышками. Я говорил и теперь повторяю: А что, если б

Вы, кроме большой, главной Вашей громады, нашли нужным и возможным сделать еще несколько отдельных сцен и картинок, вроде того, как Александр Иванов намерен был сделать вокруг главных, коренных своих картин?! Эти отдельные сцены и картины имеют уже у себя предшественников и прототипов во всех лучших Ваших картинах. Таковы: «Арест», «Не ждали», «Исповедь». А нынешние, новые будущие, могли бы быть, если б Вы захотели и нашли нужным, «Молодость», «Беседы», «Совещания», «Сборы», «Лишение свободы», «Муки» и т. д. и т. д.

402. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Наб[ережная] Ч[ерной] р[ечки], 29, 15 апр[еля] 1906[1]

В восхищении, в восторге, что пушка, наконец, заряжена!!!!! За взрывом дело не станет. Гигантское зажигательное стекло[2] Владимира Васильевича способно воспламенить целые тысячи пушек и произвести теперь такой разгром, какого никогда еще не бывало. Из всех сил ору урррраааааaa!!!! и поздравляю дорогого Владимира Васильевича с созданием плана его важнейшего и капитальнейшего произведения.

И. Ре[пин].

403. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 9 мая 1906

Дорогой Владимир Васильевич,

Вчера в Петербурге я так надеялся повидаться с Вами, но было столько помех, что не удалось попасть.

Писать долго и скучно, надо было на словах рассказать, почему я опять вступил в число руководителей, решившись, казалось, бесповоротно, выйти из Академии.

Тронула меня масса писем, присланная из разных далеких мест и от разных лиц с большими сожалениями, упреками, просьбами, надеждами и т[ак] дал[ее] — доказательствами, что я не имею права и пр...

Четверо молодых людей явились лично и настойчиво заявили, что за 1000 и более верст они приехали, пробились в Питер только из-за меня, что им Академия нисколько не

нужна и они надеялись и не уедут без осуществления своих идей. Что как только соберется учащаяся молодежь, они поднимут страшную демонстрацию и меня не оставят в покое... меня они везде найдут.

С другой стороны, профессора наши говорят мне в лицо, что я снимаю флаг с Академии и уже две официальные бумаги я получил с их единогласным желанием и просьбой ко мне войти обратно в Академию.

Я долго раздумывал, и, наконец, у меня созрела, на основ[ании] 10-летнего опыта, новая программа, как вести дело, и я решился...[1]

Ваш *И. Репин.*

404. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], пятница, 12 мая 1906

Дорогой Илья Ефимович, получил Ваше письмо о возвращении Вашем в Академию, много удивился и все-таки скажу следующее: мне кажется, это дело имеет два фасада: один обращен к Академии и академистам, другой — к Вам лично. Что касается первого, то Академию и академистов, все равно старых и молодых, старших и юнейших, профессоров и учеников, можно только горячо поздравить с тем, что в их сети попал такой громадный осетр, как Вы. Надо даже удивляться, как все сети не треснули и не порвались. Это улов громадный, великолепный! Они все там могут служить молебен с акафистом. Не скоро им попадется еще другой подобный зверек, не придется! Ведь старинная русская легенда объявляет, что мир на трех китах стоит. Но я нахожу, что наш художественный мир на одном стоит. Ну, и слава богу! А нам всем — хлеб да соль! Что же касается до другого фасада, специально Вашего, то я уже и не знаю, приходится ли Вас с чем поздравить. Вы правду сказали: у них там гнилое гнездо, устарелое, потухшее и непоправимо подержанное. Вы правы, правы, правы были. И с тех пор, в 2—3 недели, навряд ли туда могло налететь много здоровья, солнца и света. Бактерий слишком много развелось! Уже чего лучше, когда после Вашего еще первого ухода[1] Вас могли заменить каким-то Кардовским[2], а после второго подумывали заместить Малявиным, декадентским прогнившим сифилитиком!!! Чего тут уже ждать?!! И лучшее доказательство моей правоты — это то, что прошло с катастрофы всего лишь немного дней, но черносотенцы академические уже совершенно

прочно сплотились и выступали устами господина Котова[3], а этот стоит, пожалуй, пары Архипов?!! Чего еще ждать дальше? — Ничего не жду[4]. Все равно, неделей раньше, неделей позже, а уходить Вам придется-таки! Я это самое пророчу и Глазуну. У них там в Консерватории, рядом с паршивым монументом бедняка Глинки, тоже клубом свернулась и крепко сплотилась черная сотня (музыкальная) и норовит, как бы чудесному нашему Александру Константиновичу в подмикитки накласть да в затылочек!!! Великого добра музыке мы тут доживем! При этом если у Вас хватит терпения и охоты прослушать одну строчку из моего будущего «Разгрома», то вот что гласит эта строчка: «Никакие крупные, настоящие художники не годятся в учителя, профессора и преподаватели: не годятся и не нужны. Чем выше и могучее бывали художники (в том числе и по музыке), тем мельче и плоше выходили всегда их ученики! У Листа (великого композитора и пианиста), у Рубинштейна (гениального пианиста) все ученики были посредственные и ничтожные. У Рафаэля, Микель-Анджело и десятка других — тоже. Мне кажется, единственное исключение — Вандик, ученик Рубенса, да и то только по краскам, но не по творчеству, которого у обоих не было вовсе! У всех художников Востока и средних веков учителя были никогда не великие люди». Великие художники всегда бывали учениками художников плохих или слабых. Только тот выходит (и то лишь иногда) отличным художником, кого мало учат и мало муштруют, но кто сам громадно много учится!! Это одна из моих вер[5].

В. С[тасов].

405. И. Е. РЕПИН, Е. П. ТАРХАНОВА-АНТОКОЛЬСКАЯ, И. Р. ТАРХАНОВ и Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

[22 мая 1906][1]

Иматра — это Ваш портрет: та же длинная борода, крепкие гранитные мышцы и та же энергия движения — свободы и силы неудержимой и несокрушимой!..

Ваш *Илья.*
Е. Тарханова.
И. Тарханов.
Н. Нордман.

406. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], 24 мая 1906

Дорогой Илья, воротясь сегодня с дачи в город, полубольной от маленькой простуды и проклятого ветра и дождя намеднись, я нашел Ваше письмо [1] — и вроде того, как будто выздоровел, вырос и расцвел. Как же! Ведь я получил ту карточку с четырьмя подписями и с четырьмя строками, которые, кажется, и мертвого человека, погребенного 100 лет назад, заставят перевернуться, протянуть руки и ноги, высунуть голову, как собака высовывает красный раскаленный язык, — и принудят его выскочить из ямы черной — в рай светлый, от червяков смердящих и злых — в сад, среди ананасов, райских птичек и соловьиных симфоний. Это я посмотрел Вашу четверную карточку с рисунком того водопада, который не из чухонского кипучего масла состоит, а из горячих скандинавских потоков, заслоняющих и заменяющих нам все американские Ниагары. А на другой стороне — ваши драгоценные рогульки и иероглифчики, тоже кипящие, прыгающие и мечущиеся. Тут поневоле соскочишь с какой угодно лихорадочной постели, полон злобы, досады, страшных известий о смертях, виселицах, пулях и нагайках! Тут невольно вскочишь и понесешься вслед за Вами, точь-в-точь как все те, которых Вы увлекли и на Иматре словно всегда в Петербурге и научили схватить перья и писать мне на карточке вслед за Вами. А сегодня, в библиотеке я, еще не получая Вашего послания, словно лекцию читал одному новому для меня человеку, еврею, талантливому музыканту, словно лекцию читал про А н т о к о л ь с к о г о и про В а с, эту несравненную пару, которую он знал и любил еще только издалека, из Киева, со своего капельмейстерского трона в театре и концерте, и столько же любил и обожал, как своих несравненных предметов обожания музыкального — М у с о р г с к о г о и Б о р о д и н а, а теперь еще более прежнего возлюбил и носит на сердце. Еще: как раз сегодня в библиотеке я толковал с другими изрядными людьми про издание всей музыки *т е х* двух, н е с р а в н е н н ы х, и мне приходило в голову: а когда же наступит и придет ко всем в руки издание *э т и х* д в у х н е с р а в н е н н ы х, не только с их всеми картинами и статуями, но также с их изумительными письмами? Для А н т о к[о л ь с к о г о] как будто уже сделано (хотя далеко н е в с е), а когда и с Вами совершится то же? [2] Вот вопрос. Дождаться ли мне ответа? Пожалуй, н е т! А между тем, как бы хотелось услыхать: не заглохла ли идея «картины великой» со всей с о т н е й лучших и совершеннейших русских людей? Ворочает ли, мучит ли и

делает ли Вас счастливым и нетерпеливым в ожидании будущего все попрежнему? Или это Ниагара и Иматра призамолкла, поприутихла и не мечет пламени и ослепительного света и тепла, как в первый день?

В. С[тасов].

P. S. Сегодня же утром я получил письмо из Нью-Йорка, от моей и, кажется, и Вашей знакомой: Изабеллы Хабгуд. Она жалуется мне на Горького и на Марию Федоровну, точно весь Нью-Йорк, и ругает их на чем свет стоит[3]. Что тут поделаешь?! Это все самая вонючая и глупая черная сотня.

407. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 28 мая 1906

Дорогой Владимир Васильевич

Как образно и художественно Ваше последнее письмо! Такой молодостью и игривостью веет от него! А между тем оно ноет дантовскими стонами...

Нисколько не заглохла идея картины великой, «гением Его вдохновенной»[1]. Жду с нетерпением, когда можно будет перейти наверх, в полную света и разнообразия интуиций мастерскую, чтобы начать ее на большом холсте (только не колоссальном). Колоссальные размеры пригодны только по назначению на место — стенная живопись.

В этой затее для меня стоит пугалом (при огромном размере) академия. И надо постоянно встряхивать себя за волосы, чтобы не радоваться сходству ни с «Афинской школой», ни с «Реформацией», ни с «Демициклом»...[2] И главное,— чтобы избегнуть условности, искусственности, рассудочности, прозаической подчеркнутости и скуки. При огромной сложности задачи, при исключительном, в высшем значении, детальном интересе очень трудно обобщить картину и выдержать художественность настроения. Всякий талантливый художник теперь, как чорт от ладана, бежит от сложных идей, от аллегорий, от тенденций...

Считают даже все это старым, отжившим — огромные картины. Как жаль, что теперь время боевое: не до картин, не до украшений, когда все наши лучшие великие драгоценности ничем не гарантированы от гибели, — бог знает, что ждет нас впереди.

Невежество правящих не способно видеть действительности, и все только мечтают о царстве полного невежества, тьмы...

Но время живое. Сейчас прочел речь Д. Аникина [3]. Какая правда! Какая сила!.. Вот Россия.

Не приписывайте инициативу письма [4] из Иматры мне: все четверо, особенно Нат[алья] Бор[исовна], — все говорили о Вас и дружно послали.

Ваш *Илья.*

Сердечный привет всем Вашим!

408. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, среда, 7 июня 1906

Дорогой Илья, не только из Вашего дорогого письма, но также из словесных сообщений Елены Павловны и Ивана Романовича Тархановых я узнал две не то что хороших, а отличных вещи: 1) что Вы сильно, попрежнему, заняты будущей картиной, которая, может быть, выйдет тем, что Наполеон III называл le couronnement de l'édifice (увенчание здания);

2) что Вы собираетесь быть у нас в Старожиловке в нынешнее воскресенье, 11 июня. Как это будет чудесно, если это действительно произойдет и ничто не помешает. Мне так хотелось бы и послушать и поговорить опять и опять про эту «чреватую будущностью» картину и про многие те личности, которые должны там гарцовать, кипеть и светиться!

Какие богатые шахты золотые, какие гигантские выламывания из скал, какие богатые подъемы руд из глубин земных, из давно прошедших времен на свет божий предстоят Вам теперь!! Припоминаю, что еще в юности читал я у Шиллера, на одной которой-то странице, одну строчку — всего одну, но которую никогда потом не забывал, может быть, в течение 50—60 лет:

«Es wächst der Mensch mit seinen grösseren Zwecken» (Человек вырастает со своими более высокими задачами).

Какая чудная строчка!

Вам предстоит ее осуществление.

Эка счастье привалило Вам!

Вы раз на своем веку вздумали сделать своими саженными кистями собрание подлецов — генералов, мерзавцев, злодеев, членовредителей отечества, бесстыдных изобретателей мерзости и преступлений, торжествующего зла и безумия [1]. Теперь Вам предстоит великолепный pendant [2]: собрание антигенералов, людей в сюртуках, рогожах и поддевках, без самомалейших знаков постыдного отличия, но зато благодетелей ныне и присно и во веки веков своего отечества,

драгоценных яхонтов и са[п]фиров рода человеческого — значит, вместе с тем и мучеников своего времени.

Какая задача, какая задача!

В каких мелочных лавочках накупите вы себе красок, где нагрузите себя холстами, линиями, формами и цветами, достойными нарисовать глубокую, искреннюю правду того, что было? [3]

Никогда я не забуду, как я был поражен «Государственным советом», этой гигантской штукой, решившей сто задач соединения вместе бесконечно сложного материала, и с каким чудным успехом и удачей. Да, не забуду. Но что меня еще нынче ждет, если только доживу? «Праздником праздники, торжество из торжеств». Что ж, повидаемся в воскресенье?

В. С[*тасов*].

409. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

Старожиловка, 7 июня 1906 [1]

Милой Наталье Борисовне

Как, Наталья Борисовна? Вот какие дела Вы нынче выдумываете?

1) К нам приехать в воскресенье!

2) Сочинять «В о з м у т и т е л ь н о»! [2]

Вот как. Совсем не по-женски — что-то крепкое, твердое, прочное! Если бы мне не сказали вперед, никогда бы не подумал, что и то и другое женских рук дело. К нам ехать из Вашего прекрасного «далека»! Сочинять эту комедию-водевиль, невозможную, невообразимую, неисполнимую, необычайную, невероятную, — как все это не п о-ж е н с к и, а как-то совсем иначе!

Хотите — поговорим и потолкуем?

Ведь у меня даже на особой бумажке выписаны цифры страницы с особенно бьющими в нос меня необыкновенностями и чудачествами [3]. Что это, шутка и смех или серьез?

Если хотите — до воскресенья.

Ваш *В. С.*

410. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, субб[ота], 1 июля 1906

Дорогой Илья, я новый раз должен издали аплодировать Вам, словно Ш а л я п и н у на сцене за какую-то чудесную сцену из «Бориса» или из того же «Игоря»! Экая только

беда! Цветов нет! Да кабы и были, до Куоккала не добросишь! Далеконько немного!!

Это все я Вам распеваю по случаю того письма об Праволакии Крушеване[1], с которого у меня теперь есть копия[2], списанная специально на то, чтобы лечь в библиотеке, рядышком со многими такими же сильными и колоритными (по-рембрандтовски) письмами, состоящими из чудесных темных и светлых пятен.

Ура! Ура! А я, вообразите, читал и перечитывал это «Крушение» «Крушевания»[3], тут же зараз читал сегодня биографию и письмо одного из наших повешенных, наших великих мучеников! Это письмо и биография только на-днях появились в «Былом» (за июнь). Если Вы получаете и сами эти серенькие книжечки, то и слава богу! Если же не получаете, то я бы сказал: «Пошлите, велите купить поскорее!» Это биография и письмо «Гершковича»[4]. Как я был глубоко тронут! Как потрясен до корней души! Что за чудный алмаз был этот 19-летний юноша! Чем он жил внутри себя, какие изумительные ноты выносились из его бедной, измученной, но великой, широкой и несокрушимой души!! И что он пишет несчастной матери, работающей свои страшные работы за 20 и 30 копеек в день!! И какие потрясающие картинки еврейской улицы, еврейского дома, еврейского базара, еврейского плача, крика и рыдания ужасного! Я думаю, Вам для Вашего дела надо это все знать, прочитать и вместить в свою душу, в один из самых главных и лучезарных ее уголков. Точно так же, как нам нужно, тоже для Вашего дела, точно настолько же биография и речи Софии Бардиной[5] и Мышкина[6]. Как я и этих двух люблю и боготворю. Но, может быть, Вы их обоих уже знаете и внутри себя носите? Если да, то тем лучше, тем лучше, тем лучше. Я нынче все поворачиваю голову по направлению к квакальной мастерской, словно правоверный мусульманин к Мекке своей! Только доведется ли дожить и добрести? Хотел бы я, однакоже, раньше того времени (будет оно или нет, кто его знает?) — хотел бы я узнать, читаете ли Вы нынче, когда-нибудь, ЛЬВА и Герцена, как я? Т[о]-е[сть], как именно? А вот так, что, кроме них двух, для меня, кажись, полиняли и выцвели все другие писатели. Все и все слабы против них.

А как Вам понравится: на днях ЛЕВ писал мне своей царской лапой и начал и кончил свое письмо совсем иначе, чем прежде, по совсем другой моде. Начинает: «Милый В. В.», а кончает: «Я все надеюсь, что мы еще увидимся, и я найду вас таким же хорошим телом и душой, как всегда прежде...»[7] Это нечто новенькое! Какой-то свежий огурчик.

В. С[тасов].

411. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

1 июля 1906 [1]

Куоккальской шведской адмиральше [2]

Какая же Вы адмиральша, Наталья Борисовна, т[о]-е[сть] — водяная дама, когда, напротив, Вы все творите сухопутные дела!!! То храмы Изиды [3], то мастерские Апеллесова [4], то сады Семирамиды [5], то мосты и подъемные машины Архимеда [6], то озера царя Мерида [7], то чертоги Салманассара [8]!!! Что тут морского, что тут адмиральского? Ни единого вершочка, ни единого золотника, конечно [9]. Но я должен Вам покаяться, что в этих сухопутьях я почти совсем было растерялся и вышиблен из седла! Никакие стремена не поддерживают моих расшатавшихся ног. Не знаю, как и куды ехать на том Пегасе [10], которого Вы недавно мне выслали из глубины финляндских елей и пихт. Вот уж, истинно можно сказать, что я, по пословице, «между двух сосен заблудился». Совсем ничего не понимаю. Еще раз скажу: что такое передо мною: карикатура или взаправду? Смеетесь Вы и балуете на Вашей сцене или это все серьезно? Ходят и носят 13 чернильниц, садятся на мед, а потом его облизывают с места сиденья, приходит 50 грудных младенцев с 50 матерями, приходит 66 немецких трубачей, 50 мальчишек, все орут, кричат, иные скачут (в одних панталонах женских) во весь опор по сцене, целую толпу обливают во всю сцену водой из пожарной кишки, — что̀ бы это все значило? Премудрый Сфинкс [11] Эдипов, расскажи!! Клянусь лучом заката и радугой северного водопада, ничего, ничего, ничего не понимаю. Но разговор, речи, диалог, фактура — прекрасная, мужественная и простая. И то слава богу! [12] А между тем усердно кланяюсь.

В. С[тасов].

412. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

4 июля 1906 [1]

Да, дорогой Владимир Васильевич, история Гершковича — это глубочайшая, потрясающая трагедия. Его можно сравнить с царевичем Сакия-Муни [2]. Тот из роскоши царских дворцов, а этот пария из самых ничтожных отбросов человечества вырастает в полубога Прометея. Это величайшее чудо!.. С независимым гордым обликом божественности умирает он за лучшее, что есть в идее человека; умирает, счастливый своим

великим положением... Письма к матери, желание жить и это божеское самообладание говорят в нем за великие способности к свету, прогрессу! В такую минуту такой разум, такой стиль!.. Да, в этом 19-летнем мальчике умер великий человек.

Как жалки, отвратительны все эти Треповы [3] и все высокопоставленные ничтожества! Посмотрите — через год, два,— какое молодое поколение выплывет на поверхность жизни!! Какой свет разум[а] засияет над нашей освобожденной Россией! Все черные сотни, в благоговейном раскаянии прирожденных рабов, падут во прахе душевного ничтожества и вместе с войсками поймут, где истина и где Россия, и станут служить действительному благу родины. Да, будет мир на земле. Он отразится на всей земле![....]

Быть достойным тюрьмы! Обожание благородных страданий за человечество!.. И с этим божественным идеализмом думают воевать невежды, тупицы, черные подлецы!!

Они уже до гадости жалки...

Ваш *Илья*.

413. Н. Б. НОРДМАН — В. В. СТАСОВУ

[4 июля 1906] [1]

Сухопутная адмиральша очень благодарит за письмо. Пишет ответ.

[*Н. Нордман*].

414. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ.

Старожиловка, Сергиев день, 5 июля, 1906, 11 час. утра

Дорогой Илья,

Вы сейчас прочитаете пару смешных, карикатурных строк. Ничего, смейтесь! Вообразите, я сию секунду получил Ваше письмо от вчерашнего дня, и я его прочитал — весь в слезах! Как Вы меня прохватили всего насквозь Вашими немногими строками. Ах, этот Гершкович!! Ему когда-нибудь большой монумент будет стоять.

А покуда мне хочется что-нибудь что-то такое сказать, написать, сделать, чтобы все услыхали, увидели, узнали и чтоб бедный его прах счастливо дрогнул и повернулся бы в

своей черной шлиссельбургской могиле. Я бы хотел сейчас, на днях собрать полную синагогу, в Петербурге, народа, и им прочитать, и им сказать, и их всех прохватить тоже насквозь, как вот Вы сейчас — меня или как его биография и письмо, когда я только что прочитал их листки и они дотронулись до моей души.

А знаете: Вы теперь стоите передо мною, словно громадный, какой-то громадный горн, раскаленный, полный клокочущего уже металла. Скоро раскинутся дверцы великой доменной печи, блеснет оттуда пламенный огонь и потечет волна лавы, и будет дрожать в форме, пока не остынет и не обратится навсегда из несокрушимой меди на долгие века.

Неужели не придет на свет та великая картина великого русского освобождения и освободителей, которую теперь я так жадно жду. Говорят: когда беременная женщина вдруг сделается чем-нибудь до корней души поражена, то у ней и выразится потом на лице, на лбу, на голосе ее будущего младенца тот предмет, который потряс ее душу. Мне кажется, на будущем громадном холсте, среди великого Льва, великого Герцена, великого Радищева и великого Федора Кречетова[1] (знаете ли Вы его уже или нет еще? Если Кречетова этого, тоже великого и глубокого «русского» мученика и агнеца, не знаете, то возьмите поскорее «Былое», апрель[2]),— среди еще настоящих и других великих русских бедный и бледный, тусклый и невзрачный девятнадцатилетний мальчик Хаим Гершкович явится одним из ярких огней и одной из ярких молний.

Ну-тка, раскаленный беременный горн, ну-тка за работу, ну-тка за кисти и краски!

В. С[тасов].

А вот Вы, как кажется, тоже совсем не знаете еще, что такое был наш Чаадаев[3], предмет страстного обожания и пламенных речей ГЕРЦЕНА великого?

Я только что кончил, вчера и сегодня, всю свою книгу о нем и завтра или послезавтра повезу ее сам в типографию, которая давно ждет ее печатать. Да только я все не поспевал, так много трудов и работы было за ними.

Когда напечатается, когда прочитаете, наверное скажете: и этот тоже был наш, даром что начал с того, что был гусарским офицером!!! Впрочем, что ж! И Лермонтов и Грибоедов тоже когда-то были наперед гусарские офицеры!

В.

415. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, среда, 26 июля 1906

Дорогой Илья Ефимович, наш понедельник [1] оставил у меня внутри очень-очень приятные и много весящие воспоминания, и не только потому, что я видел храм Изиды, и собак двух сортов, пруды, и мастерскую будущую, флаги отцовские [2], и дочерний портрет [3] на узенькой лестнице, необыкновенно оригинальную деревенскую решетку, черно-желтую окраску стен, и даже видел Вас самих, — а в особенности потому, что уехали от Вас из «Пенат» с прекраснейшим Вашим портретом [4], где так много Вашего настоящего выражения, характера и натуры.

И я этот портрет успел здесь уже много раз посмотреть, и всякий раз с новым удовольствием. Мне все кажется, как будто это лучший из всех Ваших портретов!

Но этот самый портрет принес мне вдруг в голову вон какую мысль:

как бы хорошо было, если б Вы согласились на то, что я Вам предложу (Вы иногда признавали мои соображения ладными и пригодными). Мое же предложение такое: Брюллов на своем *лучшем* произведении — «Помпее» — взял и представил самого себя смотрящим, изумленным, пораженным, глубоко заинтересованным зрителем того необыкновенного зрелища, которое совершается на его картине.

Нельзя ли и Вам тоже явиться, на Вашей будущей большой картине, зрителем, изумленным и пораженным тою необычайною сценою, которую являют из себя лучшие русские люди, вот уже лет полтораста идущие искать свободу своей страны. Можно, можно? Ведь, кроме Брюллова, и многие другие хорошие художники изображали себя «действующими лицами» в своих картинах. Итак, можно, можно?

В. С[тасов].

416. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

Старожиловка, пятница, 11 августа 1906

Дорогой Илья, меня много восхищают разные главы и сцены в «Изаке» [1] нашего Антоколии. Не знаю, случалось ли Вам, наприм[ер], читать или слышать те главы, где на сцене еврейская свадьба? Там рассказ о пении певцаеврея и еврея-цимбалиста — просто талантливейшие, наред-

кость, страницы. Мы в прошлое воскресенье произвели тут чтение при двух Гинцбургах [2], бароне и не бароне, и они тоже восхищались, как мы. И оттого мы еще больше прежнего порешили: непременно печатать эту талантливую и оригинальную вещь! Где и как будет она напечатана — в журнале или газете еврейской, по частям или целиком зараз, отдельным томом, покуда еще не знаем! Но покуда я дал в трое разных рук переписать копии для типографии (оригинал должен пойти на хранение в нашу библиотек[у]). Уже одна треть — 100 страниц — переписана, и превосходно; другая (тоже 100 страниц) кончается у второй переписчицы; третья (около 70 страниц) тоже на днях будет закончена — и тогда марш, вся история, в типографию! Вы знаете мое намерение: чтобы Волков [3] (корректор Антоколии) написал несколько страничек интродукции, где бы он рассказал, как Антокольский, при его читке [4], упрямо отстаивал всякую свою фразу, всякое свое слово и ни за что не дозволял никаких поправок и изменений, кроме в самом деле настоящих ошибок против грамматики и языка; сверх того, Волков обещался мне вообще рассказать (письменно), как было затеяно и как шло это дело, чтó при этой работе Антоколия рассказывал из своих планов и намерений насчет этой вещи. Я, со своей стороны, тоже думаю сказать несколько слов о том, что мне известно по части этого дела.

Теперь — *ВЫ*. Если захотите (как отчасти уже обещали) написать хоть сколько-нибудь про то, как *«ИЗАК»* был затеян и писался во время первой молодости Вас обоих, в одной и той же комнате, где Вы оба вместе жили, росли и расцветали, начинали думать и творить,— это было бы чудесно!! Можно? По небольшому отрывку [5] об Антоколии, который вышел такой чудный у Вас из-под [пера], можно себе представить, чего бы можно было ожидать и здесь!

А мы тут, с одним маленьким, но дорогим золотником, Ропетом, окончательно кончили стряпанье временной деревянной решетки над могилой Антоколии. У меня есть здесь под руками преспособный и преинтеллигентный плотник. Ему я сделал заказ к началу сентября; надеюсь, все будет выполнено и закончено, и мне кажется — все или хоть многие (лучшие) одобрят наши затеи.

Кажется, будет довольно оригинально и ладно [6].

Тут все знакомые и незнакомые хвалят взапуски фотографию Глыбовского [7] (на днях воспроизведенную в «Н[овом

времени]»), где на сцене *ВЫ*, Л. Андреев, Наталья Борисовна, Элиас да зараз и я тоже. Все, все хвалят.

Даром, что снимал фотографию какой-то черносотенный скот, подлец ужасный. На днях он прилез в библиотеку ко мне. Я, нечего делать, смотрел на него, прямо в его подлые глаза, и слушал фальшивые его рассказы про самого себя — что делать, а фотография его все-таки хорошая. Он добивался снимать меня еще, в библиотеке или на даче. Ну нет, я отказался (конечно, в учтивых словах, кругом да около).

А ведь Наталья Борисовна отлично удалась там у него. Так кокетливо стоит и выглядывает.

В. С[*тасов*].

417. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

15 август[а] 1906 [1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Все Ваши деяния и желания последнего времени так меня тронули! На коленях стою — перед Вашими добродетелями. И вот сейчас: пишу по Вашему желанию. Увы, едва ли могу что-нибудь хорошо припомнить о «Бен-Изаке» Антокольского. Так сам он называл своего героя «Бен-Изак» (он мне говорил, что по-русски это значит сын Исаака — Исаакович). Помню, из читанных им мне страниц там столько было страстных диалогов, сценических столкновений действующих лиц, что у меня осталось впечатление, будто это была обширная комедия, со множеством трагических и комических действий и лиц. Героя звали Гарка́ви, а героиню Рахель. Писал он эту пьесу долго. Поздно, заполночь засиживался над ней. Мы жили тогда вместе в одной комнате. Я вставал рано, т[ак] к[ак] утренние лекции в Акад[емии] худ[ожеств] начинались от половины 8-го утра (при лампах). (К 9 час[ам] мы (ученики А. X.) освобождались от научных предметов — в этюдный класс.) Антокольский как вольнослушатель на эти лекции не ходил и не любил вставать рано, при свечах, — это, по его словам, ему напоминало детство, тяжелое время непосильного труда и жестокого с ним обращения.

Я ложился раньше. И, просыпаясь, поворачиваясь, я видел, как он, взъерошенный, полураздетый, страстно писал... Заметив, что я проснулся, он восторженно обращался ко мне с желанием прочитать только что написанное. Несмотря на неудобный час, на его ломаный язык, чтение его так захватывало интересной живой драмой, что я долго и все с бо́льшим вниманием слушал его чтение, забывая о своем раннем путе-

шествии, при фонарях, по пустынным улицам Вас[ильевского] Острова в Академию.

Ободренный моим восторгом, он по прочтении написанного рассказывал мне еще много, много вперед, что будет дальше. Спохватившись, усталый, я начинал на него ворчать за поздний час и советовал спать ложиться. Но и потушив лампу, он не мог успокоиться, и все еще, как в бреду, продолжал свою повесть.

Сшитая тетрадь его все толстела, он с нею не расставался; возил ее всякие каникулы в Вильно — писал там, и она имела затрепанный и заношенный вид.

Писал он очень неразборчиво и при этом писал, как и говорил по-русски, на еврейском жаргоне, со страшными и смешными неправильностями.

Еще с первых дней нашего сожития я стал стыдить его за произношение по-русски. Заглянув в тетрадь его писания, я невольно расхохотался над его выражениями и убедил его заняться русской грамматикой под моим руководством, чтобы не ходить далеко. Однако грамматика наша далеко не пошла. Я выходил из себя от его непонимания и беспамятности. И, наконец, убедился, что его кипевшая творческая голова сжигала все внешнее и неважное и не пропускала в его мозги. Так, понемногу, наши уроки прекратились — безуспешно. Антокольский на всю жизнь остался совершенно свободным от русской грамматики...

Вчера Лидия Николаевна [2] рассказала мне кое-что из того, что она переписывала, — сцены из еврейской жизни Антокольского. И я увидел, что это совершенно уже другая вещь. Да это и не могло быть иначе. Ант[окольский] всегда, время от времени, писал что-нибудь пером; а потому невероятно, чтобы 30 лет он все работал бы над одною вещью...

Он, как тростинка, гнулся и метался под своими идеями. Все же больше захватывала его скульптура. Особенно помню, как несколько лет спустя мы имели уже по особой комнате, хотя и в одной квартире, и обедали вместе (это было в Академическом переулке, где Вы нас посетили. Помните, ассамблея с Семирадским и Ковалевским и др.?)... Две недели Анток[ольский] никого не пускал к себе в комнату, из которой только глина разносилась по всему коридору и грязнила всю квартиру. К концу второй недели Антокольский страшно похудел и, с блестящими черными глазами, походил на горячечного больного. За обедом он лихорадочно молчал и, даже не доедая блюда, срывался и убегал к себе. В коридоре он иногда, пошатнувшись, хватался за стены от слабости и утомления. Черные волосы стояли у него дыбом, как-то вдруг отросли необыкновенно и целыми партиями казались седыми —

перепачканные серой глиной. Сначала Семирадский и Буткевич [3] особенно острили над ним, как острят в кругах молодежи, подозревая товарища, не прячет ли он у себя красавицу, с которой так пагубно до полусмерти предается страсти нежной. Но скоро потом все прикусили языки и только молча переглядывались друг с другом, кивая на Мордуха, как его тогда все звали.

Наконец однажды, когда уже к нему, как ко всему на свете люди привыкают, привыкли и мы к его странности, он позвал меня в свою комнату.

Теперь, когда столько писалось и говорилось об этой вещи, трудно воспроизвести впечатление новизны — еще небывалого сильного явления в искусстве... Он мне показал «Нападение инквизиции».

Вся его комната была в полутьме. Только фонарь освещал сцену, падая вниз по витой лестнице в подземелье. И когда в этом полумраке я начал различать фигуры, полные драматизма и таинственности, мне становилось жутко; было трагическое очарование... Я долго стоял, как окаменелый, молча... Потом?.. Потом... как вихорь заходил по нашему грязному коридору... Забегали все, заговорили, заспорили! Целовали, поздравляли художника; и этот ураган из нашего коридора вырвался быстро в Академический переулок, перекинулся со страшным шумом в Академию художеств. И там стал свирепствовать по всем казенным коридорам; и носился с такою силой, что престарелые профессора боялись показываться из своих апартаментов — что твоя революция!.. Охватив всю Академию и всколыхнув ее, движение вырвалось наружу, зашевелило печать, общество, кружки — споры, толки, крики, ругань, похвалы и т. д. надолго, надолго не унималось...

Простите, что так небрежно написал, — некогда переписывать. Боюсь задержать или уничтожить.

Ваш *Илья.*

Как грустно кончил [4] Н. П. Собко. Благодарю Вас за присланный некролог Ваш. Как скоро Вы успели.

418. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 20 авг[уста] 1906

Дорогой Владимир Васильевич,

Вчера я послал Вам письмо, которое затянул и, простите, подконец совсем скомкал. И, главное, не упомянул о том, что следовало бы описать.

Я сказал, что был поражен, когда Антоколь[ский] ввел меня в свою комнату. Да это было поразительно, и этого никто не видал, кроме нас, товарищей близких, которым он показал еще свежую свою работу. Это была совсем невиданная вещь, и мы все недоумевали, как назвать такое произведение.

Вся комната его представляла одну общую картину.

Единственное окно, откуда падал свет, было заставлено оранжевым стеклом и совсем спрятано спускающейся витой лестницей, по лестнице спускалась инквизиция. Впереди шел дюжий альгвазил, держа факел в руке, светоч которого был вверху (зрителю не виден). Альгвазил предупредительно оборачивался назад к великому инквизитору, который грузно и сановато заносил ногу, спускаясь по выбитым ступенькам грязной витой лестницы. Великого инквизитора окружал сонм альгвазилов черного легиона и «грудились» около своего повелителя. Какие были рожи! Ведь все наемные убийцы и сыщики... Фигуры казались почти в натуральную величину, хотя они были несколько меньше. Внизу вокруг упавших досок от импровизованного стола валялась вся сервировка прерванной пасхи, опресноков и прочих деталей: подсвечников, солонок, ножей, вилок; все это было характерно, все эти детали Мордух очень любил и умел их хорошо делать и кстати помещать.

Теперь только мы увидели, куда натурщики из Академии таскали такое количество глины, и поняли, что нижние жильцы уже не раз жаловались на сырость потолка и валившуюся штукатурку.

Все прочие, хорошо знакомые Вам фигуры, были только эбошированы[1]; но это была та прелесть импрессионизма — первого пыла чувства художника, которая неповторима и исчезает навсегда, как только пойдет в дальнейшую обработку. Вот отчего такие громадные таланты, как Трубецкой[2], предпочитают оставить навеки свои эбоши[3] в горячем их виде, вылившимися прямо из сердца, и правы: эти дивные создания кипевшей вдохновением души неповторимы. Они очаровательны по своей свежести жизни и горячему, как бред, чувству художника.

В наше время еще не было даже и слова импрессионизм. А то, что эскизно — недокончено, совсем почти не ценилось. Разве крупное имя великого мастера составляло исключение. А начинающий!.. Да кроме того, скульптура?!.. Что делать с мокрой глиной?.. Она стала высыхать от движения воздуха быстро... А движение было большое: все ученики Академии с раннего утра осаждали наш коридор

и целыми партиями входили и выходили, уже не затворяя дверей.

Подумаешь, такая досада! Даже не сняли фотографии! Тогда это было так нетрудно; да никто и не подумал об этом. Центральная группа внизу особенно быстро стала разваливаться — лепилась она даже без каркаса. Мы все задумывались: «Как быть дальше? Как сохранить этот невиданный опыт в скульптуре?..» Автор большею частью спал в моей комнате — отдыхал, поправлялся от своего з а п о я скульптурой.

Мы долго совещались и ничего лучше не придумали, как если бы ему сделать всю эту сцену в малом виде. Когда он, отдохнув, вошел в свою комнату, то готов был разрыдаться, так все уже было попорчено... Однако, пооправившись, он сейчас же принялся за копию в малом виде. Но разве возможно было достигнуть до оригинала? Ведь здесь вся его комната, погруженная в полумрак, была продолжением его сцены из глины...

Прежде всего он из деревянных досок сколотил ящичек наподобие комнаты и стал из воску лепить и ставить на места в ящичек лестницу, стол и, наконец, фигурки... Перед оригиналом это было смешно и кукольно и о впечатлении уже не было и помину... Ах, сколько горя пережил молодой художник!..

Особенно доедали его споры с апломбом образованных людей. Сильнейшие из товарищей (Семирадский, напр[имер]) доказывали ему, что он переступил границы скульптуры, он переходит уж в сферу живописи, ему уже нужны краски; и вот он прибегает к цветному стеклу, чтобы достичь настроения иллюзии, — ему нужна диорама. Доказывали ему, что скульптура должна быть только в форме и ни о каких красках не думать; форма — ее индивидуальность.

Когда месяц спустя (через неделю уже хозяйка настойчиво потребовала очистить комнату, так как хозяин дома получает большие претензии от нижних жильцов), наконец, Антокольский перенес свой ящичек в Академию художеств и поставил его в с в е т л о м архитектурном классе, между сотнею других экспонатов (эскизов учеников живописи и скульптуры), ящичек его производил жалкое впечатление. И все ученики, не видавшие оригинала, прямо смеялись и подозревали (в том числе особенно меня) в пристрастии и преувеличении — «из мухи слона делали». — Вот!..

Особенно твердо был установлен принципиальный вопрос: это не скульптура, это перевал в живопись — это провал...[4] Все прочее Вам известно лучше.

Ваш *Илья.*

419. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], вторн[ик], 22 авг[уста] 1906

Дорогой, пять тысяч раз дорогой Илья, получил Ваше письмо. Чего я ожидал, то и вышло. Чудесные воспоминания, чудесно написанные, о чудесном человеке, о чудесном времени, о чудесной молодости, о чудесном творении — несравненном, неожиданном и не имеющем никаких предтечей в искусстве, как русском, так и всяком. И я новый раз подивился — какой странный, удивительный параллелизм так и шел у Вас двух в продолжение всей жизни. Почти в один и тот же год родились, почти в один же год попали в Петербург и Академию, почти совершенно одинаково учились, сначала совсем не у художников, а у ремесленников, совершенно одинаково начали с изображения *народа* и его бед, тягостей и мучений («Еврей-портной», «Спор о талмуде», «Бурлаки», «Инквизиция»), — жили вместе, учились вместе, читали и узнавали все вместе, пробыли за границей одинаково всего более в двух городах: Риме и Париже, и оба одинаково сделали самого лучшего именно то, что изошло из самых недр России и оба одинаково оказывались всего слабее в том, что было идеально! Ну, да поговорим обо всем этом, вероятно, еще много раз, в другое время и в других местах, а не на этом листке. А уж как я рад был, что Вы вняли моим молениям и написали теперь про Изака и Бен-Изака, я уже и сказать не могу. Ведь нынешние Ваши 8 страничек настоящие драгоценности и радости для меня. Ведь они истинный pendant к тому, что Вы начали писать тому несколько месяцев назад про того же Вашего товарища, брата и друга. Ах, если б Вы докончили и те прелестные страницы! Будем ждать [1]. А между тем я Вам скажу, что только сегодня я увидал в первый раз снимок Глыбовского: «Репин пишет портрет». Ведь кого пишет? *МЕНЯ*. И картинка превосходная. Но я «Нового времени» никогда не вижу, а Глыбовский привез мне всего только одну оригинальную фотографию — ту, где мы все вместе: Вы, Нат[алья] Бор[исовна], Элиас, наконец, я. Но кто эта красивая девица подле меня сидит? Не знаю. Я было подумал, что это, может быть, та самая девица (мадмуазель Витте), которую я в прошлом году видел у Вас, вместе с ее матерью, куоккаловской жительницей, на музыкальном собрании, днем. Я очень, очень рад, что у меня теперь есть именно эта фотография, которая в 100 раз лучше цинкованного воспроизведения в «Новом времени». Но мне ужасно бы хотелось достать себе фотографию (отдельную) того момента, где Вы пишете

мой портрет. Это так превосходно вышло, а для меня так важно и интересно!!! Нельзя ли бы добыть мне такую фотографию от Глыбовского. Я не знаю ни его адреса, ни вообще его самого. А может быть, он бы Вас послушался?

Вчера мы хоронили бедного Собко — как мне его было жалко!! Не только по случаю его смерти, но также и по случаю всей его жизни — неудачной, несчастной и проведенной в муках. Но кто меня *умилил* до глубины души — это рабочие, которые, бросив и работу и заработную плату, употребили самоотверженно вчера более 1/2 дня, чтоб провожать с одного далекого края Петербурга до другого противуположного, пройдя поперек весь город, от крайней клиники до Нарвских ворот, из благодарности к хорошему, доброму и полезному человеку. Что за чудные, несравненные люди, эти нынешние наши рабочие! Прежде таких не бывало. Нет, никогда не бывало!!! Я был истинно тронут и потрясен. И оттого произнес, когда могила была засыпана и крест водружен, несколько слов привета и почтения.

В. С[*тасов*].

420. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

И[мператорская] п[убличная] б[иблиоте]ка,
25 авг[уста] 1906

Ваше письмо, дорогой Илья, сильно запоздало прибыть ко мне. Вы адресовали его на дачу, а мы уже переехали в город. Оттого пишу Вам так поздно.

Конечно, не могло иначе и быть, как то, чтоб Ваши воспоминания [1] об Антоколии были блестящи, великолепны и важны до бесконечности. На них будут любоваться и на них будут поучаться многие поздние потомки, не говоря уже о нынешних людях. «От них же первый есмь аз...»

Но что я думаю:

Мне кажется, я должен разделить оба Ваши последние письма на две части.

Одна должна, должна мне кажется, пойти, как чудесное «Предисловие» к роману Изак.

Другая же представляет собою отдельное самостоятельное целое («Из жизни Антокольского») и прямо примыкает к тому, что Вы так чудесно написали для нашей грузинской княгини! [2]

Позвольте это сделать — мне кажется, это будет вполне правильно и резонно. Но, конечно, если Вы не захотите, я сделаю так, как Вы скажете.

Во всяком случае, в каком бы виде эти Ваши воспоминания ни появились в свет, я могу только радоваться и торжествовать, что они есть.

Теперь нечто еще другое.

Читая Ваши блестящие страницы, я глубоко горевал об Антокольском и его «Инквизиции».

Как! Эта вещь была высшее и замечательнейшее, оригинальнейшее и необыкновеннейшее его создание не только у нас, но и во всей Европе — совершенно новый шаг в скульптуру, — и что же? Как раз это самое произведение не было доведено до конца, было самим автором словно схвачено за шиворот и вышвырнуто из массы его творений! Как это могло случиться? Зачем? Почему? Что за безобразие в биографии Антокольского, что за трагическое пятно в истории всего вообще искусства!!! Давно, очень давно я это чувствовал и печалился всегда до самых корней души. В продолжение 30 лет знакомства я миллион раз говорил и писал о том Антокольскому, и стоит только просмотреть наш громадный том писем Антокольского (ко мне их было около 500), чтоб увидеть из его ответов мне, как часто, много и упрямо я ему напоминал об этом его главнейшем его долге перед самим собою и перед искусством. Во всю свою жизнь он никогда уже не воротился к довершению своей «Инквизиции». Все только собирался, все только обещался, давал сто резонов, и никогда не исполнил своих обещаний. А не лучше ли было бы, если б он никогда не делал бы ни «Мефистофеля», ни «Спинозу», ни «Голову Иоанна Крестителя», ни даже и самого «Христа» и т. д. и т. д., а вместо всего этого сделал бы одну-единственную — «Инквизицию». Даже если бы он никогда не делал ни «Петра», ни «Нестора», ни «Ермака» — «Инквизиция» важнее в 100 раз. Отчего он никогда ее не делал, вечно откладывал? По моему мнению, резонов было тому несколько. Первый — заказы, которые приносили ему немедленные средства жизни и для себя и (еще более) для семейства, пожиравшего его рубли. Между тем «Инквизиция», казалось ему, могла и не понравиться заказчикам и покупателям. И это последнее соображение было совершенно фальшиво: в те времена очень и очень многие купили бы у него с восхищением высокоталантливую его вещь, хотя бы и еврейскую. Разве сама вел[икая] кн[ягиня] Мария Николаевна не давала ему заказ на исполнение «Инквизиции» в terre cuite[3]. Наверное,

нашлись бы и многие другие. Второй резон: *ЕВРЕЙСТВО* сюжета. Всю жизнь Антокольский был ревностный, глубокий, правдивый еврей; он век проповедовал о правах евреев, о нарушении в отношении к ним всякой справедливости и разума сквозь всю 1000-летнюю историю, везде. Но он это проповедовал (и чудно, и страстно, и художественно) лишь в частных разговорах и письмах — никогда в художественных своих произведениях: вечно боялся публики и врагов — антисемитов. Это было опять-таки совершенно напрасно и неразумно. Но так было! И по своей «добродетельной» морали и по воззрениям окружающего света он предпочитал делать «Христа». Спрашивается: на какого чорта это было ему нужно?!!! Какая ошибка! Я признавал и признаю, что его «Христос» лучший из всех до сих пор Христов не только скульптуры, но даже и живописи. Но что же из этого? Все-таки это еще далеко не настоящий И[исус] Х[ристос]. И все-таки в глазах христианской (собственно) публики он не выиграл никакой полезной позиции. И что это за Христос — страждущий, бедствующий, пассивный Христос? Кому такой нужен. Но потом третий резон (в одном из писем ко мне): что он *не может* работать на «еврейские национальные» сюжеты, потому что давно (по обстоятельствам жизни) не живет среди евреев, — что за резон, что это за фальшь и вздор? *Не может, не живет* среди евреев, однако *мог* писать своего Изака??? Итак, все эти резоны гроша медного не стоят. Просто не хотел и просто боялся. Как нехорошо, как слабо, как трусливо!!.. Но знаете, к чему меня привели (и очень давно) все эти соображения? К тому, что *ВЫ*, один *ВЫ* на свете можете поправить, загладить (до некоторой степени) это преступление, это прегрешение Антокольского. Есть на свете до сих пор четыре эскиза из гипса «Инквизиции», и у нас есть даже с них фотографии. Что, если б Вы решились на основании этих 4 эскизов, а еще более на основании творческой художественной памяти, — решились бы восстановить (хотя в общих чертах) то, что Вы видели и чем много и глубоко любовались? Примеры такой художественной памяти и такого художественного восстановления есть налицо, и их немало. Одни в живописи, другие в музыке. Моцарт, еще юноша, записал напамять, в шляпе (на бумажке, положенной там на дно) Miserere знаменитого композитора Allegri [4], которого он слышал в Папской капелле, в Риме; Глазунов и Римский-Корсаков после смерти Бородина восстановили по памяти, написали и напечатали множество мест из оперы «Игорь» (между прочим целую увертюру); простой любитель, мой товарищ Энгельгардт [5], напамять за-

писал (а я издал) после смерти Глинки мотивы и куски из начатой Глинкой симфонии «Тарас Бульба»; Вы сами н а п а м я т ь рисовали Р[имского]-Корсакова, дирижирующего на эстраде, и даже простой ученик Ваш, мало даровитый Перельман, рисовал отлично похожий мой портрет в альбом Надежде Петровне Кларк напамять. Что значит художественная память!! Вот я и вообразил себе, что если б Вы решились спасти создание Антокольского и от времени и от н е г о с а м о г о!!!

В. С[тасов].

421. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург, 7-я Рожд[ественская], № 11, понед[ельник], 28 авг[уста] 1906

Уж, пожалуйста, не будьте на меня сердиты, мадам Сухопутная Адмиральша, что не было никакого Вам от меня парадного поздравления в субботу [1], а только наша общая телеграммка! Дело в том, что нынче после дачи я совсем плохо веду свои корреспонденции! Наприм[ер], вот сегодня день рождения ЛЬВА ВЕЛИКОГО, ему нынче стукнуло 78 лет, а я ему н и с л о в а не послал, ни писанного, ни телеграфного! Разве это хорошо? Нисколько, напротив, прескверно! Так точно, вот и Вы. Хоть Вы ничуть не Лев и вообще никакой зверь, ни великий, ни средний, ни малый, а мне все-таки было бы очень много, что Вам сказать! Даже интересного. А вот что хотите: в Натальин день тоже ничего не написал, да и только. Авось как-нибудь скоро увидимся. Покуда же скажу Вам только одно: в ч е р а и с е г о д н я я провел чорт знает какие чудные два дня. «В чем это, позвольте спросить», скажете Вы. А я отвечу: «Я получил новую книгу про ЛЬВА ВЕЛИКОГО, а это такие чудеса, это, что я за нею провел бог знает сколько часов, и вот кончил уже I том. Теперь принялся за II и только жалею, что не напечатаны еще III и IV...» Эта книга Б и р ю к о в а (толстовца, на франц. языке. Называется «LEON TOLSTOI. Vie et oeuvre» [2]. Только что издана (1906). Есть в магазине В о л ь ф а, в Гостином дворе. Стоит 2 р. 50 коп. Пропасть портретов и картинок. Не оторветесь. До свидания.

В. С[тасов].

Сегодня провел утро у графа Ив[ана] Ивановича [3]. Он читал мне свои «М е м у а р ы». Чудесно.

422. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куок[кала], 4 сент[ября] 1906

Ай, ай, ай!!! Что это за порядки!!!

Ваша телеграмма, посланная вчера в 12 часов, дошла до нас только сегодня утром в 9 часов!!

Судите сами, дорогой Владимир Васильевич, как мы раздосадованы [1]. Конечно, и непременно поехали бы к Вам. Утешаюсь только, что по приезде Елены Павловны [2] я получу бюст Шаляпина, вылепленный Трубецким. Мне очень нравится этот бюст и кажется мне подобным бюстам Глюка леп[ки] Гудона.

Сожалею, сожалею и сожалею, что не попали к Вам. А мне о многом хочется с Вами потолковать.

Во всяком случае, спасибо большое, что Вы при такой важной оказии о нас вспомнили.

Ваш *Илья.*

Наталья Борисовна очень кланяется и очень сожалеет.

423. В. В. СТАСОВ — Н. Б. НОРДМАН

С.-П[етер]б[ург], суббота, 9 сент[ября] 1906

Наилюбезнейшая сухопутная Адмиральша, вот Вы как: все только награждаете хороших знакомых всем, что только ни есть самого сладкого! Например, меня — чудным медом, густым, как смола, желтым и ярким, словно расплавленный янтарь, пахучим, точно р у с а л к а у Даргомыжского или хор цветов в «Руслане» у Глинки! И я вам глубоко благодарен и целую кончики пальцев на двух руках и на двух ногах. И громко аплодирую на всем протяжении всероссийских и чухонских верст отсюда и до «Пенатов»!..

Но какие сладости я-то могу Вам доставить — я, не обладающий никакими «Пенатами», ни старыми, ни новыми, никакими храмами Изиды или богини Гатор, никакими кистями, ни красками, никакими каскадами, прудами и мостиками и даже никакими черными и белыми собаками и собачонками, скорыми и тихими, бросающимися безумно или лежащими кротко на полу!.. [1]

Вот попробовал было состряпать Вам маленький десерт — присутствие и обаяние великого человека! [2] Но ничего не вышло, как я задумывал: Вы уже и без меня захлебываетесь великими десертами — Вас, пожалуй, и не удивишь! А сверх

того почтовое ведомство явно мне завидует и подвохи строит, один за другим, один за другим, без передышки, не давая мне (как сказано у моего великого любимца КРЫЛОВА) «ни отдыха, ни срока»; то привозит в Нью-Йорк расколоченными вдребезги целые коллекции [3] от меня драгоценнейших русских народных terres-cuites; то (как нынче было) даже и вовсе не доставляя Вам в законный срок спешных телеграмм! [4] Что это за народ такой! И как их земля терпит и носит!!! Просто вспомнить тошно. До того нынешняя наша мерзость велика и нахальна! А поди-ка, что с них возьмешь?! Так-таки ничего и не поделаешь. А уж как было хорошо, как чудесно у нас, я никаким пером не могу описать, ни гусиным, ни орлиным, ни стальным, ни золотым! Это был какой-то вечер непомерного, несравненного вдохновения у великого ФЕДОРА БОЛЬШОГО [5]. Он и сам это тогда сознавал. «А отчего? И сам не знаю»,— повторял он нам много раз. Должно быть, от той чрезвычайной компании, которая в тот раз тут собралась и создавала волшебную атмосферу талантливости, привлекательности и увлекательности. И мы, покорные свидетели, слушатели и побежденные рабы в цепях, как мы это видели, слышали и чувствовали. Талантливость — какое это уносящее, побеждающее чувство! А уж как мы жалели об отсутствии Вас обоих — уже и не расскажешь! Да, если б наш любезный профессор был с нами в тот вечер и видел ликующее лицо Федора Большого и его чудесное, полное силы выражение, — быть может, он бы потом создал бы портрет, в pendant к бюсту [6] Трубецкого! Какое бы это было торжество!

Теперь, полсловечка вопросов к Вам и к профессору:

1) Кто же это красивенькая дамочка на фотографии рядом с Леонидом Андреевым?

2) Завели ли Вы уже себе биографию ЛЬВА, по-французски Бирюкова? Если нет, то тем лучше, — я знаю теперь наверное, что скоро эта книга выйдет по-русски. То-то будут тогда ликовать все русские, кто еще не читал по-французски!

3) А что, не начала ли уже двигаться большая русская история на холсте и в красках? [7]

В. С[тасов].

В тот вечер, суббота, 3 сент[ября], как мне двое глубоко понравились и меня поразили, кроме самого ФЕДОРА БОЛЬШОГО: его нынешняя пассия, Мария Валентиновна [8], чудесно красивая, стройная, с прелестными голыми руками до локтей, вся в черном, большая, милая, правдивая и очаровывающая, и, во-вторых, Феликс Блуменфельд, аккомпанирующий ФЕДОРУ БОЛЬШОМУ картинно, поэтично,

страстно, изящно, глубоко, — *таких* аккомпаниаторов я видел во всю свою жизнь только трех: Антон Рубинштейн, Мусоргский и вот теперь — Феликс!!! Все прочие не стоят их мизинца на левой ноге.

В. С.

424. И. Е. РЕПИН — В. В. СТАСОВУ

Куоккала, 17 сентября 1906

Дорогой Владимир Васильевич,

За выполнение труда, гением Вашим вдохновенного [1], я еще не принимался. Даже холст к этой затее еще не готов. Наша «Передвижная выставка» [2] нынче начнется с Москвы, откроется она в конце декабря и будет помещаться в Историческом музее. Наши передвижники собираются к открытию съехаться в Москве.

Я работаю втихомолку над одной картиной уже 4-й год [3]. И каждый раз перед выставкой втайне подумывал, не удастся ли мне ее кончить к этой выставке. Так и теперь я опять увлекся ею; хотя уже с очевидным примирением, что она не может быть готова и к декабрю сего года.

Да, еще — мое инкогнито нарушено... Когда я перетащил только что мой большой холст наверх, в мое царство света (в котором я блаженствую, как никогда прежде, несмотря на все мое счастье к мастерским и в прежние времена), случились гости, и я нечаянно показал свой «труд неведомый», и хотя я всех пригласил не видеть этого большого холста, но его заметили. И даже появилась заметка в «Бирж[евых] вед[омостях]» — сообщение о нем с чужого голоса, где, как водится, все переврано [4].

15-го, в пятницу, я виделся в Академии с учениками. Долго беседовали мирно о распределении и о характере занятий зимой. Все шло согласно. Но к вечеру мне сказали, что едва ли они начнут занятия...

Они, оказывается, вроде ультиматума ставили, чтобы Академия непременно была открыта для митингов [....]

Да, настроение молодежи бесповоротное!.. Как глупо правительство — не отводит им публичных мест для митингов... Толкают, толкают все к гибели по своему невежеству...

Ваш *Илья.*

Наталья Борисовна очень благодарит за письмо Ваше, очень интересное, и пишет ответ.

425. В. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], среда, 20 сент[ября] 1906

Дорогой Илья, премного благодарен за все сообщения:

1) про новую Вашу картину, 2) про подлость соглядатаев из публики, передающих чужие секреты, 3) про академическую молодежь, [....] 4) про Вашу совершенно справедливую настойчивость, [...] 5) про Вашу столько же справедливую мысль, что порядочному правительству очень и очень следовало бы дать им (как и многим другим) особые помещения для митингов, 6) про Вашу еще раз справедливую мысль, что порядочные художники должны стараться ограждать художественные сокровища. Спрашивается: почему, как и для чего другие наши художники, кроме Вас, не действуют и не думают так, как Вы, тогда как это прямая их обязанность? Да, вот то-то и есть, что, сколько голов, столько умов, да только большинство умов — глупые, ленивые, апатичные и гнилые.

Вчера утром был у меня в б[иблиоте]ке гр[аф] Ив[ан] Иван[ович], и мы, пользуясь случаем, про все это с ним поговорили, и он столько же восхищался Вами, как и я.

Но так как до меня это последнее время доходили слухи о работах и маневрах Дягилева и К° насчет русской выставки[1] в Париже (вероятно, теперь уже и начавшейся), то я поговорил и про этот факт, приводящий меня в ужас и отвращение. И именно потому поговорил, что в числе доходивших до меня слухов всего более отличался слух об участии в выставке вел[икого] кн[язя] и самого Ив[ана] Ив[ановича]. Это для меня просто ужасное дело! При участии их обоих[2] (в. кн. и Ив. Ив.) Академия в ближайшем будущем так и валяет громадными шагами — прямо в декадентщину! Там большинство молодежь, более всего не желающая никакого ученья, а только глупости мыслей и форм, полной развратности вкуса и чувства, жаждущая сделать из русского искусства непотребную игрушку дураков и дур, — большинство их, говорю я, только того и ждет, скоро ли, скоро ли настанет царство декадентства? Они и знать не хотят, что это проклятое царство и глупая затея уже везде кончилась (кроме Мюнхена и отчасти Берлина), а у нас присутствует во всех почти головах глупейших художников. Им бы только понелепее и позабористее, словно остроносые сапоги мужчин,

и шляпы — корзинами и подносами — у женщин, а о прочем они вовсе и знать не хотят. И что же я нашел? Ив[ан] Ив[анович] прямо — не смеет, а косвенно — придакивает и одобряет, — таков у него вкус и понятие. Но что меня всего более удивило, так это его слова: «Положим, что декадентство — это худо, гадко, несообразно! Но как же и настоящие художники (не только пройдоха и пролаза Дягилев, жаждующий себе местечка в Академии, в Эрмитаже и в музее) — как же, они-то никак непрочь от декадентства: посмотрите, наприм[ер], Серов, посмотрите, даже сам наш Илья?..» Я отвечал: «Да разве они, да еще и другие кое-кто, разве сами они производят декадентщину? Разве они творят безобразные тамошние глупости и нелепости?..» — «Нет!» — «Так вот видите: какое же у них декадентство? Как их обвинять?..» Он опять отвечал: «Да, не творят, однако все-таки стоят за него и в разговорах, и в советах, и в совещаниях...» Я не поверил, я отрицал, я отталкивал от себя гадкое обвинение, а все-таки подумал: «Однакоже, какие ужасы, в общем, грозят нашему бедному искусству!!!..» [3]

В. С[тасов].

426. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ [1]

2 ноября 1906

Многоуважаемый Дмитрий Васильевич!

Посылаю Вам письмо [2] В. М. Васнецова, которое получил сегодня.

Прошу передать Поликсене Степановне и всему семейству Вашему мой душевный привет.

С глубоким уважением к Вам.

Илья Репин.

427. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

21 ноября 1906 [1]

Глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич

Вот адреса [2], кот[орые] я обещал Вам сообщить! Иван Евмениевич Цветков [3] — Москва, Пречистенская набережная, соб. дом.

Виктор Михайлович Васнецов — Москва, Новопроектированный пер[еулок], собств[енный] дом, Сущевской части.

Пользуюсь при этой оказии заявить Вам о моей искренней преданности и глубоком уважении.

Забыл я сообщить Андрею Димитриевичу[4], что для постановки портрета[5] Владимира Васильевича, на концерте[6], потребуется только мольберт — станок повыше. Я думаю, от массы бесчисленных декораций в кладовых Дворянского собрания найдется их много готовых — только выбрать, указать место, поставить и задрапировать кругом портрета, вот и вся работа. А свезти до Собрания может Ваш же человек на извозчике — это легонькая вещь.

Низко кланяюсь всему Вашему семейству.

Ваш *Илья Репин.*

1907

428. И. Е. РЕПИН, Н. Б. НОРДМАН и В. В. МАТЭ — Д. В. СТАСОВУ

15/VII 1907 [1]

Глубокоуважаемый
Димитрий Васильевич,

Мысленно сегодня [2] с Вами. Вспоминаем Владимира Васильевича.

Н. Нордман.
В. Матэ.
И. Репин.

429. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 22 июля 1907

Глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

Адреса [1] Поленова и Васнецова у меня есть только московские городские: Викт[ор] Мих[айлович] Васнецов — Москва, по 4-й Мещанской, Новопроектированный пер., с. д., № 9, Вас. Дмитр. Поленов (брат покойной художницы Поленовой Елены Дмитр[иевны]) — Москва, Спиридоновка, 29. Летом, вероятно, они не живут в Москве. У Поленова есть именьице в Серпуховском уезде Бёхово, а Васнецов — не знаю, где живет летом.

По инициативе Фидлера [2] и Венгерова мы собирались прибить доску [3] к даче, где жил Владимир Васильевич, и приурочивали это к 15 июля, но разрешения еще не вышло. Ко мне в этот день приезжал только Матэ.

Прошу Вас передать от меня душевный привет Поликсене Степановне и всем Вашим.

Ваш *Илья Репин.*

430. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 10 дек[абря] 1907

Многоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

К перечисленным Вами портретам с Влад[имира] Вас[ильевича] еще есть только один — в палевой рубашке профиль [1]. Находится в Харьковском музее. Фотографий с него у меня нет. Кажется, в иллюстрированном каталоге «Передвижной выставки» (вероятно, 1906 г.) он был помещен.

Вчера я отправил Вам письмо Вл[адимира] Вас[ильевича], 1877, ко мне в Чугуев — небезынтересное [2].

Ваш *И. Репин.*

Чуть не забыл, относительно заказа [3] Вашего. Если с фотографии, то я порекомендую также одного из моих учеников: Василия Ивановича Ткаченко [4].

Можно адресовать: Академия худож[еств] в Мастерскую учеников пр[офессора] И. Е. Репина.

1908

431. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 22 сент[ября] 1908

Глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

Вас[илий] Дм[итриевич] Поленов очень культурный человек, всегда был особенно корректен и по своему образу жизни деловой человек [1].

Сестру Ел[ену] Дм[итриевну] [2] он очень любил и, разумеется, с большим сочувствием и быстро сообщит Вам все, что Вас интересует. Так я знал В. Д. Пол[енова], и невозможно думать, чтобы человек изменился.

Адрес его: Москва, Садовая Кудринская, д. Найденова.

Лето он проводит в своем именьице Бёхово Серпуховского уезда.

Прошу Вас при сей оказии принять мой и Натальи Борисовны дружеский привет.

С радостью слышал от Гинзбурга, что здоровье Поликсены Степановны прекрасно поправилось.

С искренним желанием Вам всего лучшего.

Ваш *И. Репин.*

1909

432. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 7 февр[аля] 1909

Дорогой Димитрий Васильевич,

Покойный Владимир Васильевич любил иногда рассказывать что-либо «для красного словца».

Писание мною портрета[1] с В[ладимира] В[асильевича] в Дрездене не раз им было пересказано разным лицам, даже в печать попало.

Фактически было так: в Дрездене, на второй день или на третий по нашем приезде, по случаю троицына и духова дней музеи были закрыты; мы были свободны, а мне давно хотелось написать с В[ладимира] В[асильевича]. Он великодушно согласился позировать. И эти два дня он с невероятным терпением, любезно и весело сидел по 5 часов в день, а может быть, и больше. Все это, помнится, было им записано на тыльной стороне холста. Погода была превосходная, и Вл[адимир] Вас[ильевич], — знаете какой был ангел доброты и самопожертвования! — ни слова упрека по моему адресу, и я зарабатывался до расстройства нерв[ов] — ну то-есть легкой усталости. А он так весело шутил и веселил меня.

Прислуга отеля приглашалась к удивлению от появившегося портрета. В[ладимир] В[асильевич] любил общение со всеми и всех заинтересовывал. Мы потом уехали дальше. Поручили нашим удивленным слугам переслать портрет в Россию, когда высохнет. Все было исполнено безукоризненно. Вот и все, что я помню. В[ладимир] В[асильевич] прикомпановывал к своему рассказу какую-то собаку, кот[орую] будто бы я хотел написать — я не помню.

Это было бы очень трудно в чужом городе; да и не такой же я завзятый анималист. А мне эти два дня вспоминаются очень тепло и время стояло теплое. И мы из-за портрета не

поехали в Саксонскую Швейцарию[2]; мне было совестно перед В[ладимиром] В[асильевичем], и я его глубоко любил в своей душе, как всегда, за его редкую доброту и всегдашнюю готовность жертвовать своим спокойствием в пользу добродетели. А уж для искусства!!!..

Прошу Вас передать наш привет Поликсене Степановне. Наталья Борисовна очень благодарит за Ваше внимание.

Ваш *И. Репин.*

1910

433. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 23 апр[еля] 1910

Глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

Я очень разделяю Вашу заботу о портретах[1] Спасовича и Герарда. Хорошо бы встретиться с Вами там, в зале Совета присяжных поверенных. Если крыть портреты, то надо с большою предосторожностию: главное, надо умеючи промыть — без мыла — и хорошо, чисто и мягко вытереть.

На портретах, конечно, много копоти. Это займет нек[оторое] время, и нужны помощники и препараты (губки, полотенце, вода), придется вынимать карт[ины] из рам.

Сообразите время, когда в какие часы удобнее Вам воспользоваться служителями. Вообще, это дело не спешное, вреднее всего сделать кое-как.

О Серове самое лучшее справиться у Матэ, в Акад[емии] худож[еств]. Я не знаю, где он теперь, — в Москве, в Финляндии или за границей.

Прошу передать мой дружеский привет Поликсене Степановне и всем Вашим близким.

Искренно преданный Вам

Илья Репин.

Наталья Борисовна очень благодарит Вас за привет и шлет Вам поздравления.

434. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ

Куоккала, 4 мая 1910

Глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

Из Вашего — сегодня — письма вижу, что до Вас не дошло мое, в котором я обстоятельно описывал, как следует

покрывать картины лаком (при существенной необходимости), и лучше не покрывать, если картине не грозит ни пыль, ни копоть.

И вообще крыть надо с уменьем, осторожно свежим лаком и чисто промыв от пыли и копоти.

Что касается Герарда, простите, я забыл.

Но у меня никаких набросков с него не было. Он, как артист, актер и чтец, с эффектом выступавший на сцене, был очень грациозен, прекрасно понимал ритм движений, а потому, сразу, принял такую позу, что любо-дорого. И я с места в карьер взялся за холст и ничего не менял, ничего не искал — так мне нравилась его натура.

А мне страх как хочется взглянуть на Ваш — голову [1], писанную Серовым; я очень люблю Серова как художника и так досадую.... В город ехать — так я уже за два дня расстроен, — старею и врастаю в свою берлогу.

Ваш *Илья Репин.*

Какой «лагерь прокаженных» [2] — ученики Бакста [3] (в «Аполлоне» [4] на Мойке) и «Салон» [5] в д[оме] Армянской церкви!!! [6] Бедлам сумасшедших!.. Это уже миазмы художественного разложения [7].

1911

435. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ.

Куоккала, 2 сент[ября] 1911

Дорогой Дмитрий Васильевич,

С каким упоением я читаю письма[1] Мусорянина в Музык[альной] газ[ете]. Какое Вам спасибо за их обнародование! И опять Владимир Васильевич растет и растет!

С дружеским приветом Поликсене Степановне и всем Вашим, с пожеланием всего доброго и лучшего.

Ваш *Илья Репин.*

436. Д. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ.

с. Языково[1], 12 сентября 1911

Дорогой и искренне любимый и уважаемый Илья Ефимович, мне только что переслали из города Ваше письмо от 2 сентября. Вы не можете себе представить, как я был обрадован тем, что Вы так восхищены[2] печатаемыми письмами Мусоргского! Я их и сам очень ценю и люблю и очень сожалел бы, если бы и другие не оценили бы их. Ваше же наслаждение ими и оценка их мне в высшей степени дорога. Действительно, в этих письмах прибавляется много черт к характеристике Влад[имира] Вас[ильевича], и ужасно досадно, что письма Вл[адимира] Вас[ильевича] к Мусоргскому, по всем вероятиям, пропали; по крайней мере, несмотря на мои старания, мне до сих пор не удалось их разыскать. А письма Мус[оргского] к В[ладимиру] В[асильевичу] и другим лицам выйдут в скором времени и отдельными брошюрами; если Вам угодно, я по их выходе их доставлю Вам. А читали ли Вы корреспонденцию[3] В[ладимира] В[асильевича] с Чайковским и Римским-Корсаковым, которые я издал в 1909 и 1910 годах?

Теперь я подготовил его переписку [4] с Балакиревым, в высшей степени важную и интересную, и полагаю, что она Вас тоже заинтересует.

Удивительное совпадение: Вы мне написали письмо о Мус[оргском], а я, начиная с июля и в течение всего августа, часто о Вас думал и очень желал повидаться и поговорить вследствие прочтения биографии [5] Врубеля [6] (худ[ожника] Грабаря) и надеюсь это исполнить по возвращении в город. Прошу передать мой привет Наталье Борисовне.

Вам преданный

Д. Стасов.

437. И. Е. РЕПИН — Д. В. СТАСОВУ.

Куоккала, 9 окт[ября] 1911

Дорогой, глубокоуважаемый
Дмитрий Васильевич,

Я не могу быть на панихиде нашего незабвенного предводителя [1] и не жалею. Ибо ненавижу этих наемных молельщиков в костюмах и п а т л а х, опозоренных их полицейским прихвостничеством... Мимо.

А сегодня я видел во сне Владимира Васильевича и понял, как некий инок, что он нами не совсем доволен — забывать стали...

К вам и Полине Степановне с челобитной: устройте у В а с один из четвергов в память Вашего брата и друга.

Вот как:

(Никаких угощений, кроме чая.)

Большой стол, с бумажками для заметок; п о д В а ш и м п р е д с е д а т е л ь с т в о м все присутствующие друзья благоволят по желанию и по очереди, в порядке, что-нибудь сообщить о крупном человеке, занимавшем видное место в культе искусству, литературе и науке. В антрактах хорошо бы, если бы музыканты что-нибудь сыграли Ему любезное, а певцы — если и таковые окажутся и певицы — спели бы.

Всем сердцем с Вами, к Вам летят мои помыслы; надеюсь, мы соберемся — не обязательно огромное собрание — тем лучше, если и маленькое: в нем теплее будут наши душевные воспоминания.

Полине Степановне целую руку и прошу ее содействия.

Ваш *Илья Репин.*

438. Д. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

С.-П[етер]б[ург], 15 декабря 1911

Многоуважаемый Илья Ефимович,

Согласно Вашему желанию я несколько времени тому назад написал Финдейзену [1] и просил его прислать мне письмо Мусоргского к Вам, говоря при этом, что делаю это по Вашему поручению.

Он мне в очень скором времени прислал это письмо, а я, извините меня, промедлил известить Вас об этом! Итак, письмо у меня, и если я Вам его не посылаю теперь, то единственно опасаясь, чтобы оно не пропало на почте; если же Вы этого не опасаетесь, то я пришлю его почтою; или, может быть, не желаете ли Вы отдать его в Публичную библиотеку, куда я передал все письма Мус[оргского] к Влад[имиру] Вас[ильевичу]. Я тогда передам его туда от Вашего имени.

Между прочим: письмо это Финдейзен напечатал [2] в последнем № «Музыкальной газеты».

А какая потеря Серов! [3] Хотя я его мало знал, как человека, но страшно жаль художника.

Мой привет Наталье Борисовне.

Надеюсь, что Вы обретаетесь в добром здравии?

Вам преданный

Д. Стасов.

1912

439. Д. В. СТАСОВ — И. Е. РЕПИНУ

с. Языково, 20 июля 1912

Если мне не случилось поздравить Вас, искренне и глубоко уважаемый Илья Ефимович, с ильиным днем, Вашими именинами, это не мешает мне принести самые искренние пожелания здоровья и успехов сегодня. Жаль мне очень, что я не сделал этого раньше, так, чтобы эти поздравления попали бы Вам в руки именно в нынешний день [1]; ну, да Вы извините мне это запоздание.

Еще раз поздравляю Вас с пожеланием всего лучшего. Полина присоединяется к моим поздравлениям и пожеланиям.

Вас глубоко почитающий

Д. Стасов.

1913

440. П. С. СТАСОВА — И. Е. РЕПИНУ

24 января 1913[1]

Глубокочтимый и дорогой Илья Ефимович,

Среди голосов, «вопиющих, взывающих и глаголящих» по поводу страшного дела[2] в Третьяковской галлерее, Вы удивлены, не услышав голоса Стасовых. Но разве словами передашь, что передумает дума. В сильные минуты горя Вашего, если бы я очутилась подле Вас, я могла бы только крепко, крепко сжать Вашу руку и глазами, полными слез, взглянуть в Ваши глаза. И так чувствует каждый из нашей семьи.

Глубочайшая Ваша поклонница

П. Стасова.

441. И. Е. РЕПИН — П. С. СТАСОВОЙ

Куоккала, 29 янв[аря] 1913

Дорогая, глубокоуважаемая Поликсена Степановна,

Какой бенефис выпал на мою долю! Конца нет телеграммам, письмам со всех концов России!.. А Вы как меня разуважили!.. Нет, не умею я быть достойным такого великого почета и таких душевных выражений: я совсем сконфужен и подавлен...

А вчера от Остроухова (главного хозяина[1] теперь Третьяковской галлереи) я получил подробные сведения, что картина реставрируется успешно: он полагает, что в феврале, числа 15-го, я могу приехать заканчивать заделываемые искусно раны картины. Уже теперь некоторые зияющие места превращаются в царапины. Я радуюсь и бога благодарю... Остроухов большого ума человек, громадной энергии, но порывистость и страстное отношение ко всем делам делают его неприятным, он кажется гордым самодуром; а у него в 50 лет

просто душа задорного юнца, знающего твердо свое дело и без всякой деликатности, грубо гоняющего от себя прожектеров. А сколько их!!! Даже я получал такое количество всяких советов и предложений относительно реставрации Грозного...

Простите за все эти подробности минуты. А мы Вас часто-часто вспоминаем и имеем благодаря Вашей неизменной обожательнице — всей семьи Стасовых — Лидии Ник[олаевне] Яковлевой все, все сведения. И недавно еще так радовались и живо представляли себе торжество: цветы и все, все высокопочтенного и глубокоуважаемого Димитрия Васильевича! Да, слава богу, слава богу!.. 85 лет, и он все тот же красивый, высокий, представительный и в высшей степени корректный гражданин: правды и права! Как это утешительно!!.. Погоревали об Елене Димитриевне и долго вспоминали все, все... Всякий раз я не могу равнодушно проезжать Парголово: воспоминания роем провожают меня до Петербурга и обратно, и я не верю, что там больше не живут мои милые родные: и Надежда Васильевна, и Маргарита Матвеевна, и все, все... и над всеми громкий очарователь — голос умевшего жить и ценившего жизнь Владимира Васильевича...

Ваш *Ил. Репин.*

Кланяюсь, кланяюсь всему Вашему дому и полон благодарности за все счастие, полученное мною от Стасовых! Дай им бог всего лучшего! на многие лета!!!..

Наталья Борисовна просит передать Вам и всему Вашему дому ее самые сердечные чувства и лучшие пожелания.

442. П. С. СТАСОВА — И. Е. РЕПИНУ

6 марта 1913 [1]

Глубоко тронули и обрадовали меня Ваши строки, драгоценный нашему сердцу Илья Ефимович. В них воскрес целый ряд светлых воспоминаний о нашем Владимире Васильевиче, отсутствие которого не перестаешь чувствовать чуть не каждую минуту.

Как бы ликовал он с Вами и нами всеми об исцелении Вашего раннего chef d'oeuvre'а [2]!! Как бы громил все нелепости Бенуа и tutti quanti [3] его прислужников в я к о б ы искусстве. Как бы мощно и громко отстаивал все, что служит истинно жизненным задачам творчества!! И вы, Илья Ефи-

мович, последний могикан этого яркого жизненного направления русского художества, всегда были нам неоцененно дороги. И если бы когда-нибудь Вы захотели побаловать нас и заглянуть к нам, мы с Дмитрием Васильевичем были бы рады. Я не отвечала Вам так долго потому, что последнее время жилось тяжело душевно и утомительно физически — Дмитрий Васильевич целых три недели был серьезно болен, и Вы простите Вашу неизменную почитательницу *П. Стасову*.

Передайте мой поклон Наталье Борисовне и примите искренний привет от Дмитрия Васильевича.

1924

443. И. Е. РЕПИН — В. Д. КОМАРОВОЙ-СТАСОВОЙ

Куоккала, 19 10/1 24

Глубокоуважаемая
Варвара Дмитриевна

Я весь на стороне Петербургского Сборника [1] и очень, очень радуюсь при мысли, что мое воспоминание [2] о нашем путешествии с Влад[имиром] Вас[ильевичем] по музеям Европы попадает к Вам, Варвара Дмитриевна. Я послал его в большом пакете, по адресу куинджистов [3], на имя Ил[ьи] Як[овлевича] Гинзбурга. Ст[атья], в особом конверте, на имя Чуковского [4] вложена была в общий пакет. Вчера я получил письмо (экстренное) от Чуковского: он уезжает в Москву и, как видно, давно уже не получает моих писем. Я же в Москве не знаю никого в издательском мире и потому — судите сами — как я обрадован Вашим отношением к моей статье!

А в настоящий момент я очень удивлен, что пакет мой, очевидно, не дошел по адресу. И я не знаю, где его искать. Добавочную часть к статейке я, разумеется, сейчас же посылаю Вам.

Что касается Софии Владимировны Фортунато, то совесть моя спокойна: в их сборник в Москве я дал две статейки, в которых очень хорошо проявился характер В[ладимира] В[асильевича] — его неусыпная деятельность о юношестве, на поприще в искусстве: «Стасов, Антокольский, Семирадский» и «Группа славянских композиторов музыки». 25 л[ет] назад (прибл[изительно]) эти статейки были (были) напечатаны в тек[ущей] журналистике [5] (кажется, «Ниве»), но они так забыты, что, разумеется, для большинства покажутся новыми. Теперь, перечитывая их, мне показалось, что в диспуте с Семирадским диалоги В[ладимира] В[асильевича] записаны как бы стенографически верно — так они врезались в моей памяти.

— Разумеется, сейчас ни для каких других изданий я своего воспом[инания] о В[ладимире] В[асильевиче] не предназначал и Чуковскому ничего не предоставлял. А если он прочтет на вечере в память Вл[адимира] Вас[ильевича], то это было бы желательно: он читает, как ангел — божественно, и как публицист — внушительно.

— Да, очень желательно было бы получить корректурные листы, но при наших сообщениях едва ли это возможно? А я так торопился с отправкой, что, конечно, есть большая необходимость просмотреть в наборе — особенно проверить соединения эпизодов — нет ли ошибок? (понадобятся перестановки).

— И еще: конечно, желательно по старой орфографии;[6] но, говорят, буква ѣ совсем уничтожена — не найти; также и і с точкой... больше нет в России.

Я так отстал от настоящего состава литературных сил, что к Чуковскому, как много уже потрудившемуся над моими рукописями, понятно, с упованием обратился; но теперь, дорогая Варвара Дмитриевна, раз это будет в Вашем ведении, я радуюсь и благодарю судьбу. Знаю, по Вашим изданиям, как Вы строго обрабатываете и в каком виде выпускаете их в свет.

Благодарю Вас за любезное уведомление о печальных событиях[7], за последнее время, в Вашем уважаемом семействе — все это я уже знал своевременно. Почтительнейше целую Вашу милую руку. Ваш искренно преданный *Илья Репин.*

Я думаю, Вам придется обратиться к Элиясу — он все знает и все может разыскать и наладить. В кв[артире] куинджистов живет Венедикт Павлович Кузнецов[8] — прежде всего обратитесь к нему и неужели же он не знает?[9] Там письмо ко всем товарищам.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. В. СТАСОВЕ[1]

Владимир Васильевич Стасов был глубоко и разносторонне образованный человек, необыкновенно сведущий по многим специальностям, но особенно по искусствам: он обожал и знал все искусства. Его кабинет в Публичной библиотеке, с предоставленным в его ведение Отделом манускриптов[2], по своей живой деятельности был похож на справочное бюро. Даже из дальних краев России сюда приезжали люди самых разных специальностей за справками и разъяснениями важных вопросов.

Мне посчастливилось быть дружески принятым в большой почтенной семье Стасовых и сделаться близким свидетелем жизни этих высококультурных людей.

Владимир Васильевич, совершенно естественно, был первым лицом огромного семейства, и от него, как от солнца, шли живые лучи жизни кругом, одушевляя всех домочадцев и друзей, которых так неудержимо влекли к себе свет и жизнь Стасовых, — разумеется, не все одинаково питались главным центром — героя-полубога — света-Владимира, ярко горевшего живым пламенем, громко, откровенно для всех. Его простота и доброжелательность особенно оживляли молодежь, подростков, и их также влекла сюда сфера бытия высших откровений в искусствах.

А. К. Глазунов, братья Блюменфельды, Лядов, Римск[ий]-Корсаков, Антокольский, Гинцбург, Шаляпин, Ропет, Верещагин, Балакирев, Ляпунов, Кюи и много, много других лиц обоего пола — все здесь получали свою отделку по своим стремлениям, своим гениям.

Бесконечно жаль, что Владимир Васильевич Стасов не дожил до полного торжества русской музыки в лице Модеста Петровича Мусоргского, особенно теперь, когда уже в Европе и даже в Америке, наконец, сделались желанными его произведения. Только задушевная переписка Мусоргского с В. В. Стасовым в конце 70-х годов открывает всю важность участия досужего ученого, владевшего летописными и другими сокровищами Публичной библиотеки; Стасов рыцарски служил

своему другу-музыканту редкостным историческим материалом, бывшим в его распоряжении.

Мне посчастливилось близко наблюдать процесс творчества «Хованщины» и других перлов этого музыканта божией милостию и слышать самого М. Мусоргского, его пения и представления своих созданий, неожиданно ярких и невероятно оригинальных.

В[ладимир] В[асильевич] был необыкновенно радушен, весел и мажорно общителен с друзьями. Свои семейные праздники он любил справлять широко «на миру». Душевно радовался всем затеям друзей, родственников и особенно многочисленных родственниц. В дни именин, рождений хоромы Стасовых так украшались импровизированными аксессуарами, флагами, флачками и новостями сюрпризов, так наполнялись тоном особого веселья — какого-то детского торжества, только изредка впечатляемого какой-нибудь значительной новостью художественной сферы, вроде огромной великолепной фотографии, портрета или бюста, или необыкновенно вышитого костюма в русск[ом] ст[иле] и т. д., все это умел ценить В[ладимир] В[асильевич], всему этому он так искренно и заразительно радовался, что водворялось всеобщее громкое ликование.

В[ладимир] В[асильевич] привязывал к себе всех по-родственному. Глазунов с юности был всегда желанным гостем В[ладимира] В[асильевича], с ним Глазунов был очень откровенен, и Влад[имир] Вас[ильевич] знал все, что сейчас в голове юного композитора. Сейчас же Алекс[андр] Конст[антинович] наигрывал ему новые пассажи очередной пиесы. Весь внимание, В[ладимир] В[асильевич] изредка вставлял вопрос, догадку или просьбу, разъяснить то или другое место. И эти два собеседника — один, убеленный сединами, а другой, еще неснявший гимназический мундир, — так были связаны общим интересом, что забывали всех окружающих и не замечали, что гости все прибывали; тихо, незаметно присаживались и скоро увлекались, поддаваясь очарованию звуков, и забывались. А вот и Модест Петрович Мусоргский. При появлении его В[ладимир] В[асильевич] громко и радушно раскрывал свои широкие объятия; начинался громкий пластический доклад подвижного бутуза — «Модестиуса». Скоро подходил он к роялю, и, без всяких упрашиваний, быстро кувыркались перед слушателями характерные неожиданные звуки звонких смешных речитативов, подхватываемых хриповатыми живыми словами композитора, и публика уже едва удерживалась от восторженного хохота.

«Ба, ба, ба! Кого я вижу! — восклицает вдруг Влад[имир]

Вас[ильевич], — Милий Алексеевич. Добро пожаловать!..» Балакирев какой-то особой скрытой походкой обходит, облобызавшись дружески с В[ладимиром] В[асильевичем], знакомых и скоро усаживается к роялю с Марией Николаевной Стасовой. (Мария Николаевна, дочь Маргариты Матвеевны Стасовой, была на положении душевнобольной более 15 лет. Нельзя было без удивления видеть, как семья обходилась с невменяемой (тихой) больной. И, наконец, М[ария] Никол[аевна] совершенно оправилась от недуга. Но более 15 лет без всякой тягости (семья) выносила больн[ую] племянницу, обращаясь с ней особенно нежно.) Он как-то особо играет ей, и та как-то особо слушает его. Гости все прибывают. Вот Никол[ай] Андр[еевич] Римский-Корсаков, Кюи, Бородин, Лядов.

Через некоторое время опять особый возглас В[ладимира] В[асильевича]: «Может ли быть? Какими судьбами?» Антокольский, только что из Парижа. В[ладимир] В[асильевич] постоянно переписывался с ним; любил перечитывать его письма, поправляя грамматику невозможного коверканья русского языка. Однако, поправленные и напечатанные, эти письма внушают к себе большой интерес, особенно по глубине идей и оригинальности взглядов на вещи [....]

Владимир Васильевич был высококультурным человеком, благовоспитанным и универсально просвещенным — он не нуждался в развлечениях.

За границей, за большим табльдотом, В[ладимир] В[асильевич] иногда смешил меня доупаду. По-русски, громко; веселье у него так лилось неисчерпаемо и так смешно, что не было возможности удержаться от смеха. За столом нигде не принято так смеяться; и вот мы, русские, до неприличия веселящиеся, наконец, не могли не возбуждать к себе косых взглядов [...]

Он был очень внимателен к близким: не пропускал дней их рождения, ни именин и ни даже панихид; как благородный рыцарь, был очень щедр на подарки. Он был необыкновенно мажорен в своих чувствах, не скрывал восторга при получении писем от дорогих его сердцу; расцеловывал послания и, с глазами, полными слез, громко выражал свои обильные чувства любви... И его не могли не любить — в нем искренность и здоровые чувства били через край; и он был так изящен и прост.

[Летом 1875 г.] я поджидал Вл[адимира] Вас[ильевича] в [Париже], а он не мог оторваться от своей помощи тем последним перлам текста композитора, в которые был погру-

жен Мусоргский. Это было незаменимо: там подымалась «Русь пододонная» — залежи нашего эпоса.

Французская республика была еще очень молода, и я, живя там в это время, удивлялся свободе полной от всех виз и паспортов. А были еще воочию все действия коммунаров. Колонна Вандомская лежала еще в кусках через всю площадь Вандом; Тюйльери в развалинах; городская ратуша — такого же великолепия здание — также представляла великолепные, живописные руины, а между тем ни малейшей задержки нам, иностранцам; никаких обложений для погашения неслыханной еще контрибуции немцам.

Вся страна представляла полную свободу веселья молодой жизни просвещенного народа. Ко мне письма доходили даже из Чугуева, с безграмотными адресами, которые я сам не в силах был разобрать, — доходили; и нас уже знали, как всех граждан; чудеса по сравнению с теперешним поветрием к отсталой регистрации во всей Европе [...]

Все это время у В[ладимира] В[асильевича] было особое радостное настроение...

Одна печаль глодала его сердце: он часто обрывался мысленно о Мусоргском... «Ах, что-то теперь с нашим бедным Мусорянином?!..»

Уже не раз В[ладимиру] В[асильеви]чу приходилось выручать своего гениального друга, опускавшегося в его отсутствие на самое дно.

В самом деле, невероятно, как этот превосходно воспитанный гвардейский офицер, с прекрасными светскими манерами, остроумный собеседник дам, неисчерпаемый каламбурист, как только оставался без В[ладимира] В[асильевича], быстро опускался, распродавал свою обстановку и даже элегантное платье и скоро спускался до каких-то дешевых трактиров, где уподоблялся завсегдатаям типа «бывших людей», где этот детски веселый бутуз с красным носиком картошкой уже был неузнаваем... Неужели это он? Одетый, бывало, с иголочки, шаркун, безукоризненный человек общества, раздушенный, изысканный, брезгливый?..

О сколько раз, возвратясь из-за границы, В[ладимир] В[асильевич] едва мог отыскать его... где-нибудь в подвальном помещении, чуть не в рубище, распухшего от алкоголя... До двух часов ночи просиживал он с какими-то темными личностями, а иногда и до бела дня. Еще из-за границы всех своих близких В[ладимир] В[асильевич] бомбардировал письмами, прося известий о нем, об этом таинственном теперь незнакомце... т[ак] к[ак] никто не знал, куда исчез Мусоргский.

Подолгу просиживали мы тогда в парижской Публичной

библиотеке, в отделе манускриптов и гравюр Рембрандта. В[ладимир] В[асильевич] много срисовывал акварелью для своего издания «Славянский и восточный орнамент».

Как любил, ценил и знал В[ладимир] В[асильевич] область летописей и манускриптов. В изданной переписке его с Мусоргским видно, какую услугу оказывал он гениальному музыканту в его либретто к «Хованщине». Да, Влад[имир] Васильевич был истый рыцарь просвещения — так много безыменно служил он самым тонким, самым глубоким сторонам большого творчества. Все это, конечно, материалы, но тут же, кстати, мы отвели душу на гравюрах Рембрандта. Замечательное собрание редкостных драгоценных уник. Мы хорошо уже все знали гравюры Рембр[андта] по коллекции Дмитрия Александровича Ровинского в Петербурге. И вот пример: Ровинский, любитель, обожавший особенно Рембрандта, всю свою несравненную коллекцию держал в безукоризненном порядке, чистоте и со всех chefs d'oeuvre'ов сделал особое любительское издание (для немногих) артистически (в Экспед[иции] заготов[ления] госуд[арственных] бумаг делали так, что не отличить от оригинала).

И когда Д[митрий] А[лександрович] показывал эти оригиналы — сокровища — немногим друзьям своим, с дрожью в руках, приглашая осторожно дышать, глядя на эти перлы, печатанные еще самим Рембрандтом... И вот в Париже, в Публичной правительственной библиотеке, эти же перлы, подаренные туда каким-нибудь богатым любителем, теперь были глухо и глупо, наглухо сплошь наклеены в какую-то (по типу) конторскую книгу крахмалом, и гравюры вспухли волдырями, отчего нередко на глубоких тенях гравюры картины образовались белые налеты, совершенно испортившие незаменимые уники. Вот оно, казенное хозяйство... Не было пределов возмущения этим варварством у В. В. Стасова. Он ценил старину, он берег манускрипты в Публичной библиотеке, а ведь эти отпечатки-уники стоили теперь по нескольку тысяч рублей (старый, потемневший листок небольшого формата — портрет д-ра Ефраима Бонуса — был заплачен Ровинским — 8000 руб. ... это еще золотом, конечно).

Я уже давно поджидал Владимира Васильевича в путешествие, как мы условились, по музеям Европы; наконец, весною 1883 г[ода] мы тронулись в путь.

Вспомнить и записать здесь (спустя 40 с лишком лет) я могу только небольшие эпизоды...

Во многих столицах мы приходили в восторг от новых колоссальных зданий национальных характеров каждой страны. Национальность уже давно была идеалом В[ладимира] В[асильевича], он следил за созиданием идейных зданий, ревниво страдая нашей национальной отсталостью тогда. «Это могут осуществить только республики да парламентские учреждения»,— говорил он, веруя в республики. И только в них видел он истинные проявления национальных талантов. Венецианцы, голландцы, французы не сходили у него с языка; все эти народы сулили нам впереди новые восторги, — мы ехали к ним.

При массе, во всех музеях, художественных предметов неизбежно попадаются и посредственные и даже совсем сомнительные экспонаты. Надо много раз быть и внимательно изучать музей, чтобы не тратить время на плохое художество. Нужен изощренный вкус и большая память, чтобы судить без ошибки по существу каждую вещь.

«А, что же это вы так проходите — смотрите, ведь это Тициан!» — останавливает меня В[ладимир] В[асильевич]. И действительно Тициан, и даже неожиданно интересный... Но как в этом почернелом и весьма неясном, очевидно второстепенном, этюде большого, но устарелого уже, гениального живописца мог так скоро раскусить В[ладимир] В[асильевич]. Очевидно, он его уже давно знает и ценит.

Вкус к искусству у В[ладимира] В[асильевича] отличался от повседневности общества, от любителей-«знатоков» и от патриотических оценок выдающихся национальных [критиков], признанных за «направление» определенных вкусов гражданственности или морали. Он был идеалист [3], по существу, независимый.

Но он носил в себе высшие идеалы человечества, и только эти идеалы руководили им при выборе и оценке выдающегося произведения.

Большинство журналистов, пишущих об искусстве, конечно, не изучали его и болтали понаслышке; этим докам особенно по вкусу пришлась фраза талантливого, даже и как публициста, А. Н. Серова. Серов после дружбы, еще с правоведской парты, со Стасовым, потом разошелся с ним и отпустил по его адресу такую характеристику: «Стасов превосходный критик музыки между скульпторами и скульптуры между музыкантами». Писаки, захлебываясь, повторяли эту фразу. Они никогда не могли даже понять стасовской критики, так как она была плодом долгого изучения искусства по французским, немецким, английским и италианским исследованиям... Его мировые идеалы стояли ему вехами на такой высоте, на которую взгляд

этих пигмеев никогда не достигал. Потому-то со Стасовым иногда только спустя много времени соглашались. Даже такой просвещенный художник, как Тургенев, капризным ребенком готов был кричать на всю улицу, чтобы его убрали в сумасшедший дом в тот момент, когда он согласится со Стасовым...

Мне, по случайности, хорошо известны те мелочи, из-за которых возникли все эти несогласия. У этих одинаково высокопросвещенных людей — Стасова и Тургенева — не могло быть разницы во взглядах на вещи, им одинаково в совершенстве известные. Стасов только был радикальней по манере спорить.

Грозный публицист-патриот, В[ладимир] В[асильевич] был грозою многих критиков по искусству, его боялись.

О, сколько о нем было установленных авторитетных определений, характеристик.

— Ведь это ужас: говорили, не только презирал природу, В[ладимир] В[асильевич] презирал великую скульптуру эллинов!!..

А между тем я же был свидетелем, как он любил свою скромную дачу с небольшим простым садиком, в излюбленном Парголове, где все их сложное семейство дружно-мирно жило около 30 лет. В конце сада был у них спуск к долинке, которая тянулась опять к полям... Я видел не раз, как В[ладимир] В[асильевич] подолгу засматривался на это милое местечко и признавался, что оно ему трогательнее всех великих красот Швейцарии, и вообще Парголово они все любили, там и хоронили своих близких родственников, если не в Невской лавре.

Вот и античную скульптуру. Из спора его с Семирадским, записанным мною со стенографической точностью, как я думаю[4]. Опять я был свидетелем его восхищения фигурами сидящих женщин парфенонского фронтона[5]. Эти великолепные гречанки, задрапированные густо плотными складками, с такою непринужденностью сидят, прижавшись одна к другой; и в этой группе chefs d'oeuvre'ов всего света скульптуры они так реально восхищают зрителя своими дородными телесами сквозь мелкие складочки.

А знаменитая Афродита (Венера Медицейская). В Риме, в Капитолии, особенный экз[емпляр] этой дивной богини, под именем Венеры Капитолийской, стоит в Музее скульптуры.

Этот экземпляр изваян в лучшую эпоху эллинов из пентеликского мрамора. Этот мрамор имеет тон бледного тела женщины. И, как в истинных chefs d'oeuvre'ах, во всех формах есть живой реализм (это уже живая) без заглаживаний.

В первое время объединения Италии парламент за неимением другого места заседал в Капитолии. Члены парламента во время отдыха приходили полюбоваться Афродитой. Вечером, [вернее] ночью, на статую был наведен большой, сильный рефлектор. Разумеется, рефлектор доводил цвет тела до полной жизни, и иллюзия живого тела была так велика, что зрители были совсем очарованы... Статуя поворачивалась кругом в нише, и публика особенно долго останавливалась над ее спиною — это было живое тело, живое. Так и мы с В[ладимиром] В[асильевичем] застали Капитолийскую в том же повороте.

В[ладимир] В[асильевич] пришел в такой восторг, что сейчас же подхватил стоявший табурет кустода, воспользовавшись его отсутствием, подставил близко к богине табурет, вскочил на него и влепил Афродите страстный поцелуй. Она была как живая, ни малейшей рутины не чувствовалось в этом реальнейшем образе живой красоты.

Из мужских фигур он любил Мавзола Галикар[насского], Софокла, Эсхила, Зенона и даже Сократа.

Вот каков был а т е и с т А п о л л о н а, как прозвали его наши академические профессора. А он ненавидел только установившиеся до рутины общие места в искусствах — но в о в с е х и с к у с с т в а х. Напр[имер], он ненавидел Канову и всердцах называл его сладкие произведения «пошлятиной», т[о]-е[сть] банальностью, на установленном языке.

Но я должен торопиться, перед нами большая веха — Р е м б р а н д т: м ы е д е м в А м с т е р д а м.

Рембрандт у нас стоял на первом месте.

Когда мы подъезжали к Амстердаму, осуществлялась давнишняя мечта Влад[имира] Вас[ильевича] — показать мне Рембрандта. Вижу, В[ладимир] В[асильевич] глубоко и грустно думает. В его красивой фигуре и выразительных глазах все выражалось пластично.

— Что значит, Влад[имир] Вас[ильевич]? Вами одолел какой-то роковой вопрос? — «быть или не быть», — вкрадываюсь я.

— Да,— с глубоким убеждением говорит В[ладимир] В[асильевич]. — Ведь я приближаюсь к своей любимейшей — «Н о ч н о м у д о з о р у». Она мне живо представилась еще в прежнем музее, до реставрации. Собко имел последние, самые подробные сообщения реставратора: нашли, что эта ночная картина была сначала написана солнечной... Воображаю, что это было!.. И Рембрандт всю ее переписал в ночную!.. А вдруг она вам не понравится? Ведь это — не можете представить —

для меня было бы каким огорчением!.. Ведь мы, пожалуй, разошлись бы [6]...

— Что вы это, В[ладимир] В[асильевич], ведь я же очень хорошо знаю эту вещь по гравюрам и копиям: это Вас парижская библиотека так все еще пугает варварской наклейкой гравюр.

— Да,— возмущается В[ладимир] В[асильевич],— не угодно ли — какими волдырями налеплены у них офорты прямо в книгу [....] Вот варварство [7]!

— Ужас, ужас, — говорю я. — Зато у Дмитрия Александровича Ровинского! Особенно его любимый портфель chefs d'oeuvr'ов, где Ефраим Бонус и др. А как мы там уютно засиживались у него [8]...

— Как он обожал свои сокровища! Что-то теперь с ними в Румянцевском музее?

И мы долго вспоминали милого Дмитрия Алекс[андровича] Ровинского и его издания — великие редкости.

Однажды Минский, по своей характерной развязности, начал стойку на недостатки в рисунке у Рембрандта.

— Э-э... — оборвал Дм[итрий] Ал[ександрович], — да этак я вам и показывать перестану...

Но в новом музее «Ночной дозор» был поставлен великолепно; можно было отойти далеко от картины, мы наслаждались (Вл[адимиру] В[асильевичу] не пришлось расходиться со мною), но мы еще более сошлись на Франс Гальсе— было собрано много еще нами невиданного этого автора. Каждое утро дней открытия музея мы стремились в наш рай. Потом ездили в Гаагу — «Урок анатомии» (превосходно скопированный (у нас) Харламовым)... Голландия вспоминается мне как сплошной свет, тепло и веселье; и многолюдство, многолюдство, так много детей и дам невысокого роста, блондинок, необыкновенно хорошеньких. Даже странно: сквозь все небольшие площади нельзя было пробраться от живой кишащей массы людского плодородия, играющего разгула гравюр.

В[ладимир] В[асильевич] казался великаном среди этих лилипутов. В эти жаркие вечера В[ладимир] В[асильевич] не надевал шляпы, его лысина торжественно блестела. Вспоминаю, что даже и в прохладные дни осени он часто ходил, сняв шляпу. И в жаркие дни, в Италии, когда я, боясь солнечного удара, не смел ступить без высокой тульи шляпы, и в холод, несмотря на густую копну волос, моя голова зябла даже под шляпой, а В[ладимир] В[асильевич] поминутно снимал ее — ему было жарко.

Мы неслись к Парижу. В[ладимир] В[асильевич] обожал Париж, верил только в Республики, и даже искусства — он был убежден, — только у республиканцев проявлялись свободные искусства, вполне естественно вытекавшие из потребностей духа народа, освободившегося от всяких тенденций властей, еще державших направления, поддерживающие абсолютизм монархий и торжества клерикализма.

Мы приближались к Парижу, который В[ладимир] В[асильевич] обожал, и мне пришлось быть свидетелем невообразимого восторга Владимира Васильевича Парижем. Он привскакивал с сиденья на извозчике, оглядывался во все стороны, особенно его восхищали кружева, как он называл решетки балконов на домах, вскрикивал, вздыхал и все время громко говорил со слезами. Париж он знал давно и в совершенстве.

Мы поселились на Итальянском бульваре[9] в самом верху, где на большом балконе был поставлен для В[ладимира] В[асильевича] письменный столик, кресло, и В. В. уже с 5 час. утра, в одном белье, сидел и писал, писал свои статьи и письма (писем он писал много), он любил писать, любил и получать — мы не пропускали случая справляться на Poste restante[10], и В[ладимир] В[асильевич] получал массы.

С нашего прекрасного высока нельзя было не залюбоваться на неугомонный мировой Париж. Широко и далеко в обе стороны уносилось движенье карет, неумолкаемое хлопанье бичей и шипение шин по шоссе Мак-Адаму. На расстоянии этот мелодичный шум как-то располагал радоваться безотчетно.

В Париже мы стремились видеть оригиналы H. Regnault: «Саломею», «Казнь без суда» и «Маршала Прима»... Как переменчивы времена — теперь уже многие забыли Реньо... А мы еще в дороге читали его письма[11] К л е р е н у и были полны этим гениальным энтузиастом, увлеченным в то время Веласкезом и Фортуни, живя в Альгамбре.

Франция принесла великую жертву войне с немцами в 1870-х годах этим несравненным гением... Только что развернулся этот колосс, выбиваясь, как богатырь, из всех условных рамок, через которые он шагал, как гигант, — и глупая пуля на бруствере Mont-Valerien сразила храброго солдата, выпустившего последний заряд немцам... Только по записке в боковом кармане узнали Реньо; окровавленное лицо было густо залеплено листьями деревьев-платанов, росших по дороге. Его книжка п и с е м — один из интереснейших романов живой, полнокровной жизни энтузиаста-художника. Ее следовало бы перевести и на русский язык.

Разумеется, наш главный интерес был в Лувре. И меня поражал В[ладимир] В[асильевич] своим знанием всех chefs d'oeuvre'ов этого великого собрания. В Европе их три: Лувр, Мадрид и Дрезден; справедливость требует, что четвертым будет Петербург.

Но из Парижа мы не скоро выбрались. Тут много было нам пищи, начиная с Компиена, где еще до Парижа мы остановились... О, я должен ограничить свои воспоминания — ведь я невольно уже цепляюсь за историю искусств...

Мы с Влад[имиром] Васильевичем не пропускали тогда ни одного собрания социалистов [12].

Мы посещали в то же время много публичных лекций, в разных местах, и В[ладимир] В[асильевич] очень восхищался, особенно лекциями еще молодой тогда лектрисы — Юбертюн-о-Клер.

А 15 июля [13] и мы были в толпе коммунаров на Père-Lachaise [14], у знаменитой стены, где расстреливались еще так недавно, еще все полны были только что пережитыми страшными событиями, коммунары. Теперь здесь был большой общественный праздник — эта стена была щедро украшена букетами красных цветов, имела праздничный вид; особенно ее, то-есть все это свободное пространство, оживляли живые толпы, беспрерывно подходившие сюда с огромными букетами цветов — все красных, разных пород. У этой стены в несколько рядов на земле было много свежих еще могилок с белыми низкими крестами.

Эти могилки, также близкими, украшались красными букетами.

Публика все прибывала, и высокая стена сплошь украсилась цветами — краснела и краснела до красноты персидского ковра.

Не теряя времени, в бывшем со мною дорожном альбоме я зарисовал всю эту сцену. Толпа иногда до того сжимала меня, что мне уже невозможно было продолжать, залезали вперед и заслоняли. Но французы — народ деликатный. И скоро меня взяли под свое покровительство несколько добродюжих рабочих, вскоре очистилось впереди возможное пространство, и за моей спиной я услышал одобрение. Соседи осведомились, кто я, и, когда узнали, что русский, они весело приветствовали русского — своего, тогда еще внове, с о ю з н и к а. Один рассуждал, что это так хорошо, что русские наши союзники, и пояснял, что это так просто — язык о д и н и вообще русские бравые молодцы. (В Париже русских он встречал всегда говорящих по-французски.)

Время летело, и я успел зачертить всю картинку.

На другой день у себя, под свежим впечатлением, я начал масл[яными] крас[ками] писать свою картинку.

По возвращении к себе в отель я несколько дней писал масл[яными] крас[ками] [...]

Впоследствии ее приобрел у меня И. С. Остроухов, заполнявший тогда свое собрание замеч[ательных] худож[ественных] произведений; и я не знаю — может быть, и она разорвана солдатами на портянки.

О, радость! Дописывая эти строки, я получил от Остроухова письмо: его галлерея цела. Дом этого богатого наследника чаеторговцев Боткиных, в Трубниковском пер., национализирован, и Остроухов с женою оставлены хранителями своих сокровищ в своем особняке, обращенном в публичный музей. Для жизни им отвели маленькую столовую, 10 зал образовали под музей — замечательный.

Между тем ораторы сменялись, всходя на импровизированное возвышение.

После множества речей синие блузники большой массой двинулись на могилу Бланки. И здесь на могиле с возвышения опять говорились речи.

В[ладимир] В[асильевич] почти с благоговением выслушивал бесконечные речи нескончаемых ораторов — граждан самого разнообразного вида, большею частию синих блузников, иногда и извозчиков в белых лакированных цилиндрах с кокардами сбоку и в белых редингсотах своего покроя.

Странно было видеть, когда какой-нибудь извозчик в белом лакированном цилиндре с кокардой с высокой подставки, также с пафосом раскрасневшегося лица, надолго выкрикивал страстные выражения. В[ладимир] В[асильевич] с сериозным вниманием выслушивал этих ораторов.

В Париже мы посетили Лаврова. Этот страшный для правительства человек жил в бедной квартире, но большой, так как его посещали беспрерывно внизу, во дворе, где его созерцали со всех верхних окон соглядатаи (русские заплечные). Этот добродушный с белой сединой старик был очень приветлив; его любили присные обоего пола; нек[оторые] посетители его были очень интересны. Вот, напр., Орлов, красивый, большеглазый брюнет, в линялой синей блузе, в каскетке угольщика, невероятно соединявший в лице своем кротость ребенка с грозой завоевателя.

«Ну что же, милый, — говорит Лавров, — за добродетель, за добродетель»... Это значило, что Орлов должен был поставить самовар и сервировать чай на всю импровизированную комп[анию] челов[ек] 10—15. Наш хозяин выразительно реко-

мендовал не садиться близко у окна. Ибо «теперь ведь на нас наведены сверху бинокли, и я боюсь, чтобы вас не обеспокоили визитом. Я-то их всех знаю — пора...»

«А, это новое лицо — русский брюнет»... — оторвал он вместе и пристальный взгляд вверх...

ИСПАНИЯ

С В[ладимиром] В[асильевичем] мне было очень легко путешествовать. Он знал все языки, имел солидные рекомендации от нашего правительства, из Публичной библиотеки — все двери ему были открыты. У ученых всего мира установлено давно дружеское общение с коллегами, даже с незнакомыми. Так было с нами в Мадриде. Я везде сопровождал В[ладимира] В[асильевича]. Мадрацо, директор музея, очень любезный испанец, хорошо известный Парижу художник, принял нас дружески. Музей, для нас лично, был открыт и после обеда, до самого вечера. В два час[а] мы оставались одни во всем музее. Скидали пиджаки и были как дома. Я работал свою копию («Карлика» Веласкеза), а В[ладимир] В[асильевич] что-нибудь читал вслух, лежа на прекрасной мягкой бархатной скамейке. Длинная скамья позволяла ему растянуться во весь свой рост, и мы выходили из нашей просторной мастерской только когда начинало уже вечереть.

Что за милый, симпатичнейший народ испанцы — просто невероятно.

Мы собирались в Толедо. От Мадрида это недалеко. В[ладимир] В[асильевич] как-то завозился с неприлаженным хорошо воротничком и вообще (господа привыкли одеваться с помощью слуг). Я смотрю на часы:

«В[ладимир] В[асильевич], поторопитесь, как бы не опоздать на поезд». Вышли — ни одного извозчика. Наконец сели. Я смотрю: с горы нам виден хорошо вокзал внизу, и поезд уже сильно разводит пары. А извозчик наш своим Россинантом напоминал клячу Пикадореса, каких торрос на бое быков высоко подбрасывал своими крутыми аршинными рогами, проткнув им кишки... ни с места... — плохой извозчик.

«Да мы уже опоздали, — повторяю я, глядя на часы, — не вернуться ли нам, Влад[имир] Васильевич, смотрите, поезд сейчас тронется — что же возница лупит свою бедную клячу — бесполезно уже...» Видим, прислуга поезда

заметила нас на горизонте снизу и дружески машет руками — очевидно, ждут н а с только... С горы легко, и кляча, пошатываясь, уже прыгала как-то к нашим благодетелям; нас дружески, как добычу, проводили на наши места. Только нас ведь и ждал весь поезд. Ну где в другой стране вы встретите такое братское участие?! Не угодно ли!

Однажды в Германии отец повел своего сынишку на остановке (так как клозетов не полагается у экономных немцев). Отец уже вернулся, втиснул обратно мальчика и сам крепко держался за ручку двери, но кондуктор оторвал отца назад. Сколько мальчик рыдал! В Берлине не скоро он дождался отца. Мы его утешали.

В Мадриде, настроенным романтически и переполненным художественными впечатлениями особо художественной страны, нам много раз давала себя чувствовать чеховская проза жизни. Даже въезжая в прославленный своей жарой Мадрид, мы попали в грозу, и целую неделю стояла потом свежая погода — надо было надевать пальто, особенно по вечерам. После того как на бульваре в Барселоне, в 1-м часу ночи, мы проспорили, ходя целый час, о Верещагине и о значении п о р т р е т а в искусстве и забыли даже подумать о том, что мы вышли взглянуть на интересных красавиц Испании, выходящих гулять только ночью, чтобы не загореть от солнца, — мы не были удачливы во встречах с живою красотою Юга [15].

Владимир Васильевич частенько напоминал мне, что я непременно должен написать здесь красавицу. Я вполне разделял его сериозное требование от искусства, но как?... Надо ждать случая. И случай представился.

В Hôtel del Sol [16] за нашим огромным табльдотом появилась, наконец, красивая дама. Владимир В[асильевич] узнал, что она «кубана», приехала с мужем с о-ва Кубы. Он был военный, напоминал в точности наших военных времен А[лександра] I, даже блондин. Она, на первый взгляд, показалась нам чуть не идеалом красоты.

Но, конечно, при незнании языка и незнакомстве с этой четой я уже относил и эту встречу к числу многих уличных, где мы иногда, оглядываясь, только умиленно вздыхали.

— Как? — говорит В[ладимир] В[асильевич], угадав мои способности Подколесина, — хотите я устрою — вы будете ее писать?

И он быстро подлетел к ним, разговорился, объяснился и скоро уже рекомендовал им меня — русск[ого] художника. Скоро сговорились — писать в читальном зале [17], довольно

просторном, удобном, где в дневные часы публики бывало мало и можно было удобно устроиться, без помехи нашим сеансам.

Наша красавица «кубана» оказалась дамой очень скромной, довольно безвкусно одетой и без всякого женского кокетства. И где?! — главное — где девалась ее красота?! — Это была самая простая, самая обыкновенная и очень молчаливая дама... Муж пришел только на первый сеанс и скоро ушел. В[ладимир] В[асильевич], несмотря на всю свою развязность галантного кавалера, ничем не мог победить безысходной скуки, которая нами овладела. Слава богу, дама сидела добросовестно, безукоризненно держась своей точки и строго отбывая свои минуты сеанса. Она даже не любопытствовала взглянуть — что выходит на моем небольшом этюдном панно. Мы радовались только концу полуторачасового сеанса. Этюд вышел очень заурядный, неинтересный.

Приходит на мысль: часто, то-есть почти всегда, когда позируют очень безукоризненно, терпеливо, портрет выходит скучный, безжизненный и, наоборот, при нетерпеливом сидении получаются удачные сюрпризы жизни.

Так, напр[имер], у меня с П. М. Третьякова, кот[орый] сидел с необычайным старанием, портрет вышел плохой, а Писемский, вскакивавший каждые 5 минут для отдыха, помог мне — его портрет имел большой успех.

Самый добрый народ на свете — испанцы, народ самый деликатный и ласковый... Например, вошедший в вагон ночью испанец никогда не потревожит спящего и будет стоять все время, если нет свободной от спящих скамьи, будет терпеть.

Но никогда, нигде на свете я не видел большего возбуждения толпы, как на бое быков. Толпа ревела, как море, ладони трещали, как митральезы, и оскаленные зубы на загорелых рожах представляли живой ад. Владимир Васильевич принципиально не пошел смотреть, а я думал только взглянуть, как это бывает? Несчастья, живая смерть, убийства и кровь составляют такую влекущую к себе силу, которой противостать могут только самые высококультурные натуры.

В то время на всех выставках Европы в большом количестве выставлялись кровавые картины. И я, заразившись, вероятно, этой кровавостью, по приезде домой сейчас же принялся за кровавую сцену — Ив[ан] Гр[озный] с сыном. И картина крови имела большой [успех].

Боюсь, пишу слишком много, нехватит места в сборнике. Постараюсь окончить с достоинством.

Так как этот гигант В. В. Стасов отходит уже в вечность, то небезынтересно охарактеризовать его: кто, собственно, он был?

Одним словом: это был рыцарь в самом благороднейшем смысле. Избрав какую-нибудь специальность, рыцарь зорко следит за ее процветанием и быстро помогает ей во всех трудных случаях.

В[ладимир] В[асильевич] казался уже рожденным для искусства и литературы. Он знал много языков, прожил много времени своей молодости во Флоренции и пристрастился к искусствам — уже по существу. Все, что относилось к искусствам, было его сферой; он всесторонне изучил его роды, авторов, специальности, национальности и обстоятельства времен.

Но он не был теоретик, не был человек книги и формы. По жизненности своей натуры и по рыцарской складке своего темперамента, хотя и реалиста, он быстро, во всеоружии, становился на страже и зорко следил за появлением на горизонте новых явлений. Начну с лиц.

Я могу привести здесь только те эпизоды, о которых я был до нек[оторой] степени осведомлен.

Как во всякой сфере деятельности, ярким светом горит в человеке любовь к его предмету, без этого будет все мертво и скучно. В[ладимир] В[асильевич] воспламенялся ко встреченному им предмету своего культа со всею страстию и быстро переходил к его обожанию.

Первый пыл восторженной души его, еще юноши-правоведа, охватил товарища его, по правоведению, Александра Ник[олаевича] Серова. Они вместе учились, читали, спорили и писали даже друг другу в то время идейно-страстные письма. В зрелых годах они разошлись, но выбор В. В. Стасова — товарища для обожания и надежд, — разумеется, вполне достоин рыцарского внимания.

С молодых лет особенно Стасова занимает музыкальный мир: Балакирев и целая плеяда Русск[ого] музык[ального] общества — Кюи, Бородин, Римский-Корсаков и др. лица, из числа кот[орых] он особенно страстно впивается в Модеста Мусоргского.

Об нем В[ладимир] В[асильевич] с первых строк, посвященных его памяти, говорит: «Мусоргский принадлежит к числу тех людей, которым потомство ставит монументы». Не могу не привести

здесь неск[олько] строк самого Мусоргского из письма к приятелю 1873 г. (кажется, это к В. В. Стасову):

«Скоро на суд! Бодро, до дерзости, смотрим мы в дальную музыкальную даль, что нас манит к себе. И не страшен суд. Нам скажут: «Вы попрали законы божеские и человеческие!» Мы ответим: «Да!» — и подумаем: «То ли еще будет!» Про нас прокаркают: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Мы ответим: «Non, non et non, madame!»[18]

Свое маленькое предисловие к памяти Мусоргского В[ладимир] В[асильевич] кончает словами: «С нас достаточно и той счастливой гордости, что мы были современниками одного из самых великих людей русских».

Вот с какой верой взирал В[ладимир] В[асильевич] на Мусоргского, вот почему он с такой неусыпностию оберегал его в несчастиях...

И потом В[ладимир] В[асильевич] не пропускал ни одного выдающегося появления таланта в искусствах. Он устремлялся к нему и, с любовью готовый служить, помогать ему, он быстро знакомился с ним, быстро делался близким другом, и вскоре плоды умного наставника сказывались, и юноша начинал входить в славу.

Разумеется, не все люди склонны сочувствовать новому явлению, — напротив, по обычаю, многие возмущались невыпрошенным, столь ранним прославлением никому еще неизвестного юнца. Появлялись насмешки, карикатуры. Вот, напр[имер], изображалась житейская река, с прорубями. Стасов, вооруженный обухом топора, зорко следит — не появится ли где гениальной головки... Он тут как тут: замахивается обухом, и голова исчезает. Так он губит и погубил он будто бы все русские таланты...

Молчание, молчание — вот высшая добродетель считалась у истинно благодетельных граждан. Они были глубоко убеждены, что ранние похвалы портят таланты.

А между тем теперь уже можно судить о всех излюбленных им. Уже многие из них в зрелых годах, многие уже давно умерли.

Вот, напр[имер], кого он обожал на моих глазах, кому отдавал душу: Шварц, Мусоргский, Антокольский, Репин, Глазунов, Ропет, Верещагин (но этот, как и многие, уже были прославлены, почти как Лев Толстой). Но как он любил их лично — знал и наслаждался ими! И вообще он жил искусством и литературой. Летом, бывало, я иногда оставался в Парголове у них — ночевать. Влад[имир] Вас[ильевич] вставал рано. Иногда в 7-м часу утра мы уже гуляли в парке, и В[ладимир] В[асильевич] прочитывал вслух любимые места

излюбленных авторов, часто лежа на садовой скамейке: Толстой, Чехов, Короленко, Герцен... Часто он просыпался часа в 4 и лежа долго еще читал места, всплывавшие в его памяти,— она была у него колоссальна. В[ладимир] В[асильевич] никогда не пропускал выступлений на сценах своих любимцев.

Затруднения и даже полное отрицание и устранение со сцены «Бориса Годунова», «Хованщины» переживались всей семьей Стасовых как свое родное, самое близкое явление; и хлопоты В[ладимира] В[асильевича] у всех властей театральной дирекции при неудачах производили истинное горе всей семьи; как и успех, наконец, «Бориса» был грандиозным торжеством всего круга сочувствующих [19].

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

1 8 9 5

296

[1] На автографе рукой В. В. Стасова, карандашом, помечено: «95. 1 декабря». Письмо написано в Петербурге.

[2] На конверте письма надпись В. В. Стасова: «Торжество и овации Н. В. Ст[асовой] для 14 дек[абря] [18]95 в Думе».

Русское женское общество с участием В. В. Стасова устраивало в петербургской Городской думе 14 декабря 1895 г. вечер в память Н. В. Стасовой, умершей 27 сентября 1895 г. Стасов обратился к И. Е. Репину с просьбой доработать для этого вечера эскиз художника, изображающий «овацию» на акте Высших женских курсов в честь Надежды Васильевны 20 сентября 1888 г.

Несмотря на то, что Репин 10 июня 1894 г. писал Стасову: «Прошу Вас... не докучать мне больше Вашими письмами», Стасов все же обратился, ради памяти сестры, к нему с этой просьбой.

Отказ Репина, бывшего всегда в дружественных отношениях с Н. В. Стасовой, объясняется несомненно «разрывом», происшедшим между ним и В. В. Стасовым.

Эскиз «овации» принадлежал Высшим женским курсам, ныне находится в частной коллекции. Репродукция эскиза с гравюры В. В. Матэ приведена в книге Стасов Владимир, Надежда Васильевна Стасова. СПБ., 1899, стр. 368—369.

1897

297

[1] На автографе надпись рукой В. В. Стасова: «11 февраля 1897». Письмо написано в Петербурге.

[2] На автографе имеется вторая надпись Стасова: «15 февр[аля] 1897. Для концерта в память 10-летия со смерти Бородина».

Речь идет о написанном Репиным портрете композитора А. П. Бородина (1888). Этот портрет Стасов просил предоставить для второго Русского симфонического концерта, посвященного памяти Бородина (А. П. Бородин умер 15 февраля 1887 г.). Концерт состоялся в субботу 15 февраля 1897 г. в Петербурге. Дирижировал Н. А. Римский-Корсаков, участвовали в концерте Ф. Блуменфельд и певица М. Э. Маркович.

На концерте присутствовал И. Е. Репин; там же был В. В. Стасов. Репин, подойдя к Стасову, благодарил его за хлопоты в связи с организацией этого концерта и экспонирование на нем портрета А. П. Бородина.

1899

298

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Упоминаемое И. Е. Репиным письмо В. В. Стасова к нему не сохранилось.

[3] Речь идет о том же несохранившемся письме В. В. Стасова к И. Е. Репину. В этом письме, судя по приведенному ниже письму к Д. В. Стасову, В. В. Стасов говорил художнику о своем намерении выступить в его защиту против Дягилева, обвинявшего Репина в журнале «Мир искусства» в отступничестве от декадентских взглядов и вкусов и в непоследовательности. О своем возмущении выступлением Дягилева Стасов писал 17 апреля 1899 г. также и Д. В. Стасову: «Суббота страстной недели, 1899. Сию секунду я прочитал статью Дягилева против Репина (Элиас привез) и только жалею: 1) зачем я не совсем здоров, 2) зачем газеты долго не выдут. А то как бы я со злобой, ненавистью, с громом и молнией (к каким только способен) откачал бы врагов!!! Да ведь это ужасно слабо, нелогично и плохо, все, что этот болван Дягилев говорит тут! Да ведь он собственных своих полемических и декадентских интересов не понимает! Да ведь он так-таки и подставляет свою проклятую дурацкую рожу под оплеухи! Задам же я ему, как только буду здоров, на этих днях! Да что, если даже буду болен, постараюсь среди двух обмороков отвалять в сто штыков, и в 50 сабель, и в 45 каленых ядер этого негодяя со всей его свитой и поклонниками из графинь и княгинь! От обмороков еще не умру, а нужное, неизбежное дело сделаю!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[4] Репин отговаривал Стасова от выступления против Дягилева и сравнивал критика, намеревавшегося бороться с эстетами из «Мира искусства», с киевским генерал-губернатором Драгомировым, который однажды двинул против студентов Киевского университета целое войско.

Стасов все же написал статью («Чудо чудесное», «Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1899, 18 мая, № 135), в которой сообщал о своей безмерной радости по поводу «спасенья» Репина и одновременно нападал на декадентов в искусстве.

«Спасен был Репин, — пишет Стасов, — этот крупный, этот истинно великий русский художник, которого имя навеки стоит золотыми буквами на одной из самых значительных страниц истории русского художества; Репин, с которым произошел несколько лет тому назад какой-то необыкновенный, неожиданный... переворот... Безнадежный больной поздоровел и поправился... Посмотрел-посмотрел Репин... на наших вертопрахов и хвастунов, обещавшихся перестановить вверх дном весь мир и все искусство... посмотрел на их дурацкие безвкусные выставки... на их чудовищные... глумления над русским искусством... и взяла его такая тоска, такое омерзение, что хоть со света вон бежать. Не было сил более терпеть психопатов и неизлечимых уродов. Он и ушел от них с негодованием и презрением...»

Стасов говорит далее, что от Репина можно ожидать новых шедевров, одним из которых и является портрет Л. И. Шестаковой, написанный в 4 сеанса незадолго до этого. Портрет остался не совсем законченным.

В 1900 г. он принесен Репиным в дар Русскому музею. Портрет в литературе ошибочно датируется 1895 г. Эта ошибка допущена и Сергеем Эрнстом в его книге «Илья Ефимович Репин» [Л.], 1927. Ошибка повторена академиком И. Э. Грабарем в его монографии «Репин», М., 1937.

Репин, однако, остался недоволен выступлением Стасова. Повидимому, художнику было неприятно громогласное публичное обсуждение его недавних ошибок.

В письме к Е. П. Антокольской он писал 23 мая 1899 г.: «Ах, как меня бесит «Чудо чудное!..»

Сообщая Л. И. Шестаковой (в письме от 23 мая 1899 г.), что не может быть на очередном сеансе для писания ее портрета, Репин возмущенно продолжает:

«Я в отчаянии! Наш добрейший Бах* осрамил меня!.. «Чудо чудное» читали? Там и о портрете Вашем пропечатано, а это у меня плохая примета... И что он выдумывает. Когда это я погибал где-то? Откуда-то возвратился. Ах, чудак, чудак. Мне так стыдно — Вы представить себе не можете. Ради бога только не проговоритесь ему. Я боюсь его расстроить; его надо пожалеть — он хороший. А я бы его теперь, если бы он не был больной... словом, поссорились бы опять... Долго не пойду к нему. Жестоко зол». (Архив Третьяковской галлереи.)

Тогда же Стасов опубликовал адресованное ему письмо Антокольского от 4 мая 1899 г. из Парижа, написанное в связи с выступлением Дягилева против Репина. Письмо было написано в резких выражениях по адресу «Мира искусства» и декадентов вообще. Антокольский говорил в письме, что он сначала хотел выступить, но решил, что с пьяными говорить не стоит, надо дать им выспаться, что декадентство — это сумасбродство. Далее Антокольский спрашивал, где же истинные художники, отчего они прячутся и равнодушно смотрят на печальное зрелище, кроме Репина, который при всех его увлечениях и заблуждениях живет живее их всех. («Письмо к приятелю». «Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1899, 10 мая, № 127; см. также «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 986—987.)

Антокольский был также недоволен опубликованием этого письма, которое не предназначалось для печати, и написал об этом Стасову. Стасов отвечал ему письмом от 18 мая 1899 г.:

«Я знаю Вас, кажется, 30 лет, и во все эти 30 лет Вы никогда так меня не удивляли и не огорчали, как письмом, которое я получил от Вас... вчера.

Вы мне пишете *выговор* за напечатание мною Вашего письма о Репине и декадентах. Я думал, что Вы будете мною довольны, меня похвалите, и это тем более, что это Ваше письмо произвело здесь в художественном нашем мире большую сенсацию, как я и ожидал, и, по моему мнению, оно было необходимо здесь в настоящую минуту! Вместо удовольствия я получил от Вас выговор и, так сказать, только милостивое *прощение,* по старой памяти!! Но в чем я провинился? В том, что будто бы я не так, неверно, передал в печати Ваши слова насчет «декадентства». Между тем я ни единой буквы не изменил в Вашем письме...

Но допустим, что действительно я что-то неверно цитировал, — что за важность?! Главное в статье было не декоративное искусство, не декадентство (чорт бы их всех взял!), а главное состояло в том, что Вы заступились за Репина, когда тут почти все у нас стали против Репина, когда он ушел от декадентов и, так сказать, проклял их

---

* Прозвище Стасова, данное ему друзьями. — *Ред.*

и предал всеобщему посрамлению и омерзению. Вот что было важно. Мне было важно обращение Репина на путь истинный, а не какое-то дурацкое «декоративное искусство», чтобы чорт побрал его совсем, и в Париже, и в Петербурге, и где угодно!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Нападки «Мира искусства» продолжались и позднее. В связи с выступлением Репина на «Брюлловских торжествах» в конце 1899 г. журнал «Мир искусства» (1899, № 23—24) обвинял Репина в том, что, говоря о Брюллове, Фортуни, Мейссонье, как замечательных рисовальщиках, он якобы забыл упомянуть Веласкеза, Рембрандта, Фр. Гальса, Терборха, Рибейру, Ван-Дейка и тем «вводил в заблуждение» аудиторию. В следующей статье А. Бенуа, космополит и декадент, ставил в упрек Репину его утверждение, что Брюллов был лучший после Рафаэля рисовальщик за последние 300 лет и то, что Репин забыл Ларжильера, Ватто, Шардена и японцев — Хокусаи, Хирошиге, до которых, заявляет Бенуа, Брюллову «далеко» («Мир искусства», 1900, т. 3, стр. 15, 18).

В ответной статье в газете «Россия» (1900, 7 января, № 252) Репин дает достойную отповедь лидерам «Мира искусства». Эта статья Репина — яркое свидетельство того, что он преодолел свои ошибочные, идеалистические шатания и, не без помощи Стасова, снова стал убежденным сторонником и борцом за принципы идейности, реализма и национальности в искусстве.

«Вы ставите на одну доску японское и эллинское искусство, Фр. Гальса и Рембрандта, Сомова и Серова, Малютина и Малявина, А. Н. Бенуа и Бенара, — пишет Репин. — Для вас все это — равнозначащие величины в искусстве...»

«Знайте, что Рембрандт и Веласкез — мои боги, но они жили в XVII веке, художников которого я не касался. Они никогда не были академиками, и рисунок не есть их главная сила.

Они были выше всех академий мира...»

«Ваши определенные художественные убеждения, — заканчивает Репин, — также всем известны из вашего журнала. Там с апломбом рекламируют своих друзей-товарищей, определенно, убедительно. Цель журнала также определилась ясно: он желает взять палку, чтобы быть капралом художественного вкуса нашего общества».

[5] Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — юрист, музыкант, деятель декадентского искусства, художественный критик. В конце 90-х годов вместе с художниками А. Бенуа, К. Сомовым, Л. Бакстом и др. организовал группу «Мир искусства». В 1898 г. — основатель и редактор журнала под тем же названием. До 1903 г. — организатор ежегодных выставок «Мира искусства». В 1907 г. — организатор русских концертов в Париже. С 1909 г. устраивал в Париже ежегодные «сезоны русского балета». После революции — эмигрант.

Дягилев, по выражению Стасова — «декадентский пастух», — один из активнейших выразителей воинствующей идеалистической эстетики и популяризатор упадочного, безидейного, мистического и ретроспективистского изобразительного искусства. Яростный противник реализма, передвижничества и академического искусства.

К Дягилеву и ближайшим его единомышленникам с полным правом может быть отнесена характеристика А. А. Жданова: «На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство для искусства», проповедовавшие безидейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания».

[6] Служащий в высших учебных заведениях дореволюционной России, следивший за поведением учащихся.

299.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «5 июн[я 18]99». Письмо написано в Петербурге.

[2] Речь идет о книге: Стасов Владимир, Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПБ, 1899. Книга являлась отдельным переработанным изданием печатавшихся в 1896 г. в книжках «Недели» (I—XII) биографических очерков В. В. Стасова «Воспоминания о моей сестре».

300

[1] После слова «сюда» на автографе пометка В. В. Стасова: «в Петербург».

[2] Слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860):

«Что́ враги? пусть клевещут язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что́ друзья? Наши силы не ровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Подымался твоею молитвою,
Снова падал и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..»

(Некрасов Н. А., Полн. собр. соч., М. — Л., 1930, стр. 75.)

[3] О работе И. Е. Репина летом 1899 г. Стасов писал 15/27 июня этого года И. Я. Гинцбургу: «Про Репина знаю только, что он что-то много работает и торопится, чтобы наконец уехать в деревню. Был я у него в мастерской (опять были у нас превеликие объятия!), видел там нового его «Пушкина», на Петербургской улице... И я прямо сказал ему все свои замечания. Он со многим согласился и потом с удовольствием рассказывал про мой «верный первый взгляд» и «нюх» Елене Павловне. Но что у него теперь за *главная* его работа — не знаю и не слышу! *Молчит*. Я тоже, признаться, не надеюсь уже ни [на] что от него (кроме портретов) и ничего более не ожидаю. А впрочем, кто знает? Вдруг возьмет да махнет что-то неожиданное, экстраординарное, вроде «Дуэли». Талант — это такая страшная, вечно неожиданная штука!! Чего ждешь, что предвидишь — того-то именно никогда и не дождешься. А чего не ждешь, то-то он и махнет вдруг. С этими талантами — вечно на бобах сядешь!!!! Это только у нас, простых лю-

дей, ничего никто не ждет, да зато никогда ничего особенного и не выходит. Итак, кто его знает, может быть, Репин вдруг возьмет да и махнет в тридесятое царство!..» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

О своих возобновившихся взаимоотношениях с Репиным Стасов писал Д. В. и П. С. Стасовым 10 августа 1899 года:

«...Насчет моих отношений с Репиным повторяю еще новый раз то, что уже тебе говорил еще весной или в начале лета. Кажется, все у нас хорошо, чудесно, дружно ласково и мило — но только по наружности. Внутри сидит, где-то далеко и тайно, какой-то червяк, который гложет, поминутно все что-то откусывает прочь и не дает сблизиться прежде когда-то близким людям. Я тебе 23 июня (когда ты у нас был в Парголове) давал читать письмо Репина ко мне от начала июня, из деревни, где он расточал мне великие похвалы (помнишь: «Какая превосходная книга про Н. В.!! Столько мыслей, столько фактов! История сама!» и т. д.). Но не знаю почему, это меня не тронуло и не зацепило, точь-в-точь будто до меня не дошло! Недавно он у нас сам был несколько раз, даже в нынешнее воскресенье, даже мы потом, вечером, вместе ехали в Петерб[ург], сидели в одном вагоне, самым дружеским манером разговаривали, очень интимно и сердечно(!), только из этого ровно ничего не выходило, по крайней мере для меня. Как это странно!!! Вот последнее его письмо ко мне: «...Я с большой радостью гляжу на Вас с тех пор, как Вы выздоровели, Вы все тот же...» Читаю все это, любуюсь на чувство и мысль, и, однакоже, все это мимо меня летит. Чего-то нехватает внутри всего этого. Один энтузиазм, вдохновение, наполненность до краев чем-то одним, и только одним, еще не все составляют, не все дают, еще не всех результатов достигают. Забывать людей, и все, и всех — это опасная и вредная история. Такое «забвение» отмщает рано или [поздно] за себя и накладывает непроходимые рубцы на все, что делаешь. Вон Верещагин — какая большая, какая крупная, какая необыкновенная, совершенно выходящая из всех рам натура. А горько поплатился в конце концов за то, что не хотел никого и ничего знать, бежал из городов и от людей — в пустыню и уединение. Худо это, худо! И однажды за это расплатишься горько. Я думаю, точно так же и с Репиным. С одним энтузиазмом к искусству и забвением ко всему остальному еще далеко не уедешь! Можно с величайшим энтузиазмом в душе писать преплохие стихи, преплохую пренегодную картину. Декаденты (не наши дурачки, а настоящие, искренние, проникнутые) дрожат и млеют от внутреннего энтузиазма, а все-таки кроме вздора и ортопедических пустяков ничего не родят на свет! Я не говорю, что Репин способен теперь делать только пустяки или ложь — но то, что он проповедует в своем (впрочем, очень красивом) письме, кажется очень опасным и сомнительным рельсом. Да, впрочем, есть у меня и еще соображение: писать — это тоже род истерики, которая увлекает и уносит иной раз дальше, чем человек сам хочет... Поговорить с Репиным без истерики, пожалуй, он сам многое осудит из написанного у него и ни за что не признает за нечто твердое и прочное. От этого-то я еще от него жду много и важного. От Антоколии — жду уже меньше и, пожалуй, считаю, что он и совсем лавочку закрыл после «Ермака» и «Нестора». У Репина же была «Дуэль»... (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Несколько позже, 2 сентября 1899 г., В. В. Стасов опять писал Дмитрию Васильевичу о Репине: «Как я был поражен одною статьею Репина, напечат[анной] им еще в 1896 году в «Нижегор[одском] листке» во время Всеросс[ийской] выставки 1896 г. Никто ее не знает, и потому я прошу Собко перепечатать ее в их журнале*. Он ничего лучше и важ-

---

* Статья не была перепечатана. — *Ред.*

нее не писал на своем веку! Так чудесно он говорит про символизм, декадентство и проч. Даже у Нордау (в его книге «Вырождение») — слабее и бледнее. Просто изумительно! Но что не менее удивительно, год спустя после этой чудной статьи он написал в «Неделе» (1897) свою поганую, глупую, непозволительную статью против меня и в «Защиту Академии». Вот-то непонятные скачки! Но статья 1896 г. великолепна. И я только вчера узнал ее!!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Упоминаемая В. В. Стасовым статья И. Е. Репина оставалась неизвестной до настоящего времени. В газете «Нижегородский листок» за время Всероссийской выставки 1896 г. не было статьи, подписанной И. Е. Репиным. За это время о живописи была помещена в ней статья «Беглые заметки», подписанная псевдонимом «Некто X» (1896, 4 и 12 июня, № 152, 160). В этой статье говорится о картинах на Всероссийской выставке 1896 г., о символизме и дается меткая характеристика упадочным (декадентским) произведениям русских и финляндских художников. Высказывания автора статьи близки взглядам В. В. Стасова. Эта статья принадлежит перу М. Горького. Кроме того, 13 сентября 1896 г. в № 253 опубликован под псевдонимом «И. К.» фельетон «Загадка».

Автор его дает резко отрицательную характеристику представленной на Всероссийской выставке 1896 г. картине финского художника Галлена «Погоня за идеалом».

Он спрашивает, в чем смысл и цель существования этой картины, и отвечает, что это загадка, без которой подобная картина не могла бы существовать. Автор говорит далее об отклонении от художественного прогресса значительной части европейского общества, предпочитающего положительной науке — магию и реальному искусству — символизм. Перечисляя поборников символизма во главе с Пеладаном, автор отождествляет символизм с декадансом: «В новом символизме мы видим только возвращение к дикому состоянию, то-есть упадок, а не прогресс».

Ссылка автора на то, что он был два года назад в Париже, где в то время, в 1894 г., был и Репин, широта взглядов автора на искусство и глубокое знание им предмета дают основание предполагать, что «Загадка» может быть той статьей Репина, о которой писал Стасов.

Если статья «Загадка» действительно принадлежит И. Е. Репину, то она по-новому освещает всю картину разлада художника с В. В. Стасовым и подтверждает, что в своем существе Репин всегда оставался великим реалистом, поборником «смысла» в живописи.

[4] Слова из «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

301

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] По свидетельству В. Д. Комаровой-Стасовой В. В. Стасов упал и повредил ногу.

[3] Всероссийское литературное общество в Петербурге, ставившее себе задачей «содействие развитию литературы и улучшению условий литературной деятельности». Литераторы и критики на заседаниях и вечерах Литературного общества читали свои произведения до появления их в печати. Репин посещал собрания Общества и делал там зарисовки.

302

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Речь идет о статье В. В. Стасова «Счастливое открытие» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1899, 16 ноября, № 316), написанной по поводу картины молодого художника Малявина «Бабы» («Смех»),

выставленной в Академии художеств. Статья была написана в духе шаржа и высмеивала нелепости этой картины.

Стасов иронически заявляет, что «Бабы» Малявина являются прямой иллюстрацией сцены разговора ведьм из «Макбета» Шекспира. Критик отмечает недостатки рисунка, искаженную форму этой декадентской картины.

[3] Малявин Филипп Андреевич (род. 1869) — художник — жанрист и портретист декадентского направления. В молодости был иконописцем, послушником в монастыре. С помощью скульптора Беклемишева уехал в Петербург и поступил в Академию художеств. С 1894 г. стал учеником мастерской Репина. Окончил Академию в ноябре 1899 г. На выпускном экзамене выставил картину «Бабы» («Смех»). Эта работа была отвергнута Советом Академии. Малявин получил звание художника за свои прежние работы — портреты.

Работы Малявина академического периода: «Крестьянская девушка с чулком» (1895), «За книгой» (1895), «Портрет А. П. Остроумовой» (1896), «Старуха» (портрет матери, 1898), «Крестьянская девушка» (портрет сестры, 1899) и др.

Участвовал на выставках «Союза русских художников», «Мира искусства» и «36-ти художников».

После революции — эмигрант.

Стасов, не отрицая талантливости Малявина, неоднократно подвергал резкой критике его работы за отсутствие в них глубокой идейности, сюжетов и жизненной правды. «Декадентский образ мышления, — говорил Стасов о Малявине, — одолел и загубил его. Разухабистость и сила краски — для него все. Но с таким единственным запасом далеко не уйдешь. Портреты его на прежних выставках, недавние его «бабы-ведьмы» — разве во всем этом есть хоть капля натуры? Да он и знать ее не хочет. На нынешней выставке [«Мир искусства»] два портрета его (мужской и женский) проявляют те же самые качества. Оригиналы — русские, как и в прежних портретах и картинах, но в воспроизведениях г. Малявина не увидишь не только ни единой черточки русского, но, сверх того, ничего хоть сколько-нибудь естественного» («Пять выставок. II. У декадентов», «Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1900, 13 марта, **№ 73**).

[4] На автографе пометка В. В. Стасова: «По поводу «декадентской картины Малявина, которую я выбранил, а Репин принял за похвалы».

Ирония в статье Стасова столь очевидна, что можно усомниться в том, что Репин ее не заметил. Не является ли его восторженное письмо по поводу статьи тонкой ответной иронией?

[5] Искренняя дружба между Репиным и Стасовым налаживалась медленно и с трудом. Стасов считал, что Репин еще в значительной мере симпатизировал декадентству и не отрешился полностью от своих идеалистических заблуждений. В своих письмах к Антокольскому Стасов рассказывал о сложности своих взаимоотношений с Репиным:

«...мне досадно и больно и обидно, — писал Стасов 24 сентября 1899 г., — что я не могу более быть попрежнему с Репиным. Громадная ледяная стена, в сажень толщины, стоит между нами. Я не могу говорить с ним попрежнему, свободно и непринужденно, обо всем, что только меня интересует и наполняет. Иное я должен промолчать, иное ослабить. Что это за разговоры, что это за интимность?! Еще на днях, рассматривая у меня в столовой здешний «декадентский журнал», он с одушевлением восклицал: «какой журнал! Как превосходно! Как все тут ново, свежо, талантливо, оригинально!» Что же после этого значат все его отречения (печатные) от декадентства и декадентов? Все вранье и притворство или полное понижение и бессознательность?» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

М. М. Антокольский, приезжавший в конце 1899 г. в Петербург, старался содействовать улучшению взаимоотношений Репина и Стасова. Он писал 10 декабря 1899 г. Стасову:

«Пишу Вам второпях, всего несколько слов, и для того только, чтобы сказать вам то, чего вчера не успел сказать. Мне очень, очень больно, что между Вами и Репиным все еще не могут установиться старые отношения; больно потому, что друзей становится все меньше и меньше, а врагов все больше и больше. Виною этого раньше всего наше удручающее время...

Я не могу одобрить многих, многих поступков Репина, но я лично никогда не мог сердиться на него, потому что, по-моему, он даже в своих ошибках искренен; у него то, что Байрон говорил о себе: две души в одном теле. И вы, дорогой В[ладимир] В[асильевич], не должны его казнить за его грехи, а приголубьте за его хорошие качества, которых у него тоже много, много» («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 860).

1900

303

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] «Воскресение» — роман Л. Н. Толстого (1899).

[3] Черткова Анна Константиновна — жена В. Г. Черткова.

[4] Высланный из России В. Г. Чертков поселился в Лондоне. Он основал там издательство и печатал запрещенные в России сочинения Л. Н. Толстого. Петербургская публичная библиотека получала эти издания. В связи с получением лондонского издания «Воскресения» Стасов писал Льву Николаевичу 1 января 1900 г.:

«Вчера провел добрую часть вечера и немножко ночи, сличая II часть текста по петербургскому и лондонскому изданию. От такого сличения кажется еще сильнее остается ощущение счастья и радости».

В письме Толстому от 9 февраля 1900 г. Стасов продолжает:

«... один раз я целую ночь так и на секунду глаз не смыкал, пришла III часть «Воскресения», как начал в 12½ ч. ночи читать, сличая петербургское с лондонским, так до 10—11 утра так и не повертывался со спины, так все и читал, читал, читал. Кажется, сделался бы пожар, потоп, землетрясение, я все бы читал, читал и читал! Да, другой такой книги в XIX столетии ни у кого не было, и, пожалуй, еще XIX столетий пройдет [прежде], чем еще другая подобная будет. Конечно, все более — III часть, единственная, ни с чем и ни с кем не сравненная сквозь все столетия» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 236 и 241).

Повидимому, Стасов, говоря о компрометирующих его и Репина письмах Чертковых, имеет в виду смелость высказываемых в них мыслей, могущих стать достоянием жандармских властей.

304

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Чертковы А. К. и В. Г.

[3] Лондонское издание «Воскресения» без цензурных пропусков.

305

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] В Академии художеств 4 марта 1900 г. произошел пожар. Обгорели система подпорок под статуей Минервы на куполе здания и стропила над мастерской Репина. Пострадал Рафаэлевский зал, погибло несколько картин — копий с Рафаэля. Незначительно пострадала и мастерская Репина.

[3] На место пожара были вызваны для охраны солдаты Конногвардейского полка, расположенного неподалеку от Академии художеств.

[4] Штук Франц (1863—1928) — немецкий живописец, график и скульптор, последователь Бёклина. Типичный декадент-символист, выражавший глубокий упадок буржуазного искусства конца XIX — начала XX века.

Автор произведений: «Поцелуй Сфинкса», «Грех», «Люцифер», «Изгнание из рая» (Адам и Ева), «Распятие», «Война» и др.

Стасов резко и метко критиковал Штука: «...Фантазиям Штука нет конца, как и у Бёклина, и столько же мало в них смысла и надобности».

В упоминаемой в письме картине «Изгнание из рая» изображен, между прочим, ангел с «громадным средневековым мечом, в рост человека, который стоит на середине картины, словно столб до потолка» (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, т. IV, стр. 131).

[5] Бенуа Александр Николаевич (род. 1870) — художник-декоратор, критик и историк искусства. Глава идеалистической реакции в искусстве конца XIX — начала XX века, космополит, воинствующий противник просветительской эстетики, творчества передвижников, а также художников академического направления, активный пропагандист принципа «искусство для искусства». Вместе с С. П. Дягилевым, К. Сомовым и др. организовал в 90-х гг. группу «Мир искусства». С 1900 г. редактор (вместе с С. П. Дягилевым) журнала «Мир искусства». После Великой Октябрьской революции живет в Париже.

Автор изданий: «История русской живописи в XIX веке» (СПБ. Т-во «Знание». Часть I, 1901 г.; часть II, 1902 г.); «Русская школа живописи» (выпуски 1—10, СПБ, 1904) и др.

Произведения (преимущественно акварели, пастели и гуашь) А. Бенуа характерны ретроспективизмом, реакционным воспеванием придворной жизни Франции XVIII века, стилизацией, условностью и изощренной манерностью: «Замок» (1895), «Король» (1906), «Купальная маркизы» (1906), «В Версальском парке», «Оранжерея» (1906) и др. Известны иллюстрации А. Бенуа к «Медному всаднику» А. С. Пушкина (СПБ, 1903), «Пиковой даме» (СПБ, 1911).

Стасов был непримиримым идейным противником Бенуа и вел с ним ожесточенную литературную борьбу.

[6] Стасов перечисляет здесь свои портреты, написанные Репиным: портрет в профиль 1873 г. (Третьяковская галлерея), дрезденский портрет 1883 г. (Русский музей), портрет в красной рубашке, написанный в Парголове в 1889 г., а не в 1886 г., как указано в письме (Третьяковская галлерея).

306

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «8 марта 1900». Письмо написано в Петербурге.

[2] Стасов написал на полях автографа: «Ответ на мое письмо накануне, где я говорил, что Репин писал меня однажды во время моей весны (портрет апреля 1873) и потом во время моего лета (июнь 1884 в Дрездене и 1893), а потому не для чего писать меня нынче, во время моей зимы и в шубе».

Здесь Стасов опять ошибся в датах: упоминавшийся им дрезденский портрет написан в 1883 году, а портрет в красной рубахе — в 1889 году.

Исчерпывающего перечня портретов В. В. Стасова, написанных И. Е. Репиным, нет. Его биографы (Игорь Грабарь, Влад. Каренин и др.) да и сам Владимир Васильевич, как видно из его письма от 6 марта 1900 г. и приписки на письме Репина от 8 марта 1900 г., дают сбивчивые о них сведения.

Влад. Каренин (В. Д. Комарова-Стасова) в книге «Владимир Стасов» (Л., 1927, стр. 573) сообщает: «Всего Репин написал 7 или 8 портретов Стасова, не считая набросков и рисунков: 1) в 1873 г. — в профиль..., 2) 1883 — «Дрезденский..., 3) 1889 г. — в красной рубашке в саду, 4) 1901— карандашом (прежде принадлежал Е. П. Антокольской, теперь продан), 5) 1904 г. — в шубе (Русский музей), 6) 1905 г. — в желтой рубашке, написанный в Куоккала, 7) повторение или переделка портрета в

красной рубашке — в 1903 г. и еще один портрет, который мы видели не в оригинале, но в снимке в одном английском каталоге».

Академик И. Э. Грабарь упоминает «портрет в палевой рубахе, написанный летом 1893 г. и принадлежащий Харьковскому музею» (Репин, т. II, стр. 133); он же ошибочно указывает, что портрет 1873 г. принадлежал Д. В. Стасову (там же, стр. 263).

В действительности портрет в шубе, датируемый Влад. Карениным 1904 г., написан в 1900 г.; в Харьковском музее находится портрет в белой рубахе работы 1905 г., а не 1893 г., как указывает И. Э. Грабарь; переделка в 1903 г. портрета 1889 г. в красной рубахе, упоминаемая Влад. Карениным, — это, вероятно, репродукция портрета 1889 г. с надписью И. Е. Репина, датированной 1903 г. (см. пояснение 2 к письму № 327). Фототипия портрета с этой надписью воспроизведена в IV томе сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1906), репродукция в красках — в сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову» (СПБ, [1908]). Портрет 1873 г. был в собрании В. В. Стасова; Д. В. Стасов имел портрет 1883 г. (дрезденский).

Достоверно можно говорить о следующих репинских портретах В. В. Стасова: 1) 1873 г. (Третьяковская галлерея); 2) 1883 г. (дрезденский, Русский музей); 3) 1889 г. (в красной рубахе, Третьяковская галлерея); 4) 1900 г. (в шубе, Русский музей); 5) 1905 г. (в белой (желтой) рубахе в профиль, Харьковский музей); 6) портрет, который Репин писал в 1906 г. в Куоккала, упоминаемый в письме Стасова к Репину от 22 августа 1906 г. (продан в Англию); 7) портрет на адресе, поднесенном Стасову в 1886 г. Неясны упоминания о портрете 1893 г. в красной рубахе.

В статье «Искусство XIX века» Стасов упоминает 5 своих портретов, написанных И. Репиным (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, стр. 224). Вероятно, эти 5 портретов кончаются портретом в шубе 1900 года.

Рисунки со Стасова, исполненные Репиным, известны следующие: 1882 г., с портрета 1873 г., перо; 1884 г. — карандаш (Литературный музей, Москва); 1887 г. — карандаш (Третьяковская галлерея); 1889 г. — карандаш (Третьяковская галлерея); 1900 г. — в кабинете Публичной библиотеки, карандаш; 1901 г., в профиль, уголь (был у Е. П. Тархановой-Антокольской); 1904 г. — В. В. Стасов, Л. Н. Яковлева, Е. П. Антокольская (Музей изобразительных искусств, Москва); 1916 г., в белой рубахе с жезлом, перо (с фотографии 1895 г. — для «Русской музыкальной газеты»); 1905 г. — В. В. Стасов, А. М. Горький, О. О. Грузенберг, Н. Г. Гарин-Михайловский и Ф. Д. Батюшков («А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца», карандаш и сангина (принадлежит И. С. Зильберштейну).

[3] Репин имеет в виду подготавливаемую Стасовым статью о выставках, с выступлениями против декадентов, в частности, против «Мира искусства».

Эта статья под заглавием «Пять выставок» была опубликована в газете «Новости и биржевая газета» (1-е издание, 1900, 10 марта, № 69; 14 марта, № 73 и 16 марта, № 75) и имела разделы: I. Верещагинские картины (№ 69); II. У декадентов (№ 73); III. В двух академиях; IV. У передвижников (№ 75).

В разделе «У декадентов» Стасов пишет о февральской выставке журнала «Мир искусства». Он говорит, что эта, третья, так же как и первая (1898) и вторая (1899) декадентские выставки, является собранием уродств и безобразий. Он убедительно раскрывает внутреннюю несостоятельность, идейно-художественную опустошенность, нарочитое пренебрежение к рисунку, ясной форме, проявившиеся в работах Врубеля, Малявина, Сомова, Бакста, Бенуа, Якунчиковой и других «модернистов».

Стасов говорит, что декаденты, как «компрачикосы» — скупщики детей в романе Виктора Гюго, — уродуют наших хороших художников.

На выставке Стасов находит, однако, и хороших художников, но их произведения — не декадентские. Это прежде всего — Серов. Стасов хвалит иллюстрации в древнерусском стиле Малютина, а также иллюстрации Билибина и Кардовского. Он восторгается деревянными и гончарными изделиями абрамцевской мастерской Мамонтовых по рисункам Головина, находя в этих рисунках большую красоту и оригинальность.

Своей статьей Стасов стремится не только раскрыть обществу извращенность и ущербность безидейного и антиреалистического искусства декадентов, но и предостеречь от шатания в сторону декадентства таких замечательных реалистов, как В. Серов и др.

307

[1] Письмо написано в Петербурге. Датировка проставлена на основании содержания письма.

[2] Речь идет о сеансе для написания нового портрета В. В. Стасова (в шубе).

308

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] К слову «вечером» в автографе сделана сноска В. В. Стасова: «28 апреля. Моя лекция у гр[афа] Шереметева, в общ[естве] любителей Древн[ей] письм[енности]». Имеется в виду лекция Стасова «О некоторых восточных влияниях на древнерусское искусство».

28 апреля 1900 г. приходилось на пятницу.

[3] Из письма видно, что дружеские отношения Репина и Стасова восстанавливаются. Встречи художника со Стасовым во время сеансов для портрета Стасова в шубе несомненно содействовали сближению. В это же время Репин переживал столкновения со своими товарищами-передвижниками в Академии художеств. Об этом он писал 25 марта 1900 г. В. М. Васнецову:

«...В прошлом общ[ем] собр[ании] начал Куинджи, а после него уже целую рацею прочитал Г. Мясоедов против моей мастерской в особенности (направление, распущенность, декадентство). Так грубо, нелепо, с умышленной ложью. Сначала мне показалось, и возражать не стоило, но потом подумал я: а если вся Академия такого же мнения? Сегодня допрошу ее (экстр[енное] собрание) и, если она солидарна с этим обозленным стариком, я выйду.

Да, рутина, рутина и все сильней и сильней. Им только по плечу Дмитр[иев]-Кавказский...

Нет, из Академии не может быть толку. Б о л ь ш и н с т в о! Ограниченные самомнительности, невежды в искусстве, вроде Султанова, а сколько — еще глупее!!.. Ох, надо утекать. Жаль молодежь! Ну, кто ее будет вести? Даровитая сама дойдет...» (Архив Третьяковской галлереи.)

309

[1] На автографе письма ошибочная надпись: «1890». Как видно из текстов письма от 26 апреля 1900 г. и этого письма, оно написано в Петербурге 29 апреля 1900 г.

[2] После слова «читаете» Стасов добавил «лекцию».

[3] Лекция «О некоторых восточных влияниях на древнее русское искусство».

[4] После слов «к часу дня» на автографе пометка Стасова «последний сеанс моего портрета».

[5] Чтения Стасова в Обществе любителей древней письменности в пятницу 28 апреля 1900 г.

310

[1] Письмо датировано по новому стилю. На автографе пометка В. В. Стасова «Париж». Стасов в это время тоже был в Париже. Он выехал из Петербурга 28 мая ст. ст.; с 29 мая до 1 июня пробыл в Берлине и 2/15 июня прибыл в Париж; остановился в гостинице «Джерсей» на ул. Бательер, 3.

[2] Отель «Пантеон».

[3] Касаткин Николай Алексеевич (1859—1930) — выдающийся живописец-жанрист передвижнического направления, народный художник РСФСР. Ученик Перова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, член Товарищества передвижных выставок, Касаткин явился в советском искусстве живым носителем высоких традиций демократического реализма второй половины XIX века. Касаткин — один из родоначальников искусства социалистического реализма в живописи.

В историю искусства Касаткин вошел прежде всего своими замечательными картинами из жизни и борьбы рабочих, особенно рабочих-шахтеров, а также крестьян и городской бедноты. Рисуя тяжелые условия труда дореволюционных рабочих, художник сумел воссоздать образы сильных, гордых, свободолюбивых русских пролетариев. Верный теме жизни рабочих, Касаткин в 1924 г. предпринял поездку в Англию для сбора материалов к циклу картин об английских горняках. Создал серию работ, изображающих советскую молодежь. Преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; академик.

Основные работы: «Соперницы» (1890), «Шахтер», «Шахтерка», «Углекопы» (1892—1895), «Смена» (1895), «Шахтер-тягольщик», «В коридоре окружного суда», «Милостыня» (1896), «Пионерка» (1925), «Комсомолка» (1925), «Вузовка» (1925), «Селькор» (1926), «Составление стенной газеты» (1927), «Карийская трагедия».

На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. участвовал картиной «Кто?», о которой и идет речь в письме Репина.

Стасов высоко ценил творчество Касаткина.

[4] Скульптор И. Я. Гинцбург выставил на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. 4 небольшие скульптуры. Первую золотую медаль он получил за скульптуру «Мальчик, собирающийся купаться».

[5] Стасов выехал в Лондон 20 июня/3 июля 1900 г.; 25 июня/8 июля возвратился в Париж; 30 июня/13 июля уехал из Парижа в Наугейм; 20 июля/2 августа вернулся в Петербург.

[6] Пале-Рояль — дворец в центре Парижа, построенный в 1629—1634 гг. архитектором Лемерсье. Его внутренние галлереи, занятые магазинами и недорогими ресторанами, окружают сад — оживленное место прогулок.

[7] Пивоварова Наталья Федоровна — племянница В. В. Стасова.

[8] Нордман Наталья Борисовна (1863—1914) — писательница, выступала под псевдонимом Н. Б. Северова.

С начала 1900-х годов — жена И. Е. Репина, который с этого времени поселяется на ее даче «Пенаты» (в Куоккала, близ Петербурга).

В 1900 г. Репин иллюстрировал повесть Нордман «Эта» (СПБ, 1901); в 1903 г. — ее роман «Крест материнства. Тайный дневник» (СПБ, 1904); в 1901 г. с рисунком Репина на обложке Нордман опубликовала книгу «Интимные страницы» (СПБ, 1910).

В 1901 г. под редакцией Нордман были изданы «Воспоминания, статьи и письма из-за границы И. Е. Репина».

В 1900 г. Репин написал первый портрет Нордман (находится в Русском музее), за которым следовал ряд других ее портретных изображений.

Нордман имела склонность к декадентству и была убежденным пропагандистом утопически-реакционных идей совершенствования через вегетарианство, самообслуживание, «благотворительность» и пр.

Несомненно, что убеждения Нордман, имевшей значительное влияние на Репина, а также созданный ею вычурный, надуманный уклад всей жизни «Пенат», фактически затруднявший глубокое общение великого художника с народом родной страны, оказывали, в общем, отрицательное воздействие на творчество Ильи Ефимовича. И лишь постоянные посещения «Пенат» видными деятелями русской литературы, искусства, науки и общение Репина с ними (в первую очередь со Стасовым, Горьким) смягчали действие этих неблагоприятных условий жизни Репина в «Пенатах».

В период 1905—1906 гг. Репин преодолел ограниченность создавшегося домашнего уклада и восторженно встретил революцию.

[9] Члены жюри выставки. Репин был членом жюри Всемирной выставки в Париже в 1900 г.

311

[1] Письмо написано на бланке с надписью по-французски: «Всемирная выставка 1900 — Дворец Электричества» и с видом дворца.

[2] Маргери — ресторан в Париже.

[3] В своем дневнике путешествия 1900 г. Стасов написал: «Среда 14/27 июня. В $7^1/_2$ ч. наш обед у Marguery в честь медалей Антокольского и Гинцбурга — оба они, Репин, Наташа, Нат. Борисовна Нордман и я...»

Об обеде у Маргери Стасов писал родным 16/29 июня 1900 г. из Парижа:

«Всем нашим... Шумели, кричали (даже, кажется, немножко орали!) все в радостях, спорах, дружбах, веселостях и объятиях. Шампанского было, однакоже, всего только две бутылки (Редерер) — ведь никто из нас не любитель алкоголей! Тостов было немало, пожеланий на «вперед» — то же, а мне лично было несколько тостов капитальных. Репин объявил раз, что я ЯКОРЬ им всем, а другой раз — что я ШАМПАНСКОЕ для них всех: и оно, и я мы других (будто бы) кипятим и вертим. А все-таки среди желаний всякого я сильно напал на Антоколию, зачем он не делает, вот уже 30 лет, свою «Инквизицию с евреями», а хочет превратить эту чудесную, лучшую (по изобретению и задуманию) штуку свою в «Преследование христиан». Я лупил его изо всей мочи, упрекал его в предательстве еврейства и в ненужной нежности к христианству. Он защищался, но слабо, и дрянно, и фальша, а я еще больше на него напал (это уже давно сидит у меня внутри). Когда мы пошли потом по бульварам, при огнях, часов в 10, Репин отвел меня в сторону и сказал: «Вы были правы, сто раз правы, и я до последней черточки с Вами согласен и Вам благодарен, но только Вы напали на него уже слишком жестоко и беспардонно». Я отвечал: «А зачем вертеть хвостом и рассыропливать? Это скверно, и никогда не надобно этого себе позволять...» Скоро потом нас догнал и Анток[олия], благодарил и обнимал и сказал, что «ничуть не обижен и даже не думает дуться» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

О своих впечатлениях от Всемирной выставки в Париже, а также о пребывании за границей В. В. Стасов писал 10/23 июля 1900 г. из Наугейма брату Д. В. Стасову: «...Лучше пробуду конец июля в Парголове, а в августе (дней 5) побываю у Льва Толстого, который интереснее и важнее для меня, чем 500 Швейцарий и 500 Тюрингенов. Природа и ее красоты — ведь только десерт для меня, очень сладкий, милый,

вкусный и приятный, но ничуть не питательный. Мне людей и людское нужно, все остальное, как бы красиво и изящно ни было, еще меня не удовлетворяет и после первых очень живых и сильных восторгов скоро мне надоедает и утомляет». На Всемирной выставке, говорит Стасов, «почти вся живопись либо слаба, либо негодна. Я думаю, портрет Кюи Репина лучший портрет на выставке. Скульптура — никуда не годна, говоря в общем... Знаменитый Rodin сделал свою особую выставку... Такого безобразия я еще и не видывал: а видеть надо. Какая почти сплошь порнография — изумительно!!.. А французы (даже Anatole France) считают его небывалым гением, превзошедшим всю старую и новую Европу!!!»... «На выставке меня удивляет и поражает все стеклянное в архитектуре — вот это изумительно!.. Чудесно! Чудесно!» «Фрески Коровина мне отвратительны... но все восточное и сибирское — великолепно. Коровин же великолепно нарисовал и создал ту орнаментику, в красках и с золотом: елки, олени, волки (на стенах, на лестнице и т. д.). Он же, Коровин, чудесно создал, отчасти с «декадентством», а отчасти действительно по «ново-русски» — le village Russe * — по архитектуре и орнаментике, очень талантливо по выставленным предметам — почти все «декадентщина» — Поленовой, Головина, Малютина, Давыдовой, Врубеля и других» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

312

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «19 окт[ября] 1900». Письмо написано в Петербурге.

[2] Остроухов Илья Семенович (1858—1929) — художник-пейзажист реалистического направления. Занимался живописью в кружке С. И. Мамонтова и у П. П. Чистякова. Знаток русского и западного искусства. Собиратель произведений русской живописи и икон. Был попечителем Третьяковской галлереи.

Участник выставок Товарищества передвижников, Московского общества любителей художеств, «Мира искусства» и «Союза русских художников».

Основные произведения: «Весна» (1887), «Золотая осень», «Первая зелень» (1887), «Сиверко» (1899), «Сумерки» (1894), «Море у берегов Биаррица» (1897) и др.

313

[1] Письмо написано в Петербурге. На конверте надпись В. В. Стасова «Про книгу Алекс[андра] Бенуа».

[2] В этот период Стасов все еще сомневался в безусловном разрыве Репина с декадентством, что мешало полному восстановлению былой горячей дружбы. 21 ноября 1900 г. он писал Антокольскому:

«Все здешние давно уже ничего важного и выдающегося не предпринимают, начиная хоть с Репина. С самого своего «Дуэля» он ничего замечательного не начинал и не делал. Поговаривают, что будто бы он вот уже несколько лет пишет большую картину: «Дьявол искушает Христа наверху горы». Только он про нее ни с кем не говорит, в том числе и со мною; уверяют, будто иные из его учеников видели ее. Но так или сяк — она меня не интересует, и я ничего хорошего от нее не ожидаю. Все прочие ленятся и ничего не предпринимают! Декаденты тоже ничего не делают и только поминутно атакуют всех лучших наших художников, т. е. Вас, Репина, Верещагина и других. Особливо свиреп-

* Русская деревня. — *Ред.*

ствуют в этом смысле сам г. Дягилев и его верный друг Александр Бенуа. Вы, вероятно, никогда не видите их дурацкого декадентского журнала «Мир искусства», и слава богу, ничего не потеряете!

Теперь я очень занят, и мне некогда, но думаю, что в один прекрасный день выступлю и хвачу их порядочно. Они мне так противны!! Так они грубы, невежественны и глупы!! Но среди всего этого меня приводит в жалость и пугает часто Репин: он так бесхарактерен, так нерешителен, так вечно колеблется, то к плюсу, то к минусу, что ни на что не похоже. Для меня несомненно, что он в душе — декадент и их всех уважает и любит, но только «обстоятельства» принуждают его быть против них. На днях у меня с ним был горячий, сердитый спор, и я только боялся, что мы опять поссоримся. Но я был очень осторожен, и ссоры не произошло. Прежней нашей интимности, и открытости, и сердечности давно нет! Что же остается?» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Видимо, в недошедшем до нас письме к Репину Стасов высказывал свое мнение о книге А. Бенуа.

[3] Речь идет о книге Бенуа Александр. История живописи в XIX веке. Русская живопись. СПБ, 1901.

Книга Бенуа написана с позиций воинствующего декадентского эстетства, пронизана ненавистью ко всем достижениям идейного и реалистического искусства. Основной принцип, которым руководствуется автор «Истории живописи», — это принцип «искусства для искусства».

О своем возмущении этой книгой Репин писал 12 декабря 1900 г. также И. С. Остроухову:

«...Набросился я было на «Историю русск[ой] живописи» А. Бенуа, но чем дальше читаю, тем более разочаровываюсь в этом недоноске. Я думал, что он дилетант в искусстве только, но теперь вижу, что в литературе он еще слабее. Какой язык! Какие фразы, предложения, начиненные трухой. Ведь напал, как он всегда, на прекрасную указку Мутера. Да где ему д......у! Сам себя на каждой строке сечет. Вот верная примета силы: если она умеет похвалить. А это ничтожество всех превращает в ничтожество. Хоть бы Венецианова, Щедрина постарался бы похвалить...» (Архив Третьяковской галлереи.)

[4] Венецианов Алексей Гаврилович (1780—1847) — выдающийся художник, ученик В. Л. Боровиковского. Положил начало развитию русского бытового жанра, создав ряд поэтических, хотя и не лишенных сентиментальности картин народной жизни, а также изображений русской природы: «Гумно» (1820), «Утро помещика» (1823), «Жнецы» (1825), «На пашне», «На жатве» и др. Написал ряд портретов.

На свои средства основал художественную школу, набирая учеников из иконописцев, маляров и т. п. Он учил, в отличие от академизма, своей «методе» живописи: писать «а ла натура». Среди учеников Венецианова были Крендовский, Тыранов, Зарянко и др.

Стасов высоко ценил пейзажи Венецианова, но ошибочно недооценил значение жанровых произведений художника.

[5] Щедрин Сильвестр Федосеевич (1791—1830) — крупный художник-пейзажист, один из основоположников русской реалистической пейзажной живописи, в творчестве которого раскрывается образ южной природы. Писал главным образом итальянские виды: Рим, Неаполь, Сорренто и др. Его произведения наполнены гуманизмом, тонким лирическим чувством.

[6] Мутер Рихард (1860—1909) — немецкий историк искусства идеалистического направления.

В 1894 г. в Мюнхене вышел III том его «Истории живописи в XIX веке». Раздел «Россия» в этом томе был написан с участием А. Бенуа.

Перевод «Истории живописи в XIX веке» Мутера издан товариществом «Знание» в трех томах в 1899—1901 гг. Раздел русской живописи в переводе пропущен. Он заменен издательством «Знание» уже упомянутой выше книгой А. Бенуа «История живописи в XIX веке. Русская живопись», отличающейся реакционно-идеалистическими взглядами.

Книга Бенуа издана однотипно с книгой Мутера и является как бы четвертым томом изданной «Знанием» «Истории живописи в XIX веке».

[7] Бенуа, в общем, отрицательно оценивал творчество Брюллова.

314

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Повидимому, Репин и Стасов в предыдущий день (29 декабря 1900 г.) вели разговор об «Истории русского искусства» А. Бенуа, и Стасов напомнил Репину, что он в своей статье «В защиту новой Академии художеств» («Неделя», 1897, октябрь) высказывал и поддерживал те же взгляды на искусство, которые Бенуа проводит в своей книге.

Стасов был прав, так как эта статья Репина, опубликованная в период его наибольшего крена в сторону декадентства, содержала ряд принципиально ошибочных положений и пыталась оправдать статьи С. П. Дягилева и других, которые выступали против идейности в искусстве, в защиту буржуазного, реакционного, мистифицирующего принципа «независимости» художественного творчества. Репин в дальнейшем изменил эти свои ошибочные взгляды, однако, как видно из письма, не сумел полностью осознать порочность некоторых защищавшихся им ранее положений.

[3] Грабарь Игорь Эммануилович (род. 1871) — народный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии, крупный живописец и историк искусства. Редактор и один из авторов «Истории русского искусства» (1910—1916).

Учился в Академии художеств, у Репина. В дооктябрьский период примыкал к «Миру искусства», выступал в печати в защиту идеалистических принципов декадентства. С первых лет революции стал активным деятелем советской художественной культуры.

Лучшие пейзажи и натюрморты дооктябрьского периода («Луч солнца», 1901; «Сентябрьский снег», 1903; «Мартовский снег», 1904; «Февральская лазурь», 1904; «Хризантемы», 1905; «Неприбранный стол», 1907) — в основе своей реалистические, но свидетельствуют о сильном влиянии на художника импрессионизма. Они поэтично передают уголки русской природы, воздух, свет, однако несут в себе элементы эстетства, камерны, лишены больших обобщений в социальной значительности. В советский период Грабарь создал ряд произведений на историко-революционные темы, а также портретов («В. И. Ленин у прямого провода», 1927—1933; «Крестьяне-ходоки у Ленина», 1939; «Портрет А. С. Чаплыгина», 1935 и др.), свидетельствующих о расширении творческого диапазона художника, вдохновленного большими идеями современности, и укреплении реалистических позиций.

И. Э. Грабарь известен также своей деятельностью по реставрации памятников искусства и как педагог. За капитальное исследование «Репин» (1937) получил Сталинскую премию.

[4] «Мир искусства» — декадентское объединение художников, группировавшихся вокруг издававшегося в 1898—1904 гг. под руководством С. П. Дягилева и А. Н. Бенуа журнала того же наименования. Выставки этого объединения функционировали с 1899 по 1903 г. Объединение «Мир искусства» возродилось с А. Бенуа во главе, но уже без Дягилева, в 1911 г. и устраивало свои выставки до 1924 г.

В перерыв между этими двумя периодами часть художников, примы-

кавших к «Миру искусства», вместе с А. Бенуа входила в «Союз русских художников».

Для большинства художников «Мира искусства» характерны уход от действительности, ретроспективизм и эстетство, осуществление принципа «искусство для искусства», отказ от реализма, стилизация, декоративизм и космополитизм. Руководящие деятели «Мира искусства» вели упорную борьбу с принципами идейности и реализма в искусстве. Ряд художников «Мира искусства», вопреки эстетским установкам этого направления, господствовавшей в нем условности и стилизаторству, обращался к правдивому воспроизведению жизни, отечественной истории, в результате чего был создан ряд ценных картин, иллюстраций к классикам русской литературы, а также театрально-декорационных работ Е. Лансере, А. Остроумовой-Лебедевой и др. Некоторые художники «Мира искусства» откликнулись, преодолевая реакционные эстетические установки этого объединения, на события революции 1905 г. серией острых, обличающих самодержавие карикатур.

[5] Репин имеет в виду заметку, опубликованную в журнале «Мир искусства» (1900, т. IV, стр. 215), которая гласила: «Вышла из печати первая часть книги Александра Бенуа, посвященной Истории русской живописи в XIX веке. Мы еще возвратимся к оценке этого интересного труда, который оригинальностью проведенных в нем взглядов, вероятно, вызовет в художественном мире большие толки».

1901

315

[1] Повесть Н. Б. Нордман (Северовой) «Эта» (СПБ, 1901) с иллюстрациями И. Е. Репина. Была ранее напечатана в «Ниве» под заглавием «Беглянка».

[2] Письмо В. В. Стасова адресовано: Адмиралтейский канал, № 19. Н. Б. Нордман.

[3] Адресная книга, выходившая ежегодно в красных переплетах.

316

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Портрет В. В. Стасова в шубе (1900), выставленный Репиным на XXIX передвижной выставке 1901 г.

[3] «Дуэль» («Простите») — картина И. Е. Репина 1896 г., была в 1897 г. на выставке в Венеции, откуда продана за границу. Вариант 1898 г. находится в Третьяковской галлерее. Перерыв между первым вариантом «Дуэли» и портретом Стасова в шубе продолжался четыре года.

[4] Портрет В. В. Стасова в шубе (1900) работы Репина поступил в Русский музей в Ленинграде.

[5] Костылевы Николай Александрович, финансовый деятель, и Ольга Дмитриевна, его жена, были, по сообщению В. Д. Комаровой-Стасовой, друзьями А. В. Стасова. Имели небольшую, но интересную коллекцию картин русских художников.

[6] Портрет Н. И. Ре́пиной («Этюд на солнце», 1900). Был у И. С. Остроухова. Ныне находится в Третьяковской галлерее.

[7] Щербов Павел Георгиевич (1865—1938) — карикатурист. В. В. Стасов собирал его карикатуры в красках на темы из жизни художников.

317

[1] Написано в Москве на открытом письме с видом храма Василия Блаженного.

[2] Вероятно, Репин вспоминает о пребывании В. В. Стасова в Москве на Всероссийской выставке летом 1882 г., когда Репин жил еще в Москве.

318

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Младшая дочь И. Е. Репина — Татьяна Ильинична (род. 1880) — вышла 8 апреля 1901 г. замуж за поручика Н. Г. Язева. Разошлась с ним в 1909 г. После Октябрьской революции жила с дочерью в усадьбе Репиных (Здравнёво); в настоящее время живет во Франции. В 1892 г. Репин написал ее портрет (в красном, разливает чай). Был в частном собрании.

В 1905 году Репин написал «Семейный портрет» (Татьяна Ильинична с дочерью и ее муж Н. Г. Язев). Портрет был на XXXIV передвижной выставке 1906 г., позднее — у В. И. Репиной.

[3] На крестинах Веры Ильиничны Репиной в 1872 г.

[4] Павлов Евгений Васильевич (1845—1916) — известный хирург, профессор Военно-медицинской академии.

319

[1] Стасов писал письмо в Публичной библиотеке. Повидимому, в волнении вместо «Импер. публ. библиотека» он ошибочно написал «Импер. акад. художеств», куда отправлял это письмо с нарочным на квартиру к И. Е. Репину.

[2] Статья А. Бенуа «Искусство» в сборнике «Россия в конце XIX века» (издание министерства финансов под общей редакцией В. И. Ковалевского). В ней Бенуа дал краткий очерк истории русского искусства с начала XVIII до конца XIX века.

Бенуа с характерным для его реакционно-идеалистических позиций космополитизмом и низкопоклонством перед Западом или начисто отрицал значение русских художников, или видел в них вариации и повторения западноевропейских образцов. Не решаясь прямо отрицать талант И. Е. Репина и И. Н. Крамского, Бенуа, однако, принижал значение их творчества. Он писал: «... Среднее положение между школой Перова и новорусской реальной школой занимают два живописца — И. Крамской и И. Репин, личности которых покамест, для нашего поколения, недостаточно определились по той причине, что оба мастера слишком за многое и за разное брались, то являясь поборниками гражданских идеалов, то попросту здоровыми реалистами, то принимаясь, без достаточной убежденности, за историческую и религиозную живопись. Впрочем, и теперь можно с полной уверенностью про них сказать, что они по силе своего дарования одни из самых замечательных в русской живописи; в особенности за Репиным должно остаться навсегда признание его как первоклассного живописца, в совершенстве владеющего красками и рисунком» (стр. 893—894).

[3] Блуменфельд Феликс Михайлович (1863—1931) — пианист, композитор и дирижер, профессор Петербургской, позднее Московской консерватории.

Блуменфельд Сигизмунд Михайлович (1855—1920) — певец и композитор.

[4] Речь идет о школе новой русской музыки, пропагандировавшейся Стасовым, и о ее представителях и произведениях.

[5] Ньюмарч Роза — английская писательница по вопросам музыки и литературы и переводчица. Переписывалась со Стасовым. Бывала в России, изучала в Публичной библиотеке русскую литературу, знакомилась с музыкантами и их произведениями. Писала в Англии о русских музыкантах, переводила также Стасова. Автор книг: «Русская литература и прогресс», «Русская опера», «Что подарила миру Россия». Воспоминания Розы Ньюмарч о Стасове напечатаны в книге «Незабвенному Стасову» (СПБ, [1908], стр. 77—81).

320

[1] Пивоварова Наталья Федоровна.

[2] 20 июля — день именин И. Е. Репина.

[3] Арцыбушев Николай Васильевич — музыкант, композитор.

[4] Булла Карл Карлович — известный петербургский фотограф и фотокорреспондент иллюстрированных журналов.

[5] Бюст М. П. Беляева, музыкального деятеля, работы Антокольского.

[6] Памятник Екатерине II в Вильно.

[7] Антокольский писал об этом Стасову в письме, полученном 12 июля 1901 г. из Парижа («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 877).

[8] С. А. Толстая писала Стасову 24 июля 1901 г. из Ясной Поляны: «Что касается Репина, то Лев Николаевич вряд ли в состоянии будет позировать, да и очень этого не желает» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 266).

[9] Шаляпин Федор Иванович (1873—1939) — знаменитый певец (бас) и артист. Обладая непревзойденной красоты голосом и исключительным талантом, создал гениальные по силе драматизма образы в операх великих русских композиторов, в частности мельника в «Русалке» Даргомыжского, Годунова в «Борисе Годунове» Мусоргского, Ивана Грозного в «Псковитянке» Римского-Корсакова.

Стасов правильно определил огромное значение таланта Шаляпина. Еще в 1898 г. он написал о нем статью «Радость безмерная». В ней он говорил: «...27 лет тому назад, в 1871 году, мне привелось напечатать в «С.-Петербургских Ведомостях», тоже в феврале, как теперь (а именно 13-го февраля): «В настоящую минуту — одним капитальным художественным произведением у нас больше. Это — статуя «Иван Грозный», вылепленная молодым скульптором Антокольским».

Прошло четверть столетия, и вот нынче с таким же доверием к тому, что перед собой вижу, я снова говорю: «В настоящую минуту — одним великим художником у нас больше. Это — оперный певец Шаляпин, создавший нечто необычайное и поразительное на русской сцене. Так же, как Антокольский, это еще юноша, даже на несколько лет моложе того, но создавший такого «Ивана Грозного», какого мы еще никогда не видали ни на драматической, ни на оперной сцене...»

Все 27 лет, прошедшие с 1871 года, только подтвердили и укрепили среди всей последующей русской публики первоначальное впечатление, охватившее тогда русских зрителей. Так точно, мне кажется, наверное будет и нынче. В глубине и великости нового создателя и нового художника — сомневаться нельзя. Впечатление слишком потрясающее, слишком равно и неизбежно оно на всех действует...» «Какой великий талант, — пишет в конце статьи Стасов, — и такому-то человеку — всего 25 лет...» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 25 февраля, № 55.)

8 января 1902 г. Стасов писал о Шаляпине Л. Н. Толстому:

«...через $1^1/_2$ недели должен приехать сюда Шаляпин и исполнить четыре капитальнейших своих вещи, — пропусти его и потом, пожалуй, много годов не увидишь и не услышишь его краем глаза и уха. А что он такое для меня (да, я думаю, и для каждого у нас!), я думаю, вы лучше всех знаете: из всех художников, что у нас теперь есть, — живописцев, скульпторов, музыкантов, — он, мне кажется, самый сильный, самый крепкий и полный, самый необыкновенный! Да не то что теперь, а пожалуй, без малого почти всю мою жизнь, такого художника я еще не видывал между нашими. И талант у него громадный да напридачу такая ненависть и презрение ко всему скверному и фальшивому в искусстве, как вряд ли у кого еще между всеми нашими (конечно, про ЛЬВА ВЕЛИКОГО тут речь не идет). А без этой священной, непримиримой ненависти и вражды ко всему ложному и мерзкому нет настоящей любви к тому, что правдиво и хорошо» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 273).

321

[1] Это было письмо от 7 августа 1901 г.

[2] Новое письмо Репину было адресовано Стасовым в Петербург, в

Академию художеств, где жил Репин. Почта переадресовала его Репину в Витебск. Из Витебска оно опять было возвращено почтой в Петербург.

[3] 26 августа была именинница родственница Стасовых Наталья Федоровна Пивоварова; 30 августа — именины брата В. В. Стасова — Александра Васильевича.

322

[1] 15 августа 1901 г. Шаляпин был на даче у Стасовых в Старожиловке. Репин нарисовал итальянским углем его портрет, грудной, в натуральную величину.

Портрет Шаляпина маслом Репин написал только в 1914 г. Портрет не удался, был переписан, но все же остался в числе неудавшихся работ Репина. Был на XLIII передвижной выставке 1915 г.

[2] Это была статья В. В. Стасова «Искусство XIX века» (для сборника «XIX век», издание журнала «Нива»), состоявшая из разделов «Архитектура», «Скульптура», «Живопись», «Музыка».

Позднее статья была Стасовым переработана, дополнена и напечатана в IV томе собрания его сочинений (СПБ, 1906, стр. 1—338).

Разделы статьи «Живопись» и «Скульптура» вошли во II том избранных сочинений В. В. Стасова (М.—Л., 1937, стр. 467—662), в котором помещены под измененным названием «Очерки об искусстве в Европе в XIX веке». Главы, посвященные Стасовым русскому искусству, из них выпущены.

О печатании своей статьи в «Ниве» Стасов писал Л. Н. Толстому 6 сентября 1901 г.:

«Пора мне печатать свою статью: «Обзор европейского искусства XIX века». Почти уже все набрано, и значительную долю я уже прочитал в корректуре. Но вышло, к моему сожалению, гораздо больше текста, чем я ожидал, и потому мы с редакцией принуждены были порешить так: много теперь не печатать, сократить, тем более, что иллюстрации (портреты и картинки) тоже должны унести немало места, а потом я уже сам напечатаю свой текст в полном его виде. Это, конечно, предосадно и пребольно, а делать нечего: ведь не они виноваты, а я же сам. Они просили от меня поменьше, вроде как у всех других вышло, а у меня, напротив, оказалось гораздо больше, чем у всех других! Я думаю, это оттого, что многим другим эти статьи в «Ниву» не составляют ничего особенного, так себе — их попросили, они и написали, а для меня это было совсем другое дело: я эту штуку сам собирался писать, и не для журнала, а для себя. Вот оно мне и важно и дорого! А кто виноват? Я сам, зачем туда к ним сунулся» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 270).

Процитированная выше часть письма Стасова к Толстому дополняет предисловие редакции IV тома собрания сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1906), где мотивы урезок статьи не были уяснены.

О Репине в статье «Искусство XIX века» Стасов пишет, что он «между русскими бытовыми художниками — самый важный, самый значительный», что у него «есть серьезный, задумчивый, глубокий взгляд на существующее» и «суд» над ним. Далее Стасов говорит, что «Бурлаки» и «Крестный ход» Репина напоминают «Каменобойцев» и «Орнанское погребение» Курбэ, но у Репина «письмо гораздо выше, совершеннее, жизненнее, ближе к краскам природы и человека, наконец, солнечнее».

Стасов перечисляет главные произведения Репина. После его шедевра «Бурлаки» — это: «Не ждали», «Арест», «Исповедь», «Дуэль», «Поприщин» и «Молодая монашенка». О религиозных и исторических сюжетах Стасов повторяет свои прежние высказывания: «Репин несколько раз пробовал писать картины на сюжеты религиозные («Св. Николай,

останавливающий казнь», «Иди за мной» — Христос с дьяволом на вершине горы) и другие. С ними он никогда цели не достигал». Наряду с правильной отрицательной оценкой религиозной живописи Стасов недооценивал замечательные исторические картины Репина, которые, по его мнению, «ничего не давали, кроме чудного талантливого письма («Царевна Софья», «Иван Грозный с сыном»). Все это, — говорил Стасов, — придает только новое значение великости и правдивости таланта Репина».

Далее Стасов перечисляет ряд «превосходных портретов, поразительных по своей жизненности, правде, силе и изяществу», написанных Репиным. «В 80-х годах иные из портретов Репина, — говорит Стасов, — имели родство, по письму, с портретами Веласкеца по колориту, по рельефу, по силе и по необыкновенно правдивому взгляду глаз, но тоже были полны собственной оригинальности».

1903

323

[1] Перерыв в переписке Репина и Стасова составляет около двух лет — с 27 августа 1901 г. по 7 июня 1903 г. Большая занятость была одной из причин, отвлекавшей их от взаимной переписки. Конец 1901 г. и, вероятно, начало 1902 г. Стасов снова работал над своими очерками «Искусство в XIX веке», он дополнял и переделывал их. В 1902 г. в июне умер скульптор М. М. Антокольский. Его кончина, хлопоты о перевезении тела в Россию, организация похорон, устройство вечера памяти Антокольского целиком поглотили все свободное время Стасова; позднее Стасов занимался подготовкой к изданию писем Антокольского.

Вторую половину 1902 г. и 1903 г. Стасов был в деятельной переписке с Л. Н. Толстым. Он разыскивал и организовывал непрерывную отправку в Ясную Поляну большого количества литературы и других материалов для повести «Хаджи-Мурат», над которой работал в это время Толстой.

Репин в 1901—1903 гг. был погружен в огромную работу над картиной «Государственный совет» и эскизами-портретами к ней.

Однако главной причиной перерыва в переписке и вялости в отношениях между Репиным и Стасовым в этот период было все-таки, по-видимому, другое обстоятельство. Стасов был явно недоволен результатами творческой деятельности Репина в годы, предшествовавшие созданию «Государственного совета». И действительно, в это время великий художник создал мало подлинно значительных произведений. Кроме того, Стасов не мог примириться с появлением в характере Репина новых, неприятных ему черт. Он горячо возмущался тем, что Репин изменил свое отношение к их прежним близким друзьям. Обо всем этом Стасов писал М. М. Антокольскому и Д. В. и П. С. Стасовым. В письме Антокольскому 23 мая 1901 года Стасов говорил:

«Репина вижу тоже довольно редко: по-моему, он совершенно иссяк и утомился и ничего, кроме портретов, н е м о ж е т и не хочет делать. Кажется, творчества более у него нет, и (к моему несчастью!) я принужден признать это самое у большинства товарищей моей юности».

Ему же 20 января 1902 г. Стасов писал: «Что с Р е п и н ы м делается, просто непостижимо! Ни с кем не видится, от всех скрывается, даже иной раз от семейства, а сам пишет в «Новом времени» какие-то дурацкие статьи об искусстве, от которых волосы подымаются даже у И. И. Толстого».

И 6 марта 1902 г.: «У нас с искусством идет неважно. На всех выставках больше всего п е й з а ж е й и почти вовсе нет к о м п о з и ц и й. Новые вещи Репина либо слабы, либо ничтожны; но, сверх того, он написал какую-то натурщицу в желтом платье (бальном) и с черным вороном в руке. Совершенное д е к а д е н т с т в о! Это в первый раз у Репина. Но в декадентстве произошел р а с к о л: многие возмущены деспотизмом и диктаторством Дягилева и отделились от него и образовали новое художественное общество в Москве: О б щ е с т в о 3 6 х у д о ж н и к о в. Но некоторые, в том числе С е р о в, остаются верны своему барину Дягилеву».

Сообщая 14 июля 1902 г. П. С. Стасовой о похоронах Антокольского,

Стасов писал: «...Но вот кто мне сильно не понравился еще во время службы в Большой Синагоге в городе — это Репин. Я его там увидал, наклонился ему к уху и говорю ему: «Ведь Вы будете там?» — «Где там?» — «На кладбище». — «Нет не буду» — «Отчего?» — «Нельзя. Некогда». — «Как некогда? Отчего?» — «Так, я обещал... сеанс». Тут я очень уж рассердился, и чуть не закричал, а громко, во весь голос проговорил: «Как сеанс? Какой сеанс? И зачем Вы обещались, если обещались! Сеансов может будет у Вас еще 1000, а похорон Антокольского никогда во 2-й раз не будет...» А он молчит, ни слова. Потом так и не поехал и не пошел. Как это гадко, как это противно!! В понед[ельник], 15-го, Репин приехал к нам в Парголово, — я очень удивился, не ожидал, однако уже более не трогал этого дела...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

11 ноября 1902 г. В. В. Стасов, сообщая о своих хлопотах по устройству вечера Антокольского и об отказе Волконского и Прахова читать там свои воспоминания, писал Д. В. Стасову: «...Другой отказ, сегодня же утром — это Репина. Я к нему поехал спозаранку, чтобы застать. Но из этого не вышло все-таки никакого толка. Сразу он начал опять отказываться, как прошлый раз... Репин мне говорит: «И на что Вам мое чтение или чье бы то ни было? Вы прекрасно, превосходно прочтете и одни, сами. Никого больше не нужно: ни Кюи, ни Прахова, ни Савву Мамонтова. У Вас столько материала, самого важного и интересного, Вы все это так знаете, и так давно, и так всегда хлопочете об Анток[ольском], что никто лучше Вас этого не сделает, и никого больше не надо». — «Ну, это все не так», — возражал я. — Но вообразите себе, что именно так. Что ж из этого? Я мог бы, конечно, пойти и читать один про Анток[ольского] в зале Тенишева, в Думе, в Петровском коммерч[еском] училище или где-нибудь, то что из этого было бы? Первое — полное отсутствие слушателей? второе — это было бы предприятие «частное» и претупое; третье — ничего общего с Академией, с чествованием со стороны Академии, со стороны художников, товарищей. На то, разве, дала бы мне Академия свою конференц-залу, чтобы я читал один?! А товарищи где, а где Академия, где русские художники?» Репин отвечал: «На что вам Академия? Это все дрянь и ничтожество, никуда не годное и ничего не стоящее...» Я перервал его: «Как так дрянь и ничтожество? Зачем же Вы профессор этой Академии? Зачем Вы преподаватель там? Зачем Вы живете в ее квартире?» Он немного смутился и приостановился, но потом оправился и продолжал опять свою рацею против Акад[емии], и профессоров, и товарищей своих. Он еще сказал, со злыми глазами: «Вы мне все суете Анток[ольского], Анток[ольского]. Ну да, он прежде был что-то... Он... мог жить целых 30 лет вне России и в ней да и ни в ком не нуждался!..» Я быстро ему отвечал и с великой досадой, и поднимающейся злобой: «30 лет вне России?! А Тургенев, а Иванов, а Герцен? Отчего Вы их не обвините тоже в сухости и эгоизме, оттого что были целые десятки лет вне России?» — «То совсем другое было дело!» — «Другое? Но вот, Вы скоро можете читать его 500 или больше писем за все 30 лет: Вы увидите, как он страстно любил Россию и прежних товарищей, именно *Вас* в особенности!» — «Не верю, не верю»... — И вот, та́к еще долго продолжалось. И я ушел ни с чем...

Итак, сколько человек отказалось:

Кони — пустозвон, Прахов — шельма и пройдоха, хапуга, Волконский — ищущий корысти и сухарь, и еще, и еще другие, наконец — Репин...

И я *уничтожил* вечер Анток[ольского].

Что еще Репин мне толковал безумного и глупого о декадентах и декадентстве — в другой раз» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

Позднее, 12 декабря 1902 г., В. В. Стасов пишет Д. В. Стасову о своей работе над перепиской Антокольского и сообщает, что Репин согласился читать на вечере:

«...А как я тут работал с перепиской Анток[ольского]. Почти всякий день я ложился около 3 ч. ночи, а то и позже! Все не могу никогда порядком выспаться: надо читать и поправлять всю массу переписанных писем. А каково будет все это снова перечитывать, в печатных корректурах! Ужасно!!! А между тем вечер Анток[ольского] состоится 22 дек[абря]. Гена* уже приехала из Парижа, остановилась в Hôtel de France, а 23-го уже уедет обратно в Париж... — Говорят, даже Репин согласился читать про Анток[ольского] и готовится: его все Ел[ена] Павл[овна] Анток[ольская] уговаривала, а я, всердцах на него, давно бросил уговаривать его. Чорт с ним, с его гадостями и узкостью — точно Балак[ирев]» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

[2] Репин в 1903 г. уже окончательно поселился в Куоккала.

[3] «Государственный совет» — картина Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г. в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1901—1903). Написана по заказу для здания Государственного совета. Эскиз к картине (размером 40 × 36 см) написан во время заседания.

Картина исполнена Репиным с участием его учеников Б. М. Кустодиева и И. С. Куликова. Это произведение Репина, как и эскиз картины, является выдающимся достижением русского портретного искусства и знаменует новый великий творческий взлет гениального художника, сумевшего реалистически запечатлеть и оценить действительность с передовых, демократических позиций.

Картина свидетельствует о том, что Репин смог в большой мере, несмотря на преклонный возраст, преодолеть к этому времени декадентские увлечения и выступил как убежденный, великий реалист.

Блестящая по мастерству и глубокой правде, эта картина с тонкой иронией и беспощадной остротой рисует портреты ближайших слуг самодержавия со всеми выраженными в них типическими чертами — внутренней порочностью и печатью вырождения. По силе социально-психологической характеристики персонажей эта картина-портрет является непревзойденной вершиной в мировом искусстве.

Для картины «Государственный совет» Репин написал с участников заседания большое количество портретов-этюдов. Из них многие являются шедеврами репинского портретного искусства (Витте, Игнатьев, Победоносцев, Горемыкин, Герард и др.).

Большой творческий подъем Репина, знаменовавший создание «Государственного совета», проявился также в ряде последних значительных произведений, созданных под влиянием Стасова в 1905 г.

Стасов писал: «Великолепная, громадных размеров картина «Государственный совет», заключающая свыше 80 портретов, во весь рост и натуральной величины, есть один из значительнейших chefs d'oeuvre'ов нашего времени, по чудным характеристикам, мастерству расположения целой массы, почти сотни, присутствующих на картине лиц и по блестящему, правильному колориту» (Стасов В. В., Собр. соч., т. IV, СПБ, 1906, стр. 224).

[4] Высказанное Стасовым желание встретиться, его дружеские и теплые отзывы о картине «Государственный совет», видимо, были приятны Репину. Он на другой же день, 8 июня 1903 г., приехал к Стасовым в Старожиловку. Стасов описывает приезд Репина в письме от 9 июня 1903 г. к брату Д. В. Стасову:

«...Вчера у нас набралось довольно много народа — всего нас было 16 человек. Больше всех удивил Репин. Я так давно не видал его. Бот-

---

* Антокольская Елена Юлиановна — жена Марка Матвеевича. — *Ред.*

кин (М. П.) намеднись сказал мне на дебаркадере, что Репин постоянно все в Квакале* (где и Михайло живет), и ни на шаг от своей Нордманши (вот-то чудеса: уж подлинно, ни рожи, ни кожи,— ни красивости, ни ума, ни дарования, просто ровно ничего, а он словно пришит у ней к юбке!) Наши дамы, да еще с Лидой, затеяли съездить третьего дня в Квакало*, к племянникам Эрнестины, я возьми да и напиши письмо к Репину. Должно быть, он там нашел себе что-нибудь приятное и аппетитное, потому что вчера — хлоп, взял да и приехал! Какая неожиданность экстренная! Я думал, что он всего только нацарапает кое-что в письме, и баста, — ан нет, сам прикатил, да еще какой веселый, и любезный, и светлый. Неужто и взаправду мое письмо? Мы начали с того, что разыскали ему его 3-ю дочь (какая-то Чернава — уголёк и почти без речей): это она со своим мужем, офицером, Язевым, живет у нас недалеко тут, № 3 (мы — № 19), по Старожиловке же, он тут с офицерами и кадетами учебными, которые цепями, флачками и колышками меряют ситуации. А у этой Татьяны нынче в гостях еще и Вера (старшая дочь, моя крестница). Ну, вот, все они у нас и скопились перед обедом. Но когда они ушли, мы с Репиным прохаживались по саду, были около пруда (недавно выкопанного), разговоры вдруг пошли такие, на отличку, что на самом ярком солнце, и без шляп, мы остановились у воды и затолковали о разных важнейших предметах. Вот уж чего я не ожидал никак, и еще не ожидал, что как-то закушу удила, и вдруг расскажу экспромтом (даже для себя самого), что такое я здесь пишу на даче и что хочу сказать и сделать. И что же! Репин как-то пришел в такой азарт и теплоту необычайную, что громко воскликнул: «Как я за обедом тотчас возьму 1/2 рюмки красного вина, и скажу большой, самый большой тост!»... Конечно, я еще больше удивился, чем смеялся...

Во время обеда Репин, долго мявшийся и не решавшийся (конечно, я тоже отговаривал его), вдруг встал и с рюмкой в руке громко выпалил: «Господа, пью за здоровье того, кто тут самый молодой между всеми нами и которому я больше всего желаю дольше жить и кончить все то, что я имел... имел перед обедом счастье выслушать: его новые затеи и идеи просто гениальны... я поражен и таких мыслей и намерений не ожидал...» Я поскорее отвечал в своем неожиданном, тоже, удивлении... принялись спрашивать и требовать, чтобы он тотчас же рассказал, что такое он слышал и про что́ он говорит, но Репин сказал, что ничего больше не станет рассказывать, в свое время все услышат и узнают, что такое... Но Репин все-таки сказал, что его собственная картина «Госуд[арственный] совет» кончена, и ему осталось только еще безделица — подписать...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

324

[1] Имение И. С. Тургенева называлось Спасское-Лутовиново. Новоспасское — поместье, где родился М. И. Глинка.

[2] Гэпгуд (Гапгуд) Изабелла — американка, переводчица на английский язык Л. Н. Толстого, Горького, Чехова, Тургенева и других русских писателей. Дважды была в России.

325

[1] Письмо написано в Куоккала. На автографе надпись В. В. Стасова карандашом: «Это письмо — ответ на мою просьбу: сообщить сведения

* Куоккала.— *Ред.*

о чьих бы то ни было рисунках, относящихся к личности и жизни Тургенева для американского перевода Тургенева Скрибнера».

[2] В 1883 и 1884 гг. К. В. Лебедевым была исполнена серия рисунков к рассказам И. С. Тургенева «Записки охотника». В 1884 г. были изданы 10 из этих рисунков в альбоме «Записки охотника» И. С. Тургенева. Рисунки К. Лебедева». Издание А. А. Петрова.

[3] Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский химик и разносторонний ученый. Автор «Периодической таблицы элементов». Главный труд — «Основы химии».

Менделеев был женат на художнице (Менделеева Анна Ивановна, 1860—1942), интересовался искусством, дружил с некоторыми художниками-передвижниками и с И. Е. Репиным.

[4] Портрет И. С. Тургенева, написанный Репиным в 1874 г. в Париже (второй вариант); находится в Третьяковской галлерее.

[5] Портрет И. С. Тургенева работы художника Харламова (1875, Париж) находился у певицы Полины Виардо. При основании Русского музея в Петербурге он поступил в этот музей.

326

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Речь идет о портрете-рисунке, исполненном художником И. Я. Перельманом и пересланном В. В. Стасовым И. Е. Репину.

Об этом В. В. Стасов писал брату Д. В. Стасову 10 июля 1903 г.: «...разве ты не будешь здесь 15-го? Жаль бы очень было. Кроме меня самого, ты бы увидал мой портрет, во весь рост, в настоящую величину, и сидячий: не знаю, как Перельман его кончит, а покуда (в черном карандаше) он похож на хороший... будет тоже Репин... Дня 3 назад мне вдруг пришло в голову напомнить ему о 15-м: для этого я попросил Перельмана нарисовать мой портрет обыкновенным карандашом, покуда я читал письмо. Он сделал это, и я подписал внизу стишок:

Дорогому Илье,
чтобы напомнить обо мне
И об июля 15-м дне».

В том же письме Стасов писал брату:

«Снова читаю:

Чернышевского («Эстет. отношения искусства к действительности»)

Писарева («Разрушение эстетики»)

ЛЬВА («Что такое искусство?»)

и всеми ими восхищаюсь, точно много лет назад, невзирая на все тьмы их пустяков, глупостей и множества полнейшего невежества... Хорошо, хорошо все главное у них. И даже просто прелестно и несравненно!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[3] Перельман Иосиф Яковлевич (род. 1876) — художник. Учился в Академии художеств с 1897 по 1904 г., в мастерской Репина. Написал в 1903 г. в Старожиловке портрет В. В. Стасова в палевой рубахе. Кроме того, написал ряд портретов членов семьи Стасовых.

[4] Вероятно, В. В. Стасов говорил с И. Е. Репиным во время его приезда в Старожиловку 8 июня 1903 г. о своей работе «Carnage général» («Разгром»). 18 июля 1903 г. Стасов писал об этой работе Л. Н. Толстому: «...А я понемножку продолжал стряпать свой «Carnage général» и довольно его подвинул нынче летом. Я себе воображаю, что вы кое-что найдете там ладным, а на многое плюнете так, что и знать не хотите. Я много прибавил в коренной программе...» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка, 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 308.)

327

[1] Письмо написано в Куоккала. Дата установлена по почтовому штемпелю — 12 августа н. ст., 1903 г.

На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 31 июля 1903».

[2] Репин благодарит за присылку рисунка И. Я. Перельмана, нарисовавшего Репина, пишущего на даче в Старожиловке портрет Стасова в красной рубахе, и Кларк-Дютур, возлагающую на Репина венок.

О «венке» В. В. Стасов писал скульптору И. Я. Гинцбургу 24 июля 1903 г.: «...2 месяца гостил у нас Перельман, всем нам приятный, очень покладистый и простой и написавший 5 больших портретов: Эрнестины, Марьи, Нины *, Андрея, а всего главнее — мой, во весь рост, с рукам[и] и ногам[и]. Я думаю, Вы удивитесь, как был *удивлен* (очень сильно!) и Репин, бывший у нас 15 июля. По моему наущению, Перельман нарисовал потом на бумаге простым карандашом сцену: как Репин пишет в саду у нас, на аллее, в 1889 году, мой портрет, а Над[ежда] Петр[овна], по моему наущению, подкрадывается к нему сзади и надевает Репину, сверх шляпы, венок из полевых цветов. Вообразите, вышло *отлично!!* и мы послали эту картинку в Куоккала Репину в подарок: 24-го ** июля его день «рождения»! И я тут же написал маленький стишок (для смеху!)» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

Эпизод с «венком» И. Е. Репин, в свою очередь, отмечает в надписи на репродукции портрета В. В. Стасова, исполненного в 1889 г.: «Могучему, дорогому Владимиру Васильевичу Стасову. На память о старожиловских венках, парголовских лаврах и прочих торжествах и славах. 15 июля 1903 г. И. Репин».

Фототипия портрета В. В. Стасова 1889 г. с этой надписью И. Е. Репина воспроизведена в IV томе собрания сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1906).

[3] Кларк-Дютур Надежда Петровна — дочь С. Н. Серовой-Дютур, сестры композитора А. Н. Серова; жена Альфреда Матвеевича Кларк — крупного чиновника.

[4] Повидимому, Стасов просил Наталью Борисовну Нордман сделать фотографический снимок сценки с венком, нарисованной Перельманом.

Фотография этого рисунка воспроизведена в журнале «Петербургская жизнь» (1904, 25 января, № 748). На рисунке надпись: «Венок 1889 г. Старожиловка, 27 июля. Перельман».

328

[1] Судя по конверту, письмо написано в Петербурге, в один из приездов Репина из Куоккала.

[2] Стасов ездил к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну, где пробыл 11, 12, 13 и 14 сентября. В связи с поездкой Стасов писал 22 сентября 1903 г. П. С. Стасовой: «...Говорят, Вы все скоро сюда воротитесь. Ну вот и прекрасно! Радуюсь и за себя и за Вас! Воображаю, какая это обуза, жить долго в деревне, не только у нас в России, но в каком хотите Castellamare, Miramare, итальянском Lago di Como, чухонском Lago di Suomi и т. д. Для меня, по крайней мере, это было бы чистая анафема. Как! Жить без людей, т. е. многих!! Жить без самого большого общения, сообщения, приобщения, потрясения, волнения, движения — да ни за что на свете!! Чорт бы взял «все красоты природы», даже самые итальянистые и баваристые, тюрингенвальдистые и

---

* Кларк Нина Альфредовна—дочь Надежды Петровны Кларк.—*Ред.*

** У Стасова ошибочно написано 26 июля. — *Ред.*

ниагаристые — виват (или точнее: vivant) только люди, люди и люди!!! Бывают, конечно, тоже и между людьми — люди, из которых каждый стоит штук сто других, как я это на прошлой неделе еще испытал, знаете, в Ясной Поляне, ну, да ведь такие субъекты и не сто, а сто тысяч сто́ят, а поди-ка, сыщи таких в Кастеламарах и Фридрихсруах...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[3] В Куоккала, на берегу Финского залива.

[4] Шевелев Павел Аркадьевич — генерал, заведовал Мариинским дворцом.

[5] Репин, повидимому, вспоминает первое посещение Стасовым Мариинского дворца, в котором помещался Государственный совет, при начале работы Репина над картиной «Заседание Государственного совета».

329

[1] Брата — Д. В. Стасова и его дочь В. Д. Стасову (в замужестве Комарову).

330

[1] Дата письма установлена по почтовому штемпелю. Письмо отправлено по петербургской городской почте.

331

[1] Письмо отправлено по петербургской городской почте. На автографе приписка рукой Стасова: «Четверг».

[2] Речь идет о статье Стасова «Новая картина Репина» («Новости и биржевая газета», первое издание, 1903, 4 декабря, № 334), в которой сообщаются подробности создания картины «Заседание Государственного совета» и дается ее оценка.

«Совершен огромный, изумительный труд, — пишет Стасов, — доведена до невероятно счастливого окончания вся затея и художественная мысль. Но с каким совершенством и красотой! Не вышло ничего кричащего и пестрого, режущего глаз, везде гармония, изящество, удивительное согласование, общее участие их в чудесном красочном аккорде... Репин сладил со всеми этими красками и линиями, как будто они все разные и поминутно представляют что-то другое, новое. Какое необычайное чудо, мастерство, соображение и сноровка! Вот что значит талантливость!..»

«В конце одного из своих «Севастопольских рассказов» Лев Толстой говорит: «Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен — правда». Конечно, Репин не Лев Толстой, о том и речи нет, но он тоже принадлежит к той самой породе людей и художников, у которых главной чертой их рассказов и изображений — правда, неподкупная, ничем незаласкиваемая, никакими властями и полезными соображениями, правда, и в этом его вся сила и обаяние. И это до такой степени так, что, когда ему случалось отступать от главного закона своей натуры и жизни, он проваливался, словно сквозь непрочные льдинки, и тонул. Впрочем, на время.

Так было недавно с его последними картинами: «Иди за мной, сатано!» и «Какой простор». Здесь он отступил, на минуту, от врожденного ему реализма и правды, шагнул в область «иносказаний», аллегорий, таинственных скорлупок — и был поглощен чуждым ему потоком, невзирая на всю талантливость отдельных художественных моментов даже и тут.

Вот эти-то правда и реальность, принесенные им с собою в жизнь, ключом бьют и в нынешней, только что явившейся на свет картине. Это сущая галлерея портретов, но вместе и типов. Как, пожалуй, примутся спрашивать ныне: неужели Репин и в самом деле такой провидец и изведыватель сердец, что в немногие два-три-четыре сеанса он тотчас раскопает всю натуру предстоящего пред ним человека, тотчас дойдет до самых глубоких подземных ключей натуры и жизни и выведет их яркими источниками наружу? Нет, этого я не думаю. Но всегда видел и вижу, что Репин большой и настоящий художник, а у большого и настоящего художника всегда раньше всего в душе дар схватывать и понимать самую сущность того, что он видит и понимает...»

«...новою своею картиною Репин еще новый раз подтвердил то, что мне случилось высказывать про него в печати много раз и давно уже, начиная лет 30 тому назад. А именно, что его натура попрежнему клонит его к изображению сюжетов хоровых, то-есть таких сцен, где является и действует не единичная личность, не малочисленное собрание особо намеченных личностей, а целая масса их. Одни из этих сюжетов бывали взяты им самим, другие ему предложены или заказаны, но, во всяком случае, именно в этих картинах всего полнее и ярче высказались его особенная натура и талант. «Бурлаки», «Славянские музыканты», два «Крестных хода», «Запорожцы», «Собрание волостных старшин», наконец, нынешнее «Заседание Государственного совета» — все эти высокозамечательные его картины всего более и сильнее выразили его потребность, наклонность и способность Репина с великим дарованием создавать такие картины, где на сцене изображено много разнородных личностей...

...Репин всегда высказывал гораздо больше родства не с великими портретистами итальянскими, южными, а — голландскими, северными... Конечно, Россия XIX и XX века совсем не то, что Голландия XVII, все здесь иное. Там, у знаменитых прежних живописцев, уже на сцене торжество и ликование, победа и радость; у нас же (в картинах нынешнего живого Репина) еще никакого ликования покуда нет; все только лапти и бедные зипуны, иногда лохмотья и отрепья, иногда лишь сюртуки и кафтаны, все только труд и труд, подчиненность и зависимость, иногда предрассудки, иногда искусство («Славянские музыканты»), но все-таки в общем все главное состоит у него в народе, все идет от него и к нему. Лишь в новой картине впервые являются у него уже не *управляемые*, а *управляющие*, и изображены они с мастерством и силою великою, такою же, как и прежние его картины...»

«...новая картина — одна из самых замечательных, самых необыкновенных и у него, в особенности, и в России вообще.

По моему мнению, эта картина гораздо более сто́ит, чем все картины подобного же рода, появившиеся в разных краях Европы в течение XIX века...

Вот с каким драгоценным багажом русская живопись прощается с XIX веком и поступает в XX».

1904

332

[1] После смерти Беляева (28 декабря 1903 г.) всеми его музыкальными делами (издательством, симфоническими концертами, премиями русским композиторам и пр.) стало руководить Общество имени Беляева. Устраиваемые Обществом концерты именовались Беляевскими. Собрания Беляевского общества (бывшего беляевского кружка) происходили в доме А. К. Глазунова.

[2] Копия с портрета М. П. Беляева (1886) работы Репина.

[3] Кудрявцев Александр Иванович (род. 1873) — ученик Академии художеств с 1899 по 1907 г. Учился у Репина. Получил звание художника за картину «Отцы и дети».

[4] Музей Александра III — ныне Государственный Русский музей в Ленинграде.

[5] Герард Владимир Николаевич (1839—1903) — известный адвокат.

Портрет Герарда (1893) работы Репина. Находится в Русском музее.

[6] Толстой Дмитрий Иванович (род. 1860) — действительный член Академии художеств; был директором Эрмитажа и вице-директором Русского музея.

[7] Большая часть этюдов Репина к картине «Государственный совет» в настоящее время находится в Русском музее.

333

[1] Письмо отправлено по петербургской городской почте.

[2] Романов Георгий Михайлович (род. 1863) был директором Русского музея.

334

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Вероятно, Камилло Миола интересовался биографией скульптора М. М. Антокольского.

335

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Художник В. В. Верещагин погиб 31 марта 1904 г. в Порт-Артуре на броненосце «Петропавловск», потопленном японской миной. Стасов хлопотал об устройстве вечера, посвященного памяти В. В. Верещагина. Вечер состоялся 20 апреля 1904 г. Выступали И. И. Толстой, И. Е. Репин, И. Я. Гинцбург, В. В. Стасов, В. И. Ковалевский.

336

[1] Ковалевский Владимир Иванович (род. 1844) — крупный чиновник; автор печатных работ по сельскому хозяйству, знакомый многих русских художников. Редактор изданий Министерства финансов.

[2] Вероятно, это было одно из заболеваний В. В. Стасова.

337

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Речь И. Е. Репина на вечере в память художника В. В. Верещагина не записана и не была опубликована.

Имеются записи участников этого вечера, лишь частично воспроизводящие речь И. Е. Репина, — Н. Н. Брешко-Брешковского (Русский художник В. В. Верещагин. СПБ, [1904]) и И. И. Лазаревского (в книге Тихомиров А. Н., Василий Васильевич Верещагин. М. — Л., 1942). «Репин, — пишет Лазаревский, — назвал Верещагина богатырем в жизни и в искусстве и указал на значение верещагинского творчества, подчеркнув энергию художника в борьбе за свои идеи. Остановившись на азиатских и индийских картинах Верещагина, Репин воскликнул: «Какое солнце, сколько света разлито мастерством этого необыкновенного колориста. Вспомним его картины «У дверей Тамерлана», «Представляют трофеи», «Торжествуют» или из его индийских картин — «Индийская казнь» и преклонимся перед этой несравненной силой в передаче света и цвета, перед этим необыкновенным знанием свойств палитры».

Репин подчеркнул, что грандиозности зданий азиатских владык Верещагин всегда стремился противопоставить ютившиеся около них лачужки бедняков, приниженных рабством, стремился изобразить их лохмотья и рубища рядом с пышными одеждами. Он отметил дальше, что Верещагина не интересовала передача отдельных лиц — его увлекала передача массы серых солдатских шинелей, штыков, движения толпы, хотя он много изучал отдельные лица русских простолюдинов.

Свое выступление Репин закончил, обращаясь непосредственно к академической молодежи. Репин призывал ее во имя той славной творческой жизни, которую провел Верещагин, итти дальше по его следам, всегда помнить ни с чем не сравнимую верещагинскую любовь к нашему русскому народу, в особенности его глубокий патриотизм, и прокладывать свой путь художника с глубочайшей самостоятельностью и с таким же пламенным воодушевлением бороться всеми силами своего искусства, прежде всего, за великое дело мира, как боролся Верещагин, и так же, как и он, ненавидеть малейшую фальшь в своем творчестве.

«Мысль, чувство, искренность и правда — вот ваши заветы в жизни, молодые художники», — закончил Репин (стр. 99—100).

Эстетствующие реакционные художественные критики злобно нападали на живопись В. В. Верещагина за ее идейность и реализм. Ряд журналов печатал статьи, порочащие творчество Верещагина даже после смерти художника. Организованный Стасовым при участии Репина вечер памяти Верещагина высмеивался реакционной печатью.

В. В. Стасов писал Д. В. Стасову 9 июня 1904 года: «...в воскресенье мы до самых 10 вечера читали с Репиным и разбирали полегоньку ругательные статьи декадентов в журнале «Мир божий» про Верещагина, а на другой день, в понедельник, Ел[ена] Павл[овна] Антокольская прислала мне в библиотеку последний № декадентского журнала «Мир искусства», ругают, как только можно, и Репина и меня за верещагинский вечер. Впрочем, никто из них не был на этом вечере, а они только повторяют и перепечатывают то, что было напечатано в «Биржевых» и в «Руси». Авось я со всем этим порасправлюсь осенью!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

338

[1] Письмо отправлено по петербургской городской почте.

[2] У Репина было заболевание правой руки, заставившее его впоследствии писать картины левой рукой.

[3] Речь идет о статье В. В. Стасова «Венецианский купец». Статья была написана Стасовым в 1902 г. для издававшегося Брокгауз-Ефроном собрания сочинений Шекспира. Редактор издания С. А. Венгеров отклонил статью Стасова вследствие резкости высказанных в ней характеристик и нападок Стасова на юдофобских критиков драмы Шекспира. Стасов называл Шейлока «единственным почтенным человеком драмы».

Стасов пытался напечатать «Венецианского купца» в журналах «Нива» и «Мир божий»; по тем же причинам они отказались от печатания статьи.

В 1904 г. издательство «Брокгауз-Ефрон» выпустило статью Стасова «Венецианский купец» отдельной брошюрой.

[4] Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — критик и историк литературы. Редактор пятитомного издания Шекспира Брокгауз-Ефрона в серии «Библиотека великих писателей» (СПБ, 1902—1905). Редактор литературного отдела большого энциклопедического словаря Брокгауз-Ефрона. Автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» (СПБ, 1889—1904. 6 томов). Редактор первого полного собрания сочинений В. Г. Белинского (СПБ, 1900 и сл.). Профессор Петербургского университета.

339

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Отношение Л. Н. Толстого к Шекспиру высказано им в критическом очерке «О Шекспире и о драме», написанном в 1900 г. В нем Толстой недооценил творчество Шекспира (Толстой Лев Николаевич, Полное собрание сочинений. [М., 1913], т. XVI, стр. 169—222).

[3] Стасов говорит о мыслях Л. Н. Толстого, высказанных им в очерке «Что такое искусство?» (там же, стр. 5—166).

[4] Стасов ездил к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну в середине августа 1904 г. вместе с И. Я. Гинцбургом. Это было последнее посещение Стасовым Толстого.

О впечатлениях от встречи с Толстым Стасов писал 8 сентября 1904 г. брату Д. В. Стасову: «...А своим путешествием наполовину громадно доволен (само собой разумеется!), то на вторую половину — громадно и недоволен!! Что делать, хоть не езди! Так я бывал иной раз обескуражен. Все бог да бог! Наконец, себе оскомину набьешь, и головой в сторону с совершенной досадой и тоской замотаешь! Чтоб не рассердить, и даже не взбесить патрона, я только помалчивал. А что это за разговоры и беседы, когда приходится помалчивать да помалчивать?!! Уж и Софья Андреевна, сама, мне не раз повторяла нынче: «Теперь уже просто все интересы у него как будто потухли и пропали! Что ни говори, о чем ни понимай — все тотчас «не надо», «не интересно», «не нужно», все тотчас перелистывает, перекладывает и закладывает, скользит надо всем, ни на чем не хочет останавливаться!» Все это так, и я много горя, беды, досады, жалости и негодования наглотался тут — но все-таки, сколько и чудесного все-таки живет в нем и нынче, и как я наслаждался и плавал в громадном море восхищения и восторгов! Сколько осталось прежних чудных разговоров, сколько смелых, резких, могучих взглядов на людей и вещи (какие я только и люблю, и ценю, — да ни у кого других таких больше и нет нынче нигде, с тех пор, как Герцена нет на свете!), какую он нам новую повесть прочитал (ведь, вот, послушался моих просьб, даром, что упрям и упрям как

мул) — взял, да всю вещь сам и прочитал! Опять нечто вроде того, как в прошлом году, тоже в сентябре, «После бала» (знаешь, история «сквозь строй», которую тогда он нам прочитал)» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

Толстой читал Стасову свою повесть «Божеское и человеческое», первая редакция которой напечатана в сборнике: Толстой, Памятники жизни и творчества. П., 1920.

В тот же день, 8 сентября 1904 г., Стасов писал Л. Н. Толстому и делился с ним своими впечатлениями от нового его произведения (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка. 1878—1906. [Л.], 1929, стр. 355—357).

Поездку с В. В. Стасовым в августе 1904 г. к Толстому описывает И. Я. Гинцбург в статье «Стасов у Толстого» (сборник «Незабвенному Стасову», СПБ, [1908], стр. 26—34).

340

[1] Письмо написано в Куоккала. Почтовый штемпель — 1 августа н. ст. 1904 г.

[2] В субботу, 24 июля, — день рождения И. Е. Репина; 20 июля — день именин И. Е. Репина.

[3] Мария Николаевна Стасова — племянница В. В. Стасова, дочь Николая Васильевича Стасова.

[4] Наталья Федоровна Пивоварова — двоюродная племянница В. В. Стасова, воспитанница Н. В. Стасовой.

[5] Эрнестина Ивановна Киль — гувернантка в доме Стасовых, член и друг их семьи.

[6] Софья Васильевна Медведева (в замужестве Петросян, род. 1874) — внучка В. В. Стасова, дочь от первого брака его дочери С. В. Медведевой (Фортунато). Врач. Автор воспоминаний о В. В. Стасове — «Воспоминанья о моем деде» (в сборнике «Владимир Васильевич Стасов, 1824—1906. К 125-летию со дня рождения». «Искусство», М. — Л., 1949).

[7] Софья Константиновна Каверина (1876—1948) — племянница и воспитанница П. А. Мининой, друга В. В. Стасова.

[8] Андрей Дмитриевич Стасов (1870—1947) — племянник В. В. Стасова, второй сын Дмитрия Васильевича Стасова. Юрист.

[9] Зельма Яковлевна Стасова (урожденная Слокэ) — жена А. Д. Стасова.

[10] В день именин В. В. Стасова, 15 июля, Репин был в Старожиловке. При разъезде шляпы гостей перепутались.

341

[1] Беренштам Федор Густавович (1862—1937) — архитектор. Библиотекарь Академии художеств с 1892 по 1912 г.

[2] О первой своей поездке в Куоккала к Репину и Нордман 24 июля 1904 г., а также о первом посещении Репиным с Нордман Стасовых в Старожиловке 15 августа 1904 г. Стасов пишет брату Д. В. Стасову в письме от 24 августа 1904 г.:

«С самого начала лета я всего больше боялся за август: все должны были разъезжаться, кто куда: одна Соня * — к матери, другая Соня ** — на свои дежурства в приют (после отпуска в Вильно); Лида *** —

* С. В. Медведева, внучка. — *Ред.*

** С. К. Каверина. — *Ред.*

*** Л. Н. Яковлева. — *Ред.*

[в] гимназию, маленькие евреи * — в гимназию и в Академию, значит, много ли останется у нас в Старожиловке? Кроме нас трех (Маша, Эрнестина и я), всего одна племянница Эрнестины, Ольга Максант. Это еще немного! Да притом же и мне с 1-го августа надо бывать в своем заведении. Вот я страшно и боялся за то, как же быть-то нам придется в августе, когда и темно, и холодно, и одиноко по всей деревне и когда со всех сторон последние и нагруженные возы все уезжают! Однако страхи вышли напрасны, и все произошло совершенно иначе, чем издали казалось. Произошли путешествия, передвижения, посещения, о которых и в голове ни у кого не было ни единого зернышка. Даже и 15 июля произошло отлично и неожиданно вальяжно. Глазун объявил мне, еще во время обеда, сидя по правую мою руку, что «сегодня дескать, еще утром, я нарочно приготовился, просмотрел все ноты мои, которые Вы любите, и буду вам ужо играть сколько хотите и что хотите!» И поэтому он и играл пропасть всего самого чудесного. Тут была и средневековая сюита, и 1-й квартет (молодой, opus I, посвящ. Людмиле Ивановне), и последний квартет, *чудный*, A-Molle, посвященный мне, после моих беспредельных похвал ему, в Наугейме, где я его услыхал в первый раз, в огромной концертной зале, где мы тогда затворились и царствовали одни, и скерцо 1-й симфонии его, и «Шествие» из его VII симф[онии], и чудное волшебное явление в «Раймонде», и великолепнейший вальс à la Tausig **, оттуда же (F-Dur), и второй меньшой вальс оттуда же (A-Dur), наконец финал из II сонаты да вдобавок романс его (лучший из всех) на слова Пушкина «Да здравствует солнце, да скроется тьма» и еще несколько маленьких вещиц — какая изумительная, удивительнейшая программа! И это все исполнялось потом и как еще исполнялось! Но в то же время, с левой стороны, тоже на ухо, Репин мне шептал: «Влад[имир] Вас[ильевич], а у меня к вам большая просьба»... — «Что такое?» — «Сделаете?» — «Не знаю. Говорите скорее». — «Через неделю, 20 июля, мне минет 60 лет. Мне бы ужасно хотелось, чтоб мы обедали в этот день вместе, как бывало прежде, в Лондоне и Париже. Можно? Сделаете?» — «Нет, нет, никак нельзя — не буду! Это день рождения нашего Александра. Я должен быть, и непременно буду — дома. Как же! В первый раз без него»... — «Да это ничего, приезжайте, приезжайте хоть вечером!» — «Нет, нет, — я опять отвечал, — да если однажды меня вот тоже не будет, хорошо было бы, если б никто-никто меня так никто бы и не вспомнил в один из моих дней (да еще в первый же год) и все «наши» куда-то уехали бы? Хорошо это было бы? Нет, нет, нет, нет, нет, 20-го я у вас не буду...» Репин что-то еще возразил, но потом тотчас же замолчал. Вместо 20-го пер несли на 24-е, и мы все поехали в Куоккало. Все, Маша, Эрн[естина]., Нат[аша]., 2 Софьи — и я. День прошел — чудесно! Мадмуазель Нордман сняла со всех нас множество фотографий (она большая мастерица), мы обедали, и очень парадно, в 8-угольной стеклянной огромной клетке, которую Репин пристроил к даче, как мастерскую plein-air, вечером ходили на большие песчаные горы над морем, откуда он писал «Какой простор» — красивые места! потом пропасть переговорили друг с дружкой обо всем, и старом и новом, а в конце концов воротились к ночи домой, все восхищенные и Репиным и его M-lle Nordman, так что зимой они уже будут бывать у нас на 7-й улице, вдвоем. В самом деле, она парень недурной, даже интересный. — Вот уже два события — в июле. Но в августе — о, в августе, тут-то и пошли дела самые важные! В день успения, 15-го, воскрес[енье], Репин

---

* С. Я. Маршак, поэт, Г. А. Герцовский, скульптор. — *Ред.*

** Карл Таузиг (1841—1871) — польский пианист-виртуоз и композитор. — *Ред.*

перед самым обедом прислал сказать, что никоими манерами они не могут приехать днем, как обещали, а приедут только вечером. Все опечалились — но Репин с M-lle Нордман все-таки приехали как раз к обеду — каково? Какая толковость, какая твердость! Зато Глазунов совсем не приехал. Но его заместил некто, новоприбывший, неожиданный, и — важный! Это Борис Владимирович Асафьев, студент 20 лет, белокуренький, маленький, смирненький, робкенький, но сильно способный и поступающий в сентябре в Консерваторию, в класс Римского-Корсакова. Он хочет быть композитором (оперы) и, кажется, похож на будущего важного музыканта. Его «Колыбельная» — милая вещь, и одобрили уже и Римлянин (в марте), и Глазунов (третьего дня был здесь, у нас), но кажется по всему, скоро у него пойдут вещи в самом деле важные. Его привел к нам мой старый знакомый, Константинов, женатый на племяннице Баранова (моего Серг[ея] Мих[айловича]). Этот белокурый тихий мальчик просто удивил меня. Он самоучка, ни у кого не учился, но отлично играет на ф[орте]п[ьяно], не как пианист (этим он никогда не будет), а как отличный музыкант. Он играет наизусть всю русскую школу (оперы, симфонии, романсы), отлично аккомпанирует, отлично читает с листа (наприм. «Berceuse» Шопена, Фантазию Шумана (которых никогда не слыхал и не видал), и тут же играл нам, наизусть, чуть не целые акты из «Руслана», «Снегурочки», «Садко», «Бориса» и т. д. Кроме такой музыки, в которой прошел весь почти день успенья, с нас Оскар снял целую кучу портретов и групп, еще раньше обеда — и просто отлично. Вот-то денёк был! Асафьев будет бывать у нас зимой, всякое воскресенье. Много музыки пойдет в 4 руки (с Наташей, конечно). Как я люблю новые «рекрутские наборы»! Как я их жажду, как они мне нужны! Как они меня почти никогда не обманывают! Исключение — редкость!..»

[3] Газета «Национ» (Нация).

[4] «Сборник» статей про Репина — это газетные и журнальные вырезки, собиравшиеся Н. Б. Нордман.

342

[1] Текст письма Репина и Нордман Стасову написан на письме М. Горького Репину от 17 августа 1904 г. Письмо Горького гласит:

«Спасибо Вам, дорогой Илья Ефимович!

Кланяюсь В. В. Стасову, не премину быть у Вас в среду в 3 ч., а пока —

Жму Вашу руку

А. Пешков».

На автографе под текстом М. Горького надпись В. В. Стасова: «Писано в Куоккало 17 августа 1904». В тексте Горького над словом «среду» приписка Стасова: «(18 августа)». У текста Репина, слева на полях, приписка Стасова: «17 авг. 1904».

Письмо Горького явилось ответом на приглашение его к Репину в «Пенаты» в среду 18 августа, когда там будет и Стасов.

[2] Воспоминания М. Горького о Стасове опубликованы в сборнике: «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». СПБ, [1908], стр. 35—38.

[3] У Репина в «Пенатах», где по средам собирались знакомые и друзья художника, главным образом представители искусства, науки и литературы, 18 августа 1904 г. состоялось знакомство В. В. Стасова с М. Горьким. Этот день и последующие В. В. Стасов описывает в упоминавшемся уже письме от 24 августа 1904 г. к Д. В. Стасову: «16 августа

вдруг письмо опять от Репина: зовет нас к себе, непременно-непременно, в Куоккало, на среду, 18-го: у него будет днем целое музык[альное] собрание, две барыни, которые требуют, чтоб я прослушал их пение (одна из них будет петь «Детскую» Мусоргского, которого обожает, и поет «превосходно», словно сама Алекс[андра] Ник[олаевна] Молас). Но главнее всего то, что 18-го у Репина будет Максим Горький, который временно гостит в Куаккало у приятеля, и желает со мной познакомиться (он это присылал мне сказать еще зимой, через Элиаса). Поехали. На этот раз нас было только четверо: Маша, Эрн[естина], Лида (только что воротившаяся из Вильны). Вхожу в первую комнату. Мне навстречу Репин и с ним Горький. Репин принимается знакомить. Я его остановил. Говорю: «Да, да, это сейчас. А раньше я должен вам доклад сделать. Мы в вагоне встретили фотографа Буллу, моего приятеля, который едет с аппаратом... Услыхав, что мы едем к вам и что у вас будет Горький, он вдруг стал просить, чтоб я его вам представил, а ему уже давно страх хочется снять и вас (т. е. Репина) и Горького». Репин отвечает: «Что ж, хорошо, я согласен, пускай к нам идет». Вот Булла у нас и водворился... Да еще, кроме того, набралось много гост й у Репина, и всего было человек 20. Пока приготовлялось все к «концерту» (очень порядочному), мы втроем (Реп[ин], Горьк[ий] и я) гуляли по громадному саду M-lle Нордман — с прудами, мостиками, террасами, беседками на вышинах, и тут произошло, наконец, большущее мое знакомство с Горьким. Кажется, он вначале что-то чуждался меня и с какою-то гордостью и недоверчивостью относился ко мне. Кажется, он воображал себе, что я барин и чиновник, а и тех и других он не выносит. Но скоро все переменилось, его maussaderie * и mauvaise volonté ** улетели как дым, и он сделался настоящим самим собою. А сам собою он — преотличный, пречудесный. Все, что я про него читал и слышал, — все глупейший вздор, выдумка и ложь. Он вышел совсем другой, и прехороший, преинтересный, преотличный малый, только мало разговорчив (иной раз, вдруг!). Еще до музыки Булла нас всех переснимал — целых 16 больших снимков, да каких! Капитальные все группы, настоящие картинки, tableaux de genre ***. Я думаю, это одни из самых-самых лучших, какие только с нас когда бы то ни было снимали. Не стану рассказывать эти милые сценки: надо собственными глазами видеть! Есть даже и забавные и смешные сценки. Так сами собой, нечаянно вышли. А почему? Потому что Булла никогда не ожидает, чтоб мы стали в позу, а пока мы еще собирались, готовились, ждали и между собой разговаривали, конечно, со всякими жестами и движениями, а он возьмет да и чикнет, не предваряя нас, — от этого выходило многое очень натурально! По уговору, часов в 5 мы хотели уезжать, но нас ни за что не пустили, услали наших извозчиков, и потом, когда все прочие мало-помалу разошлись, нас заставили обедать, состряпавши его на скорую руку для всех нас и Горького. Тут еще больше завязался узел приязней, и мы успели перебрать всякой всячины целые горы: и про ЛЬВА ВЕЛИКОГО, и про Чехова, и про самого Горького, и про Андреева ****, и т. д., и т. д. Мы почти обо всем одинаково думали — оба. Но день спустя, в пятницу 21, я смотрел уже Шаляпина, на Олимпии (Бассейная) в «Борисе Годунове». Что за chef d'oeuvre тут Шаляпин — и рассказать мудрено, невозможно (сцена галлюцинаций, смерть Бориса!!!!!!!!!) Я насилу попал, да и то в 20-й ряд. Так все было набито.

* Угрюмость, отчужденность. — *Ред.*
** Неохота.— *Ред.*
*** Жанровые картинки. — *Ред.*
**** Леонид Андреев, писатель.—*Ред.*

Театр дрожал, как осиновый лист от ветра. Конечно, мы в антракте виделись в его уборной, и так как он скоро уезжает, то я позвал его на воскр[есенье], 22, к нам на дом, вместе с Горьким. Набралось немало и других (Глазунов, Сигизмунд *). Музыка была чудная. Тосты, маленькие речи, представленья Элиаса — было бесподобно, до ночи. Адресы, нами поднесенные на подушке, со стихами С а м а ** и иллюстрациями Элиаса, пошлю тебе (в копиях) на днях — долго писать. Но что сделал Горький!! Так восхитился и Самом и Герцелем ***, что первого берет с собою в Я л т у (лечиться), а Герцелю дал 150 р. и хочет платить ему по 10 р. стипендии в месяц: он поступает в Акад[емию]. Больше некогда. Напишу еще на днях подробнее. Мы у Вас будем в Языкове 7-го или 8-го, я надеюсь: Маша и Эрнест[ина] из Москвы, а Элиас и я — от ЛЬВА». (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Несколько позже, 15 сентября 1904 г., В. В. Стасов написал дочери С. В. Фортунато свое мнение о М. Горьком:

«Скажу тебе лично про себя, что еще недавно я мало знал сочинения Горького. Мало их читал, доверяя газетам и критикам, и потому был наполовину против Г о р ь к о г о. Но теперь для меня все переменилось. Я его в с е г о прочел и лично с ним познакомился и теперь считаю его *великим писателем* (невзирая на многие его недочеты, ошибки, погрешности и промахи); считаю его вместе с тем *чудным человеком*, одним из умнейших и глубочайших людей России, одним из *крупнейших и оригинальнейших наших талантов...*» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

343

[1] Речь идет о подготавливаемой Стасовым в то время к печати книге: «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». Книга, включающая большое число писем М. Антокольского, была издана в 1905 г. т-вом М. О. Вольф в Петербурге.

[2] «Разрыв» в период 1894—1899 гг.

[3] Антокольский писал В. В. Стасову по поводу его «разрыва» с Репиным в письмах: 4 июля 1894, 18 июля 1894, 26 марта 1897, 7 апреля 1897, 10 ноября 1897, и к И. Я. Гинцбургу в апреле 1898 г..

344

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Репин, несомненно, имеет в виду свои выступления против Стасова во время «разрыва».

345

[1] Ганс Гуго — немецкий писатель и историк, написавший ряд очерков из истории России. Автор книги: Vor der Katastrophe. Ein Blick ins Zarenreich. Skizzen und Interviews aus den russischen Hauptstädten. Frankfurt am Main. 1904. (Перед катастрофой. Обзор царской страны. Очерки и интервью из русских столиц. Франкфурт-на-Майне, 1904.) В книге есть глава, посвященная И. Е. Репину.

---

* Сигизмунд Блуменфельд, музыкант. — *Ред.*

** С. Я. Маршак. — *Ред.*

*** Г. А. Герцовский. — *Ред.*

[2] В главе «Elias Rjepin» (Илья Репин, стр. 140—152 упомянутой книги) Г. Ганс утверждает, что в Петербурге живет замечательный художник, почитаемый миллионами людей своей страны, но до сих пор несправедливо и непонятно мало знакомый публике западноевропейских стран.

Репин больше чем художник. Он, как Лев Толстой, борец против двух демонических сил, которые держат народ в ярме — церкви и деспотизма. Он революционер. «Искусство для искусства» имеет в Репине также своего противника.

Автор говорит далее о революционных картинах Репина, о его рисунках для популярных народных книжек. В книге дается восторженная оценка деятельности и личности И. Е. Репина.

«Так велика и неизмерима русская нация, — заканчивает Г. Ганс свою главу о Репине,— что ее правительству нельзя помочь, оно взорвется, и тогда придет час освобождения для всех благородных и бедных, которым Репин и Толстой посвящают свои произведения. Может быть, этот час ближе, чем думают. Русская земля колеблется в мартовских бурях, происходящих каждый год».

Эту главу Стасов, видимо, читал в отдельной статье.

346

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Статья В. В. Стасова «Неизлечимый» («Новости и биржевая газета», первое издание, 1904, 2 октября, № 272) направлена против В. П. Буренина, клеветнически нападавшего на М. Горького (В. Буренин, «Человек» М. Горького. «Новое время», 1904, 15 августа, № 10221). В своей статье Стасов разоблачает лживость утверждений Буренина. Вся статья Стасова проникнута горячим негодованием и презрением к нововременскому бульварному писаке, выступавшему постоянно против всех великих и прогрессивных деятелей русской культуры. Клеветническое измышление Буренина о том, будто бы книги Горького расходятся умеренно, Стасов убедительно опровергает цифрами и фактами, ссылаясь на огромные тиражи сочинений писателя. Обрушившись на лживые утверждения Буренина, порочащие Горького-мыслителя, Стасов характеризует Горького как великого писателя-реалиста и глубокого мыслителя, чьи произведения, полные высокого гуманизма и передовой мысли, отвечают на жизненные запросы народа.

Он пишет, что Горький затрагивает глубочайшие жизненные вопросы современной России и выносит на свет великие, новые сокровища русского духа и русской натуры.

Стасов говорит, что окрики охранителей не действовали на Горького. Он продолжал творить «в великих, искренних формах художественности», ранее уже принесенных в русское искусство. «Горький — великий продолжатель великих, правдивых и национальных созданий русской литературы. «Человек» — одно из капитальнейших и глубочайших творений Горького. Какая ширина и объем мысли, какая красота и сила, какая поэзия картин, какая сжатость и скульптурность выражений! Эта вещь — одно из наиважнейших и оригинальнейших созданий русской литературы. В нем, как и во всех значительнейших творениях Горького, веет тот самый глубокий, великий поэтический дух, который присутствует в совершеннейших произведениях Байрона и Виктора Гюго. Даже и теперь это сознают уже многие и счастливы этим убеждением за наше время».

Статья Стасова ярко свидетельствует о прогрессивности его взглядов и деятельности до последних лет жизни.

Репин горячо и безоговорочно одобрил статью Стасова в защиту великого пролетарского писателя, и это наглядно характеризовало его взгляды тех лет. Дружеские отношения с Горьким (с 1899 г.) вообще, несомненно, способствовали укреплению Репина на позициях демократии и реализма после известных его колебаний 1894—1899 гг.

[3] Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, князь (1857—1914) — государственный деятель.

В 1904 г. был назначен министром внутренних дел. Провел несколько незначительных м роприятий либерального характера для смягчения режима Плеве. Был уволен в отставку 18 января 1905 г. после событий 9 января.

[4] Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904). С 1902 г. был министром внутренних дел. Проводил крайне реакционную политику, свирепо подавляя революционное и оппозиционное движение. Был убит в 1904 г.

Репин написал для картины «Государственный совет» портрет Плеве, выставленный на XXXI передвижной выставке 1903 г.

347

[1] Снимки, сделанные в Куоккала Н. Б. Нордман с членов семьи Стасова 24 июля 1904 г., в день рождения И. Е. Репина, и 18 августа, в день знакомства Стасова с М. Горьким.

[2] Признание.

348

[1] Письмо написано в Куоккала, не датировано. В конце письма на автографе приписка неизвестной рукой: «9 ноября 1904 г.». Если считать, что это датировка письма по новому стилю, то она соответствует 27 октября старого стиля. Эта дата подтверждается письмом Стасова Репину от 30 октября, являющимся ответом на данное письмо.

[2] Письмо запорожцев султану, послужившее темой для картины И. Е. Репина «Запорожцы, сочиняющие письмо к турецкому султану» (1880—1891).

[3] Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — видный ученый-историк. Был активным участником Кирилло-Мефодиевского братства, за что подвергался высылке. Состоял профессором Киевского и Петербургского университетов. Автор исторических трудов: «Богдан Хмельницкий» (1857), «Бунт Стеньки Разина» (1858), «Севернорусские народоправства», «Смутное время» (1868), «Последние годы Речи Посполитой» (1886), «Русская история в жизнеописаниях» (1873) и др. В ряде работ Костомарова по вопросам украинской истории есть элементы буржуазно-националистических взглядов автора.

[4] Эварницкий (Яворницкий) Дмитрий Иванович (1855—1940) — академик, украинский историк и этнограф. Собиратель запорожских древностей. Автор работ: «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» (СПБ, 1888); «Замечательные страницы из истории запорожских казаков» (1889); «Архивные материалы для истории Запорожья» (1886); «Сборник материалов для истории запорожских казаков» (1888); «История запорожских казаков» (1892—1897); «Иван Дмитриевич Серко» (1894).

Книга Яворницкого «Замечательные страницы из истории запорожских казаков» служила Репину пособием при изучении Запорожья. Репин пользовался его коллекцией запорожских древностей в работе над картиной «Запорожцы». Эварницкий позировал Репину для писаря в этой картине.

Знакомство Репина с Яворницким началось в 1880-х годах. Переписка продолжалась до конца жизни Репина.

Яворницкий однажды посоветовал Репину написать картину о заговоре Карла XII, Мазепы и Гордиенко против Петра I. В ответ Репин писал Яворницкому 14 апреля 1896 г. в Варшаву:

«...мне стало невыносимо грустно, когда Вы стали восхвалять сюжет, о кот[ором] пишете теперь в Вашем письме. Я не понимаю смысла и значения этого сюжета теперь; да и тогда он мне так же противен и достоин только отрицательного отношения к нему. Панская Польша мне ненавистна; а Мазепа — это самый типичный пройдоха: пан-поляк, готовый на все для своей наживы и своего польского гонора. Нет, я русский человек и кривить душой не могу. Я люблю запорожцев, как правдивых рыцарей, умевших постоять за свою свободу, за угнетенных, имевших силу свергзить навсегда гнусное панство и шляхту. Я люблю поляков за их культурность теперь.

Но восстановление безмозглого панства, потворство их возмутительному забиванию народа до быдла, когда бы то не начиналось!.. Да что об этом.. Я ума не приложу — что Вы находите значительного в промахнувшихся предателях, в измене, в вероломстве?!» (Архив Третьяковской галлереи.) Письмо частично опубликовано в сборнике: «Репин. К 10-летию со дня смерти». М. — Л., 1940.

[5] Яковлева Лидия Николаевна — педагог и литературный работник. Подготовляла к изданию IV том собрания сочинений В. В. Стасова (1906). Составила библиографию трудов В. В. Стасова для сборника «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». СПБ, [1908]. Друг семьи Стасовых.

Для Л. Н. Яковлевой Стасов разыскивал текст «Письма запорожцев турецкому султану».

349

[1] Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — писатель — беллетрист и историк. Автор исторических романов и повестей и исторических работ («Гайдамачина», «Самозванцы и понизовая вольница», «Политические движения русского народа»), сборника стихотворений на украинском языке «Сновидения» и др.

[2] Катеринич Петр Петрович — нотариус.

350

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Пантелеев Логин Федорович (род. 1840) — писатель и издатель.

351

[1] Палкин — ресторан на Невском проспекте.

[2] «Гурме» — кондитерская.

352

[1] Зилоты — приверженцы еврейской политической партии, фанатично боровшиеся с владычеством древнего Рима над Иудеей.

353

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Стасова Зельма Яковлевна (а не Никитишна, как пишет Репин) — жена А. Д. Стасова.

[3] Гинцбург Илья Яковлевич — скульптор.

354

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Статья М. М. Антокольского «О декадентах и о Парижской всемирной выставке» («Искусство и художественная промышленность», 1901, апрель, № 7, стр. 200—210; см. также «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 988—999).

355

[1] Письмо написано в Куоккала. На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 29 декабря 1904».

[2] «Что отложено, не потеряно» — французская поговорка.

1905

356

[1] Письмо написано на визитной карточке с литографированным на ней текстом: «Илья Ефимович Репин. В[асильевский] О[стров]. Академия художеств». Вероятно, Репин заехал 2 января к Стасову, не застал его дома и оставил на своей визитной карточке эту записку.

[2] Выставка исторических портретов была открыта в 1905 году в Таврическом дворце в Петербурге. На выставке было представлено большое количество старинных и современных портретов; многие портреты были привезены из далекой провинции, из имений, музеев и частных коллекций.

357

[1] На портретной выставке в Таврическом дворце были выставлены работы И. Е. Репина: портрет Н. В. Стасовой (1884), портрет В. В. Стасова (1883, дрезденский), 11 портретов других лиц и картина «Торжественное заседание Государственного совета».

[2] Стасов Сергей Дмитриевич (1866—1905).

[3] Портрет В. В. Стасова 1889 г.

358

[1] Письмо для Н. Б. Нордман написано на четвертой странице того же листа почтовой бумаги, на котором написано, также 5 января 1905 г., предыдущее письмо И. Е. Репину, занявшее первую, вторую и третью страницы.

[2] «Что отложено, не потеряно».

[3] Это, вероятно, портрет Н. Б. Нордман за письменным столом (1903), который был на XXXIII передвижной выставке 1905 г. Ныне находится в Башкирском музее.

[4] «Попугайская клетка» — восьмиугольная остекленная мастерская И. Е. Репина, пристроенная им к дому в «Пенатах».

[5] Федорова М. А. — певица.

[6] Портрет В. В. Стасова в красной рубахе (1889) был позднее издан на открытых письмах «Общины св. Евгении».

359

[1] Стасова Поликсена Степановна — жена Дмитрия Васильевича.

[2] Стасов Дмитрий Васильевич.

[3] Стасов с огромным вниманием следил по газетам за революционными событиями 1905 г.

[4] Речь идет, повидимому, о Записке 342 ученых о «нуждах просвещения», которую предполагалось огласить 12 января 1905 г. на

банкете по случаю 150-летия Московского университета. В числе подписавших записку был И. Е. Репин. Банкет не состоялся. Записка появилась позднее в печати.

В записке, между прочим, говорилось: «...С глубокой скорбью каждый из нас вынужден признать, что народное просвещение в России находится в самом жалком положении... Наш школьный режим представляет общественное и государственное зло...» Заключительные слова записки были: «...Мы, деятели ученых и высших учебных учреждений, высказываем твердое убеждение, что для блага страны безусловно необходимо установление незыблемого начала законности и неразрывно с ним связанного начала политической свободы. Опыт истории свидетельствует, что эта цель не может быть достигнута без привлечения свободно избранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации...»

Записка была опубликована в газетах «Наша жизнь», 1905, 20 января, № 65; «Русь», 1905, 27 января, № 20; «Новый путь», № 22.

Отношение Репина к царизму в период 1905 г. ярко характеризует его письмо к И. Р. Тарханову, написанное 19 мая 1905 года после гибели русской эскадры у Цусимы: «Да, какое время!.. Даже в глазах темно и бесконечными кажутся томительные, бесконечные ночи. Мрачные мысли, безотрадные настроения!.. И кто же во всем этом виноват?!! Невежественное самомнение на подкладке завоевательных вожделений держиморды! Теперь этот гнусный варвар, справедливо сраженный гневной рукой создателя, корчит из себя угнетенную невинность: его недостаточно дружно поддержали одураченные им крепостные холопы. Если бы они, мерзавцы, с большей радостью рвались на смерть для большей славы его высокодержимордия, он не был бы теперь в дураках». (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 17.)

[5] События 9 января 1905 г.

[6] Стасов имеет в виду рисунки скульптора И. Я. Гинцбурга с изображением событий 9 января 1905 г.

[7] Переделки дачи «Пенаты», выполненные по проектам И. Е. Репина.

360

[1] Письмо написано в Куоккала. Дата установлена по почтовому штемпелю.

[2] Имеется в виду книга Гуго Ганса «Перед катастрофой» (Vor der Katastrophe), о которой сообщалось в пояснительном тексте к письму № 345.

[3] С Николая II.

[4] Ваксель Платон Львович (род. 1844) — чиновник, коллекционер картин и автографов. Член Академии художеств.

[5] В Финляндии не применялись цензурные и таможенные запреты, действовавшие в России.

[6] Репин говорит о Николае II.

[7] Альгвазилы — испанские полицейские. В данном случае Репин называет альгвазилами царскую полицию.

[8] М. Горький был очевидцем расстрела безоружных рабочих 9 января 1905 г. Вечером 9 января он выступал на собрании Вольно-экономического общества по поводу событий 9 января. 12 января он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Под давлением общественного движения Горький был выпущен из крепости 14 февраля 1905 г.

361

[1] «Студия» — английский журнал по искусству.

[2] «Будущее» — немецкий литературно-политический журнал, издававшийся в Берлине Макс милианом Гарднером.

[3] «Свободные направления» — чешский журнал по искусству формалистического направления.

[4] «Милый Августин» — немецкий юмористический журнал.

[5] «Русскую школу живописи» Н. Б. Нордман неправильно отнесла в число журналов. Это иллюстрированное издание, автором которого был А. Н. Бенуа. Оно выходило отдельными выпусками (СПБ, 1904, 10 выпусков).

[6] «Жилище» — английский журнал по устройству домашнего очага.

[7] «Медицинская неделя» — французский медицинский журнал.

[8] «Субботы» — шведский журнал.

[9] «Столичные листки» — распространенная финляндская газета на шведском языке.

[10] Гуго Ганс — немецкий писатель.

[11] «Новое время» — крайне реакционная газета (с конца 70-х гг.), издававшаяся А. С. Сувориным. В 1905 г. занимала погромно-черносотенные позиции.

362

[1] Письмо-записка без подписи; написана между 23 и 26 января 1905 г. рукой Н. Б. Нордман.

363

[1] Повидимому, Стасов еще не получил предыдущей записки Н. Б. Нордман.

364

[1] Письмо послано по петербургской городской почте.

365

[1] К письму Н. Б. Нордман приложены автографы двух писем — В. Д. Поленова и В. А. Серова. Поленов писал:

«19 января [190]5.

Неделю тому назад над Петербургом разразилась страшная трагедия, а сегодня мы прочли, что наша Академия закрыта! Что это такое? Мы, ее члены, не можем оставаться безучастными зрителями, а что нам предпринять, что делать, не знаю!

Ты стоишь ближе к действию и, может быть, знаешь, как поступить? Напиши нам, в такие минуты надо сплотиться и действовать заодно, оставаться одному уж очень тяжело.

Твой *В. Поленов*».

В. А. Серов писал И. Е. Репину:

«20 января [1905]
Москва

Дорогой Илья Ефимович

То, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда — сдержанная, величественная безоружная тол-

па, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу — зрелище ужасное.

То, что пришлось услышать после, было еще невероятнее по своему ужасу. Ужели же если государь не пожелал выйти к рабочим и принять от них просьбу, то это означало их избиение? Кем же предрешено это избиение? Никому и ничем не стереть этого пятна.

Как главнокомандующий петербургскими войсками, в этой безвинной крови повинен и президент Академии художеств — одного из высших институтов России. Не знаю, в этом сопоставлении есть что-то поистине чудовищное — не знаешь, куда деваться. Невольное чувство просто уйти — выйти из членов Академии, но выходить одному не имеет значения.

Что означает закрытие занятий в Академии с 17 января, — быть может, что-либо уже предпринято в этом смысле или это забастовка учащихся?

Мне кажется, что если бы такое имя, как Ваше, его не заменишь другим, подкрепленное другими какими-либо заявлениями или выходом из членов Академии, могло бы сделать многое.

Ответьте мне, прошу Вас, Илья Ефимович, на мое глупое письмо. С своей стороны готов выходить хоть отовсюду (кажется, это единственное право российского обывателя).

Ваш *В. Серов.*

Пишите либо в училище Ж. В. и З. или Б. Знаменский, д. Улановых».

[2] Портрет Н. В. Стасовой работы И. Е. Репина в 1884 году.

[3] Н. В. Стасова была одной из учредительниц «Русского женского взаимно-благотворительного общества» и первой его председательницей. Открытие Женского общества состоялось в 1895 г.

[4] «Красный смех» (1905) — рассказ Леонида Андреева.

[5] Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — беллетрист и драматург, автор произведений, несших в себе в ряде случаев идеи анархо-индивидуалистического бунтарства против капитализма, но отличающихся в общем пессимизмом, потерей веры в человеческий разум. В творчестве Андреева события революции 1905 г. нашли извращенное толкование. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Умер в эмиграции.

Репин написал два портрета Леонида Андреева — в 1904 г. (Третьяковская галлерея) и в 1905 г., в красной рубахе, был в Цветковской галлерее.

[6] В автографе после слова «вчера» вставка В. В. Стасова: «пятн[ица] 4 февраля».

[7] После собрания учеников Академии художеств И. Е. Репин писал 6 февраля 1905 г. И. И. Толстому:

«...Я особенно рад, что еще раз и так воочию пришлось видеть нашу русскую молодежь. Ну как же можно говорить, что Россия не Европа, что ей еще рано и то и др.? Для меня несомненно, что наша молодежь, по сравнению со всем образованным миром, заняла бы одно из самых первых мест и по развитию и по высоте своих идеалов. Ну как могут удержаться на этой среде ханские предания самодержавия?!.. Да, правительство отстало, поглупело и готово только к полному провалу.

Разумеется, будет еще много разочарований, но выборное начало здорово всколыхнет Россию и еще всплывут такие силы! Вот когда она начнет жить. Дай-то бог!..» (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

366

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Романов Михаил Николаевич, великий князь (род. 1832). В. А. Серов написал его портрет в 1900 г.

[3] Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель России, видный царский сановник. Занимал ряд министерских постов. В 1905 г. заключил Портсмутский мир с Японией. После манифеста 17 октября 1905 г. — председатель Совета министров. Проводил политику, направленную на укрепление монархии, заигрывание с буржуазией и подавление народного движения. В 1906 г. уволен в отставку.

В. А. Серов написал его портрет в 1904 г.

И. Е. Репин написал в 1903 г. два портрета Витте — этюды к картине «Государственный совет». Один находится в Русском музее, второй — в Третьяковской галлерее.

[4] Варгунины — богатые фабриканты в Петербурге.

367

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Дирекция Русского музыкального общества, руководившая консерваторией, враждебно относилась к выступлениям в 1905 г. революционно настроенных учеников консерватории. Н. А. Римский-Корсаков поддерживал революционную учащуюся молодежь. Он опубликовал в газетах письмо с обвинениями против дирекции и с требованием автономии консерватории. Дирекция исключила Римского-Корсакова из числа профессоров. Глазунов и Лядов в виде протеста, со своей стороны, подали в отставку.

[3] Зилоти Александр Ильич (1863—1945) — пианист и дирижер, ученик Н. Рубинштейна и Листа. В 1888—1891 гг. — профессор Московской консерватории. Устроитель концертов русской музыки.

[4] Художники В. Д. Поленов и В. А. Серов послали вице-президенту Академии художеств И. И. Толстому заявление, которое просили огласить в собрании Академии. В заявлении говорилось:

«Мрачно отразились в сердцах наших страшные события 9 января. Некоторые из нас были свидетелями, как на улицах Петербурга войска убивали беззащитных людей, и в памяти нашей запечатлелась картина этого кровавого ужаса.

Мы, художники, глубоко скорбим, что лицо, имеющее высшее руководство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов. В. Поленов. В. Серов».

Письма этого И. И. Толстой не огласил. Серов вышел из Академии.

[5] И. Е. Репин проявлял в это время огромный интерес к общественной жизни страны. Он, между прочим, усиленно добивался предоставления художникам отдельного здания для устройства выставок. По этому поводу он писал 26 февраля 1905 г. вице-президенту Академии художеств И. И. Толстому:

«...С 1879 г., по инициативе покойн[ого] Крамского, мы лет десять хлопотали, затрачивая все свои гроши на проекты и просьбы, о постоянном помещении для выставки худ[ожественных] произвед[ений]. Теперь, при разросшейся производительности искусств, при возросших до нелепости ценах за частные залы (зал Общ[ества] П[оощрения] Х[удожеств] 3.000 р. в месяц!!) все круги художников уже готовы просить содействия Академии для осуществления выставочных зал. Все это Вам очень давно уже известно; и я знаю, что Вы сочувствуете этой затее.

7-го февр[аля] кн. Ив. Ром. Тарханов показал мне великолепное помещение для нашей заветной цели. Сейчас переходя Тучков мост, направо, стоит, окруженное со всех сторон водою, громадное старое здание, состоящее из больших камер высоких, со сводами и колоссальной толщины стенами в два этажа. Это бывшие дворцы Бирона. С громадными флигелями и галлереями эта анфилада зал занимает целый квартал; и могло бы снабдить помещениями весь наш художественный мир, включая даже сюда и концертные залы и залы для общественных гимнастик и лекций по всякого рода специальностям.

Здание это в забросе. 1/1000 * его помещений приурочено для кладовых; оно в ведении Городской Управы. Ив. Ром. Тарханов уже выхлопотал себе зал для общества гимнастов — «Богатырь». Стены здания крепостные по своей толщине; но его надо только ремонтировать и приспособить для выставок — в верхних сводах сделать фонари света, вот и свет. А уж как оно красиво поставлено!! Какой кругом вид со всех сторон!!! И везде изолировано водой — сообщение через школу деревьев **; кругом бульвары и дивные площади для прогулок, с пристанями для пароходов. И боже сохрани разваливать эту крепость (архитектора любят все по-своему), их все можно великолепно приурочить к делу самой экономической разделкой. Вот если бы Вы взялись похлопотать?!! А Вы это можете... и даже *никто — как Вы.*

Ваш *И. Репин.*

До понедельника».

(Гос. Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

[6] Стасов опубликовал статью: «Русское музыкальное общество и Римский-Корсаков» («Новости и биржевая газета», первое издание, 1905, 25 марта, № 76).

В ней он выразил глубокое возмущение передовых русских людей действиями дирекции Музыкального общества, уволившей Римского-Корсакова за его убеждения.

Напомнив, что та же дирекция ранее уволила и Балакирева, Стасов обрушивается на реакционеров, руководивших искусством и травивших то Глинку, то Мусоргского, то Бородина, а теперь напавших на Римского-Корсакова. «Какое отвращение! Какой стыд!» «А что такое весь-то нынешний декрет дирекции? — говорит в заключение Стасов. — Это окрик сторожа впросонках: «Молчать! Ни слова».

368

[1] Письмо отправлено Стасову в Парголово из Петербурга.

[2] Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель-реалист. В своих рассказах и повестях Куприн с большим мастерством рисует картины русской предреволюционной эпохи. Повесть «Поединок» изображает жизнь и быт офицерства царской армии.

После революции, в течение ряда лет, Куприн жил за границей. Признав ошибочность своего отрыва от родины, вернулся в Советский Союз.

369

[1] Комаров Дмитрий Николаевич (род. 1883) — сын Варвары Дмитриевны Комаровой-Стасовой, внук Дмитрия Васильевича Стасова. Застрелился 21 июня 1905 г.

[2] Второй сын В. Д. Комаровой-Стасовой, Владимир Николаевич Ко-

---

* Следует понимать: 1000 его помещений приурочены для кладовых. — *Ред.*

** Лесной питомник. — *Ред.*

маров (род. 1890), скончался после болезни 25 мая 1905 г., в Симферополе.

³ Стасов говорит о четвертом томе собрания своих сочинений, который в 1905 г. решила издать группа его друзей, собрав на это издание средства. Четвертый том вышел в 1906 г. Стасов посвятил его Л. Н. Толстому. Основное содержание четвертого тома составляет очерк «Искусство в XIX веке».

Часть последующих работ Стасова вошла в «Избранные сочинения», т. I—II, М.—Л., изд-во «Искусство», 1937.

Первые три тома собрания сочинений В. В. Стасова вышли в 1894 году.

Издание первых трех томов собрания сочинений было связано с юбилеем В. В. Стасова и поднесением ему «адреса» от «почитателей» — деятелей искусства — по случаю сорокалетия литературной деятельности.

Собранные к юбилею денежные средства, первоначально предназначенные на премию имени В. В. Стасова, были позднее обращены на издание первых трех томов собрания его сочинений, вышедших в 1894 г.

О процессе создания и поднесения «адреса» 15 июля 1886 г. В. В. Стасов красочно рассказал в письме к брату Д. В. Стасову 16 июля 1886 г. (продолжение письма от 15 июля):

«Ну-с, что вчера было — просто страх!!! Вот уж ничего подобного я не мог ожидать никогда... подходит ко мне Эрнестина и говорит с великой ажитацией: «Вл[адимир] Вас[ильевич], ступайте скорее на балкон, вас там какие-то мужчины спрашивают — и их много там!» — «Кто такой?» — «Не знаю, идите, идите скорей!» Я пошел. Издали вижу, какая-то черная масса, я без лорнета не могу различить, стоят какие-то высокие, и низенькие, и средние. Бог знает с чего, мне вдруг и приди в голову: «Да это никак певчие, целый хор! Только «какие-такие, откуда взялись и зачем здесь?!» Только вхожу на стекл[янную] галлерею, черные все мужчины громко захлопали и громко закричали. Ничего не понимаю, подхожу, что-то огромное, со стеклом впереди, сверкающее и блестящее золотом и красками, стоит на диванчике, какая-то громадная рама, более 2 аршин в вышину. В эту секунду выходит из толпы и начинает читать что-то по бумаге. Это Собко. Первых слов я так и не слыхал. Но потом дальше было говорено, что 40 лет я то-то и то-то делал вот им всем и они нынче вздумали собрать сумму и сделать премию моего имени, а потом еще попросили у библиотечн[ого] начальства поставить мой мраморный бюст (работы Антокольского) в Художеств[енном] зале Б[иблиоте]ки, и начальство согласилось. Я так был озадачен неожиданностью и необыкновенностью, что ничего так и не сказал, а взял да поклонился и больше ничего, а потом сел на диванчик и стал рассматривать эту картину... Тут я понемножку узнал, как все было. Затеяли писать и рисовать этот адрес — всего 2 только недели тому назад. Сначала три архитектора затеяли между собой конкурс на проект: Богомолов, Григорьев (приятель и товарищ Гартмана) и Ропет. Кончилось тем, что соединили вместе разные части от того, и от другого, и от третьего, но главное все сочинил и даже нарисовал — Ропет, от этого все так необычайно хорошо, красота форм и красок — поразительные. Работали 2 недели, с утра и до вечера, вшестером кажется... А последние 2 дня трое или четверо главных совсем не ложились спать, и только утром, чтоб отдохнуть и освежиться, обливались водой из пожарной трубы на дворе у Ропета. Ведь вся работа происходила у Ропета в доме, на Песках. Туда все съезжались каждый день, в том числе Репин, который приезжал из Териок, а Матэ нарочно приехал из Ревеля. Теперь они ужасно сожалели, что эти 2 недели кончились, такое славное время, говорят, было — напоминало им молодое

школьное время, когда бывало торопились с программами к экзамену, с остротами, хохотом, рассказами бесконечными, бессонными ночами (точь-в-точь в l'Oeuvre Зола́). Но я не могу постигнуть, как это они поспели сделать в такое коротенькое время такую громадную работу. Про художественную сторону я уже не говорю, — но время, время! Вообрази только, что вокруг всего, у самой рамки, идет как кайма линейка золотых букв: это перечисления всех моих статей за 40. Уписать одно это — какой ужасный труд! А все прочее?! в надписи посредине: В. Стасову от его почитателей, буква В — вершка в 4; буква С — вершков в 10! И они все составлены из круглых медальонов, в которых нарисованы красками все капитальные картины русские: Птицелов Перова; Неожидали Репина, в пандан ему Христос Иванова, Гостиный двор Прянишникова, Осужденный Маковского, Никон Шварца и т. д. и т. д. Также всякая скульптура и архитектура. Иван Грозный Анток[ольского], Мальчик у воды Элиаса, Киргиз на охоте Лансерè, Станция Ропета, Въездные ворота в Сергиевск. пустыни А. М. Горностаева, Башня на Моск[овской] выставке Гартмана, Церковь в Райволово Богомолова, Декорация у Черномора Гартмана и т. д. и т. д. — все 25-летие Русского искусства. Каково это все?!!!! И вверху надо всем, как коронка над огромным центральным С — чудесная фигурка из 3 заглавных листов к «Еврейскому орнам[енту]», к «Слав[янскому] и Восточн[ому] орнаменту» и к «Русскому орнаменту» — настоящее couronnement de l'édifice. Они мне рассказывали тут же, что все время работы припоминали «что еще любит Влад[имир] Вас[ильевич]», и одно за другим вклеивали то там, то сям. Внизу навалены томы нот, с фамилиями Мус[оргского], Чайковск[ого], Римск[ого]-Корс[акова] и т. д., а еще ниже свитки нот с отрывками из Руслана, Кам[енного] Гостя, Игоря и т. д. Музыку эту всю написал им, наизусть, и прислал из Гельсингфорса — Глазунов. Сам, конечно, он не мог приехать из Гельсингф[орса], но прислал мне письмо и несколько отрывков в 4 р[уки] из «Леса». Подписались с другими тоже и Стасюлевич, и Пыпин, и Ор[ас] Гинцбург, и Третьяков, и Бём, и разные московские, и Звенигородский, и Гаевский, и мало ли кто еще!.. Да и вот что еще, внутри большого С — мой портрет, рисованный Репиным, — великолепно, в моей зале, в Б[иблиоте]ке, у окна перед столом с книгами...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.) Текст адреса и снимок с адреса отпечатаны в I томе Собрания сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1894).

Одновременно с изданием четвертого тома сочинений В. В. Стасова подготовлялся «адрес» для поднесения ему вместе с именным экземпляром четвертого тома.

Виньетку и орнаменты на втором «адресе» рисовал участник создания первого адреса — архитектор И. П. Ропет. Репин снова, как и тридцать лет назад, был одним из главных участников издания и «адреса». Он писал 11 августа 1905 г. Л. Н. Яковлевой:

«Адрес Владимиру Васильевичу уже с месяц назад мной подписан в указанном карандашом месте, подписал в большом восхищении и от текста и особенно от виньетки. Это просто великолепный рисунок. Вы говорили эскизи что надо еще рисовать начисто — напротив, я бы не позволил даже вытирать линейки под буквами; так все это стильно, как манускрипт...

А я глубоко и сердечно благодарен Вам за хлопоты по изданию трудов Владимира Васильевича.

И. Репин.

Какой Ропет прелестный художник и добрейший душа-человек!!!

Мне кажется, это самая красивая из всех работ в этом роде. И этот фейерверк, и эти цвета бледные, и даже самая эта обработка, не сухая, каллиграфическая, а художественно-живая, несколько интимная — такой восторг!!!»

Поднесение В. В. Стасову «адреса» и именного экземпляра IV тома в особом переплете, вложенного в парчевую обложку с золотыми шнурами, состоялось 21 февраля 1906 г.

В 1918 г. адрес был передан В. А. Комаровой-Стасовой в Пушкинский дом (Институт литературы Академии наук СССР). В 1924 г. адрес был выставлен на Стасовской юбилейной выставке в Гос. Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

В архиве В. В. Стасова в Пушкинском доме хранится копия текста адреса, публикуемая ниже:

«АДРЕС

На вторник
21-го февраля
1906 г.

Дорогой наш Владимир Васильевич,

Мы являемся к Вам с повинною. Ваши друзья, горячо и давно Вас любящие без Вашего ведома, замыслили издать Ваши сочинения, не вошедшие в 1-е издание Ваших трудов. Просим Вас простить нашу дерзость и принять на память от нас сию книгу.

Эта книга полна живых, горячих, честных восхищений лучшими сторонами русского искусства и беспощадных приговоров фальши.

Мы уверены, что эта живая книга всегда будет освежать закопченную атмосферу в области критики искусства, и мы счастливы, что подносим её могучему автору».

4 Антокольская Цецилия Павловна — племянница скульптора М. М. Антокольского. Зубной врач.

Портрет ее, написанный Репиным в 1905 г., был на XXXIV передвижной выставке 1906 г. Это, повидимому, тот портрет, который воспроизведен в монографии И. Э. Грабаря «Репин» (т. II, стр. 203) и ошибочно назван портретом Елены Павловны Антокольской. Находится за границей.

370

1 Яковлева Л. Н.

2 Зевс — у древних греков мифический верховный бог неба, громовержец.

3 В. В. Стасов изложил текст этого письма Репина в своем письме к брату Д. В. Стасову от 6 июля 1905 г. К словам Репина «не конфузьте меня титулами» он сделал примечание «Репин с пасхи — превосходительный», а к словам «бюрократический навоз» сделал второе примечание: «Еще в 70-х годах я просил Репина, Анток[ольского] и др[угих] не писать мне титула» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

371

1 Повидимому, это была случайная встреча на станции Финляндской железной дороги в Петербурге, откуда шли поезда в Парголово, где жил на даче Стасов, и далее в Куоккала, где жил Репин.

[2] Речь идет о письме Репина (4 июля 1905 г.), со знаменательными для характеристики Стасова словами об его огне, который никогда не погаснет на русской земле и будет гореть чем дальше, тем ярче.

372

[1] Письмо написано в Куоккала. Год письма установлен на основании того, что воскресенье 24 июля было в 1905 г., а также по связи со следующим письмом И. Е. Репина В. В. Стасову.

[2] Вероятно, это было 15 июля на именинах В. В. Стасова. Об этом праздновании Стасов писал брату Д. В. Стасову 18 июля 1905 г. (Архив Института литературы Академии наук СССР).

[3] «Вильям Ратклифф» — опера Ц. Кюи.

373

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Асафьев Борис Владимирович (Игорь Глебов; 1884—1949) — академик, народный артист СССР, композитор (25 балетов, в том числе: «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Пламя Парижа», оперы, 3 симфонии, цикл русских народных песен для фортепиано, сонаты, прелюдии, романсы и другие музыкальные произведения); музыковед и музыкальный критик, автор исследований о русской музыке, о творчестве М. И. Глинки, о П. И. Чайковском и др., лауреат Сталинской премии, знакомый В. В. Стасова. Написал воспоминания о В. В. Стасове в сборнике «Владимир Васильевич Стасов. 1824—1906. К 125-летию со дня рождения». М.—Л., 1949.

[3] В театре в Куоккала была исполнена любителями-писателями и художниками пьеса Максима Горького.

[4] Андреева Мария Федоровна (Желябужская) — в то время артистка Художественного театра, жена М. Горького. Жила в Куоккала на даче.

374

[1] Отдельные абзацы этого письма написаны собственноручно членами семьи Стасовых.

[2] «Арест пропагандиста», «Исповедь» и «Дуэль» были в числе произведений Репина, особенно любимых Стасовым, который неоднократно призывал Репина писать и впредь картины на острые и животрепещущие темы действительности. Несомненно, что под влиянием В. В. Стасова и его родные высказывали аналогичные пожелания.

[3] Портрет Цецилии Павловны Антокольской.

375

[1] Письмо написано на открытке, заготовленной Н. Б. Нордман и присланной Стасову в письме от 18 июля 1905 г. Текст письма до слов «в 3 часа дня» включительно, так же как и часть адреса на обороте («Куоккала. Н. Б. Нордман»), написан рукой Нордман. Слово «днем», у даты, добавлено Стасовым. В адресе к слову «Куоккала» Стасов добавил «станция» и «по Финляндской железной дороге»; к «Н. Б. Нордман» добавил «дача» и приписал «Наталье Борисовне Нордман».

[2] То-есть с аккомпаниатором Б. В. Асафьевым.

[3] Пристройка к дому в «Пенатах» («Попугайская клетка»), служившая Репину мастерской.

[4] Флаги отца Н. Б. Нордман, адмирала.
[5] Бюст Н. Б. Нордман работы Репина 1902 г.

376

[1] Дата письма установлена по почтовому штемпелю: Kuokkala 9. VIII. 05. Письмо написано в Куоккала на открытке с портретом И. С. Тургенева работы И. Е. Репина.
[2] Поздравление М. Н. Стасовой в письме от 19 июля 1905 г.

377

[1] Фототипия с рисунка Перельмана «Венок 1889 г.» опубликована в журнале «Петербургская жизнь», 1904, 25 января, № 748.
[2] Гинцбург Давид Горациевич — ориенталист, участник группы друзей Стасова, издавших IV том его сочинений. Сын Г. О. Гинцбурга.
[3] К IV тому сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1906) приложена одноцветная фототипия его портрета работы И. Е. Репина 1889 г

Под портретом факсимиле надписи И. Е. Репина: «Могучему дорогому Владимиру Васильевичу Стасову. На память о старожиловских венках, парголовских лаврах и прочих торжествах и славах. 15 июля 1903 г. И. Репин».
[4] М. Горький и М. Ф. Андреева вернулись из Москвы в Куоккала в августе 1905 г. Стасов виделся с ними на станции в Куоккала 17 августа. После того, в начале 1906 г., Горький уехал в Италию, на Капри, и Стасов его уже более не видел.
[5] Это было второе публичное выступление Горького в Финляндии. Первое выступление было 30 июня 1905 г. тоже в Териоках на литературно-музыкальном вечере, устроенном М. Ф. Андреевой.

378

[1] Письмо написано в Петербурге.
[2] Портрет В. В. Стасова в палевой рубахе, написанный Репиным в 1905 г. в Куоккала, находится в Харьковском музее. Его называют также портретом Стасова в желтой рубахе или в белой рубахе (см. Грабарь Игорь, Репин. М., 1937, т. II, стр. 251 и 294). Об этом портрете В. В. Стасов писал брату Д. В. Стасову 25 марта 1906 г.: «Портрет этот хорош-то хорош, и кажется, похож-то похож, а мне не нравится» (Архив Института литературы Академии наук СССР).
[3] Владимирская лента — это лента к ордену Владимира, дававшемуся за беспорочную службу. У Нордман она имела какое-нибудь символическое значение.

379

[1] Понедельник был 1 августа.
[2] Веревкина Марианна Владимировна — художница, ученица Репина, продолжавшая свои занятия живописью в Мюнхене. Экспонентка XX передвижной выставки 1892 г.
[3] Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — писатель, автор нескольких книг и статей о Л. Н. Толстом: «Как живет и работает Л. Н. Толстой» (1898) и др.

380

[1] Письмо отправлено по петербургской городской почте.
[2] Речь идет о позировании Стасова для портрета в палевой рубахе.

381

[1] Письмо написано в Куоккала.
[2] Письмо И. Е. Репину от М. В. Веревкиной из Мюнхена.

382

[1] Письмо написано в Куоккала.
[2] Сеанс портрета Стасова в палевой рубахе.
[3] Финские извозчики, подвозившие пассажиров от станции Куоккала к дачам, ездили очень быстро, и на лесных дорогах и поворотах их тележки иногда опрокидывались.

Стасов был у Репина 17 августа 1905 г. На другой день, 18 августа, он написал о своей поездке письмо П. С. Стасовой:

«...Репин захотел непременно писать мой портрет 24 июля, это был день его рождения, ему минуло 61 год. Ну, и написал в 2 присеста: 2 часа писал перед обедом, $1^1/_2$ или 2 после обеда. И портрет готов! Чудесный! Совсем как живой. Сижу на стуле, в профиль. Правой рукой держусь за гнутое буковое дерево спинки, а левой держу лорнет на шнурке, точно хочу что-то пристально рассматривать. Рубашка желтая шелковая, но не прежняя, а другая, новая. Ну, все это прекрасно. Но меня поразило вдруг одно, чего я не знал. Я *никогда* не гляжу в зеркало и *очень давно* себя не видал. Вдруг смотрю: вся голова сплошь просто голая, от затылка до лба. Это что такое!!! Вот тебе раз! Вот не ожидал. Конечно, я давно знал, по множеству фотографий, что есть у меня на черепе большие, даже очень большие нехватки. Но столько!!! Такая безутешная, целая площадь, словно у Сената или Синода. Ай, ай, ай! Вот не ожидал. Ведь все фотографии — спереди, en face. Это большая разница. Тут зрелище далеко не так плачевно! Но воротившись домой, я на другое же утро марш к Эрнестине в комнату, жалуюсь, тороплюсь проверить в два зеркала — нет, точь-в-точь так у Репина, злодейски верно! Ахти, беда какая! Что ж, нечего делать, так и покорился. Вот какие бедствия неожиданные, нежданные, негаданные бывают, вот как скоро все проходит. Давно ли... давно ли..?!!! Вчера (середа) я снова был у Репина, ему хотелось еще кое-что пройти подбавить, подправить — это он торопится, потому что во вторник, 22 августа, уезжает на 3 месяца на Lago di Garda *, с Нат[алией] Борисовной, у которой что-то не ладно в горле и легких, даже харкает кровью. А сам он приостановил какую-то большую работу, что именно — не знаю, никому не показывает, вечно задернуто на задней стене громадной занавеской. Элиас недавно воротился, что-то написал вновь, на днях будет читать. А еще скоро начнет большой бюст Андреева, который однакоже все что-то не свободен, пишет какую-то большую вещь. Какой это славный парень!! Да еще какой красивый, на прибавку! Мы с ним много говорили, в том числе и Горького даже по косточкам разбирали, даром что Горький ему чисто патрон и даже благодетель, и вообще обожаемый человек. Вот кстати мне чорт знает как хочется съездить ко ЛЬВУ, и даже нужно, очень нужно. Только не смею. Эти мостовые, эти проселочные дороги (в Куоккала и около Ясной Поляны) — сущая беда

* Озеро Гарда. — *Ред.*

для меня: тотчас что-то ноет внизу, болезнь не болезнь, а какое-то странное удручающее чувство — вот я и не смею. А вчера какая неожиданность: приехали мы с Эрнестиной (и она тоже была звана), после обеда у Репина и сеанса, к $5^1/_2$ часам на вокзал в Куоккала. Ждем машины. Вдруг подходят к нам люди. И кто же это? Горький и Марья Федоровна. Они только накануне приехали из Москвы, — она, чтобы повидать сына и дочь, и в одно с нами время ехали вот теперь в Петербург, а оттуда, в тот же вечер, опять в Москву, пора ей уже на их сцену. Тронулся наш поезд. Она где-то далеко, в другом вагоне, сидела. Но что Вы думаете? Она все-таки пришла, отыскала нас, посидела с нами, она премилая. Мы охотно поболтали с нею, а главное (она сказала), она пришла отдать мне букет из прекрасных 5 розанов (2 белых, два розовых и 1 красный), который ей поднесли в Куоккала на прощанье. Каково? Но ведь мы с ней большие приятели. Звала меня снова в Москву, на ее представления, и обещалась непременно быть у нас в Петерб[урге] зимой, когда приедет. Нынче же Горький остался в Куоккало; до серед[ины] октября. Да, вот что! Третьего дня Шаляпин давал «Бориса Годунова» в Летн[ем] театре, подле нас на Басейной, но я не поехал. Так я боюсь, что он испортится, пожалуй, и в этой роли, как в «Фаусте». Боюсь потерять еще одну иллюзию. У меня пропало уже их столько в последние годы. Вот есть вещи и люди, с которыми нечего бояться! Например, Герцен, которого «Сочинения», наконец, вышли. Я на другое уже утро купил все 7 томов и теперь чуть не по целым дням зачитываюсь! Я думаю, он выше даже Гейне. Выше его только сам ЛЕВ. Экие люди!!! И я с ними был так близко знаком! Вот счастье-то было. Таких уже больше, конечно, не увижу. Да, читать-то читаю, и сильно, но работать не перестаю. Для I тома моих сочинений отпечатано уже 12 листов (то-есть около 200 страниц) да страниц еще 30 или 35 готово в наборе. Что, не худо? Но пáзы все меня беспокоят. *В. С*[*тасов*].

Вчера, за обедом у Репина, я предложил выпить за мир, но так как шампанского у них, конечно, не было дома, мы пили клюквенным квасом — превосходным. Я просил также Репина поставить на моем портрете: «В день мира 1905 г.». Кажется, скоро в Париже будет напечатан перевод на фран[цузский] язык моей статьи: «20 писем Тургенева и мое знакомство с ним». В конце большое обозрение» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

383

[1] Письмо без конверта и без почтового штемпеля.

Датировка «конец августа» определяется тем, что 17 августа 1905 г. Репин еще был в Куоккала, а 6 сентября Стасов уже писал ему: «Ваше письмо из Антоколя давным-давно уже полученное».

Письмо написано на открытке. На обороте ее вид руин на высоком берегу (в красках). Под картинкой надпись: Ruiny Opactwa Tynieckiego *.

[2] Антоколь — имение Е. П. Тархановой-Антокольской в Австрии, близ польской границы. После вступления в брак Е. П. и И. Р. Тархановы проводили там лето. По их приглашению Репин и Нордман побывали в Антоколе по пути в Италию.

384

[1] Письмо Репина Стасову из Антоколя не разыскано.

[2] Гомер — легендарный автор древнегреческих поэм «Илиада» и «Одиссея».

---

* Руины Тынецкого аббатства. — *Ред.*

[3] Шуман Роберт (1810—1856) — выдающийся немецкий композитор, представитель романтического направления, автор сочинений для фортепиано, характерных программностью, фантастической причудливостью, а также романсов, отличающихся лиризмом, и других музыкальных произведений.

Стасов говорил, что «Шуман создал массу великих и глубоких музыкальных произведений, которые ставят его на одно из высочайших мест в истории всей музыки».

Особенно восторженно оценивались Стасовым 3-я симфония Шумана, его музыка к «Манфреду» Байрона, фортепианные произведения и др.

[4] Шуберт Франц-Петер (1797—1828) — выдающийся австрийский композитор, один из основоположников музыкального романтизма, немецкой художественно-музыкальной песни, романса, баллады, автор симфонических, камерных и фортепианных пьес.

[5] Менцель Адольф-Фридрих-Эрдман (1815—1905) — видный немецкий живописец и график, создавший ряд картин и иллюстраций из жизни Фридриха II.

Автор произведений «Круглый стол в Сансуси», «Концерт на флейте», «Рынок в Вероне» и др. Особую известность приобрел реалистической картиной «Железопрокатный завод», которая явилась одним из первых изображений труда рабочих на капиталистическом заводе. Стасов считал Менцеля одним из крупнейших немецких художников.

[6] Рашель Элиза (1821—1858) — французская драматическая актриса. Большой успех имела во французских классических трагедиях. Гастролировала в России в 1853—1854 гг.

[7] «Дон-Кихот» — роман испанского писателя Мигуэля Сервантеса (1547—1616).

[8] Цаккони Эрмете — известный итальянский актер, трагик. Стасов написал о нем статью «Великий трагик» («Новости и биржевая газета», 1-е издание, 1898, № 339).

[9] Книга «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». Издание т-ва М. О. Вольф, СПБ и Москва, 1905, под редакцией В. В. Стасова.

[10] Повидимому, Стасов надеялся, что подготовляемый в 1905 г. том его сочинений будет являться первым в издании статей, не вошедших в предыдущие три тома 1894 года.

[11] О картине «Какой простор» Стасов писал в статье «Искусство в XIX веке»: «Наделавшая много шума среди публики картина Репина «Какой простор» написана в 1903 г. и потому не должна быть рассматриваема здесь, но все-таки замечу мимоходом, что при всей неудачности некоторых подробностей костюма и жеста в картине наша публика была к ней очень несправедлива: у нас не заметили превосходного пейзажа — воды — и, что еще несравненно значительнее, не заметили той чудной, горячо и мастерскою рукой выполненной современной задачи: русская молодежь, не потерявшая смелости духа, надежд и радостных упований среди одолевающих ее бед. Всего этого никто, кроме Репина, никакой художник и не задумывал никогда». (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, т. IV, стр. 223.)

385

[1] Письмо «Даме» написано на четвертой странице листа почтовой бумаги с предыдущим письмом «Кавалеру».

[2] Отец Н. Б. Нордман был адмирал русской службы финско-шведского происхождения.

[3] Фототипия «Р. Голике и А. Вильборг» была одной из лучших в Петербурге.

[4] Репин и Нордман уехали на «итальянские озера» (группа озер: Маджиоре, Лугано, Комо, Изео и Гарда, расположенных на южных

склонах Альп). Поселились на озере Гарда, в местечке Фазано («Гардонская Ривьера»).

[5] Тарханов Иван Романович.

[6] Собрание сочинений А. И. Герцена в России было впервые издано в 1904 году.

[7] Персонаж из картины Репина «Садко», представляющий простую русскую девушку среди иноземных царевен-красавиц подводного царства.

386

[1] Озеро Гарда, Фазано, «Гардонская Ривьера».

[2] Репин рисует аллегорическую «картину» грабительской, захватнической политики царской власти, царского правительства и чиновничества, державших русский народ в темноте, «в развале мерзости и запустения». В письме к Репину от 21 сентября 1905 г. Стасов называет эту аллегорию «картиной мира», распространяя ее на весь грабительский мир завоевателей и угнетателей.

387

[1] Имеются в виду письма Репина из Италии Стасову и другим лицам.

[2] «Каменный век» — фрески В. Васнецова в Историческом музее в Москве; написаны в 1883 г.

[3] Стасов неоднократно писал, что аллегорические картины не свойственны таланту Репина. Здесь он в осторожных выражениях вновь предостерегает Репина от изображения в живописи аллегорической темы, описанной художником в письме к Стасову (12 сентября 1905 г.).

[4] Репин послал свои воспоминания Е. П. Тархановой-Антокольской. 12 октября н. с. 1905 г. Репин писал ей: «Из письма В[ладимира] Васильевича узнал, что Вы получили мои маленькие воспоминания об М[арке] М[атвеевиче] Антокольском» (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л. — М., 1937, стр. 47).

Воспоминания Репина о знакомстве с Антокольским (отрывок из письма напечатан в книге: Репин И. Е., Далекое близкое. М.—Л., 1944, стр. 448—450).

[5] Елисейские поля, Элизиум; у древних греков — местопребывание праведников после смерти. Впервые упоминается в «Одиссее».

[6] Понтифекс Максимус; в древнем Риме — верховный жрец. Теперь это титул римского папы.

388

[1] «Освобождающаяся Русь» — тема картины, которую Стасов советовал написать Репину.

[2] «Афинская школа» — фреска Рафаэля в «станцах» Ватикана в Риме. Представляет собрание греческих философов и писателей разных периодов под сводами грандиозного храма.

[3] Каульбах Вильгельм (1805—1874) — немецкий художник, представитель немецкой поздней академической школы живописи, иллюстратор. Директор Мюнхенской академии художеств.

«Век реформации» — фреска Каульбаха на стене в Берлинском музее. На ступенях величественного здания изображен Лютер и с ним ученые, художники, писатели и другие лица — покровители и поборники реформации.

[4] «Crystal Palace» — хрустальный дворец.

[5] Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — выдающийся русский писатель, философ-материалист, просветитель, горячий патриот и борец против самодержавия и крепостничества, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), выражавшей идеи революционной ломки крепостнического строя. Подвергался ссылке в Сибирь. Покончил жизнь самоубийством.

[6] Новиков Николай Иванович (1744—1818) — выдающийся русский просветитель, писатель и издатель, противник крепостничества. Деятельность Новикова имеет большое значение в распространении просвещения. Был на 15 лет заключен в тюрьму.

[7] В число этих деятелей Стасов в первую очередь включал Н. Г. Чернышевского, которого он считал своим руководителем в отношении к искусству.

После возвращения Н. Г. Чернышевского из ссылки В. В. Стасов писал ему:

«2 января 1889

Николай Гаврилович,

Я слышу от Ал. Ник. Пыпина, что теперь вполне дозволено быть с Вами в сношениях, и потому спешу возобновить наше старинное знакомство. Я бы необыкновенно желал этого для того, чтобы поговорить с Вами снова о том предмете, который для меня всего важнее и который наполняет мою жизнь: искусство. Мне бы очень хотелось знать, случилось ли Вам видеть «Вестник Европы» 1882 и 1885 гг. и там — ряд моих статей под заглавием: одни — «25 лет русского искусства», другие — «Тормозы нового русского искусства». Как здесь, так и в других моих статьях я ставлю выше всех русских книг об искусстве «Эстетические отношения искусства к действительности», хотя в ином тут и иначе думаю. Как я бы хотел поговорить с Вами обо всем этом, хоть письменно! Тем более, что я читал статью о Дарвине и дарвинизме и хотя нахожу иное парадоксальным и неверным, но поражен силою и глубиною мысли и вместе блеском и мастерством изложения, которые меня всегда так прельщали. Мне кажется, после длинного антракта, я мог бы выслушать от Вас много такого по интересующему меня вопросу об искусстве, чего я больше не найду ни у одного писателя современного, не только у нас, но и где бы то ни было в Европе.

Итак, позвольте Вашего ответа, буду ждать его с нетерпением.

Ваш всегда

Владимир Стасов.

Адресовать ко мне лучше всего в Императорскую публичную библиотеку, где я служу. Имя мое: Влад. Вас.» (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие. Т. III, Гиз, 1930, стр. 598—599).

По поводу письма В. В. Стасова Н. Г. Чернышевский писал 8 апреля 1889 г. А. Н. Пыпину: «Письмо Стасова я получил. Если увидишься, скажи, что я глубоко благодарен ему за доброе расположение и каждый день все собираюсь послать длинный ответ на его вопрос о моих отношениях к теории искусств; но неделя проходит за неделею — все недосуг и недосуг, и кончится, вероятно, тем, что я откажусь от мысли о длинном письме; тогда напишу короткое, с выражениями благодарности и уважения» (там же, стр. 385).

Письма В. В. Стасова к Д. В. Стасову не менее ярко характеризуют отношения критика к великому просветителю, а также к представителям современного либерального общества.

В письме от 8 апреля 1897 г. Стасов рассказывает об одном из своих выступлений по поводу Чернышевского на юбилейном обеде в честь Пыпина:

«Обед в честь Пыпина * в воскресенье у Донона ** шел все время очень нелепо, по всегдашнему обыкновению, а также и очень скучно — тоже по обыкновению. Никаких общих разговоров, ни малейшей тени не было тут того, что собрались и сидят вместе все люди, считаемые сливками и лакомствами интеллигенции, что тут все профессора, да академики, да писатели (Боборыкин, Мордовцев), да издатели журналов (В. Ламанский ***, Стасюляки ****). Было, точно все самые ординарные и ничтожные люди. Шли все только маленькие частные разговоры, в разных уголках, раздавались лишь изредка вскрики и маленький хохот с какими-то особенно громко произнесенными, но глупыми и нелепыми словами — и только. Словно гладкая черная поверхность пруда, и лишь изредка всплеснет вдруг какая-то рыбина, пойдут маленькие кружки и пузырьки, и тотчас опять Meeresstille und glückliche Fahrt *****. Под тихое общее жужжание я только успел услыхать от своего соседа Стасюляки, что вот как он сегодня опоздал, больше чем на целый час, и этого никогда с ним не бывает, — а отчего случилось? Оттого, что он заснул перед обедом так, как никогда не засыпает, и проспал почти 3 часа, и просто вовсе бы не попал сюда на обед, да Любовь Исакиевна ******, воротясь с визитов, зашла к нему, пришла в ужас, разбудила, растолкала и послала сюда почти силой. Еще много других анекдотов я от него услышал, но разнесли нам всем свежие бобы зеленые с сливочным маслом, разлили шампанское — ну и пошли писать речи! Всего тут было, и умного и глупого, и немножко даровитого и очень бездарного, увеселительного и скучного (конечно, лучше всех было у Спасовича *******, по крайней мере нечто живое, хотя сильно преувеличенное, как всегда на юбилее, про значение того, что такое они вдвоем сделали 30 лет назад — историю русской и славянской литературы; Кони ******** же говорил так плохо и так ничтожно, что потом сам мне каялся, когда мы шли пешком по Невскому, домой, Владимир Соловьев ********* — что-то прескучное и пренесносное, про религию и братство) — вот так все у нас и шло, пока, наконец, после всех встал и заговорил мой сосед Стасюляки. И начал он свою речь так: «Все вас хвалили, Ал. Ник., все мы вами восхищались и вас прославляли. Но я хочу быть оригинальным, и собрался говорить теперь специально для того, чтоб вас не хвалить, а бранить, и чтобы напасть на вас...» Тут я мгновенно его перервал и громко провозгласил: «Господа, я жалую[сь] на Мих. Матв., он у меня предвосхитил то, что я хотел сказать, он отнял у меня то, что у меня было намечено в голове и что я вот уже 1/2 часа все жду минуты, для того, чтобы высказать... Жалуюсь...» Все засмеялись, и разные голоса объявили: «Ничего, ничего, скажете и после Мих. Матв., капельку подождите...» И Мих. Матв., как клубочек, стал разматывать свою речь, чисто, гладко, ровно и складно, словно читал писанное. Что он говорил, я уже и не знаю, потому что второпях, во весь дух

* Пыпин Александр Николаевич (1833—1904)—историк литературы, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского.—*Ред.*

** Ресторан в Петербурге.—*Ред.*

*** Ламанский Владимир Иванович (1833—1914)—профессор Петербургского университета, славяновед.—*Ред.*

**** Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911)—историк, публицист, редактор-издатель журнала „Вестник Европы“.—*Ред.*

***** Спокойное море и счастливое плавание. —*Ред.*

****** Жена М. М. Стасюлевича.—*Ред.*

******* Спасович Владимир Данилович (1829—1906)—юрист и публицист.—*Ред.*

******** Кони Александр Федорович (1844—1927)—судебный и общественный деятель.—*Ред.*

********* Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900)—реакционный философ-идеалист.—*Ред.*

соображал, что мне такое говорить, — значит, некогда было слушать чужое, вся мысль была только о том, как бы со своим-то сладить и справиться, а тут секунды летят и вот сейчас-сейчас уже надо будет и говорить, а у меня еще все равно как будто еще ничего нет готового! Но как бы ни было, а Стасюляки уже вот и кончил, мне тотчас надо говорить, сердце бьется, кровь в голову постукивает, язык прилипает к нёбу... По счастью, Матвеич дал мне еще каплю о т с р о ч к и. Кончив свою речь — о чем не знаю, он вздумал вдруг провозгласить такую штуку: «Господа, Вы знаете, я в своих молодых годах был профессором средневековой истории. Так вот, я там читал, что на всех собраниях и заседаниях во множестве маленьких республик, итальянских и других, всегда выбирали и назначали вроде как будто председателя — кого-нибудь одного, которого называли: «Senior»*. Господа, я предлагаю, чтоб и мы тоже выбрали и назвали одного из нас senior'ом нашего сегодняшнего собрания. И это именно моего соседа, В. В. С[тасо]ва». Все захлопали, повскакали с мест, и с обеих сторон стола потянулись ко мне длинной цепью, с рюмками шампанского. Но пока мы чокались, раздался чей-то голос: «Нет, нет, господа, это не так... Не верно... У нас есть здесь, среди нас, другой Serior — А. Фед. Бычков**, мы должны с н и м чокаться...» Другие, смеясь, протестовали, пошел маленький шум. Среди всего этого встает опять Пыпин и громко провозглашает: «В. В., извольте тотчас объявить, к о г д а вы родились?» — Я громко же, на весь стол, объявляю: «2 января 1824 г.» — «А вы, Аф. Ф д.?» — «Тогда-то (я забыл когда)». — «Так вот видите, вот оно как. И наш Senior сегодня — он».— Опять все встают, идут и чокаются. И вот это-то и было мне маленькой неожиданной отсрочкой. И я был очень, премного, очень доволен. Но все-таки надо же наконец говорить. Встаю и начинаю так: «Господа, я уже заявил несколько времени тому назад, что М. М. предвосхитил у меня то, что я собирался вам сказать. Он, можно сказать, вырвал у меня изо рта, что у меня уже было там на языке. Я именно так долго молчал не только потому, что столько даровитых и способных людей говорило и, так сказать, прижимало меня, без речей и без слов, к стенке, но еще больше потому, что мне хотелось выступить всех позже, после всех, и отличиться ото всех. Подобно Мих. Матв., я желал быть очень оригинальным и высказать мысли, совершенно отличные от остальных. Я хотел выступить перед вами в качестве порицателя и хулителя. Помните, нас всех в молодости, в школе, учили, что у римлян подле колесницы триумфатора бежал бранный человек и укорял и порицал победоносца. Я вздумал быть сегодня таким. Только я не собирался бежать — это уже мне не к лицу, а хоть как-нибудь проплестись около триумфальной колесницы Александра Николаевича. Мне надо ему сказать, что если у него есть много заслуг, которые всем ведомы и видны и за которые все его усердно благодарили и благодарят, то есть у него также и такие дела, которые у него не сделаны и за которые надо его не хвалить, а бранить. Это я и сделаю. И не то, что сделаю, а уже сделал, и его побранил и укорил в свое время, давно уже, а сейчас только повторю: «Помните, Алекс. Ник., несколько лет тому назад мы с вами обедали здесь же, у Донона, в этой же самой зале, и нас было тоже человек 20, как сегодня (это был обед в честь славянского ученого, каноника Р а ч к и***, только что приехавшего тогда в Петербург, и Я г и ч**** с

---

* Старший, старейший.—*Ред.*

** Б ы ч к о в Афанасий Федорович (1818—1899)—директор Публичной библиотеки, археограф.—*Ред.*

*** Р а ч к и Франц (1828—1894) — хорватский славист и общественный деятель. — *Ред.*

**** Я г и ч Игнатий Викентьевич (1838—1923) — славянский ученый, профессор. — *Ред.*

Ламанским затеяли этот обед в честь его, и еще с нами был тоже Буслаев * (тогда еще не слепой). Помните ли Вы?..» — «Нет, не помню ничего такого», промямлил с середины стола Пыпин. — «Да, еще бы! Всякий должник ищет и желает скрыть обстоятельства своего долга и, если можно, объявляет, что ничего не помнит. А я, напротив, помню, и очень твердо. Когда кончился обед наш тогда, я вас отвел в сторонку, вот в той комнатке рядом, мы сели рядком на том красном диванчике, что виден нам отсюда через дверь, и я вам объявлял свою претензию и высчитывал наш долг, который требуется погасить, но вы его не гасите, и он только чадит и худо припахивает, потому что вы свечку не гасите, а она нагорела. И вот, время уходит, протекло несколько лет и я опять предстаю перед вами с заемным письмом, все попрежнему неуплаченным. Вы на своем веку немало хорошего сделали, и по части русской истории, и русской литературы, и русской этнографии, и русской археологии — и за то вам честь и слава ото всех, всегда и везде, в том числе и на нынешнем обеде. Только никто вам, кажется, не упомянул сегодня о вашей еще одной великой заслуге — это о вашей книге про Белинского. Книга эта была большое дело. Белинский был воспитатель земли русской. Не будь его, вся Россия была бы совсем другая. Вы все про него собрали, все рассказали — и это одна из самых важных заслуг ваших. Но потом был у нас еще другой такой же человек: Чернышевский. Он тоже был великий воспитатель земли русской. И про него опять надо сказать: не будь его, Россия была бы совсем другая. Но в отношении к нему вы бы должны были сделать то самое, что в отношении к Белинскому. Собрать все, что можно, относящееся до него, и рассказать во сведение всем, когда бы это сделалось возможным. А на вас этот долг лежал именно потому, что вы были и его товарищ, и спутник, и современник, и родственник, и самый близкий человек по «Современнику» и по всей жизни вообще. Притом, когда он воротился в Россию снова, про него враги и приятели распускали слухи, что он бросил прочь свое прежнее знамя, от него отрекся и даже проклял его, будто он понизился душой и духом, и стал совсем новый, никуда не годный человек. Это я слышал собственными ушами от людей, видевших его, по возвращении, в Самаре, Саратове или Астрахани **. Вот каков ваш долг, и ваша долговая расписка лежит у меня все на сердце...» И что же! Все замолчали и присмирели и прижали хвосты, словно произнесено было что-то глупое, гадкое или и того хуже — противозаконное, и призывающее кары III отделения. Это было перепуганное стадо баранов передо мною. Этот дурак Веселовский *** (распорядитель обеда), трус даже хуже Куника **** (!!), не дождавшись конца моих слов, встал и ушел в другую комнату собирать счеты от лакеев. Прочие все молчали, словно пришибленные и растерянные. Не послышалось и тени аплодисмента, как было со всеми остальными речами (даже ничтожнейшими и глупейшими), и лишь после антракта в несколько секунд начались снова разговоры. Наконец обнесли ликеры и все встали. Тогда тотчас подошел ко мне Влад. Соловьев и сказал: «В. В., вы знаете, я вас очень-очень люблю, но что это, как вы неладно и нескладно поступили! Что

---

* Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — филолог, профессор Московского университета. — *Ред.*

** Я не хотел сказать, и не сказал, что это я слышал тогда от дурака и ретрограда Полонского, видевшегося с ним в Саратове. [Сноска В. В. Стасова.]

*** Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — историк литературы. — *Ред.*

**** Куник Арист Аристович (1814—1899) — историк, старший хранитель Эрмитажа. — *Ред.*

вы там наговорили?!!!..» За ним тоже Слонимский * и кое-кто другие. Все перепуганные и в негодовании. Напрасно я пробовал им говорить, что теперь уже вовсе не прежние времена и можно свободно печатать и про Герцена, и про Бакунина, и про Черныш[евского] — они ничего не слушали и твердили свое. Когда же я указывал еще на другое — что никто не принуждает Пыпина даже и печатать, на доле его только собрать, написать и сохранить для будущих времен, — то они еще меньше хотели слушать и все только стояли на своем, что так нельзя, что это великая, непозволительная ошибка с моей стороны, — нельзя, нельзя так!! — Каковы хамы, каковы дураки, какие жалкие трусы! Право, я остался потом словно «оплеванный», что ли! Трус Пыпин (ужасный всегда трус!!) даже со мной не говорил, точно по нечаянности. Каковы хамы!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

Не менее интересным является и другое письмо В. В. Стасова Д. В. Стасову от 30 мая 1896 года, в котором критик рассказывает о своих разговорах с Л. Н. Толстым (во время их свидания в марте 1896 г.) про Чернышевского:

«...мы говорили про мое расхождение с «Сев[ерным] Вестником», о котором он ничего порядком не знал... Я должен был все сызнова рассказывать, вот уже подлинно ab ovo **, и он перешел на мою сторону, как говорят на войне, avec armes et bagages ***. Но мне не это было интересно, а то, как он смотрит на Чернышевского, Добролюбова и Писарева. И неужели он разделяет ужасные, безобразные мнения Акима? **** Вышло что почти — *да*. Он говорит, что не очень-то уважает и любит писания Волынского, но что он все-таки «не без дарования», а главное, что он доволен тем, что Вол[ынский] хоть немножко идет против общего течения и не разделяет общего фетишизма, а также и общего царствующего еще слишком много повсюду у нас «нигилизма». Как я удивился?! Оказывалось, что всех их Толстой почти вовсе не читал, знает только понаслышке, и знает именно столько, сколько можно было знать в 60-х годах; знал только общие всех и везде разговоры и не читал подлинников!!! «Не признают искусства», «гонят искусства» — и Волынский от этого на них и нападает беспардонно, и за то честь ему и слава. Но скоро мне удалось если не свергзить, то поколебать все эти лжи и клеветы, пущенные в ход 30 лет назад и подогреваемые и до сих пор, вновь, Волынским. Всего же более я его поразил и победил, когда подробно рассказал, как это было на самом деле, прямо наоборот прежним и нынешним россказням, и лучшее доказательство тому — то *великое слово*, которое Чернышевский выговорил еще в 1855 г. в своих великих «Эстетич[еских] отнош[ениях] искусства к действительности» и которых, кажется, никто, кроме меня во всей России более не помнит, не знает, не повторяет и не старается пропагандировать. Это, что «искусство есть та человеческая деятельность, кото-

---

* Слонимский Леонид Зиновьевич (род. 1850) — публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы». — *Ред.*

** Сначала. — *Ред.*

*** С оружием и обозом. — *Ред.*

**** Волынский (Флексер) Аким Львович (1863—1926) — реакционный литературный критик, автор статей о Белинском, Добролюбове, Писареве, Чернышевском и др.; книг — «Русские критики», «Леонардо да Винчи» и др. О Волынском В. В. Стасов писал 6 июня 1893 г. Д. В. Стасову: «...какую подлейшую статью о русских критиках (Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Писарев и пр.) снова напечатал Волынский... просто уму непостижимо. Восхваляет «Переписку с друзьями»!!!!!! а критиков всех поголовно хает!» — *Ред.*

рая произносит суд над жизнью». Толстой этого никогда не знал, не слыхал, понятия не имел. Он был поражен! Да и было от чего — ведь такого слова никто нигде не говорил, ни в каких эстетиках, критиках, историях искусства, где угодно! Если бы только это знали в Европе!!! Наверное, это великое слово, исходящее из России, от варваров, недоучек и невежд, сияло бы везде на челе искусства, как солнце, и все думанное, творимое и проповедуемое об искусстве обращалось к нему, к этому слову Чернышевского, как к великому и единственному центру. Но ведь, к несчастию, то великое слово было произнесено в России, прошло уже 40 лет с минуты его произнесения, и никто его не знает, и все, по части искусства, только в диком безумии, нелепости и глупости скачут кругом дурацких кукол, подлых и пошлых глупостей, возмутительных ничтожеств и зовут все это ИСКУССТВОМ!!! Настоящего искусства почти нет еще на свете, его речь еще впереди. Все это поражало сильно Толстого, и он меня слушал, я уже и не знаю, как сказать, с каким вниманием и, смело скажу тебе потихоньку, entre nous *, с почтением. Рассказывать подробно наши разговоры за все дни невозможно... Но это была *главная* сущность всего, что мы говорили почти все время в эти дни. Тоже перебирали наших всех писателей — Герцена, которого и он, как и я, ставит выше всех...

В ответ на первое письмо Толстого... которым он снова зовет к себе, я вчера отвечал ему: «Да, хорошо, я приеду, может быть, в конце июня или в начале июля. Но на одном условии, что Вы дадите мне ½ часа или 1 час, где мы будем втроем совсем одни, и Вы решитесь (хотя были бы усталый) послушать то, что мне бы надо вам двум показать. Эти два — Вы да Герцен, которые для меня выше всех других русских пишущих и писавших» (Архив Института литературы Академии наук СССР. Письмо от 30 мая 1896 г.; частично опубликованс в юбилейном сборнике «Лев Николаевич Толстой». М. — Л., 1928).

[8] Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа. Создатель идеалистического философского учения об «истинном» мире «идей», постигаемых разумом, существующих вечно и независимых от материального мира, и чувственно воспринимаемом, «не истинном» якобы материальном мире. Свое учение излагал в форме диалогов: «Пир», «Федр», «Государство» и др. Представитель рабовладельческой знати, противник материализма.

Изображен Рафаэлем в центре композиции на фреске «Афинская школа» (1508—1511).

[9] Сократ (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Сократ, стремясь обосновать религиозно-нравственное мировоззрение, пытался установить определения нравственных понятий и норм поведения, выделяя, как основные добродетели, храбрость, умеренность и справедливость.

Сведения о личности и учении Сократа оставили его ученики Платон и Ксенофонт, так как сам Сократ сочинений не писал.

Сократ, являвшийся противником афинской демократии, был приговорен ее присяжными к смерти.

В «Афинской школе» Рафаэля Сократ изображен беседующим со своими учениками.

[10] Стасов давал в это время аналогичные советы — изобразить лучших представителей революционной, прогрессивной русской интеллигенции — также и скульптору И. Я. Гинцбургу. Он писал ему 25 ноября 1905 г.: «Только что нагрянула теперь в Петербург почти вся русская современная интеллигенция. Скоро она или разбежится, исчезнет, завянет, побледнеет, сократится, или же — будет похватана, и исчезнет. «Лови, лови, художник», Фортуну, катящую мимо на круглом колесе! Начинайте хоть со старейшей, старейшей женщины: Веры Засулич (которая

* Между нами. — *Ред.*

более 1/4 столетия исчезла из России и теперь живет у Вашего адвоката Соколова), и продолжайте, через целую толпу, до самых последних, новейших.

Пусть будет целая галлерея бюстов или статуэток, но... *скорей, скорей, скорей, скорей, скорей*!.. Таково мое завещание и жест в дорогу!» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[11] Книга: «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и Москва, 1905.

389

[1] На автографе, у даты, пометка Стасова: «Куоккала», и надпись: «Получено 9 декабря».

[2] На полях письма, рядом с этой фразой, пометка Стасова: «Понедельник 5 декабря 1905 г.». Но, повидимому, Репин имеет в виду более ранний, первый разговор Стасова с ним о теме картины «Освобождающаяся Русь», т. е. тот разговор, о котором Стасов писал ему 3 декабря («помните ли Вы еще то, что мы с Вами говорили о громадной композиции «Освобождающаяся Русь»). Этот первый разговор мог быть в конце ноября, так как в настоящем письме Стасову (от 7 декабря 1905 г.) Репин сообщает, что «вторая неделя идет работа». Пометка «5 декабря 1905 г.», вероятно, относится ко второму разговору Стасова с Репиным на ту же тему.

[3] Вероятно, Репин имеет в виду свои подготовительные работы к картине «Черноморская вольница», о которой он писал Стасову снова 17 сентября 1906 г. (письмо № 424).

[4] Список прогрессивных деятелей русской интеллигенции, участвовавших в революционно-освободительном движении, составленный в алфавитном порядке, находится в архиве В. В. Стасова в Институте литературы Академии наук СССР. Написан неизвестным почерком, с правкой и дополнениями В. В. Стасова.

Список состоит из 71 имени деятелей русского революционно-освободительного движения, декабристов, прогрессивных писателей и других политических деятелей. В числе поименованных в списке лиц значатся: Белинский, Герцен, Горький, Грибоедов, Добролюбов, Кропоткин, Лавров, Некрасов, Новиков, Огарев, Пирогов, Писарев, Плеханов, Радищев, Лев Толстой, Фонвизин, Халтурин, Чаадаев, Чернышевский.

Вместе со списком деятелей в архиве В. В. Стасова хранится написанный его рукой календарный перечень революционных и политически важных событий за период с 1826 по 1901 г.

В нем одна из наиболее ранних дат: «1826. 13 [июля] Повешены: П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Ап[остол], М. Б. Бестужев-Рюмин и П. Гр. Каховский».

Последняя (хронологически) дата: «1901 4 [марта] Демонстрация и бойня у Каз[анского] собора».

Список и перечень хранятся под названием: «В. В. Стасов. Сделанные им выписки для картины Репина». 1906 г. Название дано В. Д. Комаровой-Стасовой.

[5] Это, вероятно, «Словарь русских гравированных портретов».

[6] Булатов Иван Михайлович (род. 1870), учился в Академии художеств с 1891 по 1899 г. Получил звание художника за картину «Видение».

Преподавателем Академии художеств утвержден не был.

[7] В Собрании Академии художеств 28 ноября 1905 г. слушалось предложение И. Е. Репина об устройстве в Академии собрания атрибутов религий всех народов и о поручении этого дела художнику

И. М. Булатову. Совет Академии еще 3 октября 1905 г. признал проект Репина неосуществимым. Собрание отложило вопрос до назначения профессора религиозной живописи.

Тогда же, 28 ноября, слушался вопрос по поводу «оставления И. Е. Репиным Высшего художественного училища». Собрание Академии постановило просить И. Е. Репина остаться профессором-руководителем мастерской Высшего художественного училища. В Собрании Академии 19 декабря 1905 г. был заслушан и принят к сведению отрицательный ответ Репина.

И. Е. Репин оставил должность профессора-руководителя 1 декабря 1905 г. и вновь вернулся на эту должность 1 июня 1906 г.

На следующий год летом Репин снова ушел в отставку. Он написал об этом И. И. Толстому 23 сентября 1907 года из Ясной Поляны: «Из Академии художеств я окончательно вышел». На ответное письмо И. И. Толстого Репин опять писал ему из Ясной Поляны 27 сентября 1907 г.:

«Благодарю Вас за участие. Но Влад[имир] Ал[ександрович] Бекл[емишев] напрасно так беспокоится. Ведь мог же я заболеть, умереть. Оставаться на три месяца самое нелепое положение. Мне тошно даже подумать продолжать, как бы то ни было... Обойдутся.

Ваш *Илья Репин»*.

1 ноября 1907 г. Репин окончательно ушел в отставку.

Несмотря на уход из Высшего художественного училища Академии, Репин не оставлял своих забот о нем. Например, он писал 20 марта 1908 г. И. И. Толстому: «У меня так просто сложилась реформа по Вашим мыслям. В Акад[емии] Худ[ожеств], то-есть в В[ысшем] Х[удожественном] У[чилище], начинать с конкурентов. Все подготовительные классы — вон. Батальный и этюдных два класса оставить как место для этюдов к картинам конкурентов, кот[орые] они сами себе будут ставить для своих композиций.

С первого же дня поступающий получает себе особую мастерскую (хоть уголок). Первый год подает эскизы и на премии. Профессора зовет к себе по своему желанию, когда ему требуется.

Курс может быть кончен в 3 года — ну уж 4 самое большое.

До свидания.

Ваш *Илья Репин»*.

(Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.)

390

[1] Превращение от золотой палочки Финна дворца Наины в дремучий лес происходит в III акте оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

[2] Иванов Сергей Андреевич (1822—1877) — архитектор, учился в Академии художеств с 1834 по 1842 г. Был пенсионером Академии за границей. В 1854 г. получил звание академика.

[3] Ермак Тимофеевич (ум. 1584) — казацкий атаман, возглавлял экспедицию промышленников Строгановых по завоеванию Сибири; разбил хана Кучума в 1581 г., утонул в Иртыше.

[4] Высокая оценка Стасовым творчества и личности Л. Н. Толстого встречается постоянно в статьях, письмах и неопубликованных заметках критика. Однако она не исключала серьезных расхождений между В. В. Стасовым и Л. Н. Толстым по важнейшим вопросам мировоззрения. Об этом свидетельствует письмо В. В. Стасова Д. В. Стасову от 30 мая 1896 г., уже цитированное ранее:

«...Я искал в своих коротеньких «дневниках» моих путешествий и поездок, что у меня записано про мое п е р в о е пребывание в «Ясной Поляне», в 1880 г. (август). Но ничего не нашел. Может быть, и вправду тогда ровно ничего не записал. Но я хорошо помню тамошнее гощенье и скажу, что как ни хорош был тогда со мною Лев Великий и как мне ни хорошо было с ним, а все-таки на следующее же утро после моего приезда из Москвы у нас произошла с ним изрядная р а з м о л в к а. Это было сначала по случаю «Отче наш», а потом и по случаю множества других вещей, с этим связанных. Не знаю, какая нелегкая меня дернула завести с ним такую речь. Какая нелепость, да и просто какая гадость! Приехал в гости, в чужой дом, меня всячески ласкают и приветствуют, и он сам и жена, а я вдруг затянул такую песню, от которой его коробит и от которой ему тошно. Какая гадость! Впрочем, и то правда, дело пошло так оттого, что накануне вечером, когда я ушел к нему в кабинет спать, разделся и лег на тот самый диван, на котором он (по его же рассказу собственному) родился, а теперь этот диван, зеленый, кожаный, наполовину, был весь в клочьях, — вдруг постучались ко мне в дверь, и вошел тотчас Лев Толстой, в одной рубашке и нижних белых панталонах — больше ничего на нем не было. Подмышкой он держал изрядно толстую тетрадь, писанную его рукой. Сначала он присел у письменного стола между окон (того самого, который нарисован и у Репина и у Гинцбурга и на котором он в деревне все свое пишет); присел и сказал мне: «Вот, я хочу Вам немножко прочитать из того, что теперь пишу. Хотите?» — «Конечно», я отвечал, что «с восхищением». Но восхищения никакого для меня не произошло. Это были его замечания на евангелие — та чепуха, скука и тошнота, которой я никогда не мог переносить, когда это потом было докончено до конца и гектографировано. Тут я это все слышал в первый раз, не знал, что дальше будет, и сначала было развесил уши, но очень скоро это чтение так мне надоело и так мне было даже противно — и читал-то он монотонно и несносно, по-пасторски, да и сам-то сюжет так мне ни на полдвора не годится — ведь за все евангелие я трех копеек не дам, — так я устал и сердился, что скоро и сам Толстой стал это, вероятно, подозревать. Все время я только молчал упорно, ни одного слова не спрашивал, не было у меня ни одобрений, ни порицаний, ни сомнений, я упорно молчал. Вот он сказал, закрывая толстую тетрадь свою: «Ну, на сегодня довольно. Вам спать надо, особливо после дороги. Да и мне тоже». И он ушел, пожав мне руку в постели... На другое утро... мы выбрались в лес, и тут скоро пошли в нашем одиночестве разговоры уже большие. Теперь, после 16 лет, я не могу вспомнить всего, что тут было говорено, но у меня глубоко врезалась в память, и, конечно, никогда уже оттуда не выйдет, та частица разговора, которая была совершенно особенная и повела нас к разладу. Теперь я уже не могу сказать, к т о первый заговорил о вчерашнем вечернем чтении, но только всего в несколько секунд разговор у нас стал каким-то враждебным, и мы оба друг на друга окрысились, как два петуха, которые хотят подраться. Я прямо сказал — как это было неосторожно, и как некстати, и как глупо в ту минуту, — я прямо сказал, что я и не люблю и ничуть не уважаю все евангелие сплошь, что это вещь устарелая, а з и а т с к а я, как и вся библия, ничуть для нас нынче уже не интересная и даже совершенно противная тому, что мы можем и должны теперь думать и делать. Он скоро начал просто сердиться, спрашивал доказательств. Конечно, я их посыпал перед ним массами, горстями и, как сейчас помню, в виде ясного примера указал ему на «Отче наш», эту молитву будто бы par excellence *, а мне только и всего, что противную. «Как так? Почему? Где и в чем противная?» — стал он спра-

* По преимуществу. — *Ред.*

шивать значительно изменившимся голосом. Оно и понятно. И Толстого, как всякого человека, похвалы беспредельные и несмолчанные, наверное, портят, хоть немножко. Долгими годами он привык говорить, как пророк, как Мессия, и всякое сопротивление ему невыносимо, кажется чуть не бунтом непозволительным. Мне бы, конечно, надо было как-нибудь поскорее спрятаться и уйти в свою раковинку, но уже и я был что-то чересчур монтирован * и даже отчасти рассержен ссылками на «великого Христа», на авторитет и его и других, — а я авторитетов никогда терпеть не мог еще спозаранку, с молодости, и вечно только становился против них на дыбы... Вот поэтому-то мы оба, каждый по своим привычкам и характеру, стали сердиться друг на друга и говорить уже не всегдашним голосом, а немножко сердитым и окисленным. Тут опять нелегкая дернула меня приняться за «Отче наш». Я тут стал разбирать его по косточкам, говорил, что обращение «Отче наш» равняется совершенно прошению в суд или в полицию: «ваше сиятельство», «ваше высокоблагородие»; затем следует униженное восхваление того, к кому адресуешься: «Иже еси на небесех», «ты, который живешь в Зимнем Дворце» или «ты, что обитаешь в Б. Морской, в казенном доме», — кому же это нужно? Ведь «вездесущий», «всезнающий» и т. д. очень хорошо знает и без просителя, где именно он сам живет, — к чему же это заявление об адресе? Дальше: «Да святится имя твое, да приидет царствие твое» — опять какие все глупости, придворные и униженные... На эту тему я довольно долго ораторствовал, насмехаясь и сердясь на какую-то молитву, «преподанную самим господом с неба». Толстой же немножко отгрызался и отлаивался, главное — жаловался на «насмешку», «преувеличение» и «искажение». Наконец дело кончилось тем, что мы и совсем разбесились друг на друга и перестали говорить... И мы двое шли молча, по обеим сторонам колеи, тяжко вытаскивая вязнущие ноги из песка. Так мы шли, может быть, минут 20. Дороги я, конечно, не знал, куда итти — вперед или назад, на поворотах, и молча поворачивал, куда Толстой шел. Наконец мы оба остыли; не знаю, как ему, а мне стало казаться и происшествие само и наше обоюдное положение порядком глупым. Может быть, и он тоже так думал, я уж там не знаю, только вдруг пришла минута, что мы оба разговариваем о том, о сем, но, конечно, о прежнем предмете — ни слова, ни буквы. Хорошее, светлое расположение духа скоро тоже воротилось прежнее...» (Автограф хранится в Архиве Института литературы Академии наук СССР. Письмо частично опубликовано в юбилейном сборнике «Лев Николаевич Толстой». М. — Л., 1928.)

391

[1] Возможно, что Репин говорит о своем намерении написать шествие передовых людей России на улице города.

[2] Шерстяная кольчуга-фуфайка, о которой Стасов говорил в письме от 9 декабря 1905 г.

[3] «Охлоботина» — заношенная, висящая мешком верхняя одежда.

392

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] С. И. Мамонтову.

[3] Речь идет о письме Антокольского к Репину от января—февраля 1902 года. В нем Антокольский писал: «В последнее мое пребывание в Петербурге мне передали, что ты сильно жалуешься на меня за то, что до сих пор я не дал тебе что-нибудь из моих работ взамен портрета

* Раздражен, разгорячен. — *Ред.*

в малом виде, который ты написал с меня. Признаться, мне верится этому с трудом, хотя люди, которые мне это передавали, достойны всякого уважения. Как бы там ни было, я считаю своим долгом напомнить тебе, что однажды ты сам сказал мне полушутя, полусерьезно, отчего я тебе не даю маленького «Ивана Грозного»? Я предлагал тебе взамен его большой бронзовый бюст «Ивана Грозного» или такой же бюст «Мефистофеля», так как маленького «Ивана Грозного» по странным стечениям обстоятельств я до сих пор не имею и лишь только в последнее мое пребывание в Петербурге мне показали, наконец, отчеканенную модель его.

Мне остается только повторить мое предл жение; прибавлю, что бюст «Мефистофеля» или «Грозного» ты можешь сейчас получить, маленькую же статуэтку я должен еще заказать» («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПБ и М., 1905, стр. 884).

[4] Портрет М. М. Антокольского в мастерской, в Париже, написан в 1889 г.

[5] «Гостиница Франция» в Петербурге на Большой Морской улице около арки Главного Штаба.

[6] Антокольской.

[7] Бронзовая статуэтка «Ермак» работы М. М. Антокольского была передана В. В. Стасовым в дар Русскому музею.

[8] На конверте письма пометка В В. Стасова: «Нападки».

1906

393

[1] Письмо послано по петербургской городской почте.

[2] Это были, вероятно, обещанные Стасовым в письме 9 декабря 1905 г. материалы о великих русских деятелях освободительного движения для задуманной Репиным картины «Освобождающаяся Русь».

394

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] 3 февраля 1906 г., в 49-ю годовщину смерти М. И. Глинки, были назначены открытие ему памятника на Театральной площади у Мариинского театра в Петербурге и спектакль в его память в Мариинском театре.

[3] Передача материалов, упоминаемых в письме от 29 января 1906 г., за которыми Репин хотел заехать к Стасову 3 февраля.

[4] Пригласительные билеты на открытие памятника и на спектакль.

[5] Сестра М. И. Глинки Л. И. Шестакова, чрезвычайно много хлопотавшая о памятнике брату, умерла 10 января 1906 г., то-есть за 3 недели до открытия памятника.

395

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Шлиссельбургский комитет — общественная организация для оказания помощи бывшим заключенным.

[3] Семевский Василий Иванович (1848—1916) — видный историк, автор трудов по истории русского крестьянства и революционного движения, а также о положении рабочего класса в России. Его работы отличаются богатством собранных материалов, но написаны под влиянием народнических взглядов. Был председателем Шлиссельбургского комитета.

[4] Стасов остался недоволен письмом Репина. Он писал И. Я. Гинцбургу 9 марта 1906 г.:

«Как скверно начался у меня сегодня день. Лежу в постели, читаю «Краткую историю России» (чудесная штука!) — вдруг два письма разом мне подают. Оба от «Ильи». И предосадных!! Что это с Ильями случилось? и Репин в чухонском Квакале что-то неладно квакает, и Гинцбург в чухонской островской Академии тоже что-то квакает, бедно, бессильно и беззащитно!!! Что это с Вами, со всеми Ильями, делается? Илья должен ездить по небу, в колеснице, греметь и разить, а Вы что? Трусите, пугаетесь, прячетесь, отрекаетесь, в отставку швыряетесь — на что это похоже? Кого и чего испугались? Просто досадно, и даже противно смотреть и слушать.

Какие-то трусы, какие-то робкие, какие-то испуганные! Это что еще такое??? Бывало против меня все, все, и в стихах, и в прозе, и в карикатурах, я уже и не знаю, как еще, — и я никогда не робел, не терялся, и не плакался, и не жаловался. А Вы-то все!!! Эхма, прескверно.

Мне *некогда* сию минуту писать. Оставимте до ужо̀. *Непременно* приходите ужо̀ к Дмитрию и обедать и на весь вечер. Надо поговорить обо всем» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

396

[1] На автографе надпись В. В. Стасова карандашом: «Получено 29 марта, среда».

[2] В статье «Наши нынешние декаденты» («Страна», 1906, 25 марта, № 30) Стасов писал об открывшейся после продолжительного перерыва выставке «Мира искусства». Он говорил, что на этой выставке не оказалось ничего нового: «Как всегда прежде у декадентов литературы и искусства основным, коренным положением было то, что смысл и жизненная правда не обязательны для поэзии и искусства,— так оно остается у них и поныне. Все сочетания слов, речей — в литературе, все сочетания форм, линий, фигур, красок — в живописи, все попрежнему остается лишенным какого бы то ни было рассудка, какой бы то ни было логики. Читаешь страницы декадентов-литераторов, смотришь холсты декадентов-художников — словно прохаживаешься среди сумасшедшего дома... Ведь глубочайшее убеждение декадентства то, что содержание, смысл, жизнь, существующее — все это для искусства лишнее, ненужное; всякое содержание только вредно для искусства. Нужно и интересно только то, чего нет на свете и что только выдумано из головы живописцами... Картина служит у декадентов всего более для проявления именно только каких бы то ни было сочетаний и сопоставлений их. Баловство красками, капризы и шалости ими — первейшая для него заслуга. Горы, леса, долины, деревья — все это ничто само по себе. Важно только то капризное, то фантастичное, то небывалое, что он из них придумывает состряпать и склеить».

Далее Стасов дает характеристику работ отдельных художников, представленных на выставке. Он говорит об Анисфельде и Милиоти с их комками красок, наложенных пластами. Стасов высмеивает пристрастие декадентов к модам и костюмам XVIII века, проявляющееся у художников Ульянова, Мусатова и, в особенности, у Сомова. В произведениях других представленных на выставке художников — Добужинского, А. Бенуа, Врубеля — Стасов также не находит ни содержания, ни смысла. Павел Кузнецов ему кажется самым безнадежным декадентом. У него на сцене не люди, а «привидения в хламидах, с помешанными и изведенными лицами... все краски словно стерты прочь каким-то громадным помелом, и остались только слабые, серые, выцветшие намеки на бывшую когда-то краску».

О «гвозде» выставки, картине Малявина «Вихрь», Стасов говорит: «Сначала нельзя даже дать себе отчета, что это за картина, что на ней представлено. Только после долгого и тяжкого труда различишь, наконец, где человек, где платье, где рука, где нога. На что такие сумасшедшие загадки? Кому они нужны? Собственно говоря, вся картина состоит из платья, подолов, рукавов, платков, кружащихся и раздуваемых ветром. Поверх всего этого тряпья пристегнуто несколько женских голов, но их не скоро сыщешь. Что это за нелепый каприз такой? На что он?..»

«Среди всей этой массы странных и безумных картин едва ли не единственным светлым исключением являются произведения Серова. Этот человек — настоящий, верный и справедливый талант, и можно только новый раз подивиться, как он держится и существует среди чумного сектантского задворка русского искусства... К несчастью, приходится признаться самому себе, что и его талантливых произведений коснулась тлетворная среда...»

Стасов указывает далее на отдельные недостатки выставленных Серовым портретов Шаляпина и Федотовой, которые все же являются лучшими работами на выставке.

Говоря о заверениях декадентов, будто бы русское искусство пойдет по заветам, которые указывает «Мир искусства», воспринявший якобы великие русские художественные традиции, Стасов восклицает: «Никогда. Эти карикатурные пророчества провозглашает во весь рупор декадентский пастух г. Дягилев, но для одного пасомого им стада они только и могут пригодиться. Для прочих людей и художников они смешны и забавны. Стадо г. Дягилева, рабское и безвольное, вышло из источников и преданий чужих, иностранных — сначала французских, а затем немецких. Не заключая в себе ни единой капли чего-нибудь самостоятельного, своего, декаденты наши, по непростительной своей слабости, повторяют все иноземные образцы, старательно переобезъянничивают их и пробуют, насколько позволяют их слабые силенки, перещеголять их в нелепости и глупости» (Стасов В. В., Избр. соч., т. I, М.—Л., 1937, стр. 667—676).

[3] Это были, вероятно, книжки по истории России, переданные Стасовым Репину из Публичной библиотеки.

В письме от 23 августа 1906 г. к Тархановым Репин писал: «Мы все время читаем историю Шильд[ера], Павла I, Александра I. Какие интересные книги!.. Вот где как на ладони видно, что за нелепость самодержавие; какая это невежественная, опасная и отвратительная по своим последствиям выдумка дикого человека...» (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 55.)

397

[1] Несомненно, что Стасов отвечает на письмо Репина от 28 марта, которое он получил 29 марта, и в данном абзаце имеет в виду фразу Репина: «простите за болтовню», написанную им вслед за саркастической характеристикой декадентского «стада».

[2] Письма И. Е. Репина к В. В. Стасову вместе со всем архивом Стасовых были переданы в 1918 г. П. С. Стасовой в дар Пушкинскому дому (Институту литературы Академии наук СССР в Ленинграде).

398

[1] Письмо написано на открытке с портретом В. В. Стасова в красной рубахе работы Репина в 1889 г. На автографе надпись Стасова: «перед Пасхой 1906 (март)». Дата письма определена по почтовому штемпелю — Куоккала 14. IV. 1906 г.

399

[1] Речь идет о брошюре Н. Б. Нордман «Следует раскрепостить прислугу».

[2] Л. Н. Яковлева.

400

[1] Конфликт между И. Е. Репиным и А. И. Куинджи был вызван расхождениями в оценке роли и значения Товарищества передвижников и их участия в руководстве Академии художеств.

[2] И. И. Толстой оставил пост вице-президента Академии художеств в 1905 г.

401

[1] Стасов имеет в виду письмо Репина к нему от 12 апреля 1906 г.

[2] Стасов подразумевает решение Репина не посещать собраний Академии художеств.

[3] М. П. Боткин.

[4] А. И. Куинджи, у которого отец был грек и мать — кавказская татарка.

[5] Вероятно, здесь Стасов имеет в виду искания Н. Н. Ге в области живописи, а также его «толстовство» и занятия земледелием.

[6] Первый разговор Стасова с Репиным мог быть в понедельник 28 ноября 1905 г., так как 3 декабря в субботу Стасов писал Репину: «...думаете ли Вы, помните ли Вы еще то, что мы с Вами говорили о громадной композиции «Освобождающаяся Русь», а в среду 7 декабря 1905 г. Репин писал Стасову: «...теперь уже вторая неделя работа идет».

402

[1] Письмо отправлено по петербургской городской почте. Судя по адресу у даты, оно написано на квартире архитектора И. П. Ропета (Петрова), который жил на набережной Черной речки, дом № 29.

[2] Шпора и зажигательное стекло — эмблема, которой характеризовали деятельность В. В. Стасова его друзья. Этой эмблемой был украшен адрес, преподнесенный Стасову в 1886 г. Шпора и зажигательное стекло изображены на памятнике на могиле Стасова в Александро-Невской лавре (см. Финдейзен Ник., «Шпора и зажигательное стекло» — в сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». СПБ, [1908], стр. 184—189).

403

[1] Репин под влиянием настойчивых уговоров и просьб решил вернуться на должность профессора-руководителя в Академию художеств.

404

[1] Репин впервые вышел из состава профессоров Высшего художественного училища Академии художеств 1 декабря 1905 г.

[2] Кардовский Дмитрий Николаевич (1866—1943) — известный живописец, график, декоратор и педагог. Учился в Академии художеств у Чистякова и Репина. С 1905 г. — преподаватель в мастерской Репина, с 1907 г., после ухода Репина из Высшего художественного училища Академии,— профессор-руководитель его мастерской. С 1920 по 1929 г. — профессор Вхутемаса в Москве.

В дореволюционные годы и в первые годы после революции испытывал влияние «Мира искусства». Позднее, решая темы советской действительности и иллюстрируя классиков русской литературы, настойчиво стремился к укреплению реалистической основы своего творчества, к освобождению его от элементов стилизации.

Его произведения: «Полтавская битва» (1911), портрет Е. Е. Лансере (1912), «Ленин в Горках» (1926), «Последнее заседание Совнаркома с Лениным» (1927), «Флот Петра I» (1927) и др.; иллюстрации к «Невскому проспекту» Гоголя (1905), «Княгине Лиговской» Лермонтова (1913), «Соти» Леонова (1931); декорации к пьесам «Лес» Островского (1921), «Ревизор» Гоголя (1922), «Бедность не порок» Островского (1924), «Нахлебник», «Завтрак у предводителя» Тургенева (1924).

[3] Котов Григорий Иванович (род. 1859) — архитектор, профессор Академии художеств. Академик. С 1896 г. был директором училища Штиглица. Автор проекта (совместно с Преображенским) здания Московской Городской думы, ныне Музей Ленина.

В период после 9 января 1905 г. выступал в Совете Академии с предложениями об исключении учеников Высшего художественного училища, демонстративно прекративших занятия.

[4] В этом письме Стасов с большой осторожностью высказывает свое неудовлетворение возвращением Репина в Академию. Его предположение о скором уходе Репина из Академии оправдалось в 1907 г.

[5] Высказывание Стасова о том, что крупные художники (живописцы, музыканты) не бывают хорошими учителями, является глубоко ошибочным и противоречит фактам. Талант, большой творческий опыт крупного художника имеют огромное значение в деле подготовки молодых художников. И не случайно среди учеников Репина был Серов, Шевченко учился у Брюллова, Левитан у Саврасова, Репин у Крамского.

405

[1] Письмо написано на открытке с видом водопада Иматра в Финляндии. Дата установлена по пометке Стасова на автографе карандашом: «Духов день, 22 мая (3 июня) 1906 г.». Открытка послана в конверте, на котором почтовый штемпель — Иматра, 4 июня 1906 г.

406

[1] Письмо от 22 мая 1906 г. с Иматры.

[2] Кроме настоящего издания писем Репина, вышли в свет: Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937; Репин И. Е., Письма. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М. — Л., 1946; Репин И. Е., Письма. Переписка с И. Н. Крамским. М. — Л., 1949.

В разных журналах и газетах были опубликованы отдельные письма Репина к другим лицам (В. А. Гольцеву, К. Льдову, С. П. Морозову, И. И. Ясинскому, А. П. Алабину, К. И. Чуковскому, И. И. Толстому, Н. И. Мурашко, А. В. Прахову, И. С. Куликову, И. Н. Крамскому, К. К. Костанди, И. И. Бродскому, Н. И. Гумалик, Н. М. Уварову, Д. И. Яворницкому, К. К. Олимпову, Н. С. Лескову, П. А. Добрукину, Н. П. Попову и др.).

[3] В 1906 г. М. Горький и М. Ф. Андреева, его жена, посетили вместе Соединенные Штаты. Некоторые американские газеты подняли против великого писателя травлю.

407

[1] Из посвящения А. С. Пушкиным Н. М. Карамзину «Бориса Годунова».

[2] Репин называет «Демициклом» — «Гемицикл» («Полукруг») Деляроша.

[3] Аникин Степан Васильевич (род. 1869) — член 1-й Государственной думы, «трудовик».

[4] Письмо с Иматры от 22 мая 1906 г.

408

[1] Картина Репина «Торжественное заседание Государственного совета».

[2] Пандан — предмет, однородный по размерам и характеру.

[3] Стасов говорит о задуманной Репиным картине «Освобождающаяся Русь».

409

[1] Письмо Н. Б. Нордман написано на том же листе почтовой бумаги, что и предыдущее письмо от 7 июня к Репину.

[2] Речь идет о книге Северовой Н. Б. «Возмутительно!» (комедия-водевиль в 4 действиях. СПБ, 1906) — надуманном и ложном по своей идейной направленности произведении.

[3] В архиве В. В. Стасова в Институте литературы Академии наук СССР хранится обрывок конверта с замечаниями Стасова о пьесе Н. Б. Нордман (Н. Б. Северовой) «Возмутительно!»

410

[1] Крушеван Павел (Паволакий) Александрович (1860—1909) — журналист. Ярый черносотенец, один из главных деятелей реакционного Союза русского народа. Был депутатом во 2-й Государственной думе.

[2] Стасов имеет в виду ставшее ему известным письмо И. Е. Репина Жиркевичу о Крушеване. В архиве В. В. Стасова в Институте литературы Академии наук СССР находится копия этого письма. На копии надпись рукой В. В. Стасова: «Письмо И. Е. Репина, 25 июня 1906». Письмо гласит:

«Когда я увидел на присланной Вами книжке имя Крушевана, я сейчас же бросил эту книжку* в огонь.

Мне это имя омерзительно, и я не могу пер носить ничего исходящего от этого общения.

Жалко то миросозерцание, которое гарцует на погромах... Только дрянное ничтожество может жаловаться, что его заедают жиды. Русский полицейский прихвостень Суворин всегда заест благородствующего Жида Нотовича...

Дай бог скорее отделаться от всех мерзавцев Крушеванов, которые позорят и губят наше отечество... Ох, идет, идет грозная сила народа. Фатально вызывают это страшилище невежды-правители, как вызывали японцев, и также будут свержены со всей их гнусной и глупой интригой. И самые даже благородные от природы, совращенные в лагерь Крушеванов людишки навеки будут заклеймены позором в глазах истинных сынов родины.

И чем дальше в века, тем гнуснее будут воспоминания в освободившемся потомстве об этих пресмыкающихся гадах обскурантизма, прислужников подлых давил, сколько бы они ни прикрывались «чистым искусством».

Видны ясно из-под этих драпировок их крысьи лапы и слышна вонь их присутствия». (Подлинник хранится в архиве Государственного музея Л. Н. Толстого.)

[3] «Крушение», «Крушевания» — произведения П. А. Крушевана.

[4] Гершкович Хаим — революционер, повешен в 1906 г. в Шлиссельбургской крепости. Его портрет, биография, написанный в крепости ав-

---

* Книжка эта была поэзия Крушевана (сноска на копии письма. — *Ред.*).

тобиографический очерк и письмо к матери опубликованы в журнале «Былое» (1906, июнь, стр. 214—233).

[5] Бардина Софья Илларионовна (1853—1883) — народница. Занималась пропагандой на заводах в Москве. Была привлечена по «делу пятидесяти» в 1877 г. и присуждена к каторжным работам; произнесла на суде сильную речь. Из ссылки бежала за границу.

[6] Мышкин Ипполит Никитич (1848—1885) — народник, привлекался по «делу ста девяноста трех». Позднее был расстрелян в Шлиссельбургской крепости.

[7] Цитируемое письмо опубликовано в книге: Л. Н. Толстой и В. В. Стасов, Переписка. [Л.], 1929, стр. 399.

411

[1] Письмо написано на том же листе почтовой бумаги, что и предыдущее письмо от 1 июля 1906 г. к Репину.

[2] Слова «Куоккальской шведской адмиральше» написаны Стасовым крупным печатным шрифтом и означают, что письмо адресовано Н. Б. Нордман, дочери адмирала шведского происхождения.

[3] Изида — богиня женского плодородия в древнем Египте.

[4] Апеллес — знаменитый греческий живописец второй половины IV в. до н. э.

[5] Семирамида — мифическая ассирийская царица, жена Нина, основательница Ниневии. Строительница города Вавилона с его висячими садами, считавшимися одним из семи чудес древности.

[6] Архимед (287—212 гг. до н. э.) — величайший математик и механик древней Греции. Ему приписывают изобретение правила рычага, водоподъемной машины (Архимедов винт), камнеметательных машин; открытие законов равновесия, гидростатики (закон Архимеда) и центра тяжести, а также вычисление объема шара, цилиндра, конуса, отношения диаметра к окружности и пр. Убит римлянами в Сиракузах.

[7] Меридово озеро — одно из знаменитых древнейших гидротехнических сооружений в Египте (оазис Фаюм).

[8] Салманассар — имя нескольких ассирийских царей-завоевателей в VIII и IX вв. до н. э., строителей городов и роскошных дворцов.

[9] Стасов говорит о различных затеях Н. Б. Нордман, устраиваемых ею в «Пенатах».

[10] Пегас — в греческой мифологии крылатый конь Зевса. Пегаса называют иногда «конем муз», вдохновляющим поэтов.

Здесь под Пегасом Стасов подразумевает пьесу Нордман «Возмутительно!»

[11] Сфинкс — по мифологии древних греков, чудовище с лапами льва, туловищем собаки, грудью и головой женщины и с крыльями. Мифический древнегреческий царь Эдип разгадал три загадки Сфинкса.

[12] В письме чувствуется возмущение Стасова бессмысленной, сумбурной пьесой Н. Б. Нордман — одним из ее чудачеств.

412

[1] Письмо написано в Куоккала.

[2] Сакия-Муни — мифический мудрец из царского индийского рода, прозванный Буддой. Основатель буддийской религии.

[3] Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — крупный царский чиновник. После 9 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, ожесточенный преследователь революционеров.

413

[1] Письмо вложено в один конверт вместе с предыдущим письмом И. Е. Репина от 4 июля 1906 г. На письме приписка Стасова: «5 июля 1906».

414

[1] Кречетов Федор — один из первых «конституционалистов», выступавший во второй половине XVIII в. против самодержавной власти. Пробыл шесть лет в Шлиссельбургской крепости.

[2] Имеется в виду статья: Корольков М., Поручик Федор Кречетов. Шлиссельбургский узник XVIII столетия. «Былое», 1906, апрель, стр. 43—66.

[3] Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — писатель и философ, горячий патриот и обличитель отсталости России как следствия самодержавно-крепостнического строя. Член тайного общества декабристов, друг Пушкина. В 1836 году Чаадаев опубликовал в «Телескопе» знаменитое «Философическое письмо» с резкой характеристикой николаевской России. За это письмо Чаадаев был объявлен сумасшедшим и до конца жизни находился под надзором.

В. В. Стасов выполнил в 1905—1906 гг. большой труд о Чаадаеве. Он собрал все его сочинения, переписку, отзывы о нем и составил библиографию о Чаадаеве. Эта работа под названием «Собрание сочинений П. Я. Чаадаева» должна была выйти в свет в 1906 г., в пятидесятилетие смерти Чаадаева, и была уже начата печатанием; 5 августа 1906 г. Стасов писал брату Д. В. Стасову: «Моя книжка про Чаадаева уже в типографии. Авось осенью выползет». Вслед за тем типография, где печаталась эта книга, была закрыта полицией, а после ее открытия оказалось, что рукопись Стасова исчезла; копии с нее не было, и книга осталась ненапечатанной. Незадолго до смерти В. В. Стасов написал к этой книге обширное предисловие. Оно опубликовано в «Русской старине» (1908, январь, стр. 33—54, и февраль, стр. 271—297).

415

[1] В понедельник 24 июля 1906 г. Стасов со своими домашними был у И. Е. Репина в Куоккала. В письме от 5 августа 1906 г. к брату Д. В. Стасову он описывает это событие: «Недавно я был на двух рожденьях: одно — профессора ИЛЬИ Ефимовича, которому стукнуло 24 июля 62 года. Мы все там были, обедали (но уже ничуть не вегетариански, это уже заброшено к чорту (les bonnets jetés par-dessus les moulins *), а после обеда новорожденный потребовал непременно нарисовать мой портрет — и нарисовал (грудной, en face **, карандашом, с прибавкой капельки красной краски на щеках). Вышло прекрасно, к крайнему моему удивлению, во-первых, потому, что уже темнело и времени прошло разве что час с небольшим, а во-вторых, потому что профессор ИЛЬЯ довольно неудачно делает всегда свои портреты карандашом или пером — ему нужны прежде всего кисти, краски, холст. Это, кажись, 8-й мой портрет, деланный г. профессором. Другой портрет он тут же показывал — их кухарки Домны, — истинный cher d'oeuvre à la Holbein *** — превосходно! Да, но то уже были краски! С меня потребо-

---

* Этим уже пренебрегают. — *Ред.*
** В фас, прямо. — *Ред.*
*** Шедевр вроде Гольбейна. — *Ред.*

вал непременно написать мне тут же что-нибудь своей рукой. Я долго отнекивался; однако нечего делать, написал сбоку, пониже плеча: «Рисован этот мой портрет в Куоккала, в попугайской клетке, в русский черный месяц, в красный репинский день 24 июля 1906 года...» И при этом мы с Ильей перебирали разные старые 24 июля в Лондоне и Париже, проведенные нами троими вместе (Анток[ольский], Илья и я), когда день начинался поднесенными мне чудесными персиками в корзинке или ананасами в сахаре, а продолжался обходами музея Лувра, ездой на пароходике в загородные дворцы и галлереи, а кончался обедом у Вефура в Пале-Рояле или у Маргерù на бульваре Bonne-Nouvelle...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[2] Флаги отцовские — адмиральские флаги отца Н. Б. Нордман.

[3] Дочерний портрет — вероятно, это один из портретов Н. Б. Нордман работы Репина.

[4] По свидетельству В. Д. Комаровой-Стасовой, это был фотографический портрет И. Е. Репина, воспроизведенный на открытке. На той же стороне открытки было факсимиле И. Е. Репина:

«Живость образов, очарование света и глубина настроения составляют душу искусства живописи. Форма его тело.

Как безжизненное произведение мертво, сухо, так недоразвившееся в форме — уродливо, жалко.

Илья Репин».

Такая открытка с надписью на оборотной стороне рукой Н. Б. Нордман: «В наш стасовский день в «Пенатах». М. Н. Стасовой», хранится в архиве Стасовых в Институте литературы Академии наук СССР.

Такая же открытка была подарена 24 июля 1906 г. Н. Ф. Пивоваровой.

416

[1] «Бен-Изак» — литературное произведение скульптора М. М. Антокольского, начатое еще в годы его пребывания в Академии художеств. Об этом подробно рассказывает И. Е. Репин в своем письме В. В. Стасову от 15 августа 1906 г.

[2] Это были барон Давид Горациевич Гинцбург, сын банкира, ориенталист, и скульптор Илья Яковлевич Гинцбург.

[3] По словам В. Д. Комаровой-Стасовой, корректором Антокольского был Волков Федор Кондратьевич, археолог и этнограф, большой приятель Стасова, выправлявший текст Антокольского до передачи в типографию.

[4] В автографе написано: «чипке».

[5] Вероятно, Стасов говорит здесь о письме Репина от 29 июля 1906 г. к Е. П. Тархановой-Антокольской с воспоминаниями об Антокольском (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 53—54).

[6] Деревянная резная решетка над могилой М. М. Антокольского на Преображенском еврейском кладбище была последним архитектурным созданием В. В. Стасова для охраны близких ему людей.

[7] Глыбовский Иосиф Иванович — сотрудник газеты «Новое время». Упоминаемый Стасовым фотографический снимок опубликован в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» (1906, 9 августа, № 10921).

417

[1] Письмо написано в Куоккала. Репин писал его с 15 по 19 августа. Почтовый штемпель на конверте — 20 августа 1906 г.

[2] Л. Н. Яковлева.

[3] Буткевич (Будкевич) Иосиф Константинович (род. 1841). В 1866 г. был вольнослушателем Академии художеств. В 1871—1873 гг. ученик Академии.

[4] Николай Петрович Собко на станции Финляндской железной дороги попал под поезд и вскоре скончался. Написанный В. В. Стасовым некролог «Николай Петрович Собко» был напечатан в газете «Страна» (1906, 17 августа, № 136). В заметке «Похороны Н. П. Собко» («Страна», 1906, 23 августа, № 141) приведена речь В. В. Стасова у могилы Н. П. Собко.

418

[1] Сделаны начерно (фр. ébaucher).

[2] Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1867—1938) — скульптор-реалист, находившийся под сильным влиянием импрессионизма, автор произведений: «Извозчик с каретой», «Дети», «Дама с собачкой», «Мать и сын», «Лошадь с жеребенком», «Лев Толстой верхом», бюстов Л. Н. Толстого, И. И. Левитана, Ф. И. Шаляпина, памятника Александру III в Петербурге и др.

В своих произведениях стремился передать мимолетно схваченное впечатление от действительности, «мгновения жизненной правды». Его станковые работы выразительны, непосредственны, передают жизненную трепетность натуры, но лишены глубокого социального содержания и высокой идейности. Для работы Трубецкого характерны быстрый, короткий мазок, создающий причудливо неровную фактуру с богатой игрой светотени, нарочитая незавершенность и эскизность формы. Трубецкой занимался также педагогической деятельностью.

[3] Черновые, эскизные наброски.

[4] После слова «провал» В. В. Стасов добавил в автографе: «Анток[ольского]».

419

[1] Репин закончил свои воспоминания об Антокольском в письме Е. П. и И. Р. Тархановым 23 августа 1906 г. (Репин И. Е., Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.—М., 1937, стр. 55—56). Повидимому, письмо В. В. Стасова от 22 августа подтолкнуло Репина к этому.

420

[1] Стасов имеет в виду два письма Репина к нему — от 15 и 20 августа 1906 г.

[2] Е. П. Тарханова-Антокольская.

[3] В терракоте.

[4] Аллегри Грегорио (1580—1652) — итальянский композитор, автор духовных сочинений, в том числе знаменитого «Мизерере» (Помилуй мя, боже, — Miserere mei, Domine), которое исполнялось в темноте в Сикстинской капелле в Ватикане певчими папы. Его не разрешалось ни издавать, ни списывать. Моцарт, прослушав «Мизерере», записал его по памяти, после этого оно было издано.

[5] Энгельгардт Василий Павлович — музыкант и астроном. Родственник М. И. Глинки; собрал много его рукописей и принес их в дар Публичной библиотеке в Петербурге. Учился вместе с Д. В. Стасовым в Училище правоведения.

421

[1] В субботу 26 августа — именины Н. Б. Нордман.
[2] Лев Толстой. Жизнь и творчество.
[3] У Ивана Ивановича Толстого.

422

[1] Стасов приглашал И. Е. Репина к себе на литературно-музыкальный вечер, состоявшийся 3 сентября 1906 г., с участием Ф. И. Шаляпина, Н. А. Римского-Корсакова, Глазунова, Ф. Блуменфельда, И. Я. Гинцбурга, с друзьями и родными, Репин в своем письме объясняет причину отсутствия на вечере.

Описывая этот вечер в письме к Д. В. Стасову от 4 сентября 1906 г., Стасов особенно восторгается пением Шаляпина.

После пения Шаляпин читал произведения М. Горького: «Город Желтого Дьявола» и «Прекрасная Франция», о которых в том же письме брату В. В. Стасов писал: «Оба истинные chefs d'oeuvre'ы! Настоящий Байрон нашего времени. Какая сила! Какая красота! Какая картинность языка! Можно только удивляться краскам Максима Горького. Для меня эти две вещи — наравне с «Человеком» — лучшие его создания. Это именно то, что от него останется навеки, вместе с «Буревестником», с «Песнью о Соколе», с «Дятлом»...» (Письмо частично опубликовано в книге: Каренин Влад., Владимир Стасов. Л., 1927, стр. 681—683. Хранится в Архиве Института литературы Академии наук СССР.)

[2] Е. П. Тархановой-Антокольской.

423

[1] Перечисляя — храм Изиды (или богини Гатор), каскады, пруды, мостики и черные и белые собачки и собачонки,— Стасов имеет в виду затеи Н. Б. Нордман в «Пенатах».

[2] Ф. И. Шаляпина.

[3] В. В. Стасов отправил в Америку собрание керамики (русских народных игрушек, глиняных изделий, а также изделий из терракоты (terres cuites) по рисункам Е. М. Бём). Эта коллекция, предназначавшаяся для одного из частных собраний керамики в Нью-Йорке, была разбита в пути.

[4] Срочная телеграмма, посланная В. В. Стасовым 3 сентября в «Пенаты» с приглашением Репина и Нордман на вечер с участием Шаляпина.

[5] Ф. И. Шаляпин.

[6] Бюст Ф. И. Шаляпина работы скульптора П. Трубецкого.

[7] Картина «Освобождающаяся Русь», тема которой была предложена Репину Стасовым.

[8] Петцольд Мария Валентиновна — вторая жена Ф. И. Шаляпина.

424

[1] Картина «Освобождающаяся Русь».

[2] Репин говорит о XXXIV передвижной выставке.

[3] Картина «Черноморская вольница». Эскиз к ней был написан в 1902 г. На конверте к письму надпись В. В. Стасова «Стенька Разин».

[4] В вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» (1906, 11 сентября, № 9486) была опубликована заметка: «Новые картины Репина».

В заметке говорилось о картине «Черноморская вольница» и о картинах на революционные темы. Названия картин И. Е. Репина были в заметке искажены.

425

[1] В сентябре 1906 г. С. П. Дягилев устроил в Париже выставку произведений русских художников XVIII и XIX вв. В том же году эта выставка была в Берлине.

[2] Великий князь Владимир Александрович, президент Академии художеств, и граф Иван Иванович Толстой, бывший вице-президент Академии художеств, участвовали в организации парижской выставки. И. И. Толстой, по поручению Владимира Александровича, 1 августа 1906 года послал Репину телеграмму с приглашением выставить некоторые работы на этой выставке. 4 августа Репин имел с Владимиром Александровичем разговор о желательности возвращения Ивана Ивановича в Академию художеств и об устраиваемой Дягилевым парижской выставке. Об этом посещении Репин писал И. И. Толстому 5 августа 1906 г.

Из работ И. Е. Репина на парижской выставке были выставлены четыре портрета и один эскиз.

[3] Данное письмо В. В. Стасова было, повидимому, последним его письмом к И. Е. Репину.

В нем критик остался до конца верным своим общественным и эстетическим взглядам. Он продолжал отстаивать принципы идейности, демократизма и реализма в искусстве, выступал против формализма, безидейности, декадентства в художественном творчестве, выражал глубокую ненависть к самодержавному строю. Несмотря на преклонный возраст, Стасов до конца жизни полностью сохранил свои убеждения, ясность своего ума, непреклонность воли и необычайную жизнедеятельность. Незадолго до смерти он хлопотал о разрешении на посещение в тюрьме своей племянницы, деятеля большевистской партии Е. Д. Стасовой, неустанно заботился об издании повести М. М. Антокольского «Изак», о сооружении памятника Л. И. Шестаковой, вел переписку с Л. Н. Толстым, Н. А. Римским-Корсаковым, Ф. И. Шаляпиным, живо откликался на все события современности, вел споры об искусстве и «новейших философских школах», продолжал свою работу в Публичной библиотеке.

30 сентября 1906 г. могучий организм В. В. был сражен параличом. Смерть наступила 10 (23) октября 1906 г. Знаменательно, что незадолго до смерти, уже будучи парализованным, сознавая свое положение, Стасов сильно беспокоился о судьбе одного арестованного жандармами молодого человека, о сооружении ограды на могиле выдающегося скульптора М. М. Антокольского. Вся жизнь пламенного критика-патриота до последних предсмертных часов была посвящена родине и борьбе за передовое, реалистическое искусство, выражающее высокие освободительные идеи современности.

Художественно-критическая деятельность В. В. Стасова, нашедшая яркое отражение в его письмах к И. Е. Репину, — выдающийся образец высокого преданного служения деятеля искусств интересам родного народа.

Письма И. Е. Репина к В. В. Стасову в периоды, когда великий художник прочно стоял на позициях реализма и демократической народности, так же замечательный документ эпохи.

Этот документ является не простой летописью внешних фактов жизни и деятельности И. Е. Репина, — он раскрывает нам внутренний мир великого реалиста, показывает нам величие и благородство его художественных задач, смелость и глубину его мыслей, его связь с народом и передовой, демократической мыслью.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ К ПЕРЕПИСКЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ В. В. СТАСОВА

426

[1] После смерти В. В. Стасова И. Е. Репин вел переписку с его братом Дмитрием Васильевичем, ставшим главой семьи Стасовых, и женой Дмитрия Васильевича — Поликсеной Степановной. Эта переписка свидетельствует о глубоком внимании Репина к памяти своего друга и учителя.

Вместе с другими друзьями В. В. Стасова Репин принимает участие в сооружении мемориальной доски на даче В. В. Стасова в деревне Старожиловке, где у критика постоянно собирались многие лучшие представители русской передовой культуры. Репин интересовался публикацией переписки В. В. Стасова, выполнявшейся Д. В. Стасовым и его дочерью В. Д. Комаровой, и помогал им в собирании писем. В пятую годовщину смерти Владимира Васильевича И. Е. Репин хлопотал о проведении собрания в память своего друга.

Репин не только бережно хранил память о В. В. Стасове, но и продолжал отстаивать многие основные принципы и положения разделявшейся Стасовым просветительской эстетики.

Из письма Репина к Д. В. Стасову от 4 мая 1910 г. видно, что Репин сохранил после смерти В. В. Стасова резко отрицательное отношение к так называемым «новым», а по существу формалистическим течениям в искусстве. Как свидетельствует переписка, Репин полностью отошел от временных своих увлечений декадентской эстетикой и декадентским искусством, которые проявились у него в 90-е годы.

Пользуясь выражениями В. В. Стасова, Репин называет «лагерем прокаженных» кружок декадентов, группировавшийся вокруг журнала «Аполлон». Выставку иностранных «левых» художников Репин называет «бедламом сумасшедших».

Публикуемые вместе с перепиской воспоминания И. Е. Репина о В. В. Стасове еще более раскрывают ту огромную роль, которую выдающийся русский художественный критик играл в формировании и развитии великого русского художника.

[2] Упоминаемое здесь письмо В. М. Васнецова хранится вместе с письмом И. Е. Репина к Д. В. Стасову в Архиве Института литературы Академии наук СССР. В нем В. М. Васнецов писал: «Дорогой Илья Ефимович. Мне очень грустно, что я до сих пор ничем не мог выразить свое глубокое почтение к памяти скончавшегося Владимира Васильевича Стасова. Мне неизвестно совсем: кто его семья и где живет. Не знал также я, что ты в настоящее время в Петербурге.

А теперь, хоть немного и поздно, но позволь обратиться к тебе с покорнейшей просьбой: передать потерявшим его родным мое сердечное сочувствие их горю. Прошу также, если между Вами, художниками, возникнет мысль почтить память Владимира Васильевича каким-либо внешним способом, присоединить к участию в этом и мое имя. Он много послужил русскому искусству словом и делом. С ним можно было не соглашаться и много спорить; но нельзя его не любить и не уважать за его искреннюю, непритворную любовь к родному искусству и русским художникам.

Вечная Ему память!

Преданный Тебе

Твой *В. Васнецов.*

29 октября 1906 г.»

Тогда же И. Е. Репин писал В. М. Васнецову:

«Куоккала. 2 ноября 1906

Дорогой Виктор Михайлович,

Твое письмо о В. В. Стасове я отправляю брату его Дмитрию Васильевичу.

Меня очень тронуло твое сочувствие родным этого выдающегося человека. (А я живу вблизи Петербурга (час езды) Финл. ж. д.)

На похоронах Стасова мне было ясно, что добродетель торжествует. Этого искренно любящего искусство человека собрались проводить все, кто его знал. И общество вышло хорошее, настроение было трогательное, серьезное и сердечное. Тихо и с большим чувством несли его на руках до могилы; дивные певчие и эта погребальная трагедия проникла всю большую толпу. Прощались с ним задушевными речами и долго не расходились.

Твой *Илья.*

Александре Владимировне, Татьяне Викторовне и твоим бравым сыновьям посылаю сердечный привет» (Архив Третьяковской галлереи).

427

[1] Письмо написано в Куоккала. Датировано по старому стилю, так же датированы и последующие письма Репина из Куоккала.

[2] Репин сообщает адреса лиц, которых Д. В. Стасов хотел поблагодарить за выраженное соболезнование в связи с кончиной В. В. Стасова.

[3] Цветков Иван Евмениевич (1845—1917) — владелец картинной галлереи в Москве. Член Академии художеств. Собрание Цветкова позднее вошло в состав Третьяковской галлереи.

[4] Стасов Андрей Дмитриевич, сын Дмитрия Васильевича.

[5] Портрет В. В. Стасова (1883) работы И. Е. Репина, находившийся в собрании Д. В. Стасова.

[6] Речь идет об устройстве симфонического концерта в память В. В. Стасова. Концерт, под управлением Ф. М. Блуменфельда, состоялся 26 ноября 1906 г. в Дворянском собрании в Петербурге.

Программу концерта составляли симфонические произведения, посвященные В. В. Стасову: 1) «Памяти В. В. Стасова» — прелюдия А. К. Глазунова; 2) Увертюра к трагедии «Король Лир» М. А. Балакирева; 3) «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова; 4) «Буря» — фантазия П. И. Чайковского; 5) «Баба-яга» — картинка А. К. Лядова; 6) Вступление «Рассвет на Москве-реке», антракт «Поезд кн. Голицына» (из оперы «Хованщина») М. П. Мусоргского; 7) Торжественное шествие (по случаю празднования 50-летней деятельности В. В. Стасова) А. К. Глазунова.

1907

428

[1] Адрес и текст письма написаны почерком Н. Б. Нордман на открытом письме, изданном в пользу Общины св. Евгении. На обороте открытки портрет В. В. Стасова в красной рубахе, написанный И. Е. Репиным в 1889 г.

Открытка была переслана Д. В. Стасову в закрытом конверте с петербургским почтовым штемпелем.

[2] 15 июля — день именин В. В. Стасова.

429

[1] После смерти В. В. Стасова Д. В. Стасов занимался разборкой архива своего брата. При этом он обращался за справками об адресатах и другими сведениями к И. Е. Репину.

[2] Фидлер Федор Федорович — литератор. Репин рисовал Фидлера в 1893 г.; рисунок находится в Литературном музее в Москве.

[3] Майоликовая доска работы архитектора И. П. Ропета, с текстом С. А. Венгерова:

«На этой даче 28 лет жил пламенный истолкозатель
и поборник русского искусства
В. В. Стасов.
1878--1906»,

была прибита 18 мая 1908 г. на даче Елены Безруковой в деревне Старожиловка, Парголово.

430

[1] Портрет В. В. Стасова, написанный И. Е. Репиным в 1905 г. в Куоккала. Репродукция имеется в Иллюстрированном каталоге XXXIV передвижной выставки. 1906 г., изд. Фишера, Москва.

[2] Речь идет о письме В. В. Стасова И. Е. Репину в Чугуев от 27 апреля 1877 г. Письмо опубликовано во втором томе переписки И. Е. Репина с В. В. Стасовым под № 94.

[3] Заказ на посмертный портрет В. В. Стасова.

[4] Ткаченко Василий Иванович (род. 1880). Учился в Академии художеств с 1900 по 1909 г. Получил звание художника за картину «Пикник».

1908

431

[1] Д. В. Стасов, собирая сведения об отношениях В. В. Стасова с русскими художниками, хотел, вероятно, осветить и его отношения с В. Д. и Е. Д. Поленовыми.

[2] Поленова Елена Дмитриевна (1850—1898) — живописец-жанрист и иллюстратор. Ученица Крамского и Чистякова. Выставлялась в Обществе поощрения художеств и в Товариществе передвижников. В последние годы находилась под влиянием декадентства.

Собирала по деревням, монастырям и провинциальным городам предметы старины и обихода и делала зарисовки. Работала для абрамцевских мастерских С. И. Мамонтова, являясь одной из создательниц «русского стиля» в прикладном искусстве. Иллюстрировала ряд изданий русских сказок.

1909

432

[1] Речь идет о портрете В. В. Стасова, написанном Репиным в 1883 г. и находившемся в собрании Д. В. Стасова. Портрет в настоящее время находится в Русском музее.

[2] Саксонская Швейцария — живописная горная местность к юго-востоку от Дрездена, на границе с Чехией.

1910

433

[1] Портреты В. Д. Спасовича (1891) и В. Н. Герарда (1893) были заказаны Репину Петербургским Советом присяжных поверенных, в зале которого они находились до Октябрьской революции, затем поступили в Русский музей. Д. В. Стасов был председателем Петербургского Совета присяжных поверенных.

434

[1] Портрет Д. В. Стасова написан В. А. Серовым в 1909 г. темперой на картоне. Находится в Русском музее.

[2] «Лагерь прокаженных» — перефразировка названия статьи В. В. Стасова «Подворье прокаженных», опубликованной в газете «Новости и биржевая газета», 1899, № 39, по поводу первой выставки художественного объединения «Мир искусства».

[3] Бакст Лев Самойлович (1866—1924) — живописец, театральный декоратор и график, участник группы «Мир искусства». Творчество Бакста отличалось стилизацией. Автор реалистических портретов (Чехова и др.). Жил в Париже.

[4] «Аполлон» — ежемесячный художественно-литературный журнал реакционно-эстетского направления, издававшийся с 1909 по 1917 г. художественным критиком-формалистом С. К. Маковским (редактор) и М. К. Ушковым.

[5] Репин имеет в виду «Салон Издебского» — выставку иностранных левых художников, помещавшуюся в доме армянской церкви на Невском проспекте. О посещении этой выставки Репиным картинно рассказывает К. Чуковский в своих «Воспоминаниях». — Репин «...вошел в залу, шагнул к одной картине, к другой, огляделся по сторонам и закричал на всю выставку:

— Сволочь!

И затопал ногами и стал делать такие движения, будто хотел истребить все кругом.

Издебский было разлетелся к нему, но Репин в исступлении мог выкрикивать только такие слова, как «карлик», «мазила», «скопец», «лакейская манишка», «холуй», и эти слова сдунули Издебского, как буря букашку». (Чуковский Корней, Репин. (Из воспоминаний.) М. — Л., «Искусство», 1945.)

[6] Армянская церковь на Невском проспекте. Построена архитектором Фельтен в 1779 г.

[7] Несколько позже И. Е. Репин свое возмущение этими упадочническими выставками высказал в печати. По поводу выставки в редакции журнала «Аполлон» он опубликовал в газете «Биржевые ведомости» (вечернее издание, 1910, 15 мая, № 11715) статью «В аду у Пифона». В той же газете (вечернеее издание, 1910, 20 мая, № 11723) появилась его статья «Салон Издебского».

Обе статьи ярко освещают отношение И. Е. Репина к декадентству, к формалистической живописи. Репин убедился в разлагающем влиянии декадентства, сводившего, в конечном результате, живопись к извращенной, непонимаемой нормальными людьми мазне и своим космополитизмом подрывающего корни здорового, реалистического искусства.

В своих выступлениях Репин является продолжателем дела Стасова. Эти статьи Репина важны для понимания его взаимоотношений со Стасовым в период борьбы последнего против формализма и декадентства в русском искусстве.

В статье «В Аду у Пифона» Репин писал:

«(Редакция «Аполлон», по ошибке, взяла себе имя бога солнца, света и красоты: она всецело служит отвратительному египетскому божеству — Пифону — безобразный раскоряка, в виде лягушки, он олицетворяет все гнусное и вредное в жизни человека)...

Моим Вергилием в аду «Аполлона» был Н. Д. Ермаков. И когда со стен лезли в глаза мои отвратительные малевания циклопов — учеников г. Бакста, я не знал, куда укрыться и хватился за плечи моего спутника, чтобы не упасть от головокружения...

— Пойдемте отсюда, говорю я спутнику, это нестерпимо!

— Да вы вникните в эти работы, всмотритесь, нельзя же так голословно порицать... — знакомый голос, я обернулся.

Это говорила обиженно, до раздражения, Е. Н. Званцева, директрисса школы г. Бакста. Так было странно видеть почтенную фигуру женщины и слышать красивый тембр ее голоса в этом чаду миазмов художественного разложения, в этой оргии пластического невежества...

— Посмотрите на эти изломанные колбасы — оглобли, вместо рук; мешки, набитые трухой, вместо животов; исковерканные, изломанные кисти, следки, вроде лаптей... И какая дерзость и цинизм: женская модель в колоссальную величину, с такими негодными средствами!

...Неужели руководитель находит это возможным для выставки?! Кто может выносить этот кошмар холстов!!

— Да, у нас здесь была академия и очень хвалила все это, — говорит с достоинством г-жа Званцева.

Я: какая академия? Не может быть! Да будет проклята академия, которая может одобрять такой вандализм форм... И эта дикая размалевка разнузданных невежд! Красит организм, как заборы!..

Да им только и красить заборы.

И я выскочил на улицу не прощаясь...»

Вторая статья Репина — «Салон Издебского» — является продолжением первой:

«Целью нашего обозрения, — писал Репин, — стоял «Салон» (Издебского), а на выставку учеников Бакста мы заехали по пути. Меня очень интересовали работы А. Г. Явленского и М. В. Веревкиной в «Салоне» в армянской церкви...

Здесь ожидал нас целый ад цинизма западных бездарностей, хулиганов, саврасов без узды, на полной свободе выкидывающих курбеты красками на холстах.

Я совершенно убежден, что декадентом — нарочито может быть только бездарный хам, или психически больной субъект. В варварской душе хама вы видите ясно холодного скопца в искусстве: он идет на продажу для скандального успеха — ясно.

Страстная любовь к искусству у истинных избранников приковывает

их до самозабвения к обожаемому предмету, они душу свою жертвуют для достижения совершенства в искусстве.

Искусство есть самый высший дар человеку, святая святых его.

И вот в это святая святых вползает дьявол и цинически оплевывает сущность красоты жизни, природы.

Глубина, поэзия, величие идеи высшего разума в искусстве заменяется понемногу глупостью бесстыдного кривляки, безобразием! уродством выкидышей... все эти мазилы, прежде всего, лентяи и холодные скопцы в искусстве.

И чем заставите вы истинный талант писать таких отвратительных белых кукол, с тифозными пятнами на теле, с дырами вместо глаз, носа и губ, зияющими красными ранами, с отвалившимися конечностями прокаженных?!..

А пейзажи?!..

«Сезанн»! — на эту манеру живописи лучший ответ — моментальная фотография с осла, написавшего хвостом картину...

— Что-о-о-о?! — нагло подняв голову, самоуверенно заявляет дух цинизма (Дьявол).

— Я заставлю прессу — великую силу — трубить этому искусству славу на весь мир: приедут миллиардеры из Америки, будут платить сумасшедшие деньги за этот легко и скоро производимый товар. Мы заполним им все музеи и частные галлереи. Мы выбросим все бывшее дорогим для вас и вы поклонитесь моим мазилам ордена ослиного хвоста! В Москве уже некоторые поклонились.

— Вы, кажется, по отсталости, воображаете, что те москвичи все еще едят ученых свиней и очаровательно поющих соловьев? — Ошибаетесь, теперь они коллекционируют матис[с]ов.

Такая откровенная идея царила в стенах «Салона» Издебского и громко кричала о себе. Хорошо, что в залах было пусто, и хозяева предприятия имели весьма угнетенный вид. Говорят, часто публика требует деньги назад и скандально шумит перед ослиным творчеством...

— Пойдемте, нет мочи терпеть долее эти миазмы! — обращаюсь я к терпеливому спутнику.

— А как же Явленский и Веревкина? Ведь мы их еще не видели, — сказал мне добрый Вергилий.

— Ищите их, дорогой мой, а я буду смотреть в окно пока; глаза мои заболели от этой дерущей грубости красок хулиганов.

Я вспоминал.

Сама Марианна Владимировна Веревкина до 1894 г. в Петербурге произвела нескол ко замечательных полотен... Пластика и сила черного тона этих характерных картин сделали бы честь всякому первоклассному мастеру... Силу света, характерность и жизнь этих фигур похвалил бы сам Мурильо и позавидовал бы ей Зурбаран.

В Мюнхен после этих работ М. В. уезжала с большими планами; эта талантливая особа кипела жизнедеятельностью и имела большой кругозор идей при своем недюжинном художественном образовании...

Года два назад в «Салоне» Серг. Маковского впервые у нас появились апельсины на голубой плоскости, покатой к зрителю (холст все держит). Это были работы Явленского. Они были плохи, аляповаты, бессмысленны и явное подражание уже избитому... Но я еще ждал: он не бездарностью был у нас, только с л нцой...

— Ах, да ведь вот это и есть работы Явленского, — крикнул мне Николай Дмитриевич: — сколько раз мы проходили мимо их и вы еще махали на них безнадежно рукой.

Боже!.. Ну, этого не стоило искать; пухлая отсебятина: желто-зеленые лица, с японской краской костюмов (сочетание, весьма использован-

ное мюнхенскими декораторами). Даже на вывеску забракуют... У этой-то шея — профиль — распухла; черный веер... Ой, пойдемте! Лучше бы не искать!..

— А внизу Веревкина, — указывает Вергилий.

— Не может быть! — вздыхаю я. «Вот вам конец нелюбимый «Мира любимейшей сказки»... Ах, как грустно... Почему же при всех удобствах западных приспособлений в среде — бучиле искусства — такие отрицательные результаты?..

Ведь и эти кругом не продавшиеся, а помешавшиеся от непосильных потуг, — ведь и они все жертвы самообольщения... Страшное пробуждение: «И я не гений!» Да, друзья мои, мы посредственные работники в культе великого Аполлона.

Может быть, в культе Пифона вас оценят иначе, вам дадут дороже. Я вам не завидую...

Вами стараются теперь, служители тьмы Пифона, ослепить великого бога солнца. Сами они — карлики, и своим экраном из вас они заслоняют свет только на высоту своего пигмейского роста. А свет божественной красоты светит выше вас и освещает всю глубину бесконечности...

А вы тут, у подножия, скоро погибнете... Навоз из вас даст удобрение будущему гению... Будем терпеливы к этому процессу природы... Без жертв не бывает... А хамы скоро займутся более доходным, как только меценаты поумнеют и разовьются вкусом.

— К выходу, к выходу!.....»

1911

435

[1] Письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову были опубликованы в «Русской музыкальной газете», 1911, № 10, стб. 13—31, а затем изданы редакцией газеты отдельной книгой с приложением писем В. В. Стасова к Мусоргскому (Мусоргский М. П., Письма к В. В. Стасову. СПБ, 1913).

436

[1] Языково — имение Д. В. Стасова в Новгородской губернии.

[2] Имеются в виду письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову.

По поводу этих писем И. Е. Репин писал редактору-издателю «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзену 8 сентября 1911 г. из Куоккала:

«Приношу Вам глубокую благодарность за №№ «Русск[ой] музык[альной] газеты», с письмами Мусоргского Стасову. С каким наслаждением перечитывал я эти полные таланта кипучие страницы! Так живо воскресло все время нач[ала] 70-х годов. Ах, какое поэтическое, творческое время! И Владимир Стасов — какая это созидательная, любвеобильная сила! Как он обожал и жил только художественным миром! Ночей не спал, работал, искал, опекал, помогал, направлял всех и радовался больше всех за все и вся. Потому что много он вкладывал во все это тогда совсем новое, небывалое движение в искусстве исключительно на родной почве, ревниво самобытной, особливо оригинальной, живой, живой, как кровь, — много: себя самого, своего сердца русского, своей души, глубоко просвещенной. О, этот вождь хорошо знал своих сподвижников и имел огромные нравственные средства обеспечивать их в трудные минуты.

И никто, кажется, из всей плеяды не нуждался так в Стасове, как «наш бедный Мусорянин», как частенько говорил о нем Владимир Васильевич с потрясенным сердцем...

Да, любил он его больше всех час и ценил его гениальный талант, как никто тогда. Высочайший экстаз души маститого критика так искренно и громко лился через край, с таким торжеством смаковал он каждую нотку и каждую строчку этого самородка-гиганта, сидевшего еще в сиднях, наподобие Ильи Муромца.

А сам Модестище! Как я счастлив, что сподобился перечитать о многом только теперь, в его письмах. Я только догадывался тогда об этой его гениальности: она скромно пряталась, б[ольшей] ч[астью] под игривым остроумием и манерой гвардейца выбрасывать скандачка, даже глубочайшие — сердца горестные — заметы...

Прилагаю здесь его единственное уцелевшее письмо ко мне. Были у меня стихи, написанные мне. Вероятно, я подарил кому-нибудь. Прекрасно, четко написанные. Письмо я не хотел даже и посылать Вам. Если найдете его неподходящим, то, пожалуйста, возвратите... *Возвратите* во всяком случае. Еще раз благодарю. И Дм[итрия] Вас[ильевича] (ему я даже написал благодарность) за сообщение.

Илья Репин.

Как обидно, что В. В. Стасов не дожил до торжества своих верований и вкусов в музыке в Европе!!! Ведь как кругом глумились в 70-х годах!!! Даже великий сатирик Щедрин изобразил «Мусорянина» в виде непроспавшегося забулдыги, за ширмой, где он сочиняет мелодию о потерянном извозчиком кнуте... Кучка, кучка, кучкисты, было так смешно... Ах да, ведь это, выходит, вы кучкисты?!!»

(Отдел рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.)

Упоминаемое И. Е. Репиным письмо М. П. Мусоргского к нему, датированное: «13 июля [1875], Петроград, у Владимира Стасова, по Моховой», опубликовано в «Русской музыкальной газете», 1911, № 50, стб. 1049—1052. В нем Мусоргский называет Репина коренником, а себя пристяжной. О своей работе Мусоргский пишет: «Я и чую, в которую сторону толкать надо, и везу, тяну свой гуж... народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального. И какое страшное (воистину) богатство народной речи для музыкального типа, пока не всю Русию исколовратили чугунки! Какая неистощимая (пока опять-таки) руда для хватки всего настоящего жизнь русского народа! Только ковырни — напляшешься, если истинный художник...»

[3] Переписка В. В. Стасова с П. И. Чайковским опубликована в журнале «Русская мысль», 1909, март, стр. 93—149. Вступительная статья и примечания Влад. Каренина (В. Д. Комаровой, дочери Д. В. Стасова).

Переписка В. В. Стасова с Н. А. Римским-Корсаковым опубликована в журнале «Русская мысль», 1910, июнь—сентябрь, стр. 161—193, 162—185, 113—152, 109—147. Вступительная статья и примечания Влад. Каренина. Во вступительной статье В. Д. Комарова горячо встает на защиту В. В. Стасова, односторонне охарактеризованного Н. А. Римским-Корсаковым в его «Летописи моей жизни» (СПБ, 1909).

[4] Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым, выпуск I, была издана в Петрограде в 1917 г. Предисловие и примечания Влад. Каренина.

В 1935 г. Музгизом опубликован I том переписки М. А. Балакирева с В. В. Стасовым, за 1858—1869 гг., под редакцией и с комментариями Влад. Каренина.

[5] Имеется в виду книга Яремич С., Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество. Москва, б. г. (из серии: Игорь Грабарь, Русские художники, выпуск 1).

[6] Врубель Михаил Александрович (1856—1910) — живописец и скульптор. Ученик П. П. Чистякова. В творчестве был связан с группой «Мир искусства».

Произведения Врубеля: «Морская царевна», «Снегурочка» (1898), «Пан» (1899), «Царевна-Лебедь» (1901), «Сирень» (1900), «Жемчужина» (1904), автопортрет (1895), портреты: жены (1898, 1904, 1905), С. И. Мамонтова (1900), В. Брюсова (1906); «Демон сидящий», «Демон падший» (1898), «Демон поверженный» (1902).

Врубель выполнил ряд больших работ по монументальной живописи: росписи во Владимирском соборе в Киеве (1887), панно «Микула Селянинович», «Принцесса Греза», цикл «Фауст» (1896), «Времена года» (1897). Скульптурные работы выполнял в майолике. Пользовался поддержкой С. И. Мамонтова.

За исключением небольшого числа вполне реалистических произведений (иллюстрации к «Анне Карениной» Л. Толстого, некоторые портреты), все творчество Врубеля является выражением острого кризиса и упадка буржуазной культуры эпохи империализма, крайнего индивидуализма, идеалистических взглядов, замены реализма модернистическим декоративизмом. Фантастические и символические образы произведений Врубеля, несущие в себе идеи душевного надлома, боли, тревожных ожида-

ний, воплощены в своеобразной мозаичнообразной, изысканно-вычурной форме.

В. Стасов резко отрицательно относился к субъективно-идеалистическому, антиреалистическому творчеству Врубеля.

437

[1] На панихиде В. В. Стасова в день его смерти — 10 октября.

438

[1] Финдейзен Николай Федорович (1868—1928) — музыкальный писатель и историк. Редактор-издатель «Русской музыкальной газеты». Автор книги «Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века». I—II. М.—Л., 1928—1929. Издал ряд трудов, посвященных новой русской школе музыки, Мусоргскому, В. В. Стасову и др.

К десятилетию со дня смерти В. В. Стасова Репин исполнил для «Русской музыкальной газеты» портрет В. В. Стасова с фотографии. По этому поводу Репин писал Н. Ф. Финдейзену:

«Как Вы меня обрадовали присылкой Вашей ст[атьи] о В. В. Стасове!! Не отрываясь, я прочел ее. Нашел интересный фот[ографический] портрет В. В. и сейчас же начал — сделано пером и чернилами; он и должен остаться в Вашей стасовской коллекции. На этой фот[ографии] Стасов изображен в виде герольда, с жезлом. И вот какими надписями удостоверен этот портр[ет] рукою В[ладимира] В[асильевича]:

«Делан портрет 20 августа 1895. Передан И. Е. Репину (с просьбой сохранить) 31 окт. 99».

Еще ниже приписка: «NB Портрет, всеми захаянный (всего 2 экземпляра)».

Как только будет готов рисунок, пришлю его Вам.

Совершенно очарованный свежестью, силой и весельем этого великана критики и жизни, в своих письмах и писаниях, я горячо жму Вашу руку и благодарю, благодарю!» (Отдел рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.)

Портрет В. В. Стасова (рисунок И. Е. Репина, пером) опубликован в «Русской музыкальной газете», 1916, 9 октября. № 41, стб. 722. Он помещен перед статьей «Памяти Стасова». На рисунке В. В. Стасов изображен в рост с жезлом в правой руке в русской белой рубахе и в русских сапогах. На рисунке надписи: «1916 г. Илья Репин. С фотогр[афии] 1895 г.», «Николаю Федоровичу Финдейзену. 1916. 11 мая».

[2] Письмо М. П. Мусоргского к И. Е. Репину опубликовано в «Русской музыкальной газете», 1911, № 50, стб. 1049—1052.

[3] Художник В. А. Серов умер 5 декабря 1911 г.

1912

439

[1] В день именин И. Е. Репина.

1913

440

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] В Третьяковской галлерее душевнобольной посетитель 16 января 1913 года разрезал в нескольких местах картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.». С участием Репина картина была успешно реставрирована.

441

[1] Художник И. С. Остроухов был в то время попечителем Третьяковской галлереи.

442

[1] Письмо написано в Петербурге.

[2] Об успешной реставрации картины И. Е. Репина «Иван Грозный».

[3] Всех других.

1924

443

[1] В 1924 году, в связи со 100-летием со дня рождения В. В. Стасова, в Москве и Петербурге друзья и родные покойного критика предполагали издать посвященные ему сборники воспоминаний. Инициаторы сборников просили И. Е. Репина прислать для публикации свои воспоминания, на что великий художник вскоре откликнулся.

Работу по подготовке московского сборника выполняла дочь В. В. Стасова — С. В. Фортунато. Сборники по разным причинам тогда не были изданы.

[2] Воспоминания И. Е. Репина о В. В. Стасове приводятся в конце переписки.

[3] Куинджисты — художественное Общество имени А. И. Куинджи, созданное в 1910 г. по инициативе художника К. Я. Крыжицкого и существовавшее на средства А. И. Куинджи, завещанные Обществу.

[4] Чуковский Корней Иванович (род. 1882) — литературовед, детский писатель и переводчик, знакомый И. Е. Репина.

[5] Статья И. Е. Репина «Стасов, Антокольский, Семирадский» была напечатана под заглавием «Воспоминания о Владимире Васильевиче Стасове. Моя первая встреча с ним» в сборнике «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову» (СПБ, [1908] стр. 1—15). Статья «О картине «Славянские композиторы». Воспоминания И. Е. Репина» опубликована в журнале «Нива», 1914, 4 января, № 4, стр. 9—10.

Обе статьи перепечатаны в книге: Репин И. Е., Далекое близкое. М.—Л., 1937, стр. 5—21 и стр. 247—259, и в книге: Репин И. Е., Далекое близкое. М.—Л., 1944, стр. 194—203 и стр. 204—210.

У внучки В. В. Стасова, С. В. Медведевой-Петросян, хранится полученный ею от матери С. В. Медведевой-Фортунато тот экземпляр статьи «Славянские композиторы», который И. Е. Репин прислал для московского сборника. Он является оттиском статьи, состоящим из восьми пронумерованных страниц (1—8). Перед статьей находится репродукция картины «Славянские композиторы». Под ней рукой И. Е. Репина чернилами написаны фамилии композиторов, изображенных на картине.

В тексте статьи имеются незначительные стилистические поправки, также рукой И. Е. Репина. Они не вошли ни в первое, ни во второе издание книги «Далекое близкое». Печатный текст оттиска также несколько отличается от текста этих изданий.

В конце статьи имеется приписка рукой И. Е. Репина о картине «Славянские композиторы»: «Лет десять назад эту картину купил художник-реставратор Крайтор, за 25 т[ысяч] р[ублей].

Вспоминаю, что за торопливостью доставки в Москву картина эта не была подписана мною — тогда это еще не требовалось. Не потребовала моей подписи и администрация Государственного совета под картиной «Госуд[арственный] совет» в 1901 г., когда я подписывал свое отречение от прав на издание этой картины, бывшей уже государственной собственностью. Третья портретная группа — знаменитых финляндцев — современников, кажется, мною подписана. Но сколько я вижу фальшивых подписей — подделок под мою подпись! И под какими плохими этю-

дами! А иногда даже и посредственными; а как владельцы этих подделок выражали мне свое удовольствие по случаю приобретения их!»

Приписка сделана по старой орфографии с применением буквы «и с точкой» и буквы «ять», но без «твердого знака».

С. В. Медведева-Петросян любезно предоставила этот автограф для публикации.

[6] Пожелание Репина печатать статью по старой орфографии.

[7] Печальные события в семье Стасовых — смерть Д. В. Стасова 28 апреля 1918 г. и П. С. Стасовой 31 декабря 1918 г. — родителей В. Д. Комаровой.

[8] Кузнецов Венедикт Павлович (род. 1871) — воспитанник Академии художеств, деятельный член Общества имени А. И. Куинджи.

[9] О своей работе над «Воспоминаниями» И. Е. Репин писал 5/18 сентября 1923 г. директору Русского музея П. И. Нерадовскому:

«...К столетию р[ождения] В. В. Стасова для «Сборника» я пишу статейку: воспоминания о нашем с ним путешествии в 1883 г. по всем музеям Европы. Тема чрезвычайно интересная, и В. В. выявляется со многих сторон. Ах, попалось бы только хорошее перо, да не облениться бы мне. Писать пером для меня просто непосильный труд — не люблю и избегаю елико возможно. Все откладываю и боюсь, что все черновички растеряются, пока я доберусь до этих желанных воспоминаний».

В конце января 1924 г. Репин опять пишет Нерадовскому:

«Очень прошу вас, если удосужитесь, черкните мне, как праздновали память Вл. Вас. Стасова.

По просьбе его родных и лиц, причастных к комитетам Московскому и Петроградскому, я послал статейки: в Москву для сборника в Москве и в Петроград для сборника в Петрограде.

В Петро[град] я написал новую ст[атью]: воспоминание о нашем с В. В. Стасовым путешествии по музеям Европы, в 1883 г. Адресовал И. Як. Гинцбургу, а на имя Чуковского, с просьбой к нему — читать на вечере мои записки. Ответ, только от Чук[овского], пришел на-днях: он уезжает в Москву и, видимо, ст[атья] до него не дошла. Получил от В. Д. Комаровой — плем[янницы] В. В. Стасова, она желала получить для петербургского сборника мою ст[атью]. Я ей отвечал согласием, но ответа не было. И я до сих пор ничего не знаю...

Теперь здесь Чуковский. После долгих убеждений с его стороны я отказался отдать ему находящийся у меня экз[емпляр] «Воспоминаний» (Архив Третьяковской галлереи).

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ К «ВОСПОМИНАНИЯМ О В. В. СТАСОВЕ»

[1] Статья И. Е. Репина «Воспоминания о В. В. Стасове» представляет собой несомненный интерес для изучения жизни и деятельности таких выдающихся представителей русского искусства, как Репин и Стасов. В ней содержится яркий материал для понимания настроений, мыслей, чувств передовых представителей русского искусства 70—80-х гг. XIX века. В «Воспоминаниях» правдиво нарисован портрет В. В. Стасова, показано его влияние на духовное развитие Репина. В портретной характеристике Репина Стасов справедливо показан «рыцарем» — великаном национальной художественной критики, выдающимся воспитателем передовых художников, неустанным бойцом за развитие русского реалистического искусства. Перед нами человек демократических убеждений, республиканских взглядов, человек исключительной эрудиции, стремящийся передать свои убеждения и знания художникам.

Враги Стасова всегда любили изображать его нигилистом, «разрушителем эстетики», отрицающим все великие произведения прошлых эпох. Эта точка зрения проникла отчасти даже в работы отдельных советских искусствоведов. «Воспоминания» Репина помогают рассеять это ложное мнение о Стасове. В них с большой убедительностью показано, что Стасов не только превосходно знал памятники мировой художественной культуры (притом знал так, как немногие из его современников), но и горячо любил лучшие образцы мирового искусства, произведения античности, работы Веласкеза, Рембрандта, Франса Гальса и многих других.

В «Воспоминаниях» Репин смог, не будучи ограничен царской цензурой, откровенно поведать о своих и Стасова симпатиях к движению и к памяти парижских коммунаров, к деятельности социалистов, о своем знакомстве с русскими революционерами-эмигрантами. Этим иллюстрируется одна из важнейших особенностей русского искусства 2-й половины XIX в., заключавшаяся в его жизненной связи — в лице лучших представителей — с освободительными идеями и революционным движением эпохи.

«Воспоминания» дают некоторые представления и о другой эпохе. Они говорят о той атмосфере, которой белогвардейцы и финские фашисты старались окружить Репина в последние годы жизни художника в «Пенатах», об атмосфере злобной клеветы на Советскую страну. Репину рассказывали дикие вымыслы о большевиках. Ясно, что под влиянием этой клеветы художник и высказывает в воспоминаниях предположение о возможности дикого уничтожения в Советской России одной из его картин — «Годовой поминальный митинг у стены коммунаров», находившейся в собрании И. С. Остроухова. Но когда Репин узнавал правду о родной стране, убеждался в беспочвенности подобных предположений, он искренно и горячо радовался, радовался за свою родину, за народ, к которому были направлены все его чувства и мысли до последнего часа жизни.

Сборник, для которого предназначалась статья Репина, не был издан, и «Воспоминания И. Е. Репина» остались неопубликованными. Они

хранятся в настоящее время в составе архива В. Д. Комаровой-Стасовой в Институте литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

В составе архивных материалов И. Е. Репина, находившихся ранее в «Пенатах», а ныне хранящихся в Академии художеств СССР, имеется несколько рукописных отрывков этих «Воспоминаний», представляющих собой, повидимому, черновики работы, хранящейся в Пушкинском доме. Значительное отличие в редакции соответствующих мест черновых набросков и основной статьи дает основание предполагать, что Репин долго и напряженно работал над своими «Воспоминаниями».

Тем не менее в них вкрались серьезные неточности. В воспоминаниях Репина, относящихся к периоду его совместного со Стасовым пребывания за границей в 1875 г. и совместному путешествию по городам Европы в 1883 г., эпизоды 1875 и 1883 гг. перепутались. Не будучи уверен в хронологической точности своих воспоминаний, 79-летний Репин просил В. Д. Комарову-Стасову в своем к ней письме от 10 января 1924 г. из Куоккала сделать необходимую «обработку» статьи и давал ей право на редактирование рукописи.

В. Д. Комарова-Стасова, обнаружив в воспоминаниях И. Е. Репина значительные неточности и смешение эпизодов 1875 и 1883 гг., сделала перестановки текста и редакционную правку статьи. В своем неопубликованном предисловии к «Воспоминаниям о В. В. Стасове» она писала: «В неизданных воспоминаниях Ильи Ефимовича, по существу чрезвычайно ярко, верно и точно рисующих настроения и факты, очень много чисто хронологических ошибок, в особенности постоянное смешение 1875 г. (когда Репин в качестве пенсионера Акад[емии] худ[ожеств] жил в Париже, а Стасов, командированный на географический конгресс, провел с ним вместе более двух месяцев) и 1883 г. (когда они вместе п р и е х а л и в Париж и провели 12 дней). Так, напр[имер], под 1883 г[одом] Репин в своем черновике говорил о беспокойстве Стасова за Мусоргского; это совершенно верное указание относится к лету 1875 г., когда Мусоргск[ий] был жив, а в 1883 г., весною, во время совместной поездки Репина и Стасова он уже д в а г о д а как был покойником. Точно так же Репин говорит, что будто бы в Амстердам они приехали из Парижа, а не обратно, тогда как по неизданным письмам можно вполне точно установить их маршрут и даты пребывания в разных городах: 1 и 2 мая Стасов и Репин были в Дрездене — писался известный дрезденский портрет Стасова; 3 мая — в Касселе, где осматривали знаменитую картинную галлерею; 4, 5, 6 и 7 мая — в Амстердаме, Гарлеме, Гааге и Антверпене. В Париж приехали 8[-го] и пробыли там до 20 мая; 22[-го] были уже в Мадриде, где пробыли до 30-го; затем Толедо, Кордове 31-го и 1 июня и Гренаде до 6 июня, затем через Хаэн, Барселону в Геную, Милан, Верону и в Венецию, где были 14 июня, и оттуда вернулись в Россию, заехав по дороге в Мюнхен.

Итак, исполняя указания Репина, — заканчивает Варвара Дмитриевна, — мне пришлось переставить некоторые абзацы».

Статья Репина «Воспоминания о В. В. Стасове» печатается с перестановкой абзацев, с исключением повторений и редакционными правками, намеченными В. Д. Комаровой-Стасовой, а также с некоторыми незначительными сокращениями. Своеобразный язык Репина сохранен.

Впервые «Воспоминания о В. В. Стасове» были опубликованы нами в журнале «Искусство», 1948, март — апрель, № 2, стр. 86—92.

[2] В этом месте В. Д. Комарова при редактировании статьи сделала сноску следующего содержания: «Это, конечно, невольная ошибка памяти Репина. В. В. Стасов заведовал в Публичной библиотеке художественным отделением, а в рукописном отделе (или как Репин его называет «отделе манускриптов») работал как всякий ученый для своих личных трудов или ради справок».

[3] Примененное здесь для характеристики Стасова слово «идеалист», в установившемся понимании, не точно выражает существо мысли Репина. Он имеет в виду «ид йность» Стасова, что непрерывно сочеталось у него с материалистическими убеждениями.

[4] Этот спор Репин описал в статье «Стасов, Антокольский, Семирадский» (Репин И. Е., Далекое близкое. М.—Л., 1944, стр. 194—203).

[5] Фигуры с парфенонского фронтона Репин и Стасов видели в Британском музее в Лондоне.

[6] В. Д. Комарова сделала сноску: «Из одного неизданного письма Стасова явствует, что едва это не случилось на самом деле, так как Репин отнесся к этой картине довольно холодно».

[7] В этом месте В. Д. Комарова делает подстрочное примечание, в котором приводит вариант репинского текста:

«Вижу, В. В. глубоко и сериозно думает — о чем?

— Что это, В. В., кажется, вами одолел роковой вопрос — «быть или не быть»? В его красивой фигуре и выразительном взгляде все выражалось пластично.

— Да,— с глубоким убеждением отвечает В. В. — Знаете, я приближаюсь к своей любимейшей — «Ночному дозору». Сейчас она мне живо представилась, еще в прежнем музее, до реставрации... Собко имел последние, самые подробные сообщения от реставраторов из Амстердама; нашли, что эта ночная картина была будто бы сначала написана солнечной... Воображаю, что это было!.. И Рембрандт всю ее переписал в ночную...

А вдруг она вам не понравится. Ведь это, не можете представить, для меня было бы каким огорчением... Ведь мы, пожалуй, разошлись бы...

— Что вы это, В. В., — удивляюсь я, — ведь я же очень хорошо знаю эту вещь и по копиям и по гравюрам... Знаете, это, кажется, гравюры, налепленные в книгу, в парижской библиотеке, все еще вас так угнетают...

— Да, — возмущается В. В., — не угодно ли, какими волдырями поприлипали к верхней стороне и даже отпечатались на ней такие chefs d'oeuvre'ы и как пиеса сто флоринов*, напр[имер]. А ведь отпечаток не хуже того, что у Ровинского; да и многое другое. Кто поверит, что мы встретили такое варварство в Париже».

[8] В. В. Стасов содействовал И. Е. Репину в ознакомлении с коллекцией Д. А. Ровинского, своего товарища по Училищу правоведения.

2 мая 1879 г. он сообщал о предстоящем вместе с И. Е. Репиным посещении Д. А. Ровинского брату Д. В. Стасову: «Сегодня в 9-м часу вечера будем с Репиным у Ровинского, чтобы смотреть гравюры Рембрандта».

[9] Здесь В. Д. Комарова сделала сноску: «Не на Итальянском бульваре, а на бульваре Монмартр, в Hôtel Doré».

[10] До востребования.

[11] В этом месте В. Д. Комарова сделала примечание: «Репин впервые читал письма Реньо в 1873 г. по дороге из Рима в Париж».

[12] В отрывке чернового наброска статьи, хранящемся в Академии художеств СССР, Репин, характеризуя политические убеждения Стасова, говорит: «В. В. был истинным республиканцем в душе; он желал ее осуществления, как и все мы желали тогда...»

[13] В подстрочном примечании В. Д. Комарова говорит: «Это было не 15 июля, а 15 мая 1883 г.».

[14] На кладбище Пер-Лашез в Париже.

[15] В черновом наброске к этой статье, хранящемся в Академии художеств СССР, данное место изложено Репиным в ином варианте: «Еще был спор в Испании. В Барселону мы приехали ночью; проезжая буль-

---

* То-есть «Лист в сто флоринов». — *Ред.*

варом к отелю, мы подумали: хорошо бы теперь, сейчас же пройтись здесь; смотрите, какие испанки в черных кружевных мантилиях гуляют и все какого высокого, высокого роста. Случайность это или нет? Как заключить с одного раза. И поместившись в отеле, мы выбежали наскоро, чтобы упиться теплотой испанской ночи и разгуляться от долговременной сидячки, далеко не комфортабельны были вагоны 2-го кл[асса].

— Знаете, я думаю сейчас о Верещагине, — заговорил В. В., — и у меня вырос упрек ему: ведь он не дал ни одного портрета.

Я. «Неужели, В. В., Вы думаете, что портрет обязателен для каждого художника?» — возражаю я, весьма удивленный этой темой. Он. «Да, я убежден, что портрет самое важное для художника... тут и жизнь, и время, и тип — все подавай». Я. «Хорошо. Как же это, значит пейзажистов Вы совсем исключаете из числа худ[ожников]?» Он. «Да я ведь над природой никогда не останавливаюсь. И мне все красоты природы, хоть бы их и не было».

Я со всей горячностью протестовал... Мы так увлеклись в горячий едкий спор до обид с обеих сторон, что все прибавляли шагу и проходили по бульвару часа два и только тогда спохватились, что мы даже не видели великолепных испанок, настоящего испан[ского] шику, кот[орые] выходят только ночью, когда спадает жара... Только в 11-м часу верн[улись] в отель».

К этому тексту воспоминаний Репина необходимо добавить, что Стасов не раз заявлял близким друзьям о своем полном равнодушии к красоте в природе. Однако из неопубликованной переписки Стасова и по свидетельству его родных видно, что в действительности это утверждение было далеко не правильным. Точно так же недооценка пейзажной живописи, которую высказал в пылу полемики с Репиным Стасов, в действительности не соответствовала его убеждениям, чему свидетельствует вся литературно-критическая деятельность Владимира Васильевича.

[16] Гостиница «Дель Соль».

[17] К этому месту В. Д. Комарова делает следующее примечание: «В письме своем из Гренады В. В. подробно рассказывал этот эпизод, списывает, как Репин писал свой этюд в комнате самой кубанки, которую звали Сарой, как сам В. В. все время разговаривал с ее мужем и старался ее смешить... как кругом нее возилось ее трое маленьких детей и т. д. А портрет маслом писался уже, очевидно, потом».

[18] «Нет, нет и нет, мадам!»

[19] В. Д. Комарова делает примечание: «В заключение позволю себе привести здесь из письма Стасова к Надежде Вас. Стас[овой] из Гренады от 5 июня [1883 г.] строки, в которых зафиксирован ценный для биогр[афии] Репина перечень его работ:

1. В Дрездене — мой портрет.
2. В Париже — Народный республиканский праздник.
3. В Мадриде — «Сара».
4. В Севилье — вид нашей Змеиной улицы (Sierpe). Сверху с балкона.
5. В Гренаде — мальчик.
6. В. Мадриде — 2 копии с Веласкеза, одна с Тициана.
7. Карандашом — мой портрет в вагоне еще в Германии.

Сара — кубанка, в Мадриде — 3 женщины в характерных костюмах и т. д.».

[illegible]

К этому тексту воспоминаний Рейнина необходимо добавить, что Ста- [illegible] с своим полным равнодушием к [illegible] Стасова [illegible] с Рейниным [illegible]

[illegible]

[illegible] дома, [illegible] на него [illegible] Потома.

[illegible] вплоть [illegible] Стасова и [illegible] которых [illegible]

[illegible]

[illegible] (Sierra). [illegible]

[illegible]

[illegible]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

К I, II, III ТОМАМ

В указателе жирная римская цифра означает том; обыкновенным своим шрифтом указаны страницы упоминаний в письмах и предисловиях; курсивом — в пояснительном тексте; полужирным шрифтом указывается страница пояснительного текста для данного имени.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. Е. РЕПИНА, УПОМИНАЕМЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ

ЖИВОПИСЬ

ПОРТРЕТЫ

СКУЛЬПТУРА

Бюсты

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, СБОРНИКИ И. Е. РЕПИНА, УПОМИНАЕМЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ.

СОЧИНЕНИЯ, СТАТЬИ И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. В. СТАСОВА, УПОМИНАЕМЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ III ТОМА

ПИСЬМА:

1895 год

1897 год

1899 год

1900 год

1901 год

1906 год

Переписка И. Е. Репина с Д. В., П. С. Стасовыми и В. Д. Комаровой-Стасовой после смерти В. В. Стасова

ОПЕЧАТКИ К III ТОМУ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	14 снизу	№ 44	№ 144
94	14 сверху	Мар(ии)	Мар(ианны)
190	17 снизу	и подтверждает	и лишний раз подтверждает
197	4 „	В 1901 г.	В 1910 г.
198	15 сверху	уклада и	уклада. Он
199	18 „	очень талантливо по выставленным	очень талантливо, по выставленным
246	9 „	наш	ваш
270	17 „	Автор реалистических портретов (Чехов и др.)	Автор ряда портретов
292	22 сверху слева	106	100
297	23 сверху слева	74	77
302	12 снизу слева	288	228
308	26 снизу слева	153	155
317	10 сверху справа	(С. А. Репина, 1878)	(1887)
318	13 снизу справа	90	99

ДОПОЛНИТЕЛЬНО ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ К II ТОМУ

303	2 снизу	парадный	народный
344	18 „	(1887)	(1886)
359	25 „	с художника К. К. Первухина	с большой экспрессией
375	3 „	на выставках	на выставках кроме персональной,
394	1 сверху	22 января	Среда, 22 января
394	23 „	1891 г.	1890 г.

Зак. 1102

Технический редактор
А. Сидорова

А12538. „Искусство“ № 13095.
Подписано в печать 22/XI 1949 г,
Кол. п. л. $21^{1}/_{8}$. Уч. изд. л. 18,58.
Тираж 5000. Заказ 1102.
Цена 17 р. 50 к.
Переплет 2 р. 50 к.

20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52